

• •

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2187>]

[. . 1976: :]

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

АКАДЕМИЯ НАУК СССР. ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Издательство «Наука»

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ю. Б. ЦИРКИН

ФИНИКИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ИСПАНИИ

Главная редакция восточной литературы
Москва 1976

9(М)03
Ц69

Редакционная коллегия:

А. Н. Болдырев, И. С. Брагинский, В. Г. Гафуров, А. Е. Глушкина, О. К. Дрейер, И. М. Дьяконов, А. П. Кононов, А. Д. Литман, В. Г. Луконин, Ю. А. Петросян (председатель), Б. Б. Пиотровский, В. М. Солнцева, О. Л. Фимман (отв. секретарь), Е. П. Чельшев

Ответственный редактор

И. Ш. Шифман

Книга представляет собой исследование, посвященное истории и культуре финикийских колоний на Пиренейском полуострове (конец II тысячелетия до н. э. — I в. н. э.) и связям финикийской культуры с культурой Восточного Средиземноморья. На фоне политической истории финикийских центров в Испании рассматривается художественное ремесло и искусство, быт и религиозные представления финикийцев, а также взаимовлияние их и аборигенного населения Испании.

Ц $\frac{60103-200}{013(02)-76}$ 245-76

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

Взаимоотношения Востока и Запада, в том числе и в области культуры, всегда привлекали и привлекают внимание историков, археологов, филологов, историков искусства. Трудно назвать другую европейскую страну, столь тесно связанную с Востоком, как расположенная на крайнем западе континента Испания. Именно об Испании известный советский востоковед И. Ю. Крачковский говорил: «Здесь прошлое дает нам яркий пример шаткости границ между Востоком и Западом, когда речь идет о развитии мировой культуры» [21 а, стр. 470]. Дважды в течение последних трех тысяч лет на Пиренейском полуострове развивалась типично восточная культура, хотя и приобретающая здесь некоторые своеобразные черты. Сначала это происходило в древности, когда на юге и юго-востоке Испании жили финикийцы, а потом — в средние века, когда полуостров стал ареной развития блестящей арабской цивилизации. Первый случай и привлекает наше внимание.

В финикийских колониях Испании существовала культура, которая представляла собой ответвление восточнофиникийской. Она оказала большое влияние на развитие культуры европейской, особенно древнеиспанской. Без финикийского вклада невозможно понять ни искусство, ни письменность древней Испании. Культы испанских финикийцев вошли составной частью в религию античного мира. Будучи частью общефиникийской культуры, культура испанских финикийцев была тесно связана с цивилизацией метрополии. В свою очередь, связи с Западом обогатили Восток как материально, так и духовно. Таким образом, эта тема интересна для изучения и своеобразной ветви общефиникийской культуры, и культурных связей Востока и Запада.

Описания античных авторов, археологические и эпиграфические находки дают возможность представить различные отрасли финикийской культуры в Испании: искусство, письменность, религию, повседневную и хозяйственную жизнь, мореплавание. Особо важны открытия, сделанные археологами на юге Пиренейского полуострова с конца 50-х годов. Эти открытия вновь привлекли внимание исследователей и к проблемам испано-финикийской цивилизации, и к вопросам, связанным с еще во многом таинственным государством на юге Испании — Тартессом, существовавшим в первой половине I тысячелетия до н. э. Так, в 1968 г. V симпозиум по предыстории и протоистории

Пиренейского полуострова был посвящен Тартессу [347]. В том же году вышла работа Х. М. Бласкеса «Тартесс», также посвященная этому государству и частично — финикийской колонизации [84]. Годом раньше опубликован сборник статей «Корни Испании», где среди других исследований были и затрагивающие нашу тему [306]. Надо отметить очень интересный «Справочник пунической археологии» П. Сента, первый том которого появился в 1970 г. [115]. Результаты предыдущих научных изысканий были во многом обобщены в соответствующем томе «Истории Испании» А. Монтенегро Дуке, вышедшем в 1972 г. [261].

Однако надо сказать, что после исследования А. Гарсия и Бельидо, опубликованного в 1942 г. [173], еще не было работы, которая ставила бы целью рассмотреть всю историю и культуру испанских финикийцев — от установления первых контактов между Финикией и Испанией до их исчезновения под воздействием романизации. Последующие открытия позволяют уточнить, развить, а в ряде случаев изменить и опровергнуть выводы испанского ученого.

В советской историографии проблема финикийской колонизации в Испании и истории финикийских колоний разрабатывалась в трудах Д. Д. Петерса [24], А. В. Мишулина [23], И. Ш. Шифмана [33]. Однако эти вопросы рассматривались в чисто историческом, а не историко-культурном аспекте; к тому же все эти исследования были созданы еще до последних археологических открытий. Позже эти проблемы привлекли внимание В. И. Козловской, кандидатская диссертация которой посвящена Тартессу [19]. Она использовала большой материал, добытый испанскими и немецкими археологами в 60-е годы. Но финикийская колонизация ее интересует только в связи с Тартессом. Проблемы испано-финикийской культуры второй половины I тысячелетия до н. э. и тем более романизации финикийских городов Испании автора не занимают.

Мы пытаемся в своей работе рассмотреть и историю, и главным образом историю культуры испанских финикийцев за все время ее существования. Хронологически это период от XII в. до н. э. до I в. н. э.

Надо учесть, что финикийская колонизация в Испании исходила как непосредственно из Финикии, так и из тирской колонии в Африке — Карфагена. Соответственно и в испано-финикийской культуре надо выделять собственно испано-финикийскую и испано-карфагенскую (или испано-пуническую) струи.

История финикийских городов в Испании и их культуры распадается на две эпохи: время, когда эти города были либо самостоятельными, либо зависели от метрополии или от единокровного Карфагена, и время, когда эти города входили в со-

став Римской державы. Уже такое разделение диктует структуру предлагаемой работы. В первой главе будет рассмотрена история испанских финикийцев до их подчинения Риму. Следующие четыре главы посвящены отдельным сторонам испано-финикийской культуры: повседневной жизни, религии, искусству, письменности. В шестой главе рассматриваются вопросы финикийской цивилизации в римской Испании, включая и историю ее исчезновения. Наконец, в последней главе речь пойдет о биографиях некоторых уроженцев финикийского Гадеса, сыгравших значительную роль в культурной жизни Рима. Во всех главах (кроме последней) мы попытаемся также проследить, насколько это возможно, влияние финикийцев на местное население Пиренейского полуострова.

Конечно, автор далек от мысли, что ему удалось разрешить все вопросы, связанные с поднятыми им проблемами. Во многом это объясняется характером источников. Исторические и литературные памятники, созданные самими испанскими финикийцами, не сохранились. Поэтому наши нарративные источники — греко-римские, а их испанские финикийцы интересовали лишь тогда, когда они входили в соприкосновение с Элладой и Римом. Финикийские надписи, найденные в Испании, интересны для истории финикийского письма, но дают мало материала для политической и экономической истории, для исследования других областей культуры. Археологические памятники чрезвычайно важны, и их количество постоянно увеличивается, но сами они по своему характеру многозначны.

В заключение надо сказать, что археологические изыскания в Испании идут полным ходом и мы не исключаем возможности, что новые открытия могут изменить наше освещение той или иной проблемы.

Финикия издавна славилась своими купцами и мореходами. Уже во II тысячелетии до н. э. финикийский флот был весьма развит. Финикийцы проникали в Эгейду [34, стр. 13—14; 43, стр. 336—337; 312, стр. 126—138], их «прочные корабли», как назывались, по-видимому, корабли Угарита [312, стр. 132), посещали, вероятно, и более западные районы, судя по случайной находке в море у берегов Сицилии бронзовой фигурки, схожей по стилю с находимыми в Угарите [345, стр. 269].

Переселения народов, в том числе дорийцев и «народов моря», приведшие к гибели ахейской Греции и Хеттской державы и ослаблению Египта, временный упадок Ассирии — все это способствовало расцвету мелких государств Сирии, Палестины и Финикии [45, стр. 35]. Правда, в это время погиб Угарит, а в южной части Финикии филистимляне из Аскалона разрушили Сидон (Iust. XVIII, 3, 5), позже восстановленный. Иногда предполагают, что и Тир был разрушен в результате набегов филистимлян, ибо Трог-Юстин говорит об основании этого города сидонянами, бежавшими от аскалонского нападения (там же): поскольку Тир, несомненно, существовал во II, а может быть, и в III тысячелетиях до н. э., то речь могла идти не об основании, а о восстановлении города после нападения «народов моря» [45, стр. 32, 36, 39, 141, стлб. 360; 142, стлб. 1883].

Рассказ Трога в конечном итоге явно восходит к сидонской традиции, как об этом свидетельствует упоминание о Сидоне как о древнейшем городе Финикии (Iust. XVIII, 3, 4). Эта же традиция отразилась в легенде одной из сидонских монет, где город назван «матерью Карфагена, Гиппона, Кития и Тира» [216, стлб. 2217]. Тирское происхождение Карфагена слишком хорошо засвидетельствовано древними авторами, чтобы специально останавливаться на этом. Существование Тира во времена, предшествующие событиям, рассказанным Трогом, также не вызывает сомнений. Итак, перед нами лишь попытка соперничающего города обосновать свои претензии на первенство [33, стр. 8; 222, стр. 16—17]¹. Если переселение части сидо-

8 ¹ Аналогичные предания существовали и в Тире (Strabo XVI, 2, 22), и, возможно, в Библие (Филон Библиский у Eus. praer. ev. I, 10, 19).

пья в Тир и имело место после нападения филистимлян, то это могло привести лишь к усилению Тира, но никак не к включению города в Сидонскую державу, как это считает В. Ф. Олбрайт [45, стр. 36]. Деятельность филистимлян и чекеров, обосновавшихся в Палестине, также не могла существенно препятствовать активности тирийцев.

Филистимляне, вероятно, поставили своей целью захватить Палестину, в частности торговые пути вдоль Иордана, но нет никаких данных об их морской активности [357, стр. 491]. Пиратство чекеров едва ли могло прервать морские пути, используемые тирскими кораблями. Правда, рассказ египетского посла Ун-Амуна как будто позволяет думать о могуществе чекеров на море, ибо библский правитель не принял против них никаких мер, когда они препятствовали отплытию посланца фараона [21, 2, 62—74]. Однако, по нашему мнению, прав И. Ш. Шифман, считающий что этот отказ говорит скорее о нежелании, чем о невозможности принять меры [33, стр. 20]. Пиратство было свойственно древнему миру: о пиратах говорит Гомер, с ними боролись Помпей и Цезарь. Занимались этим промыслом и сами финикийцы (Thuc. I, 8). Пираты, разумеется, мешали, но никогда не были неодолимым препятствием для морской торговли и колонизации.

Временное усиление Ассирии, связанное с деятельностью Тиглат-Паласара I в конце XII в. до н. э., привело к ассирийскому походу на запад. Победная надпись ассирийского владыки говорит о подати, полученной от Библа, Сидона и Арвада, но умалчивает о Тире. И это не случайно [142, стлб. 1884]: Тир, вероятно, избежал участи своих северных соседей. Надо также сказать, что в XII в. до н. э. уменьшилась зависимость островного Тира от материка в поставке пресной воды, так как на самом острове появился источник питьевой воды [45, стр. 34].

Таким образом, нет никаких препятствий для того, чтобы отнести возвышение Тира к XII веку до н. э., веку, когда, по сведениям античных авторов, началась финикийская колонизация в Испании, а метрополией испанских финикийцев был именно Тир. Тирские моряки, купцы и колонисты проникли далеко на запад, до самого выхода из Средиземного моря в Атлантический океан, т. е. до современного Гибралтарского пролива, и очень скоро выбрались также и в океан, создавая свои поселения как на испанском, так и на африканском берегу.

Южная Испания у более древних античных авторов именуется Тартессидой. Здесь существовала Тартессийская держава и находился город Тартесс. В Библии мы не раз встречаемся со страной Таршиш и с таршишскими кораблями. Еще в XIX в.

В. Гезениус установил тождество греческого Тартесса и библейского Таршиша [196, стр. 1315]. Однако эта точка зрения в современной науке часто отвергается, и поэтому на этой проблеме надо остановиться.

Прежде всего надо отметить несостоятельность предположения о том, что Таршиш находился вблизи Финикии, в частности, его идентификации с киликийским Тарсом². Этот город семиты (в том числе финикийцы и аккадцы) именовали *tzg*, а в аккадских надписях он называется *Tarzi* [33, стр. 17]. Обратим внимание на библейский рассказ о злоключениях Ионы: бог Яхве призвал его пророчествовать в Ниневии о гибели этого города, а испуганный Иона бежал в Яффу и сел на корабль отправлявшийся в Таршиш (Ион. I, 3). Время действия этого рассказа могло быть отнесено к VIII в. до н. э., когда жил пророк с этим именем, но написана эта книга должна быть после VI в. до н. э. [125, стр. 968; 144, стр. 444–445]. В этой книге Библии Яхве выступает не как племенное или национальное божество, а как бог всех людей и зверей [324, стр. 131]. Следовательно, бежать можно было не к соседям, а только на край света, каким могла представляться палестинскому автору Испания, но никак не Киликия. Интересна надпись ассирийского царя Ассархаддона, утверждающего, что «цари середины моря от *Ia-da-na-na*, страны *Ia-man* до страны *Tar-si-si* преклонились» к его ногам [128, стр. 36, 46]. Нельзя не согласиться с комментирующим этот текст Э. Дормом, что речь здесь идет о двух противоположных сторонах Средиземного моря: Кипре и Южной Испании [там же]. Тождество *Tar-si-si* и *Taršiš* несомненно.

Необходимо иметь в виду, что гибель Тартесса в начале V в. до н. э. (о чем пойдет речь ниже) и исчезновение его, таким образом, из политической географии древнего мира второй половины I тысячелетия до н. э. привели к непониманию этого названия некоторыми более поздними восточными авторами и переводчиками Библии. Отсюда и указание библейской II Книги хроник (II Par. 20, 36–37) о постройке царем Иосафатом на Красном море кораблей для плавания в Таршиш. Отсюда же и неоднократные попытки заменить ставшее уже незнакомым слово Таршиш более привычным Карфаген или Африка или даже просто «море», как несколько раз появляется в Септуагинте, Таргуме или латинском переводе, или же Тарс [196, стр. 1315].

В то время как термин Таршиш перестал быть понятным на Востоке, он продолжал употребляться западными финикийцами.

² Такое отождествление встречается в древности у Иосифа Флавия (Ant. IX, 10, 2), а ныне у П. Бош-Химпера [92, стр. 167].

Так, слово *Ταρσίτων* использовано в греческом переводе II римско-карфагенского договора (Pol. III, 24, 2, 4), причем в этом тексте видна неразрывная связь этого названия с испанским городом Мастия. Рассказывая о мерах, принятых Ганнибалом перед походом в Италию, Полибий (III, 33, 9) называет среди испанцев, переведенных в Африку, *Θερσίται*.

Иногда высказывается мнение, что «Таршиш» не собственное имя, а нарицательное обозначение. Так, В. Ф. Олбрайт видит в этом слове форму «тактиль» глагола *gāšaš* («ломать») и переводит как «рудник» или «плавильня», полагая, что так обозначалась всякая территория с обильными залежами руд [42, стр. 21—22; ср. 319, стр. 33—34]. Позже американский семитолог стал все более склоняться к тому, что финикийцы подразумевали под Таршишем Сардинию [43, стр. 361, прим. 103]. Предполагают также, что такое название вообще прилагается к отдаленной западной стране без точной локализации, но обладающей значительными богатствами, подобно Эльдorado у испанцев XVI в. [115, стр. 276; 157, стр. 419; 200, стр. 311, 316—317, 320—321]. Однако эти точки зрения нам представляются слишком искусственными.

Самое раннее упоминание о Таршише содержится, возможно, в финикийской надписи (CIS I, 144), найденной на месте древней Норы в Сардинии и датируемой IX в. до н. э. [281, стр. 147; 126, стр. 326]. Первую строку этой надписи *btršš* многие исследователи (но не все) интерпретируют как «в Таршиш» или «из Таршиша» [33, стр. 53; 284, стр. 459]. У Павсания (X, 17, 5) сохранилась традиция, приписывающая основание Норы иберам, которыми руководил Норак, сын Эриффи, дочери Гериона, и Гермеса. Герион же у греков обычно связывается с Тартессом; это делает уже Стесихор (Strabo III, 2, 1). Стесихор и остров Эриффию связывает с Тартессом [322, стр. 41]. Эта же легенда рассказана Солином (IV, 1), который прямо говорит, что Норак прибыл в Сардинию «из самого Тартесса в Испании». Таким образом, приняв, что в первой строке сардинской надписи упоминается Таршиш, связь этой территории с Южной Испанией становится несомненной, а идентификация этого места с Сардинией невозможной [284, стр. 460]. Учитывая изложенное выше, надо признать, что отождествление Таршиша и Тартесса нам кажется доказанным.

В Южной Испании во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первые века нашей эры жили племена турдетанов и турдулов (Strabo III, 1, 6; Ptol. II, 4, 4; 9, 10), населявшие именно те районы, которые ранее составляли ядро Тартессийской державы и были населены тартессиями, т. е. долину Бетиса, в устье которого, по словам Страбона (III, 2, 11) и Павсания (VI, 19, 4), и был расположен город Тартесс. Сама река тоже

некогда называлась Тартессом (Strabo III, 2, 11; Av. or. mar. 225). Турдетанов (и, по-видимому, турдулов) можно считать потомками тартессиев. У Артемидора (Steph. Byz. v. Τουρδῆταια) сохранился вариант названия племени, еще более близкий к прежнему наименованию: туртитаны. И во времена Катона где-то в этой области находился город Турта (FHA III, стр. 189). Такое обилие топонимов с корнем *turt*, *tart* (*tars*) позволяет полагать, что в основе и финикийского, и греко-римского названия этого района лежало именно местное обозначение и что слово Таршиш является финикийским вариантом названия Южной Испании.

На юге Испании в период финикийской колонизации существовала Тартессийская держава. Время ее возникновения точно неизвестно. Тартессу предшествовала аргарская культура, расцвет которой относится к 1700—1200 гг. до н. э. [94, стр. 49; 293, стр. 178]. Тартесс не мог быть прямым наследником Эль-Аргара: главный очаг аргарской культуры был расположен на юго-востоке Испании, где находилось поселение, давшее название культуре, в то время как центр тартессийской цивилизации находился на юго-западе, в нижнем течении реки Бетис. В это время эта область находилась под сильным влиянием аргарской культуры, но сеть аргарских поселений была здесь негустой, существуя в основном в районах рудников и мало затрагивая местное андалусское население [94, стр. 51]. По-видимому, тартессийский этнос сложился к концу бронзового века в результате смешения андалусцев и иберов, наследников племен — носителей аргарской культуры [293, стр. 179—180].

Тартессийская держава занимала обширную территорию между реками Анасом (Av. or. mar. 223) и Теодором (Av. or. mar. 462). Возможно, что в ее состав входил и район между устьем Анаса и океанским побережьем, судя по находкам там тартессийских надписей на камне [322, стр. 148]. Сами тартессии занимали сравнительно небольшую часть этого пространства, а остальную территорию населяли другие племена (F. Gr. Hist. I, Herodor., fr. 2A; Av. or. mar. 223, 225, 422, 450 и т. д.). На землях этих племен имелись пункты, принадлежавшие самим тартессиям. Так, город Майнобора-Майнака, по Гекатею (F. Gr. Hist. I, Нес., fr. 42), находился на земле мастиевов, а остров напротив этого города был под властью тартессиев (Av. or. mar. 428). На значительной части юго-восточного побережья, где жили мастиены, господствовали тартессии (Av. or. mar. 199). Вероятно, тартессиям принадлежали и пограничные земли у реки Теодор вместе с городом Герна (Av. or. mar. 462—463). Все это позволяет сделать весьма вероятный вывод о том, что Тартессийская держава представляла собой

федерацию племен, находящуюся под властью господствующего племени — тартессиев. На территориях подвластных племен имелись опорные пункты (колонии?) самих тартессиев.

О социальных отношениях в Тартессиде сохранились немногочисленные, но весьма красноречивые свидетельства. Диодор (V, 36, 3) говорит, что богатые рудники Южной Испании до прихода римлян разрабатывали первые случайные частные лица (*οἱ τυχεύοντες τῶν ἰδιωτῶν*)³. Этими частными лицами могли быть только турдетаны, о которых упоминает Страбон (III, 2, 9) в рассказе о минеральных богатствах этого района. А турдетаны — потомки тартессиев. Вероятно, в Тартессиде рудники, по крайней мере часть их, находились в частных руках (неясно, в собственности или пользовании). Этому соответствует и частная, домашняя металлургия, существование которой доказано раскопками на Серро-Саломон [79, стр. 13]. В результате раскопок на холме Эль-Макалон обнаружены большие кувшины с клеймами и граффити [172, стр. 136—139], свидетельствующие о наличии частной собственности (клейма, по-видимому, выполнены гончарами, а граффити выцарапаны потребителями). Одно из этих клейм изображает всадника, держащего под уздцы коня. Формы трактовки коня, по словам археолога, подобны формам на пластинах из слоновой кости из Кармоны, которые, как увидим далее, должны относиться к VII в. до н. э. В том же слое обнаружены амфоры, подобные тем, какие в Эмпорионе датируются последней четвертью VI в. до н. э. [172, стр. 139]. Следовательно, комплекс находок на Эль-Макалон принадлежит периоду существования независимой Тартессийской державы.

О дифференциации в тартессийском обществе можно судить по раскопкам в районе Кармоны. Одновременные, расположенные вблизи друг от друга могилы свидетельствуют о разнице в общественном и имущественном положении погребенных. Таковы, например, захоронения на возвышенности Бенкаррон: высокий холм, скрывающий подземный склеп глубиной 0,95 м с обмазанными и оштукатуренными стенами, а рядом — невысокие холмики, под которыми самым примитивным образом была совершена кремация в ямах [88, стр. 238—245]. Несколько дальше, в Пуэрто-Худьо, могилы людей, находившихся на еще более низкой общественной ступени, работавших в каменном карьере [88, стр. 246]. Такие же контрасты отмечены и в

³ Это указание встречается в отрывке, описывающем рудные богатства Турдетании (Diod. V, 36, 1—3), который повторяется Страбоном (III, 2, 9) со ссылкой на Посейдония. Поэтому автором интересного указания на разработку рудников частными лицами также можно считать Посейдония, который сам побывал в этих местах.

других местах этого района [88, стр. 149—152, 256—258, 285—290]. Все эти погребения датируются VII в. до н. э. [75, стр. 23—24].

На территории Тартессиды были найдены клады, ясно говорящие о богатстве местной знати. Таков клад, обнаруженный на холме Эль-Карамболо, датируемый VI в. до н. э. Он включает 21 золотую вещь общим весом 2950 г, в том числе две пекторали, два браслета и 16 прямоугольных пластин [238, стр. 38—49]. К еще более раннему времени относятся 47 золотых изделий, в том числе браслет, серьги, кольца и др., найденные в Эворе около устья древнего Бетиса [71, стр. 50—57]. В обоих кладах встретились роскошные золотые кольца. Богатство их владельцев особенно очевидно при сравнении этих колец с бусами, обнаруженными в одной из могил близ Кармоны, — они состоят из трех раковин, маленького черного камня, куска кабаньего клыка, медной спирали и цилиндрической бусины [88, стр. 240].

Археологические данные дополняются интересным преданием, сохранившимся Юстином (XLIV, 4, 1—14). В нем рассказывается о тартессийских царях Гаргорисе и Габисе. Установлено местное, турдетанское происхождение этого предания [322, стр. 130—131].

В рассказе о деятельности Габиса мы читаем: «Он запретил народу рабские службы и плебс разделил по семи городам» (Iust. XLIV, 4, 13). Термин *plebs* в латинском языке многозначен [215, стлб. 74—75]. Поэтому его значение в данном случае надо определить.

Слово *plebs* встречается в тексте Юстина еще 10 раз: II, 7, 4 — законодательство Солона; V, 35, 6 — тирания четырехсот в Афинах; XVI, 4, 1—20 — установление тирании Клеарха в Гераклее Понтийской — здесь это слово употреблено шесть раз; XXI, 4, 3 — попытка захвата власти в Карфагене Ганноном; XXII, 2, 2 — переворот Агафокла в Сиракузах. Во всех этих случаях *plebs* противопоставляется *senatus*. Там, где имеются параллельные источники, соответствующими греческими терминами являются *πενήται*, (Plut. Solo XIV, 1), *δήμος* (Solo 5 (14), 1), *ἔχλος* (Thuc. VIII, 99, 11). Из «гераклейского пассажа» видно, что *plebs* беден, так как он требует отмены долгов и передела земли богачей, но в то же время является частью гражданского коллектива, поскольку его вражда с сенатом — «гражданские раздоры» (*civiles discordiae*), а сам он участвует в собрании, обладающем полномочиями облекать полководца всей полнотой власти. Некоторым диссонансом звучит рассказ о событиях в Сиракузах, ибо в нем мы находим упоминание о наличии среди плебса «богатейших и известнейших», но здесь *plebs* противопоставлен *senatus*, под которым во

всех случаях подразумевается аристократия. Надо заметить, что везде речь идет об олигархических государствах: Афины до Солона и тирании четырехсот, Гераклея до Клеарха, Сиракузы до Агафокла, Карфаген. По-видимому, то же значение, что и в предыдущих случаях, имеет слово *plebs* и в «тартеcсийском пассаже».

Что касается слова *populus*, то, встречаясь гораздо чаще, оно имеет больше значений. Этот термин может означать весь народ, являясь синонимом *gens*, *patio* (например, I, 2, 3); государство (III, 2, 4), господствующий народ, например персы в державе Ахеменидов (X, 3, 5), и народ, противопоставленный знати, т. е. становится синонимом *plebs* (III, 2, 9; III, 3, 1; XVI, 4, 1—20). В «тартеcсийском пассаже» Юстин употребляет это слово кроме интересующего нас сейчас случая еще раз (XLIV, 4, 11): Габис дал законы народу варваров. Следовательно, здесь речь идет о всем населении Тартесса. Едва ли употребление одного и того же слова в одном и том же отрывке отличается друг от друга. К тому же соединение обоих терминов в одной фразе говорит о том, что они несут различную смысловую нагрузку. Скорее всего *plebs* — часть *populus*, а *populus* включает и плебс, и аристократию. Уточнить содержание этих понятий пока невозможно, но само по себе наличие в тартеcсийском обществе «аристократии» и «плебса», подтвержденное археологическими данными, свидетельствует о несомненной социальной дифференциации населения Тартессиды [19, стр. 12]⁴.

Очень интересно указание на освобождение Габисом народа от «рабских служб» (*ministeria servilia*). Можно предположить, что под такими «службами» подразумевается ремесленный труд, и в таком случае мы находим аналогию в законодательстве Ликурга (независимо от достоверности такого законодательства), который, по словам Плутарха (Solo 22, 2), избавил граждан от этого труда. Однако высокое развитие ремесла в собственно Тартессиде противоречит такому предположению. Может быть, разгадку надо искать в документе из Дура-Европос, где также встречается выражение «рабские службы» (*δοῦλικά ὑρέια*): некий Барлаас взамен уплаты процентов с долга несет займодавцу «рабские службы», исполняя все приказываемое займодавцем и не отлучаясь от него ни на один день и ни на одну ночь [151, 20]. Должник, таким образом, фактически находится на положении раба. Очень вероятно, что римский автор использовал то же выражение для обозначения такого же состояния (найдя нечто подобное в своем турдетан-

⁴ Нам, однако, не представляется верным предположение, что в этой фразе наличествует противопоставление народа и плебса и что, следовательно, как думает В. И. Козловская [19, стр. 12], под «народом» надо понимать аристократию.

ском источнике). В таком случае запрещение «рабских служб» могло означать, что отныне воспрещалось поработать тартессиев, господствующий народ державы [261, стр. 273]. Отсюда естественное предположение, что исполнителями таких «служб» должны были быть рабы.

Д. Бонсор во время раскопок в районе Кармоны обнаружил остатки жилого дома, рядом с которыми были найдены углубления с обломками, свидетельствующие о наличии здесь хижин. Л. Сире нашел у бастетанов (потомков мастиенов — жителей восточной части Тартессийской державы) следы таких же хижин вместе с ямами, наполненными кухонными отбросами [88, стр. 292]. По-видимому, обитателями этих хижин были рабы, принадлежавшие хозяину дома. В самом доме была обнаружена керамика, аналогичная найденной в соседнем некрополе Крус-дель-Негро [212, стр. 84], что позволяет датировать как дом, так и его окружение VII — V вв. до н. э. [75, стр. 25]. Выше говорилось, что в Пуэрто-Худьо были открыты могилы людей, работавших в соседнем карьере. Весь инвентарь этих могил состоит из нескольких кусков грубой керамики. Очень возможно, что эти рабочие также были рабами. Возможно, что ими были и похороненные в третьей зоне некрополей Тутуги и Тойя, где обнаружены простые мало углубленные ямы с пеплом [99, стр. 237; 293, стр. 220].

Интересна латинская надпись, датируемая 189 г. до н. э. и содержащая декрет Люция Эмилия Павла, которым римский полководец освободил находившихся в Ласкутской крепости рабов гастийцев (*servei Hastensium*) и утвердил их во владении полем и городом (CIL II, 5041). По словам Страбона (III, 2, 5), Гаста была одним из древнейших городов Турдетании. Еще Т. Моммзен установил, что этот город — старая резиденция местного правителя [260, стр. 265]. Иногда даже ее идентифицируют с таинственным Тартессом [290, стр. 106—107], тем более что все это происходило в самом начале римского завоевания. Все это говорит о местном характере рабства. Выражение *servei Hastensium* можно толковать двояко: это могли быть рабы, принадлежавшие всей общине гастийцев [23, стр. 220], или собственность отдельных граждан; в последнем случае рабы, видимо, собрались в крепости и захватили ее в ходе восстания. Мы склоняемся ко второй возможности. Если бы рабы, собравшиеся в Ласкуте, на законном основании владели землей и городом, то римскому полководцу едва ли было необходимо утверждать их во владении специальным актом. Аналогично этому в договоре римлян с Вириатом указывалось на предоставление лузитанам всех земель, захваченных ими к моменту заключения договора (App. Hisp. 69). Может быть, сам необычный акт римского командующего был наградой за выступление

против господ, сопротивляющихся римскому владычеству [22, стр. 346—348]. Вероятнее всего, что институт рабства восходит в Турдетании к эпохе существования Тартессийской державы.

Имеются прямые указания на наличие в Тартессиде законов. В турдетанском предании о Габисе этому царю приписывается среди прочих деяний и введение законов (Iust. XLIV, 4, 11). Наличие древних законов у турдетанов подтверждает для римского времени Страбон (III, 1, 6), причем, по его словам, законы имели метрическую форму. А. Шультен подобрал примеры, показывающие, что такая форма законов — не редкость, но все они — архаические [322, стр. 146]. В рукописях Страбона существует разночтение в определении законов: состоят ли они из шести тысяч стихов (ἑξακισχίλιων ἐπῶν) или имеют шеститысячелетнюю давность (ἑξακισχίλιων ἐτῶν). Если принять второй вариант, то несомненно, что законы — наследие тартессийской эпохи и преувеличенная цифра в шесть тысяч лет говорит об их древности. Однако и при первом варианте сама метрическая форма свидетельствует об архаичности законодательства. Видимо, среди этих законов имелось запрещение младшим свидетельствовать на суде против старших (F. Gr. Hist, II A, Nikolaos von Damaskos, fr. 103 a), что, конечно, говорит о живучести в тартессийском обществе пережитков родового строя. Еще один закон мог содержать запрещение народу «рабских служб».

Сказание о царях Гаргорисе и Габисе позволяет также говорить о наличии в Тартессиде территориального деления (распределение «плебса» по семи городам, хотя, вероятно, этим территориальное деление не исчерпывалось) и наследственной царской власти (Iust. XLIV, 14).

Все сказанное позволяет, несмотря на скудность и фрагментарность источников, утверждать, что в Тартессиде существовало классовое общество и что Тартесс был уже государством.

Через всю традицию, античную и библейскую, красной нитью проходит представление о богатстве Таршиша-Тартесса. Благодаря связям с этой страной во времена Соломона «серебро в Иерусалиме стало подобно камням» (I Reg. X, 27) и его «считали при Соломоне ничем» (I Reg. X, 31). Для Стесихора (Strabo III, 2, 1) струи реки Тартесс — «серебронесущие», а в представлении Анакреонта (Strabo III, 2, 14) — Тартесс такой же символ богатства, как и рог Амалфий, рог изобилия. Самосцы, побывавшие в Тартессе, привезли оттуда, по словам Геродота (IV, 152), огромное количество товаров на неслыханную сумму в 60 талантов. Позже ходила легенда о финикийцах, которые в обмен на оливковое масло и всякий мелкий морской товар получили столько серебра, что покрыли им даже якоря (Ps.-Arist. de mirab. ausc. 135). По варианту этой легенды,

переданному Диодором (V, 35, 4), финикийцы вообще отрубили у якорей свинец и заменили его серебром, причем сицилийский историк говорит об этом как об укоренившемся обычае.

Главное богатство Тартесса — металлы, особенно серебро (Strabo III, 2, 9; Diod. V, 36, 1—3; Ez. XXVII, 12, I Reg. 21, 27). Имелось в Тартессиде и золото (Steph. Byz. v. Ἰβουλλα; Strabo III, 2, 3; Ps.-Sc. 166). Что касается олова, одного из самых ценных металлов древности, то, по свидетельству Посейдония [у Strabo III, 2, 9], и оно имелось в Турдетании. Другие авторы (Av. or. mar. 296—298; Ps.-Sc. 163—166; Eust. ad Dion. 337) говорят, что олово приносила в Тартесс река. Сейчас считают, что в древности в истоках Бетиса действительно находилось месторождение олова [40, стр. 120]. Однако этого металла в Тартессиде было все же недостаточно, и тартессии получали его главным образом в результате торговли с соседними странами.

Известно о трех сухопутных дорогах, ведущих из Тартесса в различных направлениях. О двух из них говорит Авиев: четырехдневный путь от устья Тага до берега тартессиев (Av. or. mar. 170—180) и пятидневный — от Тартесса до Майнаки (Av. or. mar. 180—182). Третья дорога отмечена находками бронзовых кувшинов (и одного аналогичного стеклянного) VII — VI вв. до н. э. Эти изделия были найдены в довольно ограниченной полосе внутри полуострова, протянувшейся от области самих тартессиев на север, причем этот путь во многом совпадает с позднейшей римской дорогой [186, стр. 59, 61; 189, стр. 59]. Возможно, этим путем южные торговцы добирались до северо-западной части Пиренейского полуострова, где находились богатые оловянные рудники. В середине этого пути, в районе между Тагом и Дурисом, были горы, богатые металлами (Strabo III, 2, 3). Недавно здесь были открыты древние оловянные рудники [46, стр. 207]. В этой же области, близ Алиседы, найден и богатый клад рубежа VII — VI вв. до н. э. [73, стр. 6; 256, стр. 96—124]. По-видимому, и отсюда тартессии получали металлы, в том числе олово.

Тартессийская торговля выходила далеко за пределы Пиренейского полуострова. Находясь в очень удобном месте, на границе Средиземного моря и Атлантического океана, Тартесс связывал средиземноморские страны с атлантической Европой. Может быть, свидетельством размаха тартессийской торговли является клад бронзовых изделий из Уэльвы середины VIII в. до н. э. [90, стр. 395—396]. Здесь найдены мечи, распространенные в Британии, Галлии и Средиземноморье, фибулы сицилийского и кипро-палестинского типов, ножи, подобные находимым в Южной Англии, Шотландии и Ирландии, где они датируются тем же веком, топоры, похожие, на найденные на горе Са-Идда в Сардинии [46, стр. 201—202; 91 стр. 372; 209, стр. 100; 281,

стр. 147] ⁵. О торговле тартессиев с Северо-Западной Европой говорит распространение в Британии и Галлии испанских топоров, а в Испании — британских котлов [209, стр. 114]. На Кипре, в Эгейском бассейне, Испании и Ирландии обнаружены круглые щиты с вырезом в виде буквы V [46, стр. 201—202]. На распространение торговли тартессиев в северном направлении указывает Авиен (ог. маг. 113—114): «Обычаем было у тартессиев торговать в пределах Эстримнид». Эстримниев можно идентифицировать с остимиями Пифея (у Strabo I, 4, 3), остионами Артемидора (Steph. Byz. v. Ὀστιώνες) и осимиями Цезаря (bel. Gal. II, 34; III, 9, 9), которые жили в районе Арморики. Следовательно, авиеновская Эстримнида отождествляется с современной Бретанью. Поскольку эстримнии сами были хорошими моряками (Av. og. маг. 100—107), то, вероятно, тартессии добирались только до Эстримниды, которая была связующим звеном между Тартессом и Британией, как сам Тартесс — между Северо-Западной Европой и Средиземноморьем [322, стр. 119].

Торговал Тартесс и с Северо-Западной Африкой. Видимо, тартессиями была доставлена часть керамики, найденной на острове Могадор у атлантических берегов современного Марокко [359, стр. 18—19]. Вероятно, связи Тартессиды с Африкой отразились в предании, рассказанном Саллюстием (Iug. XVIII, 5—10): мавры (точнее, мидяне и армяне, из смешения которых якобы произошли мавры) торговали с Испанией, отделенной от них проливом, и это явилось причиной появления у них городов, в то время как отдаленность от Испании персов, поселившихся около океана южнее мавров (персы, по Саллюстию, смешавшись с гетулами, стали предками нумидийцев), обусловила более позднее их развитие. По словам римского историка, источником его сведений были афры, т. е., вероятнее всего, финикийцы, поселившиеся в Африке. Во всяком случае, перед нами несомненная африканская традиция, подчеркивающая значение для африканцев связей с Пиренейским полуостровом.

Такова была та страна, в которой финикийцы основывали свои колонии.

Самые ранние письменные свидетельства о связях Финикии и Палестины с Тартессом уводят нас в X в. до н. э., во времена царствования Соломона в Иерусалиме и Хирама в Тире. I Книга Царей (X, 22) говорит, что у Соломона есть «на море корабль таршишский вместе с кораблем хирамовым, один раз в три года приводится он; корабль таршишский привозит золо-

⁵ Как мы увидим далее, на месте современной Уэльвы находилось, по-видимому, финикийское поселение. Так что возможно, клад, найденный в гавани этого города, свидетельствует не о тартессийской, а о финикийской торговле.

то и серебро, слоновую кость, обезьян и павлинов». Дошедший до нас текст Книг Царей вышел из рук редактора середины VI в. до н. э. Однако это — вторая редакция, а первая относится к концу VII или началу VI в. до н. э. [89, стр. 1610; 324, стр. 93]. Главное же, источником для их составления были еще более ранние Книги Царей Израиля и Иуды, на которые не раз ссылается составитель, а для времени Соломона — Книга дел Соломоновых (I Reg. XI, 4), созданная через какое-то время после смерти этого царя [324, стр. 94].

Термин «таршишский корабль», как показал еще В. Гезениус [196, стр. 1316], обозначал первоначально корабли, ходившие в Таршиш, а позже стал названием всех судов дальнего плавания. В X в. до н. э. термин еще должен был сохранять свое первоначальное значение. То, что «таршишский корабль» Соломона ходил в далекую Испанию с кораблем тирского царя, свидетельствует об активной роли Тира в торговле с Тартессом. Из всего, что известно о Тире в этот период, определенно вытекает: именно он играл первую роль в связях с Южной Испанией, а иерусалимский царь был допущен к участию в испанской торговле лишь на правах младшего партнера как друг и союзник Хирама.

Появиться на территории Тартессиды финикийцы должны были в более раннее время. Основанию колоний предшествовали доколониционные связи. Об этом свидетельствует рассказ Диодора (V, 35, 3—5). По его словам, финикийцы обменивали привозимые товары на серебро, а затем перевозили его в Грецию, Азию и другие страны, получая большой доход, и занимались такой торговлей долгое время. Только после этого они создали многочисленные колонии в Сицилии и лежащих около нее островах, Ливии, Сардинии и Иберии, т. е. Испании. Диодор описывает испанских контрагентов финикийских купцов как весьма примитивных, не знающих пользы серебра. Такое описание могло относиться только ко временам, предшествующим возникновению Тартессийской державы [33, стр. 22—23]. Наличие в юго-восточной части Пиренейского полуострова типично восточных изделий — египетских фаянсовых бус, сирийской цилиндрической печати, обломков страусовых яиц, идолов из кости гиппопотама и гребней из слоновой кости (их не надо путать с резными гребнями из района Кармоны) — может быть материальным подтверждением финикийско-испанских связей во II тысячелетии до н. э. [115, стр. 271—274; 261, стр. 308].

К концу II тысячелетия античное предание относит и начало финикийской колонизации в Испании.

Древнейшей и важнейшей финикийской колонией в этой стране был город, известный под латинским названием Гадес (греч. Гадейры, совр. Кадис). Сами финикийцы называли его

Гадир, т. е. «укрепление». О времени и обстоятельствах его основания говорят Диодор, Страбон, Веллей Патеркул, Помпоний Мела. Диодор (V, 20) рассказывает, что финикийцы, с давних времен плавающие ради торговли, основали много колоний в Ливии и в западной части Европы. Вышли они и за Геракловы Столпы и у пролива основали город Гадейры, в котором среди прочего построили роскошный храм Геракла.

По словам Страбона (III, 5, 5), ссылающегося на самих гадитан, оракул повелел тирийцам основать колонию у Геракловых Столпов. Первые две экспедиции оказались неудачными, так как результаты жертвоприношений были неблагоприятны. Лишь на третий раз был основан храм на восточной стороне острова и город — на западной.

Совпадения описания Испании в соответствующих разделах сочинений Диодора и Страбона позволяют предполагать общий источник знаний обоих авторов об этой стране. Хотя Страбон называет многих греческих писателей, рассказывающих об Испании, чаще всего он ссылается на Посейдония, причем именно в тех местах, которые дословно повторяются Диодором, как, например, в сообщениях об испанском олове и способах его добычи (Diod. V, 38, 5; Strabo III, 2, 9). Видимо, и в данном случае непосредственным источником того и другого был Посейдоний, который сам бывал в Испании, в том числе и в Гадесе. Поэтому неудивительно, что от него Страбон и Диодор могли узнать об обстоятельствах возникновения города, в том числе рассказ об оракуле и предшествующих неудачных попытках основания города.

В принципе описание обстоятельств возникновения Гадеса не вызывает особых сомнений. Оракулы в древности играли значительную роль в процессе колонизации. Таков был знаменитый Дельфийский оракул в Греции. Обладая стекающейся отовсюду информацией, дельфийский храм направлял потоки колонистов [297, стр. 45—49]⁶. В рассказе Страбона о трехкратной попытке основания города исследователи справедливо видят отражение борьбы между финикийскими колонистами и тартессиями, препятствовавшими, и в течение какого-то времени успешно, созданию финикийского поселения [33, стр. 24—25; 322, стр. 34—35]. Тем более что в обоих местах первоначальных высадок финикийцы позже все же обосновались (Секси и поселение на месте современной Уэльвы), так что высадки едва ли были случайны.

Датировку основания дают Веллей Патеркул и Мела. Первый упоминает, что на восьмидесятом году после падения Трои тирский флот, бывший тогда сильнейшим на море, на краю

⁶ Это, разумеется, не исключало другие (более весомые) причины основания колоний в тех или иных конкретных местах.

мира, в Испании, на острове, окруженном океаном, основал Гадес (Vel. Pat. 1, 2). Мела (III, 46) отмечает, что на острове, отделенном узким проливом от континента, находится богатый город Гадес, а на другой оконечности этого острова — храм Геркулеса, ведущий начало от времени Троянской войны.

Мела, родившийся в Испании недалеко от Гадеса, явно передает местную традицию. Судя по тому, что он уделяет внимание в основном храму, можно считать источником его информации гадитанских жрецов [23, стр. 224; 33, стр. 22]. Труднее установить источники Веллея Патеркула [15, стр. 40].

Вторая глава первой книги «Римской истории» Патеркула, в которую включено упоминание об основании Гадеса, посвящена главным образом легендарной истории Греции: возвращению Гераклидов и свержению ими детей Ореста, гибели Кодра в битве со спартамцами и в связи с этим отмене царской власти в Афинах, постройке пелопоннесцами Мегары. А после этого говорится об основании в это время (in ea tempestate) тирским флотом Гадеса, а через несколько лет — Утики в Африке.

Вслед за тем автор возвращается к греческим событиям — судьбе детей Ореста, которые после долгих блужданий осели в окрестностях острова Лесбоса. И в дальнейшем речь идет о греческой истории, прерываемой очень краткими вставками об Ассирии, Мидии и основании Карфагена Элиссой, которую некоторые называют Дидоной. По-видимому, основным источником начальной, греческой части сочинения Патеркула были эллинские эпические и мифографические произведения, что подтверждает упоминание легендарных ассирийских владык Нина и Семирамиды.

Однако при обращении к интересующему нас отрывку возникают трудности. Историк говорит, что Гадес основали тирийцы, чей флот тогда был сильнейшим. В греческой же поэзии традиционно, по примеру Гомера, важнейшим городом Финикии выступает Сидон. Интересно в этом отношении замечание Страбона (XVI, 2, 22): хотя поэты больше трубят о Сидоне (а Гомер даже вовсе не упоминает Тир), колонии, высланные в Ливию и Иберию и даже по ту сторону Столпов, воспевают больше Тир. Финикийская колония по ту сторону Столпов, несомненно, — Гадес. И воспевание гадитанами Тира чувствуется в словах Патеркула, прославляющего морскую мощь тирийцев. Нам представляется, что в конечном счете сведения римского историка восходят к гадитанским источникам. Возможно, посредником был Тимей, в сочинении которого видит источник Веллея Патеркула Э. Хюбнер [217, стлб. 446—447]⁷.

⁷ Традиция об основании Утики в древнейшие времена, возможно, также восходит к финикийским источникам через посредство Тимея [360, стлб. 1875—1876].

Итак, у истоков датировки основания Гадеса также находится местная традиция. Встает вопрос о ее достоверности.

В современной науке существуют две противоположные точки зрения на эту достоверность: одни исследователи отвергают традиционные даты [23, стр. 224; 24, стр. 133; 45, стр. 39—42; 63, стр. 123—124; 92, стр. 167; 104, стр. 49—53; 345, стр. 268], другие принимают их [33, стр. 19—22; 141, стлб. 364; 142, стлб. 1883; 182, стр. 330—331]⁸. Доводы противников глубокой древности Гадеса сводятся в основном к отсутствию археологических доказательств традиционной датировки и к суждению о неблагоприятной для Тира политической ситуации в Восточном Средиземноморье в XII—XI вв. до н. э. По поводу второго довода можно только напомнить сказанное ранее о возможности возвышения Тира к этому времени. Что же касается отсутствия археологических подтверждений, то оно не может быть решающим, поскольку никому не известны результаты будущих находок. Еще сравнительно недавно древнейшим памятником финикийского присутствия на Пиренейском полуострове был скарабей Псамметиха I второй половины VII в. до н. э. [180, стр. 326—327]. Теперь же выявлены материалы, относящиеся к IX в. до н. э. [85, стр. 43—44]. Надо отметить, что планомерные раскопки Гадеса практически невозможны, так как на его месте находится большой современный город Кадис. Итак, у нас нет никаких оснований сомневаться в традиционной, восходящей к местным преданиям датировке основания Гадеса в XII в. до н. э. Эта дата «привязана» к событиям Троянской войны. Подобная эллинизация могла быть произведена уже финикийскими информаторами античных авторов. Так, например, Менандр Эфесский, использовавший финикийские источники (*Ios. contra App.* 1, 18), отмечает прибытие в Финикию Менелая после падения Трои (у *Clem. Alex. Strom.* 1, стр. 140, 8).

Надо отметить, что, хотя сообщения Мелы и Патеркула дают один и тот же, XII век, они расходятся в более точной дате. Мела говорит о времени Троянской войны (т. е. около 1184 г. до н. э., по традиционным данным), а Веллей Патеркул датирует основание города 80-ми годами после этой войны (следовательно, около 1104 г.). Видимо, с последней датировкой совпадает и сообщение Страбона об основании финикийцами городов за Геракловыми Столпами и в середине ливийского побережья «немного времени после Троянской войны» (*Strabo* I, 2, 3). Характерно, однако, что и Страбон, и Патеркул говорят именно об основании города, слова же Мелы относятся к храму Мель-

⁸ Э. Хюбнер [217, стлб. 447] и А. Жоден [230, стр. 216] считают традиционные даты легендарными, но в целом приемлемыми.

карта. Что касается города, то автор упоминает только его географическое положение, умалчивая об основании. Может быть, храм на острове у тартессийского побережья возник за несколько десятилетий до города? Подобное наблюдается в Карфагене, где святилище Тиннит было создано более чем на столетие раньше самого Карфагена [33, стр. 42]. Такие храмы могли быть своеобразными опорными базами и ориентирами в морской торговле, они давали гарантию божественного покровительства и, следовательно, какой-то, пусть даже иллюзорной, безопасности купцам, сюда прибывающим [33, стр. 42; 69, стр. 76—77]. Правда, в страбовском рассказе об основании Гадеса упоминается, что город и храм были основаны одновременно в результате третьей тирской экспедиции. Однако еще до основания колоний финикийцы довольно долгое время посещали Испанию. У Страбона же это сведено лишь к трем путешествиям. Возможно, что и в случае с основанием Гадеса перед нами соединение двух одновременных событий: создание храма и возникновение города.

Вслед за Гадесом тирийцы основали на южном побережье Испании другие колонии — Малагу, Секси, Абдеру [33, стр. 25—26]. Раскопки показали наличие на испанском побережье и около него еще других, пока безымянных финикийских колоний и факторий [261, стр. 312—322; 270, стр. 1—14; 277, стр. 476—493; 279; 280, стр. 226—237]. Время их возникновения определить трудно. Исследования некрополя «Лаурита», где были погребены жители древнего Секси, показали, что этот город существовал по крайней мере в VI в. до н. э. [285]. Небольшое финикийское поселение у современного поселка Тосканос возникло не позже середины VIII в. до н. э. [279, стр. 121—123]. Раскопки в Уэльве (приблизительно в том месте, где, по словам Страбона, высадилась вторая тирская экспедиция) дали финикийское поселение, существовавшее, несомненно, в VIII, а возможно, и в IX в. до н. э. [195, стр. 355; 316, стр. 155].

Итак, в XII в. до н. э. и позже (но не позднее VIII в.) в Испании возникает ряд финикийских поселений.

Отношения между финикийцами и тартессиями складывались различно. Известно о торговле между ними, о большом влиянии финикийской культуры на культуру Южной Испании, чему будут посвящены следующие главы. Однако не менее известно и о борьбе, которую вели тартессии с восточными пришельцами. Эта борьба развернулась уже в период основания Гадеса — в XII в. до н. э., как об этом свидетельствуют неоднократные попытки основания города. О борьбе говорит и само название основной финикийской колонии в Испании: Гадир — «укрепление». Возможно, что похожее название — стена, укрепле-

пие — имела и колония на средиземноморской стороне Южной Испании — Секси [331, стр. 22—23; 333, стр. 498]. На более поздние события намекает Исая, данные которого относятся к концу VIII в. до н. э. [324, стр. 99—100]: «Ходи по своей земле, дочь Таршиша, нет оков более» (Ies. XXIII, 10). Существуют различные толкования этого текста. По А. Шультену, слова пророка указывают на освобождение Тартесса от власти финикийцев [322, стр. 42]. И. Ш. Шифман считает, что Тартесс никогда не терял независимости, хотя и лишился части своей территории и был вынужден в течение некоторого времени терпеть финикийскую блокаду, на устранение которой и намекает Исая [33, стр. 21, 50]. Сейчас нет оснований для предпочтения той или иной точки зрения, однако при обоих толкованиях ясно, что слова библейского автора свидетельствуют о борьбе между тартессиями и финикийцами.

У Макробия (*Saturn.* I, 20, 12) сохранилась легенда о нападении царя Ближней Испании Ферона на Гадес. А. Шультен, исследовавший этот рассказ, убедительно доказал, что упоминаемая в нем Ближняя Испания — не римская Hispania Citerior, а греческая ἡ πλησιόχωρος Ἰβηρία (близлежащая Иберия), название которой было неправильно понято Макробием или его непосредственным источником [322, стр. 38]. В этой финикийской по своему происхождению легенде [33, стр. 50] содержится историческое зерно: морская битва между тартессиями и гадитанами.

Неизвестен конкретный ход борьбы, в которой успех, по-видимому, склонялся то на одну, то на другую сторону (у Исая отражен успех тартессиев, а у Макробия — финикийцев), но ни один из противников не смог добиться решающей победы: и Тартесс сохранил свою независимость до начала V в. до н. э., и финикийские колонии на юге Пиренейского полуострова продолжали существовать.

В VII в. до н. э. среди финикийских городов Запада выделяется африканский Карфаген, под властью которого, видимо, объединяются финикийские колонии Северной Африки. По словам Диодора (V, 16, 2—3), карфагеняне через 160 лет после основания собственного города вывели колонию на остров Птиуссу (совр. Ибиса), где основали город Эбес. Поскольку Карфаген был основан в 825 г. до н. э., то возникновение Эбеса относится к 665 г. [33, стр. 43, 63]⁹. Археологические свидетельства подтверждают сообщение Диодора: древнейшие пуниче-

⁹ Недавно была высказана мысль, что Эбес был основан только в 575—570 гг. до н. э. [105, стр. 178]. Однако эта точка зрения не может быть принята, хотя бы только потому, что эти годы — время фокейской талассократии, когда карфагеняне не могли обосноваться на Балеарах (*Dioid.* VII, 13).

ские статуэтки из Исла-Плана на этом острове датируются серединой VII в. до н. э. [180, стр. 340]. Таким образом, у побережья Испании появилась колония, выведенная уже не восточными финикийцами — тирийцами, а западными — карфагенянами. Позже Карфаген будет играть большую роль и на самом Пиренейском полуострове.

В конце VII — начале VI в. до н. э. испанские финикийцы встретились с новыми соперниками — греками. Путешествие самосца Колея (Her. IV, 152) около 630 г. до н. э. и разведывательная экспедиция фокейцев (Her. I, 163) в конце VII в. до н. э. [29, стр. 116—119]¹⁰ привели к установлению контактов между греками и тартессиями, а затем и к созданию греческих (точнее, фокейских) колоний на территории Тартессиды и вблизи нее. Крупнейшей и важнейшей фокейской колонией на Западе была Массалия, основанная около 600 г. до н. э. в Южной Галлии. Тартессии увидели в греках союзников в своей вековой борьбе с финикийцами. Этим, несомненно, объясняется тот благожелательный прием, какой, по словам Геродота (I, 163), оказал фокейцам тартессийский царь Аргантоний. Связи между Грецией и Тартессидой осуществлялись через Балеарские острова [103, стр. 13—19; 178, стр. 69—78; 322, стр. 51], где к этому времени уже существовала карфагенская колония Эбес. Борьба за гегемонию в Западном Средиземноморье, за путь к Тартессу, за богатства Тартессиды выливалась в открытую враждебность между фокейцами и финикийцами, выступающую в источниках как война между сильнейшими колониями Фокеи и Тира — Массалией и Карфагеном. Эта война была одной из тех империалистических войн, которые, как указывал В. И. Ленин, бывали и до империализма, в частности в древности, из-за раздела сфер влияния, из-за раздела добычи [см. 2, стр. 364].

Первые сведения об этой борьбе сохранились у Фукидида (I, 13); рассказывая о наиболее значительных морских силах эллинов за всю их раннюю историю после Троянской войны, он в конце этого обзора говорит и о фокейцах: «И фокейцы, заселяющие Массалию, сражаясь на море, побеждали карфагенян». В этой фразе надо обратить внимание на употребление автором в качестве определения фокейцев *participium praesentis* $\rho\omicron\kappa\iota\zeta\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ (а не *participium aoristi* $\rho\omicron\kappa\iota\zeta\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$)¹¹. Это свидетельствует о том, что события, на которые намекает историк, происходили в период основания Массалии. Часто хотят отнести эти события к более позднему времени, ко второй половине VI или даже к V в. до н. э. Таково мнение П. Бош-Химпера, считающего, что

¹⁰ О предполагаемых, но не доказанных родосских плаваниях см.: [31, стр. 86—92].

¹¹ На это обращалось внимание уже давно [240, стр. 11; 322, стр. 76, прим. 3].

в начале VI в. Массалия еще не имела интересов в Испании и массалиоты не посещали те воды, где они могли войти в контакт с карфагенянами [92, стр. 197]. Однако войну массалиотов с карфагенянами надо рассматривать в рамках общей борьбы фокейцев, а те еще с конца VII в. не только посещали Испанию, но явно должны были соприкоснуться с карфагенянами, обосновавшимися на Пятиуссе, и с финикийцами, поселившимися на Пиренейском полуострове. Каталонский ученый полагает также, что причастие *οἰκίζοντες* имеет не хронологический, а родовой смысл, но и в таком случае уместнее было бы причастие *οἰκισαυτες*. Употребление Фукидидом причастия настоящего времени «основывающие», «заселяющие» может иметь значение лишь хронологического указания.

Однако нельзя удовлетвориться только этим. Мнение о связи морских побед фокейцев с основанием Массалии, т. е. с самым началом VI в. до н. э., на первый взгляд противоречит контексту Фукидида, судя по которому фокейские победы над карфагенянами относятся к периоду не ранее царствования Кира. Но надо вспомнить, что в древности существовали две традиции о времени основания Массалии: одна, подтвержденная археологией, дает рубеж VII — VI или самое начало VI в. до н. э. (Ps.-Sc. 211—214; Eus. Chron. стр. 92—93, Schoene; Liv. V, 34, 7, 8; Iust. XLIII, 3, 1; FHG II, Aristot. fr. 138, 239), другая — 40-е годы VI в., время Кира (FHG II, Aristot. fr. 13; Isocr. Archidam. 84; Timag. у Amm. Marc. XV, 9, 7; Paus. X, 8, 6). По-видимому, вторая традиция существовала уже в V в. до н. э., и Фукидид счел ее достоверной. Надо отметить, что этот автор вообще не знает или намеренно игнорирует факты, говорящие о подъеме Ионии и о ее мореплавании до персидского нашествия. Вероятнее всего, Фукидид, узнав о победах фокейцев в период основания Массалии, соединил это известие с принятой им датой основания города. Неверная датировка не исключает признания достоверности самих событий и их связи с возникновением Массалии.

К сообщению Фукидида примыкают сведения Павсания (X, 8, 6), говорящего, что массалиоты приобрели землю, которой владеют, так как флот у них сильнее, чем у карфагенян. Далее (X, 18, 7) этот же автор рассказывает о статуе Аполлона в Дельфах, воздвигнутой массалиотами в честь морской победы над карфагенянами.

Наконец, в нашем распоряжении имеется сообщение Юстина (XLIII, 5, 2): «И войско карфагенян, когда началась война из-за захваченных рыбацких судов, (массалиоты.— Ю. Ц.) часто побеждали и даровали мир побежденным». Это указание очень интересно, особенно в связи с тем, что его первоисточник, как и всего «массалиотского пассажа» Трга-Юстина,— мас-

салиотская традиция [30, стр. 148—150]. К сожалению, оно слишком кратко. Но и из него можно сделать некоторые выводы. Причина войны — захват рыбацких кораблей. Автор не указывает прямо, кто был захватчиком и, следовательно, виновником войны. Однако надо учесть, что весь контекст благоприятен массалиотам. Поэтому надо думать, что виновной стороной историк считал их противников — карфагенян. Поскольку южное побережье Галлии не входило в карфагено-финикийскую сферу деятельности, то конфликт мог произойти где-либо в другом месте, может быть — у Балеарских островов. Хотя о борьбе с карфагенянами Юстин упоминает только однажды, это сообщение не является синтезом рассказов о нескольких войнах, но лишь об одной, той, поводом к которой послужил захват рыбацких судов: это видно из употребления слова *bellum* в единственном числе.

Когда была эта война, определить трудно. Однако в более позднее время неизвестно о победоносной войне массалиотов. Хотя те и одержали победу над карфагенянами в начале V в. до н. э., но результатом ее было удержание лишь части сферы влияния в Испании при утрате другой части, и это едва ли может служить основанием для гордой фразы: «даровали мир побежденным». Гораздо вероятнее, что эта война относится к раннему периоду существования Массалии и является той же войной или частью той же серии войн, о которой говорят Фукидид и Павсаний. Надо обратить внимание на одно совпадение: Фукидид употребляет *imperfectum* ἐνίκων, подчеркивая неоднократность массалиотских побед; Юстин же пишет, что массалиоты «часто побеждали» (*saepe fuderunt*) карфагенское войско. Это свидетельствует об ожесточенности борьбы, судьба которой не могла быть решена в одной битве.

Юстин свидетельствует, что в результате победоносной войны массалиоты даровали мир побежденным карфагенянам. Результатом его было, вероятно, установление фокейской талассократии, о которой напоминает Диодор (VII, 13). Фокейцы не сумели вытеснить карфагенян из Эбеса, который надолго остался в руках финикийцев, но сумели, по-видимому, парализовать эту стратегическую позицию Карфагена. Несмотря на обладание Эбесом, карфагеняне не могли прервать связи фокейцев с Испанией через Балеарские острова. Был ли свободный проход мимо Эбеса обеспечен мирным договором, неизвестно, но ясно, что греки были слишком сильны, чтобы карфагеняне могли им препятствовать. В условиях господства фокейцев на море финикийцы должны были смириться и с их утверждением в Испании, на побережье Тартессиды: фокейская Майнака появляется между Малагой и Секси. Только ослаблением финикийцев, в том числе испано-финикийцев, можно объяснить основание грече-

ской Гавани Менесфея между Гадесом и Тартессом. Последние факты позволяют сделать вывод, что в борьбе участвовали не только карфагеняне, но и тирские поселенцы в Испании, хотя источники об этом молчат.

Фокейская талассократия продолжалась 44 года (Diod. VII, 13). Разумеется, она не могла пережить падения самой Фокеи, захваченной персами (Her. I, 163—164) около 540 г. до н. э. Бежавшие на запад фокейцы поселились в Массалии и Алалии на Корсике (Her. I, 164—166; Strabo VI, 1, 1). Алалия, бывшая до этого, по-видимому, лишь промежуточной стоянкой на пути из Ионии в Галлию, теперь могла стать важным торговым и политическим центром Западного Средиземноморья, что ставило под угрозу интересы этрусков. Такая ситуация привела к борьбе между этрусками и фокейцами и заключению союза между Карфагеном и этрусками [13, стр. 523]. В результате битвы при Алалии около 535 г. до н. э. фокейцы были вытеснены с Корсики (Her. I, 166; Diod. V, 13, 4).

В конце VI — начале V в. до н. э. борьба концентрируется вокруг Южной и Юго-Восточной Испании и пролива у Геракловых Столпов. I римско-карфагенский договор, заключенный в 508 или 509 г. до н. э.¹², свидетельствует о распространении карфагенского влияния на западную часть Средиземноморья (Pol. III, 22). В свою очередь, массалиоты заключили союз с тартессиями (Iust. XLIII, 5, 3), которые, видимо, предприняли решительное наступление на финикийские города, прежде всего на Гадес [92, стр. 169—197; 93, стр. 315]. Опасность была столь грозной, что гадитане, не надеясь, видимо, на свои силы, обратились к карфагенянам (Iust. XLIV, 5, 1—3).

Однако проникновение карфагенян в Испанию представляло угрозу монополии гадитан в торговле металлами [33, стр. 67]. Поэтому, сумев, вероятно, собственными силами отбить тартессийскую атаку, гадитане закрыли свои ворота и перед прибывшими сюда карфагенянами. Но тех не остановил такой поворот дела, ибо они явно использовали приглашение гадитан как повод для вмешательства в дела Пиренейского полуострова. Они взяли штурмом пригласивший их город (Vitruv. X, 13, 1—2; Ath. Pol. 9).

Точную дату этого события установить невозможно. Попытаемся определить, хотя бы приблизительно, время карфагенского проникновения в Испанию. Для этого обратимся к сохранившимся фрагментам Гекатея. Этот автор явно отличает мастиенов от Тартесса и Тартессиды. Он называет Элибиргу

¹² Полибиевскую датировку договора в настоящее время признает большинство исследователей [23, стр. 524; 13, стр. 524; 33, стр. 74; 61, стр. 86; 105, стр. 344—346; 252, стр. 755, прим. 1; 310, стр. 74; 353, стр. 346; 356, стр. 349—358].

городом Тартесса (F. Gr. Hist. I, Hecat. fr. 38). Гекатею же принадлежит, по-видимому, фрагмент, сохраненный Стефаном Византийским без имени автора, упоминающий Ибиллу — город Тартессийской страны (Steph. Byz. ν^{ν} Ἰβύλλα). Тартесс здесь выступает господином других городов. В то же время Гекатей определяет Майнобору, Сикс и Молибдену как города мастиенов (fr. 42—44)¹³. Называя самих мастиенов, он говорит, что это — «народ возле Геракловых Столпов... называются по городу Мастии» (fr. 41). Отношение мастиенов к Тартессу никак не обозначено. В то же время нам известно, что мастиены находились под властью тартессиев (F. Gr. Hist. I, Herodor., fr. 2A; Av. or. mar. 422, 450, 452). По-видимому, в то время, когда Гекатей писал свое «Описание земли», мастиены уже отделились от Тартессийской державы.

Предположение о распаде державы Тартесса подтверждают археологические данные. На всем юге и юго-востоке Пиренейского полуострова были разрушены монументальные, по-видимому надгробные, памятники, части которых были использованы для закрытия более поздних могил [50, стр. 19; 121, стр. 36]. Могилы, в которых были использованы фрагменты разрушенных скульптур, датируются Э. Куадрато Диасом IV в. до н. э. На этом основании испанский археолог делает вывод, что само разрушение относится к V в. [121, стр. 36]. Однако между разрушением скульптур и их вторичным использованием могло пройти и больше времени. К концу VI в. до н. э. Бош-Химпер относит повреждение каменной скульптуры в египетском стиле, изображающей человеческую голову и найденной в Барии. М. Астрик также считает, что по крайней мере часть могил в этом районе была разрушена в VI в. [50, стр. 183—184; 93, стр. 317—318].

Косвенным подтверждением распада Тартессийской державы является отрывок из поэмы Силия Италика «Пуника», хотя эта поэма описывает события, развернувшиеся уже накануне и во время Второй пунической войны. Перечисляя владения «Аргантониювых внуков», возглавляемых Форином и Аравриком, поэт называет города, расположенные только в области самих турдетанов, потомков тартессиев, прибавив к этому Кастулон, относящийся к области бастетанов (III, 391—405).

Другим косвенным подтверждением различия судеб восточной и западной Тартессиды является обилие начиная с VI в. до н. э. греческой керамики в земле мастиенов — бастетанов при почти полном ее отсутствии в Нижней Андалусии, в области тартессиев — турдетанов [74, стр. 106].

¹³ Разаумеется, это надо понимать как города, расположенные на земле мастиенов, ибо Сикс, т. е. Секси, несомненно, финикийский.

Могли ли тартессии после распада своей державы предпринять нападение на Гадес, и при том столь грозное, что гадитане запросили помощь у карфагян? Правдоподобнее обратное: поражение тартессиев и появление на Пиренейском полуострове карфагян послужили толчком к отпадению мастиев. Труд Гекатея был создан между 516 и 500 г. до н. э. [224, стлб. 2670—2671]. Следовательно, первое проникновение карфагян на полуостров надо датировать до 500 г. до н. э. Однако, поскольку Тартесс еще выступает господином других городов, значит, он не был еще подчинен Карфагену.

Вскоре после захвата Гадеса пунийцы установили блокаду пролива. Это ясно видно из од Пиндара. Поэт четыре раза говорит о Геракловых Столпах как о границе мира (Ol. III, 43—44; Nem. III, 10—23; Nem. IV, 69; Istm. III, 29—31). Особенно интересен отрывок из III Немейской оды, в котором Пиндар говорит, что «невозможно более» отправляться за Столпы Геракла в «недоступное море». Это выражение «невозможно более» показывает, что автор знал о прежних временах, когда еще вполне можно было отправляться за Столпы [321, стр. 181]¹⁴. Ода была написана предположительно в 474 г. до н. э., а самые ранние из интересующих нас (III Олимпийская и III Истмийская) — в 476 г. [60, стр. 408]. Надо отметить, что эти произведения были созданы Пиндаром во время пребывания в Сицилии или вскоре после его возвращения оттуда [60, стр. 118, 129], так что поэт мог хорошо знать положение, сложившееся на Западе.

В то же время известно, что через пролив в океан проходили этруски. Диодор (V, 20, 4) рассказывает, что этруски пытались основать колонию на одном из океанских островов, но им помешали карфагяне. В основе рассказа лежит какое-то историческое событие, хотя датировать его точно невозможно. Важно, однако, что, по словам Диодора, это было время этрусской талассократии; и, следовательно, неудачная попытка этрусков обосноваться на океанском острове могла иметь место только до 474 г. до н. э. [13, стр. 523—524].

Известно еще и о случае с кораблем перса Сатаспа, посланного царем Ксерксом в плавание вокруг Африки. По словам Геродота (IV, 43), ссылающегося на сообщение карфагян, Сатасп, выплывший уже за Геракловы Столпы, испугался продолжительности плавания и, сославшись на мели, вернулся назад. И до второй половины IV в. до н. э. судно персидского вельможи оставалось единственным некарфагенским кораблем, прошедшим через пролив.

Плавание Сатаспа относится ко времени царствования

¹⁴ О греческих плаваниях в океане см.: [29, стр. 119—128].

Ксеркса, т. е. после 485 г. до н. э. Мнение же, что эта экспедиция могла отправиться только около 470 г., в «сравнительно мирное для персов время» [40, стр. 158], неосновательно, так как мирное время было и в 485—482 гг., до первой попытки Ксеркса вторгнуться в Грецию. Согласие царя дать Сатаспу корабль и отправить его в далекое путешествие вокруг Африки можно отнести скорее ко времени до Саламина и Микале.

Итак, в какое-то время до 474 г. до н. э. этруски добрались до некоего острова в океане; между 485 и 482 гг. Сатасп на своем корабле прошел через Геракловы Столпы; до 476 г. была установлена карфагенская блокада пролива, после чего эти плавания едва ли были возможны. Все это позволяет сделать вывод, что возникла блокада между 485 и 476 гг. до н. э. По-видимому, сразу же после захвата Гадеса у карфагенян не было еще сил полностью закрыть пролив. Они смогли сделать это приблизительно через четверть века. Косвенным подтверждением установления блокады только в V в. до н. э. служит то, что Харон Лампсакский, живший в начале этого века в царствование Дария, по словам Свида (v. Χάρων), составил перипл, описывающий море за Геракловыми Столпами.

Или до установления блокады, или вскоре после карфагеняне, по-видимому, подчинили себе остатки Тартессийской державы. Эти события означали завершение процесса создания Карфагенской державы [33, стр. 76].

Однако под властью карфагенян оказалась лишь западная часть Тартессиды, восточная же ее часть не была им подчинена и оставалась в сфере греческого влияния. Интересно сопоставить два отрывка из поэмы Авиена. Говоря о Тартессе, поэт пишет, что этот город, некогда большой и богатый, «ныне бедный, ныне маленький, ныне покинутый, ныне развалин груда» (ог. шаг. 170—173). О Майнаке же автор говорит как о существующей, указывая на ее нахождение выше острова, посвященного Светилу ночи (ог. шаг. 413). Вероятно, в то время как Тартесс был разрушен, фокейская Майнака еще существовала.

Тем временем война между финикийцами и фокейцами продолжалась. Из событий этапа, следующего за борьбой вокруг Гадеса, известно только о морской битве при Артемиссии, о которой рассказывает отрывок из труда Сосила Лакедемонского, обнаруженный на папирусе в 1903 г.

Этот отрывок начинается словами: «Массалиоты, повествующие о сражении, которое было у Артемисии, рассказывают, что оно было совершено Гераклидом родом из Милассы». Далее говорится о сообразительности Гераклида, применившего особый прием — прорыв, благодаря чему греки одержали победу. О Гераклиде из карийского города Милассы известно

со слов Геродота (V, 121), что он был предводителем карийцев во время ионийского восстания против персов. Свида (v. Συλλαξ) называет Гераклида царем Миласс. Новым является упоминание этого персонажа в связи с массалиотами.

В «переселении» Гераклида на Запад, собственно говоря, ничего странного нет. Мы знаем, что другой руководитель восстания, фокеец Дионисий, после поражения также появился на Западе и стал пиратствовать в сицилийских водах, грабя карфагенские и этрусские суда (Her. VI, 17). Если бы бтва происходила не в западном, а в восточном бассейне Средиземноморья, как иногда предполагают [177, стр. 147], то странно, что Геродот не упоминает о деятельности Гераклида в Эгейском море, хотя, судя по Сосилу, он командовал флотом, а Геродот внимательно относился ко всему, что касалось войн с персами, и особенно роли в них Карики [213, стр. 394–395]. В то же время известно, что Сосил — один из историографов Ганнибала (Her. Hannib. 13, 3). Данный отрывок, скорее всего, экскурс в прошлое при описании Ганнибаловых подвигов. К тому же массалиоты, насколько нам известно, в войнах с персами не участвовали, а столкновений между массалиотами и карфагенянами было довольно много. Поэтому единственно правильной представляется локализация этого сражения у берегов Пиренейского полуострова, где также имелся Артемисий (Strabo III, 4, 6)¹⁵.

Датировке битвы помогает упоминание Гераклида, одного из руководителей ионийского восстания. П. Бош-Химпер относит ее к периоду между 493 и 490 гг. до н. э. [93, стр. 321]. Нам кажется, что она произошла несколько позже. Во-первых, Гераклиду надо было еще зарекомендовать себя на Западе, прежде чем массалиоты поставили его во главе своего флота. Во-вторых, поражение карфагенян при Артемисии не помешало им установить блокаду пролива; поэтому более вероятно, что бой произошел уже после того, как на море была установлена блокада [209, стр. 87]. В противном случае было бы непонятно почему, одержав победу, массалиоты согласились на установление блокады. Поскольку блокада возникла между 485 и 476 гг. до н. э., то и битва, по-видимому, имела место после 485 г.

Итак, в результате сражения при Артемисии греки предотвратили распространение карфагенского господства на восточную часть бывшей Тартессийской державы. Но карфагеняне добились согласия массалиотов на блокаду пролива. Возможно, это было зафиксировано мирным договором между Карфаге-

¹⁵ Таково, в частности, мнение П. Бош-Химпера [93, стр. 320–321]. Однако нам кажется неверным связывать эту битву с сообщениями Фукидида, Павсания и Юстина, как это делает каталонский ученый.

ном и Массалией. Сохранилось косвенное указание на одно из условий, при котором некарфагенские корабли могли появляться в районе Геракловых Столпов. По словам Эвктемона, писавшего около 440 г. до н. э. [323, стр. 53], чужеземное судно могло подойти к одному из островов поблизости от пролива только при условии, что оно предварительно разгрузится на острове Луны, т. е. острове, лежавшем против Майнаки (Av. og. map. 366—369). Может быть, это условие содержалось в карфагено-массалиотском договоре. С течением времени оно, по-видимому, превратилось в религиозный запрет, ибо Авиен, со слов Эвктемона, говорит (og. map. 361), что считалось нечестием задерживаться на островах около пролива.

После всех этих событий на Пиренейском полуострове сложилось равновесие между финикийцами, возглавляемыми Карфагеном, и фокейцами во главе с Массалией. Юго-Восточная Испания осталась в сфере греческого влияния, но она не была полностью закрыта для карфагян. Эта область дает наряду с греческим и финикийский материал. Уже в конце VI или начале V в. до н. э. здесь появляются пунические ритуальные широкие и плоские сосуды, так называемые жаровни. Их находят также в одном некрополе с греческой керамикой V—IV вв. [93, стр. 315; 119, стр. 64—78]. Карфагяне не ограничивались торговлей с Юго-Восточной Испанией, но и стремились в ней обосноваться. В V—IV вв. возникает карфагенская фактория в городе Бария на юго-восточном побережье Пиренейского полуострова. Бария не была чисто финикийским поселением; здесь жили, причем в разных кварталах, как карфагяне, так и иберы. В некрополе имеются и пунические, и иберийские могилы; при этом в иберийском могильнике встречается кроме карфагенских изделий и греческая керамика [50, стр. 186—187; 180, стр. 355; 180а, стр. 531]. Последнее обстоятельство говорит о том, что карфагяне не установили полного контроля над Барией.

Археология показывает, что с середины IV в. до н. э. на юго-востоке Испании сокращается количество греческой керамики [358, стр. 119] и увеличивается карфагенский импорт. IV—III вв. датируются пунические курильницы в форме женской головы и терракоты, найденные в иберийских некрополях испанского Леванта [53, стр. 72—74, 80—81]. Середину IV в. до н. э. можно считать временем распространения карфагенской власти на этот район. Свидетельство этой власти — II римско-карфагенский договор, заключенный в 348 г. до н. э.

В этом договоре в качестве ограничительного пункта римского мореплавания указывается *Μαστία Ταρσίιον*. Сочетание этих слов трудно для понимания. Оно встречается дважды: в предисловии Полибия к тексту договора (III, 24, 2), где оно

стоит в *nominativ'e*, и в самом тексте, где употреблен *genetivus* (III, 24, 4).

Первый случай исключает возможность понять это словосочетание как Мастия Тарсейская. В то же время мы знаем, что Мастия находилась когда-то в Тартессиде (*Av. or. mag.* 453). О. Мельцер предлагал выход, заменяя *Ταρσήιον* на *Ταρσηίων* [257, стр. 520]. Однако такую замену делать нельзя, ибо и Стефан Византийский говорит о *Ταρσήιον* (*Steph. Byz. v. Ταρσήιον*), следовательно, в древности употреблялось именно такое название. Более приемлемое объяснение предложил Л. Виккерт [368, стр. 358]. Он считает, что Полибий неправильно понял в латинском тексте договора сочетание *Mastiam Tarseiom*, приняв это за два *accusativ'a*, в то время как в действительности *Tarseiom* — архаическая форма *genetivus pluralis*=*Tarseiorum*.

Впрочем, независимо от того, как понимать это словосочетание, ясно, что речь идет об Испании. Предполагается, что Мастия находилась на месте более позднего Нового Карфагена, современной Картахены [64, стр. 299—300]. Это косвенно подтверждается находками в Лос-Ньетосе. Здесь, несколько севернее Картахены, находилась иберийская гавань, имевшая, судя по обильным находкам керамики, тесные торговые связи с греками в V—III вв. до н. э. Если Мастия находилась на месте Картахены, то Лос-Ньетос был крайним южным пунктом фокейской сферы. Лос-Ньетос представлял удобный северный подход к горнорудной области Сьерра-Картахене, а самым удобным южным подходом была Картахена [130, стр. 77—83].

Итак, к 348 г до. н. э. вся Южная и значительная часть Юго-Восточной Испании оказалась под властью карфагенян (это с несомненностью относится по крайней мере к побережью). Майнака, оказавшаяся внутри карфагенской зоны, была разрушена (*Strabo* III, 4, 2).

Видимо, в это время карфагеняне в более широком масштабе выводят колонии на Испанское побережье. О наличии карфагенских эмпориев в районе Геракловых Столпов упоминает Псевдо-Скилак (1). О карфагенских колонистах в этом же районе говорит и Авиен (*or. mag.* 375—376). В связи с этим встает вопрос о ливофиникийцах, упомянутых Авиеном (*or. mag.* 421) и Псевдо-Скимном (196—198). Приблизительно в этом же месте Птолемей поселяет бастулов, именуемых пунами (II, 4, 6), которых Аппиан (*Hisp.* 56) называет блатофиникийцами. А. Шультен считает их либо карфагенскими колонистами из Африки, либо финикийцами, поселившимися среди местных народов [318, стлб. 2033]. А. Бланко Фрейхейро полагает, что поселения ливофиникийцев (или бастулофини-

кийцев) — смешанные города, где жили финикийцы и иберы, наподобие Барии [77, стр. 188].

Прежде всего надо отметить, что едва ли перед нами финикийские или карфагенские колонисты. Псевдо-Скимн говорит, что ливофиникийцы приняли (λαβόντες) колонию из Карфагена. Отметим также что ливофиникийцы упоминаются не только в Испании, но и в Африке (Diod. XX, 55; Plin. V, 24), где они населяли территорию от Сирта до Атлантического побережья [160, стлб. 202]. На юге Пиренейского полуострова сохранились монеты с легендами, написанными ливофиникийским письмом, которое удивительно близко к нумидийскому письму Северной Африки, образуя вместе с ним две ветви «ливийского письма» [226, стр. 142—148; ср. 353, стр. 309, прим. 97]. Поэтому можно предположить, что испанские ливофиникийцы были переселенцами из Африки, где они представляли собой смешанное этническое население, состоящее из местных жителей и потомков финикийских колонистов [33, стр. 97]. Может быть, они были переселены карфагенянами, которые стремились укрепить свое господство над местными племенами побережья. Позже, по-видимому, ливофиникийцы, живущие на Испанском побережье, в свою очередь, смешались с окрестными бастулами, создав, таким образом, новую смешанную этническую группу — блястофиникийцев, или блястопунов. Ведь упоминания ливофиникийцев содержатся в географических поэмах Псевдо-Скимна и Авиена, истоки которых восходят к до-римскому времени, а бастулофиникийцы и блястопуны жили уже в римской провинции.

Возможно, после распространения карфагенской власти на внутренние районы Южной Испании, бывшей Тартессиды, финикийцы поселяются во многих городах Турдетании и соседних районов, как об этом говорит Страбон (III, 2, 13). Греческий географ пишет, что турдетане «стали настолько сильно подчиненными финикийцам, что те и ныне населяют многие города Турдетании и соседних мест». Едва ли это могло произойти за сравнительно короткий период существования Баркидской державы.

Каково же было положение финикийских городов Испании в составе Карфагенской державы? Вернемся ко временам колонизации. Все, что мы знаем о заморской торговле Тира и тирской колонизации, связано с деятельностью царей. Именно корабли царя Хирама, ходившие в Офир и Таршиш, упоминаются в Библии (I Reg. X, 11, 22). Это не случайно, ибо в тех условиях частная внешняя торговля была практически невозможна: ее могли вести правители или она могла осуществляться под их покровительством, т. е. купцы выступали как представители правителей [38, стр. 12—13]. Известно, что

правительство Тира было инициатором высылки молодежи на Африканское побережье и создания там Утики (Iust. XVIII, 4, 2). Тирскому царю Итобаалу приписывается основание Ботриса в Финикии и Аузы в Африке (Ios. Ant. VIII, 13, 2). Возникшие таким образом поселения в далеких странах составляли часть Тирской державы. Во главе кипрского Карфагена стоял наместник тирского царя (КАИ 16); попытка Утики уклониться от дани метрополии привела к посылке карательной экспедиции царя Хирама (Ios. Ant. VIII, 5, 3). Несомненно, что и испано-финикийские города находились на том же положении. Недаром Исая, пророчествуя всяческие беды Тиру, упоминает в связи с этим Таршиш и таршишские корабли (Ies. XXIII). Входя в состав Тирской державы, испанские финикийцы в целом могли именоваться тирийцами. В результате резкого ослабления Тира в ходе непрерывных и, как правило, неудачных войн с Ассирией прямая политическая связь колоний с метрополией, по-видимому, прервалась [227, стр. 31]. Однако наименование «тирийцы», вероятно, сохранилось за испанскими финикийцами¹⁶. Учитывая это, можно полагать, что те тирийцы, которые упоминаются во II римско-карфагенском договоре, — испанские финикийцы¹⁷. Они названы там наряду с самими карфагенянами, утикийцами и их союзниками (Polyb. III, 24, 3). Следовательно, их города, как и Утика, занимали привилегированное положение среди городов, подчиненных Карфагену, официально считаясь равноправными со столицей Карфагенской державы¹⁸. Об этом же свидетельствует и сообщение Ливия, по которому карфагенский полководец Магон в конце Второй пунической войны назвал себя «союзником и другом» Гадеса (Liv. XXVIII, 37, 1). Однако это официальное положение не мешало фактическому политическому подчинению гадитан и жителей других финикийских городов в Испании Карфагену.

Что касается иберов, оказавшихся в подчинении Карфагена, то об их положении внутри державы мы почти ничего не знаем. Можно лишь говорить, что карфагеняне полностью сохранили старую племенную систему. В отличие от ливийцев иберы служили в карфагенской армии как наемники, а не как набранные принудительно (Diod. XIII, 54, 1). Как и ливофиникийцы, они имели право вступать в брак с карфагенянами. Известно о женитьбах Гасдрубала и Ганнибала на дочерях ис-

¹⁶ Общее наименование не мешало тому, что жители каждого города назывались особо, как показывают монетные легенды: горожане Гадеса, горожане Секси [331, стр. 19; 362, стр. 291].

¹⁷ Это мнение высказал А. Бланко Фрейхейро [77, стр. 193].

¹⁸ О положении Утики внутри Карфагенской державы см.: [33, стр. 97].

панских царьков (Diod. XXV, 12; Liv. XXIV, 41, 7). Разумеется, в основе этих браков лежал политический расчет, но эти свадьбы едва ли могли праздноваться без каких-либо юридических обоснований. Вероятно, карфагеняне осуществляли над иберами верховное господство типа протектората, не вмешиваясь без нужды в их внутренние дела. Учитывая, что древних — греков, финикийцев, римлян — притягивали в Испанию главным образом металлы, можно думать, что Карфаген обеспечил за собой эксплуатацию рудных богатств полуострова.

Власть Карфагена в Испании засвидетельствована Полибием (I, 10, 5) накануне Первой пунической войны. Но в 237 г. до н. э. Гамилькару пришлось начинать отвоевание Испании. В какой-то момент между этими событиями карфагенское господство на Пиренейском полуострове рухнуло, и на стороне Карфагена остались только старые финикийские города, в первую очередь Гадес, опираясь на который Гамилькар и начал военные действия против иберов (Diod. XXV, 10). Сохранение гадитанами верности Карфагену объясняется старой враждой между гадитанами и окрестным населением.

Походы Гамилькара привели не только к восстановлению карфагенского владычества в Южной и Юго-Восточной Испании, но и к расширению его сферы. После гибели Гамилькара его дело продолжили зять Гасдрубал и старший сын Ганнибал. Мы не будем останавливаться на военных и дипломатических событиях в Испании, связанных с деятельностью Баркидов, поскольку они уже тщательно исследованы, в том числе и в советской историографии [23, стр. 271—292; 41, стр. 28—42, 93—144]. Отметим только основание новых городов: Акра-Левки — Гамилькаром (Diod. XXV, 10) и Нового Карфагена — Гасдрубалом (Pol. II, 13), — находившихся на восточном побережье Пиренейского полуострова. Испанская держава Баркидов не была прочной и долговременной. В результате Второй пунической войны к 206 г. до н. э. карфагенское господство в Испании было окончательно ликвидировано. Эбес, будучи карфагенской колонией и как бы продолжением Карфагена, не мог не принимать участия в военных действиях. Потеря Карфагеном в результате войны всех внеафриканских владений означала и уступку этого города римлянам. Эбес, как и финикийские города Испании, вошел в состав Римской державы [251, стр. 134—136]. В истории финикийской Испании началась новая эпоха.

В первой главе мы рассмотрели проблему основания финикийских городов в Испании и их внешнеполитическую историю до римского завоевания. Теперь расскажем о том, какова была жизнь в этих городах, каков был внешний вид их жителей, что представлял собой сам город.

Финикийцы были сравнительно невысокого роста. Средний рост мужчины составлял 1,63 м, а женщины — 1,57 м [314, стр. 93]. О внешнем виде мужчины можно судить по изображению на мраморной крышке антропоидного саркофага, найденного в 1887 г. в гадитанском некрополе Пунта-де-ла-Вака. Удлиненное лицо с кудрявыми волосами или париком, нависшие брови, продолговатые глаза неординарного размера, прямой толстый нос, завитая борода, на которую спускаются длинные усы. Одет этот человек в длинную, до щиколоток, широкую тунику без складок; на ногах у него — сандалии, ремешки которых изображены между пальцами, а сами сандалии, вероятно, написаны краской [174, стр. 145—147; 235, стр. 28—29]. Ни цвет, ни материал туники неизвестен. Долина Бетиса, по словам Страбона (III, 2, 6), славилась своими овцами с превосходной шерстью и тканями из этой шерсти. Поэтому наиболее вероятно, что гадитанские одежды были шерстяные. Саркофаг, о котором идет речь, был когда-то полихромным, но от его росписи сейчас остались лишь следы, обнаруживаемые в некоторых местах при помощи кварцевой лампы [235, стр. 27—28]. Возможно, что красками изображался цвет туники и ее украшения. Египетские фрески свидетельствуют о том, что финикийцы вообще предпочитали яркую, разноцветную одежду, украшенную вышивкой [117, стр. 241—242]. Можно думать, что и гадитанин, похороненный в мраморном саркофаге, был также одет в яркое платье.

Представление о внешнем виде финикийцев дают терракотовые фигурки, найденные в эбеситанском некрополе Пуиг-д'эс-Молинс. Женщины одеты в туники без складок и пояса, кончающиеся у середины икры. Они украшены вышивкой с изображениями цветов и масок. На голове — также расшитый цветами платок, концы которого по египетской моде падают на плечи; на ногах — сандалии [174, стр. 152 и рис. 138—139]. Обильны украшения: серьги, гривны, ожерелья. Они не только видны на терракотах, но и найдены в значительном количестве

ве в гадитанских и эбеситанских некрополях. Даже в довольно бедном женском захоронении, открытом около Гадеса в 1925 г., были обнаружены золотые серьги [180, стр. 397—414, 427—437].

На месте основных финикийских городов Испании в настоящее время находятся современные города Кадис, Малага, или Картахена, так что планомерные раскопки здесь фактически невозможны. Не дошли до нас и литературные описания, за исключением рассказа о Новом Карфагене, составленном Полибием (X, 8, 2; 10, 1—12; 11, 4). Но этот город был основан почти на 900 лет позже Гадеса и в иных условиях. Однако в последнее время интенсивно ведутся раскопки небольших финикийских поселений на юге Пиренейского полуострова, что расширило наши знания об образе жизни финикийцев в Испании. К этому надо добавить те сведения, которые можно получить из сравнения этих городов с городами метрополии и Северной Африки.

Может быть, есть смысл начать рассуждения «от противного». Страбон (III, 4, 2), говоря о южном побережье полуострова, противопоставляет греческую Маинаку финикийской Малаге, утверждая, что и развалины первой сохраняют следы эллинского города, а Малага по своему внешнему виду — финикийская. Внешний вид греческого города сейчас уже можно представить, хотя и далеко не во всех деталях. С V в. до н. э., а в колониях, видимо, и с VI, эллинские города имеют регулярную планировку: продольные параллельные улицы пересекаются поперечными, также параллельными, под прямыми углами, либо улицы радиальные отходят от центра. Города застраивались небольшими одноэтажными или двухэтажными домами из сырцового кирпича, и среди этих домов или над ними, на акрополе, поднимались мраморные храмы и общественные сооружения [7, стр. 11—12; 9, т. II, кн. 1, стр. 193—211; 17, стр. 157—154; 25, стр. 137—149]. Такую планировку имел Эмпорион, фокейская колония на северо-восточном берегу Пиренейского полуострова [178, т. 2, стр. 32]. Финикийским поселениям такие черты, видимо, не были свойственны.

Мы уже знаем, что финикийской колонизации в Испании предшествовали доколониционные связи. Известно, что Малага и ряд других финикийских городов в этой стране возникли уже после основания Гадеса. Следовательно, финикийцы хорошо знали то место, где они поселялись, и выбор участка для поселения не был случайным.

Гадес находился на небольшом острове, отделенном от материка узким проливом, настолько узким, что Мела сравнивал его с рекой, причем сам город занимал очень небольшое пространство на западной стороне острова, а на восточной находился прославленный храм Мелькарта — Геркулеса Гадитанского

(Strabo III, 5, 3; Mela III, 46; Plin. IV, 119). То, что город располагался на острове, защищало колонистов от местного населения и давало возможность пользоваться двумя портами одновременно, как это было и в метрополии [сам Тир находился на острове], и в ряде финикийских поселений на Западе [116, стр. 228; 296, стр. 18]. Источник питьевой воды на острове делал город независимым от материка (Strabo III, 5, 7).

Финикийская фактория, выявленная последними раскопками на месте современной Уэльвы, к западу от Столпов Геракла, также могла пользоваться двумя гаванями, так как находилась на мысе, образованном слиянием рек Одиель и Рио-Тинто [316]. В устьях небольших рек располагались Малага, Абдера и пока анонимные финикийские поселения, найденные в результате раскопок последних лет [277, 278, 279]. Благодаря такому расположению жители могли заниматься морской торговлей и рыболовством и сравнительно легко устанавливать связи с внутренними районами страны.

Меньше были связаны с внутренними областями Испании города, основанные Баркидами в 30—20-е годы III в. до н. э. Здесь, по-видимому, большее внимание обращалось на укрепленность места и его удобство как порта, что создавало условия для рыболовства, торговли и связи со столицей. Так, Акра-Левка находилась на горе у моря, далеко видимая и с суши, и с моря [320, стлб. 216]. Новый Карфаген лежал в глубине залива, бывшего самой удобной гаванью юго-восточного побережья, притом прикрытого островками, оставлявшими лишь узкие проходы, что защищало как от ветров, так и от нападений вражеских кораблей. В то же время к городу примыкало небольшое озеро, соединенное с заливом искусственным каналом, так что сам город оказывался фактически на полуострове, объединенном с материком только узким перешейком шириной в две стадии, т. е. менее четырех метров. Со всех сторон, кроме южной, обращенной к морю, Новый Карфаген был окружен холмами (Pol. X, 8, 2; 10, 2—11). Возможно, эти возвышенности служили естественной защитой города, хотя и не спасли от римлян.

Финикийские города в Испании, по-видимому, были окружены стенами. О стенах Нового Карфагена говорит Полибий (X, 11—15), рассказывая о взятии этого города римлянами. Раскопки поселения Тосканос дали возможность проследить, как изменялись укрепления этого поселения. Первоначально оно было окружено рвом, позади которого, вероятно, поднималась какая-то стена. Позже этот ров был заполнен и на его месте поднялось укрепление из грубых кусков сланца. Затем и оно было разобрано. Была построена стена из хорошо обтесанных квадр, за которыми находилась земляная засыпка [278, стр. 86;

280, стр. 228—229]. Сведений об укреплениях других испано-финикийских городов нет, но можно думать, что и они были укреплены, как и их метрополия. По изображению на бронзовых воротах ассирийского царя Салманасара III (сер. IX в. до н. э.) мы знаем, что Тир, хотя и находился на острове, был все же окружен высокой зубчатой стеной с зубчатыми же башнями [55, стр. 37 и рис. 157a].

Раскопки в устье реки Велес выявили еще одну интересную особенность. На холмах Серро-дель-Пеньон к западу от Тосканоса и Серро-дель-Аларкон к северо-западу от него располагались пункты, населенные на короткое время, которые, вероятно, должны были служить своеобразными «фортами» вне укрепленных стен поселения. На Аларконе найдены и остатки стены, внешняя облицовка которой была когда-то из грубо обтесанных квадр, а внутренность наполнена мелким камнем. Эти «форты» могли служить и убежищем для населения колонии в случае ее захвата врагами [278, стр. 93—94; 279, стр. 7; 280, стр. 233—234].

Было ли это только особенностью поселения Тосканос? Вспомним рассказы Витрувия и Афинея Полиоркета о штурме Гадеса. Оба автора отмечают, что в начале осады, до атаки на сам город, карфагеняне должны были захватить крепостцу. Может быть это — та «крепость Геронта», которую Авиен (ог. мар. 263, 304) помещает на полпути между Гадесом и Тартессом. Вероятно, перед нами такой же «форт», как те, что защищали Тосканос. Возможно, эти же функции выполняли небольшие финикийские поселения к северо-западу и северо-востоку от Малаги: Серро-Доблас, Серро-де-Тортуга и Колменар [270]. Подобные аванпосты вполне объяснимы, учитывая борьбу между финикийцами и тартессиями, о которой шла речь в первой главе.

Планы городов, основанных тирийцами в Испании, неизвестны. В общих чертах мы знаем Новый Карфаген благодаря рассказу Полибия (X, 10, 7—11; 15, 7; 16, 1). Известно, что внутренняя часть города находилась в низине, а вокруг, кроме стороны, обращенной к морю, поднимались холмы, на которых располагались храмы. На одном холме стоял дворец Гасдрубала. Полибий упоминает и крепость Нового Карфагена, представлявшую собой разновидность акрополя наподобие карфагенской Бирсы. Известно также о наличии в городе площади. Но было ли это и в более древних городах? Утверждать что-либо подобное пока невозможно.

Мы ничего не знаем об улицах и домах Гадеса и других больших городов испанских финикийцев. Судить о них приходится только по аналогии. Страбон (XVI, 2, 23) говорит, что в Тире были многоэтажные дома даже выше римских зданий.

О шестиэтажных домах в Карфагене упоминает Аппиан (Lub. 128). В Карфагене была найдена золотая подвеска, изображающая подобный многоэтажный дом с плоской крышей и прямоугольными, почти квадратными окнами, лишенный всяких украшений [113, стр. 51 и рис. 11]. Улицы Карфагена были настолько узкими, что во время уличных боев в 146 г. до н. э. римляне перебрасывали через эти улицы доски и вели сражение на них, как на мостах (App. Lub. 128). Если учесть небольшие размеры Гадеса и численность его населения, а, по словам Страбона (III, 5, 3), он в I в. до н. э. уступал в этом отношении только Риму, то можно утверждать, что такие же высокие дома и узкие улицы были и в этом городе. Становится понятным противопоставление Страбоном внешнего вида финикийских и греческих городов.

В небольших поселениях типа раскапываемых у устья рек Велес и Альгарробо дома были иными. Здесь открыты сравнительно небольшие сооружения. Так, внутреннее пространство одного из домов в Тосканосе составляло всего лишь немногим более 6 кв. м. В нем не обнаружено никаких следов внутренних стенок. Приблизительно в середине северо-восточной стороны был вход, отмеченный каменным порогом. Встречались там, впрочем, и здания больших размеров. Таков был не полностью раскопанный дом А с пристройкой В, длина которого (и пристройки) составляла, вероятно, около 8 м. Такой же план имело и здание АI с пристройкой ВI. Своими размерами (и строительной техникой, о которой пойдет речь ниже) выделяется здание С. Сохранилась только восточная часть этого здания, а западная уничтожена. Сохранившаяся часть прослежена на 15 м. Выяснилось, что дом был двухэтажным, и высота нижнего этажа равнялась около 2,7 м. Верхний этаж параллельными стенками с дверными проемами был разделен на три внутренних помещения. Оба этажа соединялись внутренней лестницей. Археологи, работающие в Тосканосе, полагают, что это здание было не жилым, а общественным — местом собраний или складом, — но нельзя исключить, что перед нами просто более богатый дом. Хотя улицы в поселениях и имелись, но они не были прямыми: например, помещения А, В и С шли в целом (с небольшими отклонениями) с севера на юг, а F, E, G — с северо-запада на юго-восток. Дома прислонялись друг к другу, иногда в промежутках располагались лестницы, соединяющие различные уровни поселения, находившегося на склоне возвышенности [278, стр. 80—85; 280, стр. 230—232]. Такие лестницы имелись, наверное, и в Малаге, расположенной на холме.

Существовали ли в Испании более роскошные дома типа вскрытого в Африке, в древней Клипее, с несколькими комнатами, ванной и двумя дворами с колоннадами [106, стр. 48], не-

известно. Следы подобных сооружений пока не обнаружены. Протоионийская капитель, найденная случайно в море близ Гадеса, относится, вероятно, не к жилому дому, а к храму [292, стр. 58—70]. Надо, однако, думать, что богатые купцы и судовладельцы Гадеса и других испано-финикийских городов могли владеть особняками, может быть, подобными тому финикийскому особняку, который изображен на рельефе во дворце ассирийского царя Саргона II: рядом с озером или рекой между холмами, поросшими деревьями, небольшой дом с зубчатой крышей, поддерживаемый двумя колоннами с протоионийскими капителями [58, стлб. 304 и рис. 306]. Раскопки испано-финикийских поселений только еще начинаются, и в ближайшем будущем можно ожидать новых данных об их зданиях и внутреннем устройстве домов.

Раскопки последних лет позволили познакомиться со строительной техникой испанских финикийцев. Основными строительными материалами были речная галька, травертин, сланец и глина. Фундаменты состояли из больших по размеру и более грубых камней, они были несколько шире стен. Могли они иметь и два ряда камней с забутовкой между ними. Сами стены в нижней, сохранившейся части довольно широки (от 35 до 70 см) и выложены из необработанных камней, скрепленных, по-видимому, глиняным раствором. В углах же стен положены обработанные камни. Выше должны были идти ряды из сырцового кирпича, остатки которого иногда обнаруживают около стен. В некоторых случаях пространство между камнями заполнялось глиной и гравием [278, стр. 80—85; 279, стр. 28—29; 280, стр. 231]. Подобная техника использовалась и в других финикийских колониях на Западе (Нора, Карфаген), а также и в метрополии, как, например, в Сарепте, где основная часть стены состояла из мелких необработанных камней, а пространство между ними было заполнено глиной. Такие участки перемежались столбами или ребрами из тесаных камней, особенно по углам [304, стр. 19—20]. Таким образом, можно говорить, что строительная техника была вывезена финикийцами со своей родины. Однако в Сарепте, как кажется, не отмечено использование сырцового кирпича. Обратим внимание и на то, что в Тосканосе здания, относящиеся к I и II ступеням существования поселения (VIII в. до н. э.), более массивны и стены их сложены только из камня, скрепленного глиняным раствором. У более поздних домов более тонкие стены, для возведения которых использовался сырцовый кирпич [278, стр. 85]¹. Послед-

¹ Археологи, правда, считают, что несколько преждевременно делать отсюда выводы по истории строительства. Находка в 1971 г. домов, более древних, чем упомянутые, и построенных из сырцовых кирпичей [280, стр. 231], может быть, оправдывает эту осторожность.

ний материал применялся обычно наряду с камнем в иберийских поселениях [162, стр. 175; 169, стр. 203]. Но было ли использование сырцового кирпича характерно именно для испанских финикийцев (в отличие от жителей азиатской Финикии) и заимствовано ими от местного населения?

Наиболее поздняя стена самого поселения Тосканос была выложена несколько иначе, более прочно. Здесь были использованы хорошо обтесанные каменные квадры, за которыми находилась земляная засыпка. Лицевые стороны камней были обработаны так, что сохранились выступы неправильной формы, явно специально оставленные. Видимо, эти выступы должны были держать слой какой-то обмазки, которой была покрыта внешняя сторона стены. Ряды камней были положены таким образом, чтобы швы в соседних рядах не совпадали, и это, несомненно, укрепляло стену. Подобные стены обнаружены в Палестине, в Самарии [278, стр. 86 и прим. 12, табл. 24а]. Означает ли это, что в крепостной архитектуре испанские финикийцы долгие годы придерживались традиций метрополии? В стене «форта» Аларкон из камня, обработанного, как в Тосканосе, выполнен только фундамент, в то время как верхние ряды состоят из сырцовых кирпичей, как это было и в турдетанских поселениях [278, стр. 93—94; 280, стр. 234]. Возможно, перед нами случай, аналогичный бывшему в самом поселении: «форт», построенный, несомненно, позже главного поселения, укреплялся стеной, при строительстве которой использовались уже местные приемы.

Очень мало известно о внутреннем устройстве финикийских жилищ в Испании и их обстановке. Дома, открытые в Тосканосе, различны: есть и однокомнатные, и многокомнатные, как здание С, если оно, действительно, было жилым. Не исключено, что в тех помещениях, которые предстают во время раскопок однокомнатными, были внутри деревянные переборки, не оставившие следов. Устройство городских многоэтажных зданий неизвестно.

В темное время финикийские дома освещались глиняными лампами, имеющими вид плоских блюдец с одним или двумя носиками, в которые вставлялся фитиль; диаметр таких ламп — от 12 до 14 см. Эти лампы находят как в самой Финикии, так и на Кипре и во многих финикийских поселениях и некрополях Западного Средиземноморья и Африки, и их можно считать типично финикийскими изделиями. При этом на Западе господствует «двурогая» лампа, в то время как на Востоке предпочитали светильник с одним носиком, и лишь недавно археологическая экспедиция в Сарепте открыла в этом городе первые экземпляры лампы с двумя носиками [231, стр. 93—106; 279, стр. 100—104; 304, стр. 18—19]. Очень возможно, что эти

светильники были привезены с Запада, и лишь более тщательное исследование и дальнейшие раскопки позволят точнее определить происхождение «двурогой» лампы. В Испании в отличие от Африки при господстве «двурогих» встречаются и «однорогие» светильники, столь частые в метрополии. Среди столовой посуды обнаружены широкие плоские тарелки, открытые миски на трех ножках, кувшины с грибовидным или трехлиственным венчиком [278, стр. 91; 279, стр. 82—95; 280, стр. 232].

Обозначением города у испанских финикийцев было $\epsilon\mu$, что по своему первоначальному смыслу означает «народ», а в пунических надписях — «община» [33, стр. 65]². Совпадение обозначения города и живущего в нем народа предполагает, что именно народ считался высшей властью в этом городе, хотя бы формально. Как он осуществлял эту власть, неизвестно. Из гадитанских магистратов известны только суфеты (сколько их было, мы не знаем, но, возможно, два, как в Карфагене) и квестор, как его называет на латинский манер римский историк (Liv. XXVIII, 37, 2). Каковы были их функции, можно только предполагать. Видимо, суфеты решали важнейшие вопросы жизни города, ибо именно с ними вел переговоры карфагенский полководец Магон о вхождении его войск в Гадес (Liv. XXVIII, 37, 2). Историк считает необходимым пояснить читателям времени правления Августа, что суфеты были высшей властью у пунийцев; видимо, точной аналогии этой должности в римском государственном праве не было. Что же касается квестора, то римский автор использовал просто латинский термин и никак его не поясняет; по-видимому, как и в Риме, квестор хранил казну.

В карфагенских колониях общий надзор осуществлял карфагенский резидент, носящий титул «тот, который в общине» [33, стр. 65—66].

Сведения о структуре гражданской общины дошли только из Нового Карфагена. Полибий (X, 16; 1; 17, 6—9) и Ливий (XXVI, 47, 1—3), описывая падение этого города и судьбы его жителей, отмечают наличие в нем кроме солдат и рабов граждан, ремесленников и поселенцев. Поскольку Новый Карфаген возник, по-видимому, на месте испанской Мастии, то можно предположить, что «поселенцами» были испанцы, оставшиеся жить в карфагенском городе.

Положение ремесленников вызывает споры у современных исследователей. По мнению И. Ш. Шифмана, это — полусвободные «боды», зависящие от частных лиц люди, имеющие, однако, своеобразный гражданский статус [35, стр. 156—257]. В. Сестон

² Недавно было высказано мнение, что $\epsilon\mu$ в пунических городах означает не гражданский коллектив, а «простой народ» в противоположность гражданам [313, стр. 290—293]. Однако в Гадесе, как показывает надпись на кольце [334, стр. 251—256], это слово явно обозначает всех граждан.

полагает, что речь идет о «плебсе», т. е. карфагенянах, но в отличие от граждан, занимающихся физическим трудом, ибо, как он полагает, принадлежность к различным категориям определялась именно родом деятельности [313, стр. 291]. С. Ф. Бонди делит население карфагенской Африки на две группы: ливийцы, лишённые гражданских прав и платящие налоги, где бы они ни находились, и финикийцы, в любом месте обладающие всеми гражданскими правами [87, стр. 661]. Если распространить его вывод на испанские владения Карфагена, то можно было бы считать ремесленников, поскольку они явно не были полноправными гражданами, испанцами.

Вполне удовлетворительный ответ на этот вопрос в настоящее время дать невозможно из-за скудости материала. Однако в начале главы, где говорится о судьбах жителей Нового Карфагена, Ливий отмечает, что римляне захватили до десяти тысяч свободных людей мужского пола, затем он пишет, что гражданам было возвращено имущество, а ремесленников превратили в рабов римского народа, обещая в случае усердия свободу после войны. В таком случае это были явно свободные люди, но все же отличающиеся от граждан. Однако быть абсолютно в этом уверенным нельзя, ибо несколько позже без всякого перехода историк упоминает рабов. Поэтому не исключена возможность, что ремесленники все же были рабами или близкими по положению к ним людьми.

Несомненно, в испано-финикийских городах жили и рабы. Они упоминаются в Новом Карфагене (Liv. XXVI, 47, 3). В Гадесе в надписях римского времени встречаются указания на рабыню Венеры [228, № 30, 34 и стр. 303]. Так как римская Венера в Гадесе не кто иная, как старинная финикийская Астарта, то можно утверждать, что и в период, предшествующий римскому завоеванию, в этом городе были храмовые рабыни. Более подробных сведений о политическом и гражданском устройстве испано-финикийских городов мы не имеем.

Больше известно о занятиях испанских финикийцев. Сначала рассмотрим сложный вопрос о наличии (или отсутствии) у них земледелия. Земледелие, как известно, было ведущей отраслью экономики древнего мира. Но были народы, для которых главным занятием была торговля, и к ним относились финикийцы [см. 1, ч. I, стр. 167—168]. Продукты земледелия они могли получать в процессе торговли. Однако мы знаем, что в Тире земледелие все же существовало [33, стр. 9].

Что же касается тирских колоний в Испании, то описание, например Страбоном, Гадеса (III, 5, 3) исключает возможность земледелия у гадитан, настолько малы были его владения; даже для собраний, как в другом месте отмечает географ (III, 2, 2), гадитане сходились в соседнюю Асту. Это все относится к рим-

скому времени. Но и раньше территория гадитан была незначительной: некрополи V — III вв. до н. э. располагаются у самых стен города [180, стр. 413]. Однако до карфагенского завоевания гадитане имели на материке, как уже отмечалось, «форт» между Гадесом и Тартессом (может быть, это была та самая крепостца, которую, по Витрувию и Афинсию, разрушили карфагеняне). «Форты» Малаги, если наше предположение верно, находились на значительном расстоянии от города — в 4 и даже 36 км [270, стр. 1, 11]. На более близком расстоянии, менее километра от Тосканоса, располагались аванпосты этого поселения, но зато его некрополи находились за этими аванпостами, так что владения даже такого небольшого поселения, как Тосканос, были довольно значительны. На разных берегах нижнего течения Альгарробо находилось финикийское поселение Морро-де-Мескитилья и его кладбище Траймар [278]. Все это свидетельствует о том, что испано-финикийские города располагали землями, которые они могли использовать для земледелия. Прибавим к этому, что при раскопках Тосканоса было найдено довольно значительное число костей быков и коров, причем среди них довольно много останков старых особей, что свидетельствует об их использовании в качестве тягловой силы, а не только для получения молока и мяса [329, стр. 112—113]. Все это позволяет предположить, что в хозяйстве испанских финикийцев земледелие играло некоторую роль, хотя определить его значение и характер пока невозможно. Впрочем, по-видимому, после карфагенского завоевания с сокращением городских владений оно исчезло.

Если обратиться к карфагенским колониям, прежде всего к Эбесу, то надо отметить довольно значительную территорию городских земель, если судить по находкам остатков города, святилища и некрополя, которые были сделаны не только на юге Питиуссы, в районе самого Эбеса, но и на северо-западе острова [180, стр. 425—426]. Возможно, весь остров находился под карфагенской властью. Говоря о нем, Мела (III, 125) отмечает, что для зерна он был не очень плодороден, но для другого более щедр. Что такое — это «другое», можно понять из рассказа Диодора (V, 16), который указывает на виноград, отмечая, правда, небольшое количество его, и особенно на оливы, уточняя при этом, что здесь прививается культурная олива к дикой. При этом историк употребляет *perfectum ἐμπεφτεομένως*, что свидетельствует об использовании этого приема как во времена самого Диодора или его источника Тимея [220, стлб. 1903], так и задолго до этого, т. е. еще в карфагенскую эпоху.

Диодор говорит также о мягкой шерсти, которой славился Эбес. Животноводством, особенно овцеводством и козоводством, должны были заниматься и жители небольших тирских поселе-

ний на юге Пиренейского полуострова, судя по находкам в Тосканосе костей животных [329, стр. 111—112]. Может быть, животноводство у испанских финикийцев играло большую роль, чем земледелие.

Одним из распространенных занятий испанских финикийцев было рыболовство и обработка его продуктов. О богатстве моря у берегов Южной Испании говорит Страбон (III, 2, 7), всячески прославляя изобилие моллюсков, морских животных и рыбы. Эти богатства находились в распоряжении финикийцев. Но этим они не ограничивались. По словам того же Страбона (III, 3, 4), даже гадитанские бедняки на своих маленьких кораблях, называемых «конями» благодаря тому, что их носовая часть имела украшения в виде головы коня, ради рыбной ловли плавали до реки Ликс вдоль берегов Мавритании. Некоторые из них забирались еще южнее. Возможно, что одной из самых южных стоянок гадитанских рыбаков был остров Могадор у западного побережья современного Марокко. О дальних плаваниях гадитанских рыбаков (четыре дня пути при попутном ветре) упоминает Псевдо-Аристотель (*de mirab. ausc.* 136). О богатстве рыбой Эбеса говорит Плиний (IX, 68; XV, 82). О ловле скумбрии жителями Нового Карфагена упоминает Страбон (III, 4, 6), прибавляя, что из-за этого и остров близ города называется Скомбарией. О значении рыболовства в хозяйстве испано-финикийских городов свидетельствуют изображения на монетах (хотя они и времени Рима): почти все финикийские города Южной Испании чеканили монеты с фигурами тунцов или дельфинов [363, т. I, стр. 52; т. III, стр. 8—19].

Рыболовство вызвало к жизни очень важную и долго процветающую отрасль испано-финикийского хозяйства — изготовление особой рыбной приправы — гарума. Рецепты его изготовления и раскопанные остатки мастерских относятся уже к римской эпохе, но есть сведения об употреблении греками V—IV вв. гадитанского и секситанского гарума и других рыбных продуктов из этих мест [149, стр. 297—298; 180, стр. 386, прим. 21—26]. Сведения древних авторов и раскопки позволяют представить процесс изготовления подобных консервов. Рыбу чистили, крупную резали на широкой каменной плите у стены большого резервуара, устроенного на морском берегу. После этого ненужные остатки сваливали на наклонный пол резервуара и смывали в море. Нужное же (часто, особенно в Испании, использовались только внутренности рыб) перебрасывали в соседние, меньшие по размерам (приблизительно 3 на 2 м) бассейны, заполненные соленым раствором. По-видимому, после этого «полуфабрикат» разливали в открытые горшки и выставляли на два месяца на солнце. Затем содержимое горшков процеживали и в спе-

циальных небольших сосудах, кувшинах или амфорах, отправляли в Грецию и Италию [180, стр. 383—385; 250, стр. 1459; 371, стлб. 841—844]. В Афинах времени Эвполида и Аристофана испанские рыбные товары считались продукцией «международного класса» [149, стр. 298].

Находки, в частности около Барии, остатков пурпураносных моллюсков могут указывать и на изготовление пурпура испанскими финикийцами [180, стр. 386]. Эта индустрия была ими вывезена, несомненно, из метрополии, где она развивалась еще во II тысячелетии до н. э. [214, стр. 247]. Конечно, в Испании изготовлением пурпурной краски занимались в несравненно меньших масштабах, чем в самой Финикии, особенно в Тире.

При большом значении морского рыболовства и морской торговли, о которой речь пойдет немного позже, немалую роль в занятиях жителей Гадеса, Эбеса и их соплеменников должно было играть судостроение. Обилие сосен на Питиуссе (Diod. V, 16; Plin. III, 76), несомненно, создавало условия для этого производства.

Страбон (II, 3, 4) говорит о двух видах гадитанских кораблей: большие, снаряжаемые купцами, и малые «кони», принадлежащие беднякам, занимающимся рыболовством. Большие корабли гадитанских торговцев, возможно, были похожи на «таршишские корабли» метрополии. Известно, что такие суда были довольно большие, внутри они имели какие-то помещения, где могли располагаться пассажиры, а может быть, и отдыхающий экипаж. В случае бури часть груза для облегчения корабля можно было выбросить (Iop. I, 5).

Находка в 1971 г. у берегов Сицилии остатков пунического корабля III в. до н. э. также помогает представить устройство большого торгового судна финикийцев. Длина этого корабля составляла около 25 м и ширина — около 3,5 м под ватерлинией. Сделан он из дерева (сосны, клена или кедра), а внутри обшит листами свинца. Киль почти вертикально загибается вверх, превращаясь в ахтерштевень. Паруса поддерживались специальной балкой. Корабль нагружался балластом. Чтобы уменьшить удары камней балласта о дно корабля, под них подкладывали листья оливы или фруктовых деревьев [169, стр. 28—31]. Наконец, изображения на ассирийских рельефах и другие воспроизведения дают возможность увидеть внешний вид таких судов. Ж. Контано полагает, что «таршишским» был корабль, изображенный на поперечной стенке сидонского мраморного саркофага: закругленный корпус, корма высоко поднята в виде лебединой шеи, передняя часть заканчивается кабиной наблюдателя, в центре поднимается высокая мачта с четырехугольным парусом, на носу — маленькая мачта с наибольшим также четырехугольным парусом для помощи рулю,

которым служили длинные весла [116, стр. 234–235]. Видимо, именно этого типа судно и было обнаружено недалеко от Сицилии. Этот «большой» корабль Страбон (II, 3, 4) называет также «круглым», как это видно из рассказа о плавании Эвдокса Книдского. Впрочем, и эти большие «круглые» суда были различны, ибо греческий географ (там же) уточняет: на одних плавают в открытом море, на других исследуют землю. К сожалению, более точно об этом типе гадитанских кораблей сказать пока невозможно.

Что же касается «коней», снаряжаемых гадитанскими бедняками, то такой тип корабля идет, несомненно, из метрополии. Мы встречаем изображение небольших судов с таким же украшением и на воротах Салманасара III (IX в. до н. э.), и на стене дворца Саргона II (VIII в. до н. э.). Голова коня могла украшать как оба конца, так и только нос. На золотой пластинке из Алиседы изображен подобный корабль, нос и корма которого украшены конскими головами. Интересно, что на Западе такие суда снаряжались лишь бедными рыбаками, а на Востоке они превращаются в увеселительные охотничьи «яхты» ассирийских царей. Надо отметить, что во второй половине I тысячелетия до н. э. такие «кони» в метрополии, вероятно, исчезают, в то время как в Гадесе они используются и во времена Страбона [57, стр. 227–228; 58, стлб. 304 и рис. 306].

Кроме «больших» кораблей и «коней», в Гадесе строили военные «длинные» корабли, которые Страбон (II, 3, 4) называет пентеконтерами. Они имели острый таран, легкую палубу и борта, на которые были повешены щиты. Такое судно имело одну мачту с квадратным парусом и приводилось в движение главным образом двумя рядами весел, число которых могло доходить до 50 или 60 [57, стр. 226–227]. Строили здесь и буксирные лодки, похожие, по словам Страбона (II, 3, 4), на пиратские барки.

В ремесле испано-финикийских городов значительное место занимало производство керамики. В первую очередь надо отметить так называемую красную керамику, в последнее время привлекающую особое внимание исследователей. Это сосуды, покрытые после обжига блестящим красным ангобом. Ангоб покрывает либо всю поверхность, либо, если речь идет о тарелках или блюдах, внутреннюю часть их, распространяясь на наружную только в самой верхней части, близкой к венчику. Такое покрытие на ощупь слегка маслянистое и не очень прочное [345, стр. 264–265]. К этому виду керамики относятся самые обыденные предметы: тарелки, блюда, чаши, горшки, кувшины, лампы. Обломки таких сосудов в изобилии находят почти во всех финикийских поселениях Южной Испании и Северо-Западной Африки [231, стр. 77–116; 278, стр. 91, 94;

279, стр. 82—104; 280, стр. 232; 316, стр. 147—149]. Огромное количество находимых фрагментов и само назначение вещей — обыденная, главным образом столовая, посуда — свидетельствуют об изготовлении красной керамики на месте, непосредственно в финикийских колониях испанского юга [278, стр. 91]. Происхождение самого типа таких сосудов надо искать на Востоке, в Финикии и на Кипре, где подобные изделия встречаются уже в самом начале железного века, т. е. в конце II тысячелетия до н. э. [231, стр. 119—120; 345, стр. 266]. В то же время надо отметить, что в Карфагене, например, красная керамика исчезает из употребления около 600 г. до н. э., а на юге Пиренейского полуострова и на северо-западе Африки она продолжает изготавливаться вплоть до II и даже I в. до н. э., окончательно исчезая только под натиском италийских товаров после римского завоевания [108, стр. 63; 345, стр. 266]. Надо также сказать, что ни одного сосуда красной керамики на острове Питиусса пока не обнаружено. Зато, наоборот, здесь представлены керамические маски и терракотовые фигурки, столь обычные и в самом Карфагене [106, стр. 111—112; 108, стр. 63; 174, стр. 147—155]. И это вновь подтверждает, что красная керамика свойственна именно тирским колониям в Испании, а не Карфагену, в то время как в нем и в его колониях создавали глиняные маски, чуждые, в свою очередь, Южной Испании. И это говорит о разных путях, какими шло керамическое ремесло в центральносредиземноморских и западнотсредиземноморских колониях Финикии.

По-видимому, и тирские, и карфагенские колонисты в Испании изготавливали амфоры. Более древние амфоры, обнаруженные в различных частях Испании и Африки, в том числе в Карамболо, Барии, секситанском и эбеситанском некрополях, на Могадоре, относятся к VII—VI вв. до н. э. Это сосуды сравнительно небольших размеров (от 50 до 60 см и 30—45 см в диаметре); в отличие от греческих амфор они почти не имеют горла, а только простой венчик диаметром от 115 до 130 мм, непосредственно связывающийся с плечиками, которые, в свою очередь, довольно резко переходят в тулово. Тулово имеет слегка извилистый профиль: сначала оно вогнутое, затем выпуклое, что придает сосуду сходство с мешком. Дно закругленное, иногда полусферическое. Вазы эти обожжены довольно посредственно, внутри они обычно серо-голубоватые, а снаружи, если покрыты ангобом, бледно-желтые или кирпичные [68, стр. 58; 231, стр. 126 и рис. 25]. Несколько более поздние вазы (VI—V вв.) очень похожи на предыдущие. Они имеют более покатые плечики и в целом более вытянутую форму; размеры их, по-видимому, также несколько большие, и обжиг лучше. Характерной деталью амфор обоих видов являются

круглые или подковообразные ручки круглого же сечения. Их верхний край присоединяется к месту соединения плечиков с туловом, а нижний — к самой вогнутой части тулова. Диаметр ручек более древних сосудов — от 12 до 25 мм, а более поздних — от 20 до 32 мм [68, стр. 57—58; 231, стр. 126; 340, стр. 128—133]. Происхождение этого вида испано-финикийской керамики несомненно. Он происходит от ближневосточных изделий (так называемых ханаанских кувшинов), которые встречаются в Самарии во II тысячелетии до н. э., а в следующем тысячелетии — в различных местах Финикии, Сирии и Кипра [68, стр. 59; 231, стр. 132]. Обе разновидности относятся к так называемому типу А «иберио-пунических» амфор.

Более спорен вопрос об изготовлении амфор типа В IV — III вв. Эти сосуды имеют невысокое (6—8 мм) горло, узкое и длинное тулово с прямыми или слегка вогнутыми стенками и дно, сходящее на нет в виде снаряда [340, стр. 135]. Они найдены на Питиуссе, но особенно много их обнаружено в настоящее время в Северо-Восточной Испании и западной части средиземноморского побережья Галлии, т. е. в районах эмпоританской торговли. Поэтому предполагают, что их изготавливали не финикийцы, а греки из Эмпориона, в какой-то степени усвоившие карфагенскую технику [340, стр. 134]. Впрочем, решать этот вопрос пока преждевременно.

Изготавливали испанские финикийцы и другие виды глиняных изделий, в том числе и расписные полихромные сосуды, о которых речь пойдет в главе, посвященной искусству и художественному ремеслу.

Южная Испания притягивала финикийцев, как и позже греков, металлами, прежде всего оловом, серебром, медью. Поэтому вполне естественно, что в испано-финикийских городах должна была существовать обработка металлов. Раскопки в Тосканосе полностью подтвердили это. Там были найдены остатки шлака и глиняных труб с прилипшими следами металла и признаками сильного горения [278, стр. 92], что явно имело отношение к местной металлургии. Испанские финикийцы изготавливали из металла различные предметы, в том числе такие изделия художественного ремесла, как бронзовые кувшины и «жаровни». Металлы, либо очищенные, либо в виде руды, финикийцы получали от тартессиев.

Торговля с Тартессом была главной причиной основания Гадеса и других финикийских городов Южной Испании [261, стр. 306]. Во всей Южной и Юго-Восточной Испании была распространена красная керамика [345, стр. 265—266 и карта на стр. 261]. В разных местах испанского юга найдены финикийские амфоры, содержавшие в свое время какие-то жидкости. Надо отметить, что спросом у тартессиев пользовалась даже

самая обычная финикийская посуда. Интересны в этом отношении раскопки поселения на холме Серро-Саломон в верховьях реки Рио-Тинто. Большое количество лепной керамики удостоверяет, что перед нами тартессийское, а не финикийское поселение. В то же время там встречается и довольно много финикийских сосудов. Это и фрагменты амфор, и, что особенно интересно, черепки «двурогих» ламп и кувшинов [79, стр. 15—38]. Диодор (V, 35, 6) и Псевдо-Аристотель (*de mirab. ausc.* 135) упоминают о продаже оливкового масла. Не оно ли находилось в тех амфорах, обломки которых столь часто находят в Испании?

Распространяли финикийцы также различные произведения искусства и художественного ремесла: ювелирные изделия, пластины, ящички и гребни из слоновой кости, статуэтки, а также такие предметы культа, как алтари и амулеты [85, стр. 48—57; 180, стр. 378, 467—490]. Отмечая на карте места находок финикийских изделий, мы получаем почти точное совпадение с картой Тартессийской державы. Вне территории Тартессиды финикийские вещи попадаются в тех местах, которые были связаны с Тартессом, как в Алиседе и Алькасер-ду-Сал. Несомненно, что главным, а может быть, и единственным контрагентом испанских финикийцев на Пиренейском полуострове до конца VI в. до н. э. был Тартесс.

Из Гадеса и других финикийских городов Южной Испании в Тартессиду попадали не только изделия этих городов, но и Востока. Многие товары, найденные в Тартессиде, были восточного происхождения, прибывшие из Финикии или Кипра [86, стр. 749—750]. В Южной Испании найдены и египетские изделия, распространенные здесь, несомненно, через испано-финикийские города. Отсюда же могла идти к испанцам и часть греческой керамики, как об этом свидетельствует находка около Абдеры фрагмента греческой амфоры с финикийским граффити [181, стр. 626].

Финикийская торговля с Южной и Юго-Восточной Испанией не прекратилась и после гибели Тартесса. К V—III вв. относятся находки финикийских изделий, в том числе красной керамики и произведений искусства в иберийских некрополях и поселениях Пиренейского полуострова [85, стр. 60—62; 99, стр. 244—255; 180, стр. 467—490; 345, стр. 265].

Итак, финикийцы продавали испанцам изделия своего ремесла и продукты средиземноморского Востока. Покупали же финикийцы в Тартессиде главным образом металлы, особенно серебро и олово, а также золото, хотя и в меньшем количестве. Недаром «таршишский корабль» привозил в Палестину прежде всего золото и серебро (I Reg. X, 22), а легенды, рассказанные Диодором (V, 35, 4) и Псевдо-Аристотелем (*de mirab.*

ausc. 135), как мы помним, говорят о серебряных или посеребренных якорях финикийских судов, возвращающихся из Испании. И финикийские колонии располагаются либо в местах, удобных для причаливания восточных кораблей, либо в устьях рек, дающих возможность проникнуть к рудным районам полуострова или к пунктам, откуда можно было получить металл. Не случайно большое значение имел Гадес, близкий к устью Бетиса и связанный, по-видимому, непосредственно с самим Тартесом. Примечательно расположение неизвестного ранее финикийского поселения при слиянии рек Одиель и Рио-Тинто (на месте совр. Уэльвы), которое явно было связано с горнорудными поселками долины Рио-Тинто [79, прим. в конце работы; 316, стр. 155—156]³. Поисками металлов объясняется и наличие предметов финикийской торговли в верхней долине Бетиса и окружающем районе после гибели Тартесса, ибо этот район в то время оказывается одним из важнейших центров добычи металлов [75, стр. 35—36].

Снаряжали ли испанские финикийцы экспедиции к богатым источникам металлов на севере, в Галисии и Британии, во времена существования Тартессийской державы? Сведений об этом у нас нет. Известно о торговле тартессиев в этих районах и о борьбе тартессиев с финикийцами. Несомненно, одной из причин этой борьбы было стремление тартессиев оградить свои торговые пути от финикийской конкуренции. Недаром греческое путешествие по океану в северном направлении привело к охлаждению фокейско-тартессийских отношений [29, стр. 123]. После гибели Тартессиды такие экспедиции явно стали предприниматься. Об этом рассказывает Авиен (ог. шаг. 114—116), говорящий о неоднократных путешествиях в Эстримпиду и карфагенян, и народа, живущего у Геркулесовых Столпов. Автор противопоставляет их поездкам тартессиев, о которых пишет стихом выше. Так что под народом, живущим у Столпов, явно подразумеваются гадитане. Они плавали к Кассиридидам (несомненно, берега Галисии) и уже в начале римского времени, как об этом пишет Страбон (III, 5, 11). Подтверждением таких поездок явились находки подвесок, серег, ожерелий, обручей для волос финикийского типа в ряде поселений северо-запада Пиренейского полуострова, где был обнаружен и остаток финикийской надписи III в. до н. э. [85, стр. 66].

После разрушения Тартессийской державы и установления господства над Гадесом атлантическую торговлю пытались взять в свои руки карфагеняне. Этим, как нам кажется, и была вызвана экспедиция Гимилькона, отправившаяся из Карфагена

³ Недавно возникла мысль: а не было ли именно это поселение искомым городом Тартесом [195, стр. 355—360]?

по океану в северном направлении (Av. or. mar. 114—129, 382—389, 412—415; Plin. II, 169). Поэтому и датировать ее, нам думается, надо временем вскоре после штурма Гадеса и гибели Тартесса, т. е. первой половиной V в. до н. э.⁴ Однако, если карфагеняне стремились оттеснить от северной торговли гадитан, это, как мы видим, им не удалось.

Карфагенская и эбеситанская торговля на Пиренейском полуострове начала развиваться позже, чем гадитанская. Почти нет следов карфагенского импорта до конца VI в. до н. э. Можно отметить только грубые терракотовые статуэтки, найденные около Кармоны в могилах VI в. [85, стр. 58—59], но они могли попасть туда не непосредственно из Карфагена, а через финикийцев испанского юга: находка в Утике подвески, очень похожей на гадитанские [85, стр. 59], свидетельствует о связях Гадеса с Карфагенской державой.

С V в. до н. э. на восточном побережье Испании появляются первые свидетельства эбеситанского импорта или влияния: терракотовые статуэтки [293, стр. 270]. В IV—III вв. широко распространяются карфагенские курильницы в виде женской головы [53, стр. 72—74]. В некоторых испанских поселениях этого района найдены остатки пунических амфор, причем на двух ручках сохранились финикийские клейма. Карфагенские монеты и фрагменты керамики встречаются и к северу от Ибера, в том числе в греческом Эмпорионе [85, стр. 62—64]. И если арена гадитанской торговли в основном совпадает с территорией Тартессийской державы, то сфера влияния карфагенских купцов распространяется по юго-восточному и восточному побережью Пиренейского полуострова, отдельными языками протягиваясь в глубь полуострова, вплоть до Месеты и даже современной Португалии.

Финикийские города Южной Испании были тесно связаны с Северо-Западной Африкой. Там финикийцами была основана колония Ликс, в которой находилось святилище Геркулеса, т. е. Мелькарта, еще более древнее, чем в Гадесе (Plin. XIX, 63). Учитывая первые неудачные попытки создать колонию в самой Испании или у ее побережья, можно думать, что основание Ликса было связано с попытками тирийцев укрепиться у Геракловых Столпов и создать плацдарм для торговли с Тартессом [33, стр. 23]. Характерно, что именно в Ликсе было обнаружено древнейшее свидетельство восточного присутствия на территории современного Марокко: египетский скарабей с именем Аменхотепа III, выполненный через много лет после смерти

⁴ Датировка этой экспедиции спорна. Некоторые исследователи датируют ее второй половиной VI в. до н. э. [33, стр. 94; 40, стр. 126; 358 стр. 154].

фараона, в X в. до н. э. [106, стр. 172]. Правда, этот скарабей мог случайно попасть сюда, а самые древние археологические памятники этого города пока не древнее VII в. до н. э. [115, стр. 247—248], но, как в случае с Гадесом, одна эта находка еще не может служить опровержением традиционной датировки. Возможно, что после основания Гадеса значение Ликса упало. Связи между этими двумя городами, основанными одной метрополией в одних и тех же целях, видимо, всегда были тесными. Как и в испано-финикийских городах, в Ликсе и около него найдена красная керамика, столь характерная для финикийского ремесла крайнего запада Средиземноморья [231, стр. 118; 333, стр. 267].

Распространение красной керамики, которая, как мы видели, довольно быстро исчезает в Карфагене, но долго сохраняется в Гадесе и близких к нему городах, является в настоящее время лучшим доказательством связей между испано-финикийскими поселениями и окружающей территорией. Наличие этой керамики говорит о тесной связи между Южной Испанией и африканскими землями, лежащими на противоположной стороне пролива. Раскопки некрополей в районе Тингиса (совр. Танжер) выявили огромное влияние, оказанное финикийцами из Испании на местное население. В частности, во всех этих могильниках встречается красная керамика. Датируются они VIII (или VII) — V вв. до н. э. с апогеем в VI в. [300, стр. 17—24; 301, стр. 105—130, 163—164, 166—168]. Кроме керамики здесь найдены украшения, которые по форме похожи на встречаемые в Испании [301, стр. 140—155]. Все эти изделия — продукты испано-финикийской торговли. Позднее в некоторых североафриканских городах, как, например, в Банассе, развивается свое производство керамики, подобной сосудам юга Пиренейского полуострова [249, стр. 117—122].

Крайним восточным пунктом Африканского побережья, где можно отметить связи с Южной Испанией, является Рахгун, небольшой островок около современного Орапа в Западном Алжире, где в могилах VII — V вв. найдена керамика, пришедшая из Гадеса [301, стр. 108; 345, стр. 258].

Вдоль западных берегов Африки плавали и гадитанские рыбаки, и гадитанские торговцы. У залива, расположенного южнее Ликса и носящего красноречивое название Эмпорик (Торговый, греч.), финикийцы основали ряд торговых поселений (Strabo XVII, 3, 2). Самой южной точкой, где обнаружены следы финикийского присутствия, является остров Могадор. Здесь найдены сосуды красной керамики, явно происходящие из Южной Испании, сосуды с матовыми стенками (амфоры, массивные блюда на трех ножках, небольшие кувшинчики с почти

шаровидным туловом, ойнохой с грушевидным туловом), какие встречаются во всех финикийских поселениях Средиземноморья и в Этрурии, а происходят, вероятно, из самой Финикии или Кипра. Обнаружены также фрагменты расписных ваз с геометрическим узором в виде параллельных полос или концентрических кругов, какие могли изготовляться и в испано-финикийских городах, и в мастерских метрополии. На некоторых черепках найдены финикийские граффити, что исключает всякое сомнение в происхождении стоянки на Могадоре. Более ранние из этих вещей относятся к VII в. до н. э. Находки на этом острове остатков жилищ (глиняный и каменный полы, очаги) и предметов культа (бетил и ритуальный колокольчик) свидетельствуют о наличии на Могадоре финикийского поселения [231].

Геродот (IV, 196) описывает приемы карфагенской торговли с племенами океанского побережья Африки. По его словам, карфагеняне выгружают свои товары, раскладывая их на берегу, и, вернувшись на корабль, разводят дым. Местные жители кладут рядом с товарами золота, которое затем карфагеняне забирают, оставляя товары. Если золота мало, пунические торговцы уходят на суда, не тронув золота и выжидая, пока количество золота будет равноценно стоимости товаров. Только после этого золото и товары уносятся участниками торговли. Такой способ торговли, еще сравнительно примитивный, должен был использоваться и испанскими финикийцами. Судя по рассказу Геродота, главным товаром, получаемым у жителей западного берега Африки, было золото. Полагают, что это было золото Гвинеи [108, стр. 92]. Поскольку «таршишский корабль» доставлял на Восток также слоновую кость, павлинов и обезьян (I Reg. X, 22), следовательно, и они вывозились из Африки.

На Могадоре найдена и греческая керамика. В основном это остатки ионийских и аттических амфор второй половины VII в. до н. э. [231, стр. 59–64; 359, стр. 1–8]. Отсутствие киликов, кратеров, скифосов и подобных сосудов, являющихся предметом роскоши, говорит о том, что главным была не сама керамика, а товары, хранящиеся в амфорах. Сравнительно небольшое количество греческих амфорных черепков заставляет предполагать, что греки не добирались до Могадора, а их товары привозились посредниками. Отсутствие подобных ваз в Карфагене и их присутствие в Испании заставляет думать в первую очередь об испано-финикийцах [359, стр. 16]. Можно иметь в виду также и тартессиев. Несколько позже следы греческого импорта появляются и севернее Могадора; в Банассе (VII—VI вв.), Коттисе и Ликсе (с V в.). С VI в. до н. э. в Северном Марокко появляется и эллинская расписная керамика

[359, стр. 15]. В следующем, V в., и на юге Испании, и в Марокко встречаются аттические краснофигурные изделия (при полном их отсутствии в Карфагене), что позволяет вновь говорить о гадитанском посредничестве [359, стр. 23].

С VI в. до н. э. в некоторых местах Северо-Западной Африки, в частности в Банассе, появляются изделия, свидетельствующие о связи с Карфагеном, — это вазы «с уступами» и сосуды с двумя ручками, встречающиеся в пунической столице в это же время [249, стр. 130, 138]. В Тингисе и Куассе карфагенские изделия отмечаются с конца V в. до н. э. [301, стр. 169—181]. Несколько ранее, около 500 г. до н. э., финикийцы покидают Могадор [108, стр. 92, 95]. Следовательно, с VI—V вв. испано-финикийцы были значительно потеснены в Африке карфагенянами. Хотя испано-африканские связи продолжали сохраняться, но сфера влияния Гадеса сократилась и он был вынужден терпеть конкуренцию Карфагена. Нам представляется, что это связано с захватом Гадеса карфагенянами. Подчинение Карфагену, с одной стороны, и относительная автономия, выразившаяся в официальном равноправии испанских финикийцев с жителями Карфагена, — с другой, объясняют, как кажется, положение в Северо-Западной Африке. Возможно, целью экспедиции карфагенского мореплавателя Ганнона около 475 г. до н. э. [269, стр. XXII] и было перехватить торговлю с атлантической Африкой.

Связи испано-финикийцев с метрополией должны были сохраняться в течение долгого времени. Через Гадес и другие финикийские города Южной Испании на Пиренейский полуостров доставлялись изделия восточнофиникийского ремесла и произведения искусства. Учитывая, что на территории Тартесса с конца II тысячелетия до н. э. имелись финикийские колонии, можно считать, что «таршишские корабли», осуществлявшие связь между Западом и Востоком, приходили в Тир и Яффу именно из этих колоний. Как мы уже знаем, эти корабли привозили в Азию испанское серебро и олово, африканское золото, столь ценимую на Ближнем Востоке слоновую кость, забавы для царских и княжеских дворов — обезьян и павлинов. Ценностей, доставляемых с Запада, было очень много. По словам составителя I Книги Царей (X, 27; ср. X, 31), торговля с Таршишем привела к тому, что при Соломоне «серебро в Иерусалиме стало подобно камням». При всем преувеличении в этом восторженном высказывании отражено воспоминание о громадном притоке в Иудею испанского серебра.

X век до н. э. — время правления Хирама Тирского и Соломона Иерусалимского — был периодом высшего расцвета Тира. Однако связи между Испанией и Востоком продолжали развиваться и в последующие века. Археологические свидетельства

говорят о большом размахе испано-восточной торговли в VIII — VII вв. Возможно, эти связи несколько ослабли в конце VIII столетия до н. э. вследствие неудачного для финикийцев поворота событий в Сицилии (борьба с греками) и в метрополии (войны с Ассирией), но они вновь укрепились в VII в. до н. э. [95, стр. 470]. В начале VI в. до н. э. эти отношения были засвидетельствованы Книгой Иезекиила (XXVII, 12), давшей впечатляющую картину тирской торговли и называвшей среди контрагентов Тира и Таршиш. В качестве товаров этой западной страны упоминаются металлы: серебро, железо, свинец, олово. Последнее по времени нарративное свидетельство прямых связей средиземноморского Леванта с Пиренейским полуостровом содержится в Книге Ионы (I, 3). Памятники испано-финикийского искусства, о которых пойдет речь в IV главе, показывают сохранение связей с метрополией и во второй половине I тысячелетия до н. э. Однако об их интенсивности говорить пока трудно.

В Испании найдено некоторое количество египетских изделий. Так, в некрополе «Лаурита», где нашли последний приют жители Сексы, обнаружены алебастровые вазы, использованные здесь как погребальные урны, с именами фараонов XXII династии — Осоркона II, Шешонка II и Такелота II, царствовавших в VIII в. до н. э. Подобные вазы были найдены в реке Барбате и в могиле около Кармоны [285, стр. 51—52]. К VII в. до н. э. относится уже упомянутый скарабей с именем Псамметиха I, найденный в Алькасер-ду-Сал, и бронзовая плакетка со сценой жертвоприношения египетского типа, обнаруженная в окрестностях Малаги [180, стр. 326—327; 347, стр. 164]. Египетские и египтизирующие произведения (амулеты, терракотовые и бронзовые фигурки) найдены в Гадесе и Эбесе и их некрополях [115, стр. 263—266; 272—273; 180, стр. 400—413, 427—439]. Существовали ли прямые связи между Египтом и Испанией, сказать трудно. Сведений об этом, относящихся к доримскому времени, нет.

В то же время хорошо известно о культурных, политических и торговых отношениях между Египтом и Финикией. В I тысячелетии до н. э. политическое влияние Египта на Финикию ослабевает и памятники с именами фараонов становятся редкими. Исключение составляют статуи с именами властителей именно XXII династии, в том числе Осоркона II [109, стр. 38—41; 309, стр. 15]. И это, по-видимому, свидетельствует о том, что алебастровые вазы с именами фараонов этой династии доставлялись в Испанию из Финикии, а не непосредственно из Египта [242, стр. 13].

Через финикийские порты проникли, по-видимому, в Испанию и произведения искусства, происходящие из внутренних районов Сирии и Северной Месопотамии [86, стр. 749].

Связи между испано-финикийскими городами и Восточной Финикией осуществлялись как непосредственно, так и через Кипр. Видимо, именно на этом острове впервые появилась техника красной керамики, столь полюбившаяся испанским финикийцам [86, стр. 749; 345, стр. 266]. Обнаруживается ряд параллелей между произведениями испано-финикийского и кипрского искусства. В результате археологических находок на Пиренейском полуострове появились и такие собственно кипрские изделия, как изогнутые «локтевые» фибулы в кладе Уэльвы и аскосы в виде птиц в Гадесе и средней долине Бетиса [233, стр. 80]. В так называемой таблице народов Книги Бытия (X, 4) Таршиш назван рядом с Элишой и Киттимом, под которыми подразумевается один и тот же остров Кипр [3, стр. 166, прим. 31; 128, стр. 44, 47]. Пророчествуя о судьбе Тира, Исайя (XXIII, 1) восклицает, что весть о разрушении этого города придет к «таршишским кораблям» из Китийской земли. Это подтверждает мысль, что Кипр был необходимым звеном, соединяющим Южную Испанию со средиземноморским Левантом.

Испано-финикийские города поддерживали торговые отношения и с Грецией. Диодор (V, 35, 3) отмечает, что финикийцы перевозили серебро из Испании в Элладу, Азию и к другим народам. Видимо, через финикийцев была доставлена в Сикион бронза, которой, по Павсанию (VI, 19, 1—3), была отделана сокровищница сикионского тирана Мирона в Олимпии в середине VII в. до н. э. Уже нам известно, что через испанских финикийцев приходили к народам Южной Испании и Северо-Западной Африки греческие изделия. С V в. до н. э. по крайней мере в Афинах пользовался спросом испанский гарум. Раскопки в Тосканосе, Трайамаре, некрополе «Лаурита», в различных местах Марокко показывают, что в VIII—VI вв. греческими контрагентами испанских финикийцев были Коринф, Афины, города Ионии и Родос. Наиболее интенсивными все же были, по-видимому, торговые отношения с Афинами и Коринфом [279, стр. 116—117; 278, стр. 91; 285, стр. 63—65; 359, стр. 16].

В V и IV вв. на Западе господствуют аттические краснофигурные и чернолаковые сосуды. Многочисленные находки таких же ваз в Сицилии говорят о том, что этот остров был, вероятно, посредником между западными финикийцами и Балканской Грецией [359, стр. 23—24]. В V в. до н. э. греческая керамика из обедневших могил Карфагена и Утики практически исчезает [108, стр. 87; 111, стр. 25—28; 112, стр. 144—146]. Иначе обстоит дело в поселениях и некрополях Испании и Северной Африки, включая территории, подвластные Карфагену. Здесь ввоз эллинских, особенно аттических, изделий не прекращается до последней четверти IV в. [48, стр. 184—186; 359, стр. 12—16].

Едва ли эти факты можно интерпретировать как свидетельство независимости Испании и Марокко от Карфагена в V—IV вв. Мы уже знаем об установлении карфагенской власти над финикийскими поселениями по обе стороны пролива у Геракловых Столпов. Надо отметить наличие греческого импорта на Питиуссе, где находился карфагенский Эбес, а также в Сардинии и Керкуане [48, стр. 185—186], расположенном в непосредственной близости от самого Карфагена. По-видимому, надо говорить об относительной экономической автономии испано-финикийских городов, подобной политической автономии, о которой говорилось в первой главе.

Мы только что упоминали Эбес. Расположенный на Питиуссе, этот город оказался на «островном мосту», через который греки осуществляли связь с Тартессом [103, стр. 13—19]. Неудивительно, что он не остался в стороне от торговли с греческим миром. В эбеситанском некрополе Пуиг-д'эс-Молинс найдены, в частности, архаические навкратийские арибаллы, прибывшие сюда, вероятно, с фокейскими торговцами [178, т. 2, стр. 191]. А эллинских сосудов и ламп здесь даже больше, чем местных и карфагенских [180, стр. 436—437]. Характерно, что Эбес не упомянут в римско-карфагенских договорах как пункт, запретный для римской (следовательно, для всякой некарфагенской) торговли. Не служил ли Эбес своеобразным «окном в мир», местом, где карфагеняне вступали в контакты со своими соседями и конкурентами?

Итак, испанские финикийцы вели и посредническую торговлю, распространяя в Испании и Северо-Западной Африке изделия Восточного Средиземноморья, и торговали продуктами своего хозяйства.

При таком размахе торговли в испано-финикийских городах, казалось бы, рано должны были появиться металлические монеты. Однако этого не случилось. У финикийцев вообще чеканка началась довольно поздно. В Тире ранние монеты с изображением дельфина, мчащегося над тройной линией волн и пурпуроносной раковинкой, относятся ко второй половине V в. до н. э. [54, стр. 25; 265, стр. 52]. В Карфагене в V—IV вв. имеют хождение монеты, выпускаемые в сицилийском Лилибее по аттическому эталону, и только на рубеже IV—III вв. создается карфагенский монетный двор [106, стр. 182]. Испано-финикийские города начали выпускать свои деньги еще позже. Самые ранние гадитанские драхмы и их разновидности, выполненные по греко-пуническому стандарту, распространенному в Карфагене, относятся к середине или второй половине III в. до н. э., т. е. к тому времени, когда на Пиренейском полуострове существовала держава Баркидов. На этих серебряных монетах весом от 0,1 до 0,4 г была изображена голова Мелькарта, покро-

вителя города, или тунцы как знак морского могущества. Наряду с серебряными в Гадесе имели хождение и более тяжелые, но менее ценные бронзовые монеты весом 4,5 г [362, стр. 290—306; 363, т. I, стр. 51—54]. В том же веке появились и серебряные монеты Секси [155, стр. 322]. К этому времени относится и начало эбеситанской чеканки [363, т. I, стр. 60—62]. На Пиренейском полуострове появляются также ненадписанные деньги с изображением головы коня и пальмы (подобные карфагенским), которые считаются выпущенными в Барии, а также изделия иберийских монетных дворов с финикийскими надписями. Сфера их распространения ограничивается южным и восточным берегами Испании [66, стр. 56—57].

Возможно, на позднее появление металлической монеты повлияло преобладающее значение посредничества в торговле испано-финикийских городов. К. Маркс указывал, что в древности торговые народы (к ним он по праву относил финикийцев) сами «играли роль денег (посредников)» в обмене между производящими народами [1, ч II, стр. 372]. Финикийцы предпочитали непосредственно обменивать товар на товар. С приходом на испанскую землю Баркидов испано-финикийские города оказались более тесно связанными с Карфагеном, чем раньше, и как политическая, так и экономическая их автономия была ограничена. Гадес и другие города лишились возможности осуществлять широкий обмен между Западом и Востоком. Экстенсивная торговля была заменена интенсивной, что и привело к появлению монеты. Разумеется, это только гипотеза.

Связи между испанскими финикийцами и другими народами привели к взаимным влияниям. Это проявилось, в частности, в самой Испании. Уже отмечалось, например, местное влияние на строительную технику финикийских поселенцев. Финикийская архитектура, в свою очередь, повлияла на местную: так, в Галере традиционные круглые и овальные дома из сырцовых кирпичей заменяются прямоугольными, построенными на каменном фундаменте [317, стр. 31], очень похожими на помещения, вскрытые в Тосканосе. Установлено значение финикийской керамики для развития иберийского гончарного дела [288, стр. 60—90; 289, стр. 2—11; 317, стр. 31—33]. Финикийские «жаровни» явились прообразом подобных бронзовых сосудов у местных племен юго-востока [119, стр. 78—79]. Большое влияние оказали финикийцы на развитие горного дела и металлургии Тартессиды. Так, жители поселка на Серро-Саломон использовали технику, похожую на ту, какой владели металлурги и горнорабочие Ближнего Востока уже в X в. до н. э., в частности керамические сопла, призматические и в виде рога, питавшие воздухом очаги, выкопанные в земле. Руда дробилась на гранитных наковальнях,

подобных камням, пайденным в Арабабе. И такие наковальни обнаружены не только на Серро-Саломон, но и во всем этом горнорудном районе [79, стр. 12—15, 17—18].

Контакты между колонистами и местным населением могли быть и внутри самих финикийских колоний. Раскопки в Тосканосе и Морро-де-Мескитилья обнаружили следы пребывания здесь местного населения: местную лепную керамику [278, стр. 105; 317, стр. 115—116]. Однако уточнить природу этих связей пока невозможно.

Знакомство с дальним Западом имело большое значение и для Востока. Испанские и африканские товары, особенно металлы, оказались очень нужными экономике Финикии и ее соседей. Недаром в пророчестве Исаяи (XXIII, 1; 5; 10) Таршиш и Тир столь тесно связаны.

Сведения о далеких западных странах должны были расширить представления Востока о мире. Таршиш появляется как самый западный пункт в библейской географии, пункт, который в Книге Ионы воспринимается как край света. Это могло появиться у библейских авторов либо в результате прямого знакомства с Испанией, либо, что более вероятно, через посредство финикийцев. Предполагают, что при перечислении народов в Книге Бытия (X) использована какая-то финикийская карта [198, стлб. 530]. Вавилонянам было присуще представление об океане, кругом обтекающем всю землю, которая, по их воззрениям, имела вид идеального круга [39, стр. 68]. То же самое полагали и гомеровские греки, как это видно, например, из описания щита Ахилла (II, XVIII, 606—607). Почерпнули вавилоняне и греки эти представления от финикийцев, или они возникли спонтанно, как это могло быть у всякого народа, живущего у берегов моря [39, стр. 64]? Во всяком случае, надо отметить, что само слово «океан» — негреческое и даже вообще неиндоевропейское [168, стр. 1145]. Среди предположений о происхождении этого слова есть и мысль о его финикийском истоке [199, стлб. 2309—2310]. Диодор (V, 20, 1) связывает наименование внешнего моря «океаном» с путешествиями финикийцев.

Хотя океан, по мысли Гомера (этот взгляд был свойствен грекам и в более позднее время), кругом обтекает землю, эллины связывали океан в основном с Западом. Одиссею надо пересечь его, чтобы достигнуть царства мертвых (Od. X, 504 и далее), которое обычно локализуется в краю захода солнца. Где-то там, в стране, где веет зефир, посылаемый океаном, располагаются Елисейские поля (V, 561—569). Иногда думают, что само это название связано с именем финикийского бога Эла [39, стр. 70—71]. Здесь же, близ границ земли, у океанских пучин, располагается острова блаженных Гесиод (Op. et dies 167—173).

64 На океане или за океаном локализируются в гесиодовской «Теого-

нии» Геспериды, Горгоны, Хрисаор и Герийон (215—216; 274—294). Нельзя ли предположить, что именно сведения о неизвестных грекам западных странах, то ли опасных, то ли счастливых, питали мифологическую фантазию эллинов? И если это так, то подобные сведения, хотя и очень смутные, могли принести в Элладу гомеровского времени только финикийцы, в том числе финикийцы Запада. Нам представляется напрасной тратой времени попытки идентифицировать те или иные места приключений Одиссея или жилища мифических персонажей Гесиода с конкретными пунктами Италии, Испании или какого-либо другого района западного мира, как это иногда еще делается [например, 131, стр. 38—41; 259]. Перед нами чисто сказочная география, едва ли имеющая какие-либо соответствия с реальной. Но и самые сказочные представления могут возникнуть только на какой-то реальной основе. Думается, что плавание финикийцев и испано-финикийцев по океану, где они не могли найти ни противоположного берега, ни конца, ни начала, и породили мысль о текущей в себя реке, за которой находится царство смерти. Это могло слиться с греческими представлениями о земле, лежащей посреди вод, и греки перенесли на этот океан места действия своих сказаний. Более того, греческие мифы, где так или иначе появляется океан, локализуются не равномерно по всей окружности ойкумены, а явно имеют тенденцию к западному размещению.

Таким образом, связи западнофиникийского мира с восточносредиземноморским способствовали не только развитию экономики, но и в какой-то степени культуры Востока. Это особенно видно в расширении географического горизонта народов Восточного Средиземноморья, хотя это расширение первоначально было выражено в религиозно-мифологической форме.

Такова была повседневная и хозяйственная жизнь в финикийских городах в Испании. Во многом она была сходна с жизнью в городах самой Финикии, во многом своеобразна. То же самое можно сказать и о религии, искусстве и письменности испанских финикийцев⁵.

⁵ Дальнейшие раскопки показали наличие многокомнатных жилых домов как в Тосканосе, так и во вновь открытом поселении — Чоррерас [246а, стр. 135; 316а, стр. 182—183].

Высказано мнение, что в рудниках на Серро-Саломон и вблизи него работали не тартессии, а финикийцы [123а, стр. 22]. Но это мнение пока не подтверждается.

В жизни финикийцев, как и всех других народов древности, религия играла большую роль. Открытие в Угарите религиозных и мифологических текстов XIV—XIII вв. до н. э. позволило составить представление о религии этого времени [138, стр. 355—368; 145, стр. 76—91; 344, стр. 30—33]. К сожалению, подобных текстов из других центров и более позднего времени не сохранилось. В нашем распоряжении имеются только сравнительно небольшое число надписей, фрагменты финикийских мифов, воспроизведенные античными авторами, да указания монет и памятников искусства, которых тоже весьма немного. Обычно принята идентификация финикийских и греко-римских божеств. Это, с одной стороны, облегчает установление сущности того или иного финикийского бога, с другой — делает подчас невероятно трудным выяснение, идет ли речь о персонаже финикийского, или чисто греческого, или же римского культа. Поэтому ни в одной области истории финикийской культуры нет столько неопределенностей и гипотез, иногда совершенно недоказуемых, сколько в истории финикийской религии конца II—I тысячелетий до н. э.

Нас интересуют, естественно, те финикийские божества, культ которых отмечен в Испании, и именно те аспекты этого культа, которые здесь засвидетельствованы.

Среди персонажей финикийского пантеона, известных и почитаемых испано-финикийцами, надо в первую очередь назвать Мелькарта, главного тирского бога, столь популярного у колонистов, а позже и у античных народов, отождествлявших его с Гераклом, или Геркулесом. Храм этого бога в Гадесе был одним из самых знаменитых святилищ древности, и слава его распространялась по всему Средиземноморью. Возникнув, как мы выяснили, в конце II тысячелетия до н. э., он существовал до самого конца язычества. Последние сведения о нем относятся к концу IV в. н. э. Мы не будем в данном случае рассматривать все проблемы культа Мелькарта. Нас интересует то, что имеет непосредственное отношение к почитанию этого бога в Испании, хотя, конечно, едва ли существовало резкое отличие в сущности этого божества у восточных и западных финикийцев. Решить вопрос, каким представляли себе бога испано-финикийцы, поможет анализ сказаний, бытовавших в Гадесе и в других испано-финикийских городах.

Гераклейона, рассказывая об изображениях на них. Д. ван Берхем справедливо отмечает, что храм в Гадесе во времена Силия, т. е. в I в. н. э., был слишком известен, чтобы даже такой поэт, как он, мог позволить себе фантастические утверждения [69, стр. 83]. Поэтому рассмотрим внимательнее эти изображения.

В поэме говорится, что на воротах храма были изображены «труды Алкида», и далее они кратко перечисляются: Лернейская гидра, Немейский лев (его автор называет Клеонейским), Стигийский привратник, т. е. адский пес Кербер, фракийские кони, Эрманфский вепрь, медноногий олень (Керинейская лань), поверженный Антей, кентавр, человекоголовый бык Ахелой (Акарнанский поток) и, наконец, сожжение героя на Эте, с которой «великую душу уносит к звездам пламя».

Прежде всего бросается в глаза, что перед нами не традиционные двенадцать подвигов, а набор из десяти эпизодов «биографии», включая и смерть на костре. К тому же наряду с шестью подвигами, включаемыми в классический додекатлос, имеются четыре, которые, хотя и известны из античной литературы, в этот список не входят. А. Гарсиа и Бельдио полагают, что изображения на воротах гадитанского храма были созданы еще до каталогизации подвигов, которая имела место, по его мнению, на рубеже VI—V вв., и, следовательно, отражают эллинизацию святилища в VI в. до н. э. [188, стр. 104—105]. Однако проблема происхождения цикла двенадцати подвигов Геракла далека от разрешения. Если М. Нильсон отнесит время возникновения додекатлоса к микенской эпохе [276, стр. 197, 224], то Ф. Броммер считает, что этот каталог был создан только во времена эллинизма [97, стр. X]. Во всяком случае, о некоторых подвигах знают уже Гомер (Il. VIII, 363—369; Od. XI, 623—626) и Гесиод (Theog. 275, 287—294, 310, 313—315, 327—333).

Среди подвигов гадитанского Геркулеса мы не видим ни похищения яблок Гесперид, ни поддержки неба Атлантом, ни борьбы с Герионом. Мифы эти довольно древние; они упоминаются уже Гесиодом, а сказание о похищении яблок Гесперид существовало, возможно, и в Микенской Греции [10, стр. 63, прим. 110]. Между тем в греческой мифологии все эти события локализуются обычно на крайнем Западе, т. е. в сфере влияния Гадеса. И особенно важно, что здесь не упоминается о борьбе героя с Герионом. Об этой борьбе рассказывает Гесиод, локализуя ее на острове Эрифия. Уже Стесихор (у Strabo III, 2, 11) связывает Гериона с Тартессом. А Эфор и Филистид (у Plin. IV, 22) Эрифию считают тем же островом, что и остров Гадеса. И было бы очень странно, если гадитанские жрецы, избрав греческий образец для украшения храма, пренебрегли теми сказаниями, которые, казалось бы, имеют непосредственное отно-

шение к окружающей местности и, может быть, к самому их городу. В то же время среди сцен из «биографии» героя на гадитанских воротах есть и сцена его смерти. Этот сюжет сравнительно редко встречается в греческом изобразительном искусстве [97, стр. 147]. Но зато в Гадесе, как об этом подробнее будет сказано ниже, смерть и последующее воскресение Мелькарта особо почитались. Все сказанное приводит к мысли, что на воротах Гераклеяона в Гадесе был изображен не эллинский герой, а финикийский бог. Конечно, нельзя исключить полностью влияние греческой мифологии. Но и в таком случае избирались только те сюжеты, которые аналогичны темам подвигов и страданий Мелькарта (независимо от того, существовали ли уже канонизированный список додекатлоса или нет).

Из подвигов Мелькарта поэт на первое место помещает борьбу с Лернейской гидрой (точнее, была представлена уже поверженная гидра с отрубленными головами). Тема борьбы героев с чудовищными змеями и драконами была широко распространена в мифологии как Греции, так и Востока. На месопотамских печатях мы находим изображение битвы героя, одного или с товарищем, с пятиголовой змеей или семиглавым драконом, на спине которого горят шесть языков пламени [225, стр. 174—175; 245, стр. 40—41, рис. 1 и табл. II, 1]. Шумерский Гильгамеш сражается со змеей, притаившейся в корнях могучей ивы, посаженной богиней Инанной [5, стр. 76—77]. В Библии сохранились упоминания о борьбе бога со страшным змием Левиафаном (Ies. XXVII, 1; Ps. LXXIV, 14). И в угаритской поэме о Баале рассказывается, что этот бог поразил приносящего зло змия Ltn, властелина с семью головами (I* AB, 1 1—2; V AB, D, 38—39). Встречается этот сюжет и в сказаниях других народов [10, стр. 27]. Таким образом, миф о сражении бога или героя с драконом, змеей или чем-то подобным не стоит одиноко; он бытует и в ханаанской мифологии, и поэтому вполне возможно, что тирскому Мелькарту, как и угаритскому Баалу, приписывался подобный подвиг.

Что касается второго деяния Мелькарта, борьбы со львом, то эта тема также широко представлена в сказаниях различных народов. В «Эпосе о Гильгамеше» подобные действия приписываются и Энкиду (II, III, 28—32), и самому Гильгамешу (IX, I, 14—18)¹. Можно вспомнить и знаменитого библейского Самсона (Jud. XIV, 6). В рассказе о Баале нет описания такого сражения, но владения бога смерти Мота, врага Баала, постоянно называются полем львов Мамету (I* AB, VI, 7). Лев здесь, видимо, предстает как существо, враждебное Баалу.

68 ¹ Мы следуем интерпретации и переводу этой поэмы И. М. Дьяконовым [11].

На двух серебряных чашах, найденных на Кипре в финикийском Китии, изображена борьба бородатого персонажа со львом и безбородого — с грифом. На одной чаше борец со львом представлен в египетском стиле, на другой — в месопотамском, что характерно для финикийского искусства. В бородатом герое надо признать Мелькарта, а его спутника обычно считают Эшмуном [59, стр. 296—298 и табл. VII и VIII]. Изображение воина, сражающегося при поддержке грифона со львом, мы видим и на пластинке из слоновой кости, найденной в Южной Испании около Кармоны [75, стр. 13]. Поскольку Китий долгое время подчинялся Тиру, а кармонская пластинка была создана, скорее всего, испано-финикийским резчиком, то эти памятники дают прямое свидетельство тирского мифа о борьбе со львом. Кармонская находка также подтверждает, что это сказание было популярно в Испании.

Третьим подвигом бога, изображенным на воротах, была победа над адским псом Кербером. Точных параллелей мы пока не находим в восточной литературе. Однако тема пребывания божества или героя в подземном мире и борьбы с существами этого мира встречается повсеместно. Через море смерти в жилище бессмертного Утнапишти переправляется Гильгамеш (IX, IV, 2—11). Несомненно, что в подземном мире побывали умершие и воскресшие боги Таммуз и Адонис. То же самое можно сказать и о Баале. Мот погубил этого бога, но тот затем воскрес. А далее рассказывается о борьбе Баала и Мота. В нее вмешивается богиня солнца Шапаш, заставившая Мота окончательно покориться (1* АВ, VI, 16—32). По словам Силия Италика, в сцене сражения Геркулеса с Кербером представлена Мегера, боящаяся змей. Не мог ли римский автор или его источник принять за Мегеру фигуру богини солнца? Античный Кербер всегда изображался в виде пса, иногда даже многоголового и многотелого [146, стлб. 272, 276]. На одной из китийских чаш виден бородатый человек, в котором признается Мелькарт, несущий на плечах пса [59, табл. VIII].

Среди других подвигов Мелькарта была изображена борьба с великаном Антеем. Тема борьбы с гигантами широко представлена на Востоке. Это и убийство страшного Хумбабы Гильгамешем и Энкиду («Эпос о Гильгамеше», V), и победа юного Давида над великаном Голиафом (I Sam. XVII, 40—51). Можно найти параллели и другим победам Мелькарта. Ахелой в эллинистическую эпоху изображался в виде быка с человеческой головой [367, стлб. 246]. Нечто подобное должно было быть и на воротах храма. Похожие изображения известны и в восточном искусстве. Например, на передке арфы, найденной в царской могиле в Уре, представлен персонаж, борющийся с двумя быками с человеческими лицами [28, стр. 121 и рис. на

стр. 125]. Гадитанский Геркулес сражался с вепрем. Египтяне рассказывали о борьбе Гора с Сетом, имевшим вид черного бобра [296, стр. 68—69]. Неудивительно и появление оленя среди фигур, связанных с Мелькартом. Лань была связана с культом этого божества, она кормила божественного младенца, как это видно на тирском рельефе со сценой рождения этого бога [327, стр. 23—24 и табл. II, рис. 1]. И хотя другие сюжеты пока не имеют определенных аналогий, приведенных достаточно для утверждения, что подвиги Мелькарта находятся в сфере древневосточных мифологических представлений.

Каков же смысл эпизодов, которые представлены на воротах гадитанского Гераклеяона? В греческой мифологии (у Гесиода) Кербер, Лернейская гидра, Немейский лев считаются детьми Ехидны и Тифона (Theog. 306—332) — чудовищ, связанных со страшными хтоническими силами. Подобные идеи должны были быть и у финикийцев. В финикийском мире змеи символизировали водный поток, пробивающийся из земли [59, стр. 325—339]. В представлениях многих народов собака была связана со смертью как образ души умершего [146, стлб. 274]. По-видимому, борьба Мелькарта с гидрой, львом и Кербером изображала в мифологическом виде борьбу с тремя проявлениями хтонических сил: выходящими из земли водами, наземными чудовищами (представлены львом) и страшными порождениями подземного царства. Следующие три подвига Мелькарта, по существу, повторяют те же мотивы. Кони связаны с загробным миром у греков, этрусков и по всему Средиземноморью [20, стр. 52—65; 81, стр. 67]; олень был водным символом [61, стр. 112—113]; кабан мог воплощать наземные силы. Наконец, та же сущность была и у остальных трех врагов Мелькарта: великана, кентавров (точнее, каких-то существ, принятых римским автором за кентавров), человекоголового быка. В месопотамском эпосе великан Хумбаба неразрывен с выросшим из земли кедром («Эпос о Гильгамеше», V). Бык у многих народов воплощает неуправляемый водный поток. «Кентавры», какие-то существа, подобные коням, как и они, возможно, были связаны с миром смерти.

Таким образом, представляется, что в изображениях на воротах Гераклеяона в Гадесе перед нами трижды повторенные аналогичные мотивы борьбы бога с темными порождениями хтонических сил. Троекратное повторение одного и того же, как известно, имеет всегда большое значение в фольклоре различных народов; оно как бы утверждает и упрочивает особую значимость события. Вероятнее всего, и при изложении Мелькартовых деяний троекратное повторение одного и того же в разных формах должно было усилить и утвердить значение его «трудов».

Такие мифы должны были относиться к божеству, связанному с солнцем. Подвиги Мелькарта напоминают деяния Гильгамеша и частично Самсона. А солярный характер этих героев несомненен. Солнечный аспект культа Мелькарта подтверждает и легенда о нападении тартессийского царя Ферона на Гадес, рассказанная Макробием (*Saturn.* I, 20, 12). Там говорится о сожжении царских кораблей лучами, подобными солнечным, и о явлении львов на носгах гадитанских кораблей. Спасения Гадеса, естественно, надо ожидать от бога — покровителя города, каким был Мелькарт, тем более что непосредственной целью нападения был, по Макробию, именно храм Геркулеса, и сам Макробий вставил это повествование в отрывок о Геркулесе. Лев, как мы только что видели, был животным, связанным со сказаниями о Мелькарте. В первой главе уже говорилось о финикийском происхождении этой легенды и об отражении в ней борьбы гадитан с тартессиями. Следовательно, возникла она не позже середины I тысячелетия до н. э.

Последняя сцена из находящихся на воротах гадитанского храма — смерть и возрождение бога. В поэме Нонна «Дионисиака» (XL, 358) упоминается о Геракле, уничтожившем в огне старость и принявшем из огня юность. Сейчас доказано, что основным источником поэта в данном случае было местное, тирское предание [140, стр. 128—151]. А на воротах было показано, как «душу уносит к звездам пламя». Вероятно, здесь была представлена поднимающаяся из пламени фигура героя. Связывая со словами Нонна эту сцену, можно предположить, что в ней показывалось, как из огня поднимался обновленный бог. Из других источников также известно, что смерть (видимо, и воскресение) Мелькарта весьма почиталась в Гадесе. Так, Саллюстий (*Iug.* 18, 3), ссылающийся на афров, т. е. африканских финикийцев, упоминает о гибели Геркулеса в Испании. По словам Мелы (III, 46), в гадитанском храме находилась могила этого божества. Перед нами фигура гибнущего и воскресшего бога, подобного библскому Адонису, месопотамскому Таммузу или египетскому Осирису, божество, олицетворяющее умирающую и возрождающуюся природу. В этом круге сказаний выявляется аграрный аспект культа Мелькарта, который был сохранен и тирскими колонистами в Испании.

В Гадесе, значительном морском центре, Мелькарт не мог не приобрести атрибутов и морского бога. Правда, об этом можно говорить только потому, что на гадитанских монетах голова бога часто появляется вместе с изображением тунцов и дельфинов [363, т. I, стр. 52—53, т. III, стр. 8]. Появление этого божества на носгах гадитанских судов в легенде о нападении Ферона также может отражать, хотя бы частично, морской аспект его культа. Во время праздника в честь Мелькарта в

Гадесе, о котором еще пойдет речь, сжигалось, по-видимому, тучело человека, сидящего на гиппокампе [165, стр. 113], что тоже должно быть связано с культом морского бога.

Имя Мелькарт обычно считают стяженной формой Melek qart и переводят «царь города», подразумевая под этим городом Тир [303, стлб. 293]. Двухязычное (финикийско-греческое) посвящение этому богу, найденное на Мальте, называет Мелькарта «владыкой Тира» — Баал Цор (КАИ 47). Перед нами один из местных баалов — «владык», каких было много в финикийском пантеоне, например Баал Цидон («владыка Сидона») или Баалат Гебал («владычица Библа»). В их образах финикийцы олицетворяли все ценное и желанное для данного города, племени, общественной группы [244, стр. 24]. Такой же характер Мелькарт должен был иметь и в Гадесе. Особое значение гадитане и другие колонисты должны были придавать богу как покровителю и предводителю колонизации. Недаром сказание о гибели его в Испании связано с дальним походом (Sallust Jug. 18, 2—3). В греческой части той же мальтийской надписи титулу «баала» соответствует «археget». Археget, предводитель — такой эпитет хорошо подходит богу-протектору далеких походов и оснований колоний. В греческой мифологии такую роль играл Аполлон (Thuc. VI, 3 и Pind. Pyth. V, 60—61, где этот бог именуется археgetом именно в связи с основанием Наксоса в одном случае и Кирены — в другом). У Элия Аристиды (Or. 27, 5) мы находим даже рассуждение о различии между функциями Аполлона как экзегета и архегета: в первом случае он выступает как посылающий других создавать новые города, а во втором — как непосредственный ойкаст (247, стр. 69—70). Таким образом, на Западе Мелькарт понимается и как предводитель колонизации. Эта роль, видимо, особенно подчеркивалась в Гадесе: город, по Страбону (III, 5, 5), был основан по велению оракула. Источником этого рассказа, как пишет сам географ, было гадитанское повествование. Видимо, существовал какой-то миф об основании Гадеса, в котором значительная роль отводилась оракулу Мелькарта.

Гадитанский храм Мелькарта был известен во всем античном мире. Его посещали многие знатные паломники, о нем писали древние авторы, но ни один из них не дал детального описания знаменитого святилища. Однако упоминания авторов, сравнение с другими святилищами финикийского мира и с храмом Яхве в Иерусалиме, построенном тирским архитектором Хирамом, изображения на монетах — все это позволяет представить знаменитый Гераклеийон².

72 ² Этому храму посвящены недавние исследования А. Гарсиа и Бельидо [188] и Д. ван Берхема [69, стр. 80—87].

Храм был расположен на восточной стороне острова, а на западной находился сам город, причем расстояние между ними составляло 12 миль (Strabo III, 5, 3). Основу древнего святилища составлял, вероятно, открытый двор с алтарем в глубине [188, стр. 100—101]. Впереди мог быть притвор, длина которого была равна ширине главного двора, как это было в Угарите [138, стр. 382], Бет-Шаане [244, стр. 37] или Иерусалиме (I Reg. VI, 3). Иерусалимский храм был построен из камня, но сверху покрыт кедровыми досками, привезенными с гор Ливана (I Reg. VI, 7—9). Возможно, в подобном роде был построен храм в Гадессе. По словам Силия Италика (III, 17—20), в храме в III в. до н. э. были видны деревянные балки, не смененные якобы со времени основания храма. Отсюда, как прибавляет поэт, и вера в то, что сам бог присутствует в храме, отгоняя от него старость. По-видимому, тщательное сохранение первоначального строения играло важную роль в гадитанском культе. Вспомним, что и в иудаизме особой святыней считается так называемая Стена плача, которая сохранилась от Соломонова храма.

Вход в храм, как уже было упомянуто, открывался воротами с изображениями на них десяти эпизодов из «жизни» Мелькарта. Здесь же находились два столба, которые считают знаменитыми Столпами Геракла. По словам Страбона (III, 5, 5), высота их равнялась восьми локтям, т. е. около четырех метров, были они изготовлены из бронзы и покрыты надписями с обозначением расходов на сооружение храма. Филострат (Apol. V, 5) также упоминает о них, но описывает иначе: электровые, высотой в один локоть (0,46 м) и содержащие непонятную надпись, шрифт которой не похож ни на египетские, ни на индийские письмена. Едва ли, впрочем, эти колонны были такими маленькими, и гораздо более вероятно, что они были бронзовыми. Прозаический рассказ географа (Страбон, вероятно, основывался на сообщении Посейдония, побывавшего в этом храме) надо предпочесть романтической биографии кудесника из Тиан. Однако трудно представить, чтобы надписи на колоннах свидетельствовали о расходах. Надписи упоминают оба автора. Так что эта деталь должна быть достоверной, тем более что в оценке других источников эти авторы расходятся. По-видимому, это были votивные надписи, настолько древние, что понять их было уже невозможно. Где находились эти столбы, из сообщений Страбона и Филострата определить нельзя, но в Иерусалиме они стояли у притвора храма, а не в самом храме (I Reg. VII, 21). По-видимому, и в Гадессе они поднимались вблизи святилища, у его ворот.

Почитание камней или каменных столбов было широко распространено у финикийцев [205, стр. 371—373]. Очевидно,

в таких столбах финикийцы видели опоры неба [134, стр. 171]. Но в принципе это не что иное, как пережиток фетишизма. Подобные фетиши встречаются во всех финикийских храмах. Однако более всего такие столбы связаны с культом Мелькарта. По словам Геродота (II, 44), в тирском храме этого бога высились две колонны: одна из золота, другая из смарагда. Построенный по образцу тирского Иерусалимский храм также имел две колонны (I Reg. VII, 18—22; 41). Надо отметить, что Мелькарту были посвящены именно два столба. Недаром в честь тирского владыки на Мальте были воздвигнуты две стелы с идентичными греко-финикийскими надписями (КАI 47). Тирские мореплаватели, перенося культ своего божества на Запад, отмечали такими столбами-бетилами места, особо важные для путешествий: мысы, острова, удобные бухты. Так, подобный бетил был найден на острове Могадор [231, стр. 52]³.

В Испании не только в гадитанском храме были подняты такие колоны, но, вероятно, и в качестве бетилов были восприняты две скалы по обеим сторонам пролива, соединяющего Средиземное море с Атлантическим океаном. Появление имени бога в близких местах и породило, по-видимому, ту неопределенность в установлении места настоящих Столпов, о которой говорит Страбон (III, 5, 5). Греки, познакомившиеся с этими местами, первоначально называли скалы либо именем гигантского морского бога Эгиона-Бриарея (Ael. Var. hist. V, 3; Hes. v. Βριάρεω στήλαι), либо Крона [321, стр. 178; 355, стлб. 833—834]. Вероятно, только после отождествления Мелькарта и Геракла Столпы получили известное всем название. С концом мира они в то время не были связаны [134, стр. 172].

Внутри храма, как это подчеркивают Силий Италик (III, 30, 31) и Филострат (V, 5), не было никаких изображений самого божества. Вместо этого здесь стояли алтари Мелькарта. На них намекает Силий Италик (III, 14; 29) и более подробно говорит Филострат (V, 5). Алтарей было два, они были из бронзы, и на них жрецы поддерживали негасимое пламя. Позже, с ростом числа паломников и почитателей из греков и римлян, из эллинизированного и романизированного населения провинций, появляется и третий алтарь, каменный (может быть, мраморный), на котором были изваяны сцены двенадцати подвигов Геракла. Еще позже там должна была появиться статуя Геркулеса. Она встречается на римских монетах времени Адриана, где ее изображение сопровождается надписью Негс.

³ Х. М. Гомес Табанера полагает, что Столпы Мелькарта были знаком окультуривания хаоса, превращения неизведанного хаоса в заселенный космос [200, стр. 316—317, прим. 17]. Однако нам кажется, что такое философское мышление едва ли было свойственно финикийцам конца II — начала I тысячелетия до н. э.

Gadit., подтверждающей атрибуцию статуи [188, стр. 113]. В романе Филострата, действие которого отнесено ко времени Нерона, еще подчеркивалось обстоятельство, что изображения там не было. Вероятно, статуя появилась в гадитанском Гераклеоне при Траяне или Адриане, происходящих, как известно, из Южной Испании и стремящихся к большему сближению родного южноиспанского Мелькарта с традиционным римским Геркулесом.

Внутри святилища находились и другие атрибуты, связанные с культом Мелькарта. Здесь имелась золотая олива с изумрудными плодами, якобы посвященная Питмалионом (Phil. Apoll. V, 5). Олива же непосредственно связана с культом Мелькарта. По словам Мелы (III, 46), здесь имелась и могила этого бога. В гадитанском храме стояли алтари и изображения других божеств, таких отвлеченных понятий, как старость, бедность, искусство, год, месяц и т. д., статуи некоторых выдающихся людей, в том числе Александра Македонского, перед которой горестно вздыхал Цезарь, сожалея, что он еще не сделал ничего великого, в то время как Александр в его возрасте уже покорил мир (Suet. Iul. 7, 1). Хранился здесь золотой пояс, считавшийся приношением Тевкра Теламонида, путешествующего к берегам океана (Phil. Apoll. V, 5). Вероятно, это были votivные предметы, скопившиеся в святилище за многие века его существования. Подобный обычай не был чужд финикийскому миру. Например, известно, что в храме Мелькарта в Лапете на Кипре была выставлена статуя Горастарта (КАИ 43, 7).

В Угарите были открыты жилища жрецов, примыкающие непосредственно к стенам храма [138, стр. 383]. Комнаты были пристроены и к стенам Иерусалимского храма (I Reg. VI, 5; 10). Вероятно, такие же жилища имелись и в Гадесе. В них жили жрецы.

О внешнем виде гадитанских жрецов говорит Силий Италик (III, 23—28). По его словам, они бреют головы, одеваются в белые льняные одежды, ходят босыми. Во время жертвоприношений они надевают более торжественную одежду, отделанную широкой полосой. Жрецы, по-видимому, давали обет безбрачия: пост пишет, что у них «бритье головы, босые ноги и непорочное ложе». Женщины вообще не допускались в святилище (Sil. It. III, 22). Внутри храма имелось, вероятно, особо священное место, святая святых, подобное иерусалимскому давиру (I Reg. VI, 5), куда могли входить только жрецы, ибо только им, по словам Силия Италика (III, 24), принадлежит право и честь знать внутренность святилища. Об организации жреческой корпорации гадитанского храма ничего не известно. В III в. н. э. Порфирий (de abst. I, 25) упоминает о верховном жреце. Верховный жрец Геракла имелся в эллинистическо-рим-

ском Тире [188, стр. 132]. Подобных сведений, относящихся к доримской эпохе, нет. Однако должность верховного жреца упоминается в угаритских текстах [например, I AB, VI, 54*—55*], и это позволяет думать, что такое лицо могло быть в храмах Мелькарта задолго до эллинизма.

В Угарите кроме жрецов в состав храмового персонала входили люди, которые были, вероятно, ясновидцами или пророками [138, стр. 383]. Такие люди должны были быть и в гадитанском Гераклеоне, который славился своим оракулом. Его, например, посетил Ганнибал перед походом в Италию (Liv. XXI, 21, 9), а также Цезарь во время пребывания в Дальней Испании в должности квестора (Suet. Iul. 7). Специальные толкователи объясняли сны тех, кто хотел получить прорицание. Так, по словам Светония, произошло с Цезарем, которому гадитанские прорицатели пообещали власть над всем миром. Во сне верховный жрец получил, как отмечает Порфирий (de abst. I, 25), указания о способе жертвоприношений. Такой вид гаданий не уникален в древности. Известно, например, какую роль играли вещие сны в жизни греков [14, стр. 138—139].

Античные авторы настойчиво подчеркивали, что обряды, совершаемые в гадитанском храме,— восточные, финикийские. Об этом пишут Диодор (V, 20,2), Аппиан (Hisp. 2), Арриан (Alex. II, 16, 4). Однако, каковы эти финикийские обряды, в точности неизвестно. Важнейшей частью служения богу были жертвоприношения. По словам Порфирия (de abst. I, 25), жертвенники обливались кровью жертв ежедневно. При этом, как рассказывает Силий Италик (III, 29), на жертвенниках должно было гореть негасимое пламя. Здесь приносили жертвы, в частности, моряки, вернувшись из долгого плавания (Strabo III, 5,5). Можно было совершать жертвоприношения и «заочно»: так, по приказу Нерона жертвоприношениями в Гадесе была отмечена его олимпийская победа (Phil. Apoll. V, 8). Во время этих церемоний, может быть, как это было в метрополии, исполнялись ритуальные танцы и жрецы взывали к богу (I Reg. XVIII, 26—28). В храме сохранялась настороженность по отношению к иноверцам, свойственная и другим восточным культам. По словам Эвктемона (у Av. or. par. 358—363), чужеземные мореплаватели, помолившись богу в храме Геракла, должны были как можно скорее покинуть его, ибо считалось нечестием задерживаться там надолго. Во время празднества в честь Мелькарта все чужеземцы обязаны были вообще уезжать из города (Paus. IX, 4, 6).

Праздник Мелькарта был важнейшей частью богослужения и, видимо, одним из главнейших торжеств города, которым руководил суфет [158а, стр. 210]. Само празднество разворачивалось, вероятно, как четырехактная литургическая драма,

первым действием которой было сожжение изображения бога, сидящего на гиппокампе, каким он изображен на монетах Тира. При этом почитатели плакали и даже, может быть, бичевали и ударяли себя ножами и копьями, как это делали поклонники Адониса в Библие (Luc. de dea Syra 6) и пророки тирского баала, т. е. Мелькарта, в библейском рассказе об их состязании с Илией (I Reg. XVIII, 28). Следующими актами были похороны бога, священный брак с Астартой, совершаемый через посредничество суфета, и его воскрешение [165, стр. 113; 158а, стр. 202]. Во время праздника распевались гимны в честь Мелькарта, его смерти и возрождения. Вероятно, с этим связано странное сообщение Филострата (Apol. V, 4), что гадитане — единственные люди, воспевающие смерть.

Храм Мелькарта в Гадесе был не только религиозным центром. Подобно афинскому Парфенону, он был, видимо, и казначейством города. Этот храм вместе с другими ограбили в 206 г. до н. э. карфагенский полководец Магон (Liv. XXVIII, 36, 3), а в 49 г. до н. э. — римский наместник Варрон (Caes. bel. civ. II, 18). Как полагает А. Гарсия и Бельдо [188, стр. 127], с желанием завладеть богатствами гадитанского храма связана и его осада мавританским царем Богудом в 38 г. до н. э. (Porph. de abst. I, 25). А за много веков до этого именно Гераклеийон, если верить сказанию, был объектом атаки тартессийского царя Ферона.

Гадес был центром почитания Мелькарта на Пиренейском полуострове. Однако этот культ не ограничивался одним городом. Поскольку Мелькарт был городским богом Тира, то естественно, он должен был почитаться во всех тирских колониях. Действительно, изображения Геркулеса-Мелькарта мы находим на монетах Секси и Абдеры [363, т. III, стр. 16, 19].

Испано-финикийцы усердно почитали и других богов своей покинутой родины. Среди них назовем Астарту.

Прежде всего, Астарта была богиней плодородия, творческих сил природы. Эти ее функции были перенесены и на мир людей, так что она становится богиней любви. Об этом напоминают многочисленные фигурки богини, где она представлена обнаженной с подчеркнутыми признаками пола, и сакральная проституция, являющаяся одной из форм почитания божества. Богиня производящей природы, она вполне могла рассматриваться как мать или супруга Мелькарта, бога умирающей и возрождающейся растительности [59, стр. 307; 205, стр. 251, прим. 2; 158а, стр. 213]. В культе Мелькарта присутствует солнечный аспект, в культе Астарты — лунный. Об этом упоминает Лукиан (De dea Syra 4), отождествляющий Астарту с Селеной, прибавляя, правда, что такое отождествление — его личное мнение. Впрочем, едва ли такое мнение могло возник-

путь без всяких оснований. Более определен Геродиан (V, 6, 4), говорящий, что богиню ливийцы называют Уранией (т. е. Афродитой-Уранией), а финикийцы — Астроархой, считая ее луной. Астроарха — это, несомненно, Астарта [124, слоб. 1778; 327, стр. 23]. В некоторых случаях эта богиня выступает также как воительница (Paus. III, 23, 1). Имела она и морской аспект, возможно приобретя его лишь в Тире. Это многообразие функций богини вызвало различные ее отождествления с богинями греко-римского пантеона. Принятое отождествление у греков — с Афродитой (Phil. Bibl. у Eus. praer. ev. I, 10, 31). Это ясно видно и из билингвы, найденной в Афинах, где финикийское имя Абдастарт переводится как Афродисий (KAI 54). В Карфагене в римскую эпоху ее идентифицировали с Юноной (Aug. Quest. in Nept. 7, 16). Вероятна также ее связь с Афиной-Минервой [192, стр. 13].

Тир был одним из центров почитания Астарты (Jos. Ant. VIII, 5, 3). С тирскими колонистами культ этой богини распространился по всему Средиземноморью. На Кипре, Мальте, в Сицилии, Сардинии, Карфагене имеются свидетельства бытования этого культа. Недавно открытая в этрусском городе Пиргах надпись на золотой пластинке засвидетельствовала существование в этом городе синкретического культа Астарты-Уни [282, стр. 76—100; 295]. Естественно, почитание Астарты было распространено и в Испании.

Прежде всего надо отметить, что именно посвящением Астарте оказалась самая древняя финикийская надпись, найденная на Пиренейском полуострове. Она была вырезана на цоколе небольшой статуэтки обнаженной богини и гласит, что эту фигурку посвятили Астарте братья Баалиатон и Абдубаал, сыновья Дамелка, жрецы оракула (ICO Spa 16). X. М. Сола-Соле, опубликовавший эту надпись, датирует ее VIII в. до н. э. [336, стр. 97—108]. Несмотря на возражения Д. Гарбини, относящего ее к первой половине VI в. до н. э. [171, стр. 3—4], датировку первого исследователя принимает большинство эпиграфистов [127, стр. 333; 207, стр. 149; 310, стр. 145]. Эта фигурка была обнаружена в холме Эль-Карамболо около Севильи, там же, где была сделана находка знаменитого клада. Означает ли это, что здесь находилось святилище Астарты? Или же вещь попала сюда из финикийских колоний южного побережья? Ответить определено в настоящее время невозможно. Наиболее вероятно предположение, что исходным пунктом путешествия фигурки был Гадес [127, стр. 339].

В окрестностях Гадеса культ Астарты засвидетельствован Авиеном, назвавшим ее Венерой Морской. По его словам (ог. mat. 314—316), к западу от самого города находился остров с храмом богини. Имелась здесь и пещера, ей посвященная. По-

добные пещерные святилища известны и в метрополии, в частности между Сидоном и Тиром [127, стр. 333—334]. По-видимому, это более древний вид святилища, и наличие его около Гадеса может говорить о древности культа этого божества в Испании. Из всех характеристик Астарты Авиен выделяет ее морской аспект, что вполне естественно в таком городе, как Гадес, где море играло первостепенную роль в жизни граждан. И выделяется еще один аспект: пророческий дар богини. Об оракуле Венеры вблизи Гадеса упоминает Авиен (ог. мар. 317). «Жрецами оракула» были братья, посвятившие фигурку Астарте в знак того, что они услышали ее голос.

В сравнительно небольшом районе юга Пиренейского полуострова недалеко от Столпов Геракла локализуется ряд топонимов, связанных с именем Геры и Юноны. В самом проливе Страбон (III, 5, 3; 5) отмечает небольшой островок Геры. К западу от Гадеса, у устья Бетиса, находился алтарь и храм Юноны (Mela III, 4). Восточнее города Мела (II, 96) называет мыс Юноны. Возможно, что это — тот же самый мыс около пролива, на котором, по словам Птолемея (II, 4, 5), находился храм Геры. Плиний (IV, 120), ссылаясь на «туземцев», говорит, что сам остров, на котором располагался Гадес, именовался Юнонией. С Герой-Юноной в римское время обычно отождествлялась богиня Тиннит. Однако с Юноной же карфагеняне, как мы знаем, идентифицировали и Астарту. Так с какой же богиней связаны топонимы испанского юга? Плиний приводит три наименования гадитанского острова: Эфор и Филист называют его Эрифией, Тимей и Силен — Афродисием, а «туземцы» — Юнонией. Несомненно, что под туземцами надо в данном случае понимать жителей острова, т. е. гадитанских финикийцев. А с Юноной отождествлялась и Астарта. Недаром именно с этой богиней объединялась в синкретическом культе этруская Уни-Юнона. В то же время греки идентифицировали с Афродитой именно Астарту, а не Тиннит, которую они чаще именовали Артемидой. Наконец, по Авиену, около Гадеса находилось святилище и остров Венеры-Астарты. О почитании же Тиннит в Гадесе античные авторы не упоминают. Все это заставляет считать, что под Герой-Юноной в данном случае надо понимать Астарту. Возможно, и остальные аналогичные топонимы этого района связаны с этим божеством.

За пределами Гадеса культ Астарты засвидетельствован в Секси, на монетах которого в римское время она появляется в виде Минервы [192, стр. 13]. На южном побережье полуострова находились мыс Венеры (Av. og. mar. 158) и хребет Венеры (Av. og. mar. 437). Около последнего располагался и храм этой богини. О том, что это именно финикийское божество, а не местное или греко-римское, говорит упоминание Авиеном

многочисленного филикийского населения, жившего здесь некогда (ог. таб. 440).

В 1961 г. была опубликована надпись, вырезанная на овальном щитке массивного золотого кольца, найденного за 30 лет до этого и относящегося ко II в. до н. э. Надпись гласит: «Господину могущественному Милькастарту и его рабам от народа Гадеса» [334, стр. 251—256]. Имя этого божества впервые встретилось в Испании, но оно было известно по надписям из других мест финикийского мира: Умм-эль-Авамида и Масуба недалеко от Тира, Карфагена и Лептиса Великого в Африке (например, KA1 19; 119).

Хотя в распоряжении исследователей имеется несколько надписей с упоминанием Милькастарта, их краткость не дает возможности определить его сущность. Имя божества явно состоит из двух элементов. Была выдвинута идея, что перед нами стяженная форма имени Милкат-Астарта, т. е. царица Астарта [59, стр. 260]. Однако гадитанская надпись доказывает, что речь идет о мужской фигуре [334, стр. 255—256]. Другие авторы думают, что первый элемент является сокращением имени Мелькарта, и все имя надо понимать как «Мелькарт, супруг Астарты» или «Мелькарт, сын Астарты» [137, стр. 229; 327, стр. 28]. Но это все остается чистыми гипотезами.

Все надписи с упоминанием Милькастарта довольно поздние: они относятся уже к эллинистическому или римскому времени. Во II тысячелетии до н. э. подобные божества не встречаются (по крайней мере в сохранившихся текстах), но появляются парные божества, которые носят различные имена и выступают как будто самостоятельно, но выполняют одну функцию и действуют совместно. Такие представления были распространены в Финикии, Сирии, Малой Азии, Палестине [229, стр. 387—404]. В надписи моавитского царя Меши (IX в. до н. э.) мы имеем первое по времени свидетельство слияния двух божеств в одно: Астар-Камош (KA1 181, 17). Вероятно, к этому привела эволюция мифологических представлений, когда божества, все или часть функций которых схожи, сливаются в одно. Возможно, что подобное произошло и при образовании имени Милькастарт. Мелькарт и Астарта имели некоторые сходные черты, в частности черты морского божества. Это могло облегчить возникновение синкретического культа Милькастарта. Его широкое распространение говорит о том, что возник он, видимо, в метрополии. Однако ясно, что в Гадесе этот культ укоренился.

Другим двойным культом, засвидетельствованным в Испании, является культ Решеф-Мелькарта. О нем говорит надпись, найденная на Питиусе, вырезанная на бронзовой табличке приблизительно в V в. до н. э.: «Господину Решеф-Мелькарту

святилище, которое обещал Ашадр сын Аш... сына Баргада сына Эшмуугалица» (КАI 72A). Так как табличка была позже вторично использована, нельзя с уверенностью говорить, что в месте ее находки когда-то находилось святилище Решеф-Мелькарта, ибо она могла быть принесена из другого места. Едва ли, однако, эта небольшая бронзовая пластинка (ее размеры всего 92×46×2 мм) была столь ценной, что для вторичного использования надо было везти ее издалека. Скорее всего, где-то поблизости и находилось упомянутое святилище, хотя и необязательно в самом месте находки.

Решеф был богом молнии, небесного света, как показывает само имя, означающее «пламя, молния, искра». Он был также воинственным божеством. Отсюда его идентификация у греков и с Аполлоном, и с Аресом [192, стр. 11; 205, стр. 327; 330, стр. 351]. Его культ был широко распространен в финикийском мифе. На испанский остров этот культ попал, скорее всего, из Карфагена, где мы находим следы почитания Решеф-Аполлона [205, стр. 327—329]. Других проявлений почитания этого бога в Испании нет. Однако полагают, что оно было широко распространено в Эбесе. Х. М. Сола-Соле видит изображение Решефа в терракотовых фигурках, находимых на Питиуссе [330, стр. 355]. Эти статуэтки изображают стоящих во весь рост мужчин, которые в одной руке держат плод или животное, а другую подняли в благословляющем жесте, вывернув наружу ладонь [174, стр. 150]. Что эти фигурки — божества, нет сомнений. Однако представлен ли здесь именно Решеф или Решеф-Мелькарт [192, стр. 11], можно только предполагать.

На западе финикийского мира одним из наиболее распространенных был культ Баал-Хаммона, отождествляемого греками с Кроном, а римлянами — с Сатурном. Он был солнечным богом, и его животным был бык, иногда изображаемый с солнечным диском между рогами. Существенной частью этого культа были человеческие жертвоприношения, не раз упоминаемые античными авторами, например Диодором (XX, 14), рассказывающим о массовом уничтожении самых сильных детей Карфагена во время осады города Агафоклом.

Этот культ был распространен и в Испании. При описании Гадеса Страбон (III, 5, 3) упоминает и храм Крона. Символ этого бога — круг с лучами — встречается на монетах Малаги, Секси и ливофиникийских городов Белона и Асидона. На монетах последнего появляется также бык. Вероятно, храм Баал-Хаммона был и в Малаге, ибо на ее монетах над изображением храма стоит SMS (Солнце), т. е. явный намек на солнечного бога. Баал-Хаммон пользовался особым почетом в Карфагене, и естественно, что карфагенские колонии в Испании также почитали его. На некоторых эбеситанских монетах имеется изо-

бражение быка [330, стр. 346]. Полибий (X, 10, 11), описывая Новый Карфаген, среди холмов, окружающих город, отмечает и холм Крона. Вероятно, на этом холме поднимался храм. Мыс недалеко от Нового Карфагена (совр. мыс Палос) Плиний (III, 19) именуется мысом Сатурна. Поскольку этот мыс входил в сферу пунического влияния, можно думать, что плиниевский Сатурн был финикийским Баал-Хаммоном. У юго-западного побережья Испании имелся остров, посвященный Сатурну (Av. og. pag. 165), и скала (там же, 215—216). Однако скрывается ли под этим именем финикийский бог или какое-то местное божество, определить с уверенностью невозможно.

В Карфагене Баал-Хаммон обычно ассоциируется с богиней Тиннит. Эта богиня особо почиталась в этом городе и в римское время обычно идентифицировалась с Юноной. Она была богиней плодородия, матерью всего живущего, а также лунным божеством [205, стр. 247—250; 330, стр. 344]. Ее функции во многом совпадали с функциями Астарты. И хотя оба божества не слились в одно и есть следы их одновременного почитания карфагенянами, Тиннит получила преобладание в Карфагене, что объясняется своеобразными событиями его истории.

В Испании Тиннит появляется в карфагенских колониях. На Питиуссе в пещерном святилище Эс-Куйрам была найдена надпись на оборотной стороне бронзовой пластинки, на лицевой стороне которой содержалось посвящение Решеф-Мелькарту. В этой надписи, датированной около 180 г. до н. э., упоминается квадратная стена, построенная жрецом Абдэшмуном сыном Азбаала на свой счет «для госпожи могущественной Тиннит и Хагада» (KA1 72B). В Карфагене посвящения Тиннит обычно соединяются с теми же актами по отношению к Баал-Хаммону. В Эбесе же мы видим объединение этой богини с богом Хагадом.

Культ Тиннит был, вероятно, распространен и на материке. На некоторых монетах Гадеса, Секси, Белона и Асидона встречается тот же знак, что и на фигурках из Эс-Куйрам: перевернутый полумесяц с кружком или точкой в вогнутой части [330, стр. 344]. Асидон и Белон были ливофиникийскими городами. Нами уже высказано предположение, что ливофиникийцы были переселенцами из Африки (может быть, переселены именно карфагенянами), являясь в то же время смешанным населением, состоящим из потомков местных жителей и финикийских колонистов. Если это так, то почитание в их городах Тиннит неудивительно: они принесли этот культ с противоположной стороны пролива. Что же касается культа этой богини в Гадесе и Секси, то здесь возможны два объяснения: либо и эти города заимствовали культ из Карфагена, либо он возник независимо от карфагенян. В последнем случае было бы чрезвычайно вероятным его восточнофиникийское происхождение. До сих пор

в метрополии почитания Тиннит не обнаруживалось, так что полагали, что эта богиня была заимствована карфагенянами от ливийцев [302, стлб. 2179]. Но знак Тиннит (треугольник, прямая линия над его вершиной и круг над этой линией) был недавно найден в Сарепте [304, стр. 21—22]. Это обстоятельство позволяет думать, что гадитане и секситане могли вынести почитание Тиннит с Востока. Однако не менее вероятно предположение, что изображения на монетах этих городов вовсе не имеют отношения к Тиннит, а являются знаками поклонения Астарте, которая тоже имела и лунный аспект, тем более что топонимы этого района относятся именно к ней, а не к ее карфагенской родственнице. Точно так же сомнительно приписывание Тиннит изображения божества с длинными волосами и кругом лучей, как это делают некоторые исследователи [330, стр. 344].

В период Римской империи на юге Пиренейского полуострова многократно засвидетельствован культ Юноны Целестис, под которой скрывалась романизированная Тиннит [192, стр. 140—147]. Однако это связано особым условиям римского времени и процесса романизации, чем сейчас мы заниматься не будем.

Карфагенские курильницы в виде женской головы (представляющей, по-видимому, Тиннит) IV — III вв. распространены по всему южному и юго-восточному побережью Пиренейского полуострова [53, стр. 72—74, 80—81; 192, стр. 149]. Однако это не столько свидетельства почитания богини, сколько следы карфагенской торговли.

Следовательно, мы можем только предполагать, но далеко не быть уверенными в том, что жители Пиренейского полуострова, особенно потомки тирских колонистов, поклонялись Тиннит, столь любимой в Карфагене.

На монетах Малаги встречается изображение бога с кузнечными клещами [363, т. III, стр. 27]. Это, несомненно, финикийский бог Хусор, отождествляемый с Гефестом и Вулканом. Связан был этот бог с водной стихией (Plin. Bibl. у Eus. pгаер. ev. I, 10, 11). Поэтому его изображения, которые Геродот называет патанками (III, 37), украшали носы финикийских кораблей. На малацитанских монетах Хусор-Вулкан занимает такое же место, какое Мелькарт-Геркулес на чеканке Гадеса. Поэтому вполне вероятно, что этот бог был покровителем Малаги, ее «отеческим богом» [192, стр. 10]. Храм Гефеста-Хусора Полибий (X, 10, 11) отмечает и в Новом Карфагене.

В Испании отмечены также следы почитания и некоторых других финикийских божеств: бога растительности и бога-целителя Эшмуна и пока еще загадочного Ареша в Новом Карфагене (Pol. X, 10, 8; Liv. XXVI, 44, 6), бога судьбы Хагада в Эбесе (KAI 72B) и заимствованного из Египта Беса, отвращающего

несчастья. Терракотовые фигурки с изображениями последнего часто встречаются в могилах Эбеса, Барии, Гадеса, этого бога видим на монетах Эбеса. Предполагают даже, что сам город Эбес и остров, ныне называемый Ибисой, получили название от бога Беса [192, стр. 14—15; 330, стр. 325—333].

Конечно, далеко не все персонажи финикийского пантеона засвидетельствованы в настоящее время в Испании. Так, до сих пор не обнаружено культов Дагона, Баал-Шамима, Мота, Анат и ряда других божеств. Вероятно, что до нас еще не дошли материальные или письменные доказательства существования этих культов. Например, ничего не было известно о почитании Хагада. Но вот совсем недавно Х. М. Сола-Соле прочитал надпись, где этот бог упоминается вместе с Тиннит. Новые успехи испано-финикийской археологии и эпиграфики могут дать новые свидетельства, характеризующие испано-финикийскую религию.

В Испании известно два вида таких же святилищ, какие существовали и в метрополии: храмы и пещерные святилища, по своему происхождению явно более древние. Сохранились упоминания о храмах Мелькарта, Астарты и Баал-Хаммона в Гадесе или вблизи него, храма Баал-Хаммона в Малаге и, возможно, в Новом Карфагене, Эшмуна — в той же столице Баркидов. Пещерные святилища пока связаны только с женскими божествами: Астарты — около Гадеса и Тиннит — недалеко от Эбеса. О внешнем виде святилищ мы знаем мало. Единственный храм, о котором можно говорить более или менее подробно, — гадитанский Гераклеийон. Ордерные храмы античного типа, какие мы видим на монетах Гадеса и Малаги, несомненно относятся уже к римскому времени.

Финикийцы вообще представляли своих богов антропоморфными, как это доказывают находки памятников финикийской пластики, о которых будет говориться в следующей главе. В то же время некоторые культы, как, например, культ Мелькарта, не допускали статуи бога в храме. И это было свойственно не только гадитанским почитателям этого божества, но и жителям метрополии. Так, Курций Руф (IV, 3, 22) говорит, что статую Аполлона в Тире во время осады этого города войсками Александра привязали к жертвеннику (а не к статуе) Геркулеса.

С антропоморфными представлениями о божестве сосуществовали и пережитки фетишизма, когда сверхъестественные силы почитали в виде камней или каменных столбов. Такими фетишами были, по-видимому, как уже упоминалось, знаменитые Столпы Мелькарта.

Финикийские боги не только управляли миром и судьбами людей, но и пророчествовали об этих судьбах. В Испании оракулы были при храмах Мелькарта и Астарты в Гадесе. Филон

Библский (у Eus. праер. ev. I, 10, 11) говорит, что Хусор занимался речениями, заклинаниями и пророчествами. Поэтому можно думать, что оракул имелся и в малацитанском святилище этого бога.

В Угарите во II тысячелетии до н. э. ясновидцы входили в состав храмового персонала. О жречестве в финикийских городах Испании мы знаем очень немного. И это немногое почти целиком относится к жрецам Мелькарта в Гадесе. Только однажды в древнейшей надписи в Испании упоминаются жрецы Астарты. Видимо, жрецом Тиннит или Хагада (или обоих божеств сразу) был Абдэшмун из Эбеса. Судя по рассказу Силия Италика, жрецы в финикийских городах Испании резко отделялись от остального населения города и составляли особую корпорацию. Каким образом пополнялась эта корпорация, неизвестно. Можно только утверждать, что жреческие обязанности не могли передаваться по наследству, ибо, по словам Силия, сами жрецы не вступали в брак. Это не мешало, естественно, тому, что членами жреческой корпорации могли быть родственники, как родные братья Баалиатон и Абдубаал, жрецы оракула Астарты.

Жрецы осуществляли непосредственное служение божеству, важнейшей частью которого были жертвоприношения и праздники. Особо поражали античных писателей человеческие жертвоприношения, практикуемые финикийцами. Такие жертвы приносились и в Испании. По словам Цицерона (*pro Valbo* XIX, 43), Цезарь в 61 г. до н. э. запретил гадитанам исполнять какие-то «варварские» обряды. Зная об обычной веротерпимости римлян, можно полагать, что это были именно ритуальные убийства людей [192, стр. 6]. При принесении человеческой жертвы осужденного сжигали живым, и именно этот ужасный обычай носил название «молк», которое позже послужило, как полагают некоторые исследователи, поводом для сконструирования несуществующего бога Молоха [192, стр. 3—4]. О подобном случае в Гадесе известно из письма Азиния Поллиона, сохранившегося Цицероном (*ad fam.* X, 32, 3).

Жертвовались богам, конечно, и животные. Однако, какие именно и как обставлялось само действие на испанской почве, мы не знаем. Периодичность жертвоприношений также неизвестна. Мы знаем только, что Мелькарт требовал обгагрять кровью жертвенники ежедневно (*Proph. de abst* I, 25).

Из религиозных праздников, отмечаемых испанскими финикийцами, известен только праздник в честь Мелькарта у гадитан (*Paus.* IX, 46).

Составной частью религиозных воззрений является представление о потустороннем мире и о судьбе человека в нем, культ мертвых. К сожалению, об этой стороне финикийской ре-

лигии мы осведомлены очень мало. Вероятно, финикийцы полагали, что у человека две души: растительная и духовная. Первая остается в похороненном теле и требует пищи и питья. Поэтому, как мы увидим, в финикийских могилах инвентарь во многом состоит из столовой посуды, в которой в свое время, по-видимому, и находились припасы, необходимые для загробной жизни. Духовная же душа — дыхание, которое исчезает из тела в момент смерти. Захоронение сопровождалось плачем по умершему. В могиле же мертвецу нужен прежде всего покой. Недаром надписи на царских саркофагах Сидона особо призывают не тревожить место последнего упокоения [138, стр. 385—386; 263, стр. 113—114]. Финикийские могилы были главным образом подземными, причем более древние, как правило, более глубокие [205, стр. 428; 286, стр. 17]. Может быть, это объясняется страхом перед мертвецом, ставшим враждебным духом, а может быть — желанием обезопасить погребения от грабителей или воздействия стихий. Некрополи находились недалеко от городов, часто на склонах холмов, так что более древние располагались ближе к самим поселениям [286, стр. 16].

В настоящее время известно несколько испано-финикийских могильников и отдельных захоронений. В Гадесе могилы располагались у самых стен города. Они датируются V—III вв., а более древние, видимо, находились под домами разросшегося города, который, быть может, уже занимал площадь, равную современной [180, стр. 397—415]. В Секси некрополь находился на холме, отделенном от города рекой [286, стр. 10]. Гробница «Ла-Хойя» занимала холм, который в результате понижения почвы был отделен от соседнего холма, где обнаружены следы финикийской Ольбы [316, стр. 125]. Могилы располагались несколько северо-восточнее Барии [50, стр. 13], а эбеситане хоронили своих мертвецов на соседнем холме, ныне носящем имя Пуиг-д'эс-Молинс, в 200 м от города [180, стр. 427]. Таким образом, испанские некрополи сделаны в целом по общим правилам, соблюдаемым финикийцами как в метрополии, так и в колониях (за исключением Гадеса, что может объясняться его островным положением). При этом кладбище отделено от самого города либо рекой, либо какой-нибудь ложбиной. Этому правилу подчиняются и могильники небольших финикийских поселений, открытых недавно, собственные названия которых неизвестны: в 500 м от поселения Тосканос находился некрополь Хардин, между ним и поселением проходила дорога; на противоположных берегах реки Альгорробо располагались некрополь «Трайамар» и соответствующее ему поселение Морро-де-Мескитилья [278, стр. 94 и карта].

Самым распространенным финикийским обрядом похорон

было труположение. Раскопки некрополей Гадеса, Барии и Эбеса, датируемые не ранее V в. до н. э., также выявили в основном могилы с ингумацией [180, стр. 397—415, 427—440, 451—454]. Однако находки кладбищ более раннего времени, сделанные сравнительно недавно, принесли новые данные. В раскопанном в 1962—1963 гг. некрополе «Лаурита», где захоранивались жители Секси, были обнаружены только могилы со следами кремации. Такие же могилы найдены в некрополях «Хардин» и «Трайамар»; кремация, видимо, была использована и в гробнице «Ла-Хойя». Эти погребения относятся к VII (частично, может быть, VIII) — VI вв., а часть могил в «Хардин» — даже к V в. до н. э. [278, стр. 94—104; 280, стр. 237; 286, стр. 9—12; 316, стр. 125]. Таким образом, в этот период в обычае у испанских финикийцев было трупосожжение. Настораживает одно исключение: в гробнице «Трайамар» 4 найдено два горизонта захоронений: более древний, находящийся непосредственно на дне погребальной камеры, где найдены следы кремации, и более поздний — с ингумацией. Так как вся эта гробница относится, вероятно, ко второй половине VII в. до н. э. [278, стр. 104], то, следовательно, можно сделать вывод, что труположение было совершено ближе к концу века.

Прежде чем попытаться объяснить эти факты, отметим, что некрополи с кремацией были не только у испанских финикийцев. Подобный способ погребения применялся и другими западными финикийцами. В Карфагене, например, сожжение применялось при похоронах людей, погребенных на так называемом холме Юноны в VII — VI вв. [114, стр. 62; 153, стр. 18—19; 205, стр. 442]. Тот же обряд отмечен и в могилах Рахгуна в современном Алжире [345, стр. 258]. Почти все могилы древнейшего некрополя Мотии также имели следы кремации [33, стр. 30; 360, стлб. 403—404]. Что же касается восточных финикийцев, то ни в метрополии, ни на Кипре ничего подобного до сих пор не найдено. Однако соседи финикийцев иногда сжигали своих покойников: после гибели Саула, как рассказано в Библии (I Sam. XXXI, 12—13), тела его и его сыновей были сожжены, а прах закопан под дубом. Этот случай показывает, что подобный обряд применялся и семитскими соседями финикийцев.

Итак, в первой половине I тысячелетия до н. э. в собственно Финикии, на Кипре и на крайнем северо-западе Африки применялось только труположение. В Карфагене наряду с этим способом встречалось и трупосожжение. Этот вид захоронения преимущественно имел распространение в Мотии, Рахгуне и испано-финикийских колониях. Поразительны сопоставления испанских могильников с захоронениями Мотии. Древнейшие некрополи свидетельствуют о том, что основным способом по-

гребения и там и здесь была кремация. Затем стала применяться ингумация, остающаяся единственным обрядом в Мотии до падения финикийского города, в Испании — до романизации.

Часто считают, что наличие могил со следами кремации в финикийских некрополях свидетельствует о смешанном этническом характере поселения [33, стр. 30; 286, стр. 17]. Если это и верно, например, для Карфагена, то едва ли — для Испании. В этом случае и некрополи должны быть смешанными, но пока таковых почти не обнаружено (кроме гробницы «Трай-амар» 4). Более естественно предположить, что сами финикийцы использовали именно кремацию. Пытаются объяснить разные способы захоронения различием в имущественном положении мертвецов: богатые использовали кремацию, бедняки — ингумацию [152, стр. 11, прим. 32]. Однако в ингумационном захоронении в гробнице «Трайамар» 4 найдены остатки богатого золотого ожерелья, и при этом надо учитывать, что могила разграблена [278, стр. 103]. Гадитанские погребения также не производят впечатления бедных. Было высказано мнение, что труположение применялось в поселениях с оседлым населением, а трупосожжение — моряками на стоянках при небольших участках земли, необходимой для кладбища [114, стр. 62—63]. Однако обнаружение могил в непосредственной близости от Гадеса, на самом гадитанском острове, свидетельствует о небольшом резерве земли, которую могли использовать гадитане для устройства некрополей, что не мешало им применять ингумацию. К тому же открытые поселения на юге Пиренейского полуострова никак нельзя назвать временными стоянками. Все это заставляет искать иное толкование.

По нашему мнению, следует учитывать влияние местных жителей полуострова на восточных колонистов. Мы уже знаем, что в финикийских поселениях Тосканос и Морро-де-Мескитилья вместе с потомками тирийцев жили, по-видимому, и представители местных племен, хотя в данный момент нельзя точно установить характер связей между двумя группами населения. Но взаимные влияния должны были быть. Иберы же применяли только кремацию [252, стр. 333]. Отметим, что подобное положение существовало и в сицилийской Мотии, а погребения в Рахгуне связаны с испанской группой финикийских погребений.

Раскопки секситанского некрополя «Лаурита» дают представление о финикийском могильнике VIII — VI вв. до н. э. Здесь было найдено 20 могил (из которых шесть разрушены до находки их археологами). Они представляют собой сравнительно глубокие (от 2 до 5 м) круглые колодцы диаметром от 1,5 до 2,5 м. В некоторых могилах имелась одна или две боковые ниши, в которые помещались урны с пеплом покойника. В дру-

гих погребениях ниш не было и урна располагалась непосредственно на дне колодца. Рядом с урнами находился погребальный инвентарь: «двурогие» глиняные лампы, весьма примитивные блюда, кувшины с грибовидным венчиком. Наряду с этими обычными предметами финикийской керамики встречались импортные вещи. Так, протокоринфские котилы дали возможность датировать некрополь. Найдены также три страусовых яйца — самый ранний случай появления таких предметов в Испании. Могилы довольно бедны, ювелирных изделий почти нет, можно отметить только серебряное кольцо с вращающимся скарабеем, серебряный футлярчик для амулета и скарабей, вставленный в золотую оправу — остаток кольца. На одном блюде сохранились даже кости — явно остатки пищи, приготовленной покойнику [285; 286, стр. 10—12]. Таким образом, это — некрополь обычный, здесь захоранивались простые граждане Секси. Тем большую ценность представляют эти находки.

Более богатым был, вероятно, некрополь «Хардин» поселения Тосканос, хотя от его инвентаря сохранились только остатки. Могилы здесь более разнообразны и соответствуют, по-видимому, различному имущественному и общественному положению захороненных. Большинство захоронений — простые ямы, углубленные в сланцевую скалу. Наряду с ними были каменные ящики. Отмечены двухъярусные могилы, состоящие из более широкой верхней и более узкой нижней ямы. Наконец, имеются и своеобразные саркофаги, дно, крышка и стенки которых выполнены из песчаниковых квадр, довольно больших и хорошо друг с другом соединенных [280, стр. 235].

Погребения, принадлежавшие, видимо, верхнему слою колонистов, были найдены в «Трайамаре» — некрополе поселения Морро-де-Мескитилья. Здесь представлены каменные гробницы, сложенные из нескольких рядов хорошо обтесанных квадр. На дне этих гробниц находились погребальные урны и инвентарь. В целом инвентарь подобен найденному в секситанском могильнике: «двурогие» лампы, блюда, кувшины. Однако здесь гораздо больше ценных вещей: кольца, бусины, подвески, золотой диск, украшенный зернью, остатки ящичка из слоновой кости и др. При этом надо учесть, что гробницы полуразрушены и значительная часть инвентаря исчезла еще до раскопок [278, стр. 98—104].

Таким образом, раскопаны погребения представителей различных слоев испано-финикийского общества более раннего времени. Богатые и, возможно, знатные хоронились в более пышных могилах с богатым инвентарем. Так что едва ли надо думать, что инвентарь не имел отношения к материальной жизни мертвецов за гробом, а был лишь чисто символическим, как это считает М. Фантар [153, стр. 19]. В этих захоронениях на-

ходился пепел [кроме одного исключения], а сожжение производилось вне могилы в специальном месте, как это было в некрополе «Хардин». Там обнаружен особый круг диаметром около 20 м, где и совершали кремацию [278, стр. 94].

Возможно, на рубеже VI — V вв. или в начале V в. испанские финикийцы переходят (или, скорее, возвращаются) к трупоположению. То же самое наблюдается в Мотии и Карфагене [205, стр. 444; 372, стлб. 405]. Правда, в этих городах кремация исчезает раньше, чем в Испании; в Карфагене, видимо, в VI в., а в Мотии весь VI век оба обряда сосуществуют, но захоронений трупов намного больше, чем сожжений. Итак, перед нами феномен, общий для всего западнофиникийского мира, хотя и проявляющийся на Пиренейском полуострове с некоторым запозданием. К. Циглер предполагает, что одной из причин этого явления в Мотии могла быть концентрация финикийского населения в Западной Сицилии после вытеснения его греками с остальной части острова [372, стлб. 405]. В Испании также переход к другому способу захоронения наблюдается в период греческой экспансии.

Возможно, с ухудшением внешнеполитического положения испанских финикийцев в конце VI в. до н. э., о чем шла речь в первой главе, здесь могла произойти своеобразная «националистическая» реакция, отразившаяся в возврате к традиционной форме захоронений (в Сицилии, где греки появились раньше, эта реакция также была более ранней). Усиление финикийского элемента после создания мощной Карфагенской державы тоже могло вызвать изменения в погребальном ритуале: недаром эти изменения происходят после включения Южной Испании в Карфагенскую державу. Впрочем, надо отметить, что ингумация не игнорировалась финикийцами Испании, как и Сицилии, и в более раннее время, как видно из гробницы «Трайамар» 4 и из подобных погребений в Мотии [33, стр. 30].

В течение многих лет, с 1887 по 1933 г., производились раскопки гадитанских некрополей. В последнее время были сделаны новые находки гадитанских могил, которые не принесли ничего радикально нового по сравнению с тем, что было известно раньше. В этих некрополях обнаружены финикийские ингумационные погребения V—III вв. Это примыкающие друг к другу каменные ящики, покрытые, вероятно, изнутри белой штукатуркой. В них располагались каменные или деревянные саркофаги. Правда, пока найден только один антропоморфный мраморный саркофаг, но сравнительно часто встречаются гвозди и иногда остатки дерева, что свидетельствует о нахождении здесь когда-то деревянного гроба. В гадитанских могилах часто встречаются драгоценности, в том числе золотые кольца, серьги, амулеты. Находят также железное оружие и кости жертвенных жи-

вотных. Характерно, что все могилы рассчитаны на одного человека, в то время как в более ранних некрополях встречаются иногда двойные и даже тройные. Важно отметить также, что ни в одной гадитанской могиле до сих пор не встретилось ни страусовых яиц, ни терракотовых фигурок и масок. Это отличает гадитанский некрополь от могильников Карфагена и его колоний в Испании [180, стр. 397—415; 193, стр. 84; 194, стр. 44].

Из карфагенских колоний на Пиренейском полуострове довольно хорошо известна Бария. Археологами обнаружены могилы жителей этого города. Некоторые могилы восходят еще к VI в. до н. э., а большинство относится к V—IV вв. В них хоронили как иберийское, так и карфагенское население. Карфагенские могилы Барии были расположены около вершины холма недалеко от города. Это прямоугольные ямы с нишами. Остатки свинцовых гвоздей говорят о захоронениях в деревянных гробах. Благосостояние жителей было различным, и это отразилось на погребениях. Одни содержат драгоценности (серьги, амулеты, браслеты), финикийские глиняные светильники, а также импортные вещи: родосские лампы и кампанские сосуды. В других, более бедных, обнаружены только обычные предметы (светильники, блюда и т. п.), встречающиеся в подобных захоронениях. Наконец, самые бедные хранили только сосудики для благовоний. И во всех карфагенских могилах Барии в изобилии найдены вазы, выполненные из скорлупы страусовых яиц, разнообразно декорированные [50, стр. 25—39; 184—186].

Еще в начале XX в. был раскопан некрополь Пуиг-д'эс-Молинс, где хоронили своих сограждан обитатели Эбуса. Могилы были выкопаны в склоне холма. С поверхности внутрь погребения вел узкий коридор; сами же погребения располагались на глубине от 2 до 5 м (большинство могил неглубокие: 2—3 м). Сами могилы имеют неправильную четырехугольную форму и сравнительно небольшие размеры: каждая сторона от 3 до 4 м, но встречаются и больше. Так, раскопана одна гробница, стенки которой имеют размеры: 3,88 на 7 на 6,5 на 5,5 м. Высота их всех около 2,5 м. Такие могилы по своему устройству ничем не отличаются от карфагенских. Большинство захоронений разграблено, поэтому не приходится с уверенностью говорить об инвентаре. Все же археологи смогли найти керамику, серьги, амулеты, обломки страусовых яиц и терракотовые статуэтки богов и богинь, т. е. то же, что и в могильниках Карфагена. В отличие от гадитанских погребений в некрополе Пуиг-д'эс-Молинс встречаются и коллективные захоронения. В некоторых могилах были найдены даже шесть саркофагов, располагавшихся вдоль стен погребальных камер. Сами саркофаги были каменные и никак не украшены. Находки в некрополе позволяют датировать начало его использования V в. до н. э., а конец —

временем Римской империи [174, стр. 143—144, 151—152; 180, стр. 427—437]. Надо прибавить, что финикийские могилы, как правило, не отмечались стелами, как это иногда бывало в Карфагене, хотя этот обычай и не был абсолютно чужд карфагенским колонистам в Испании.

Погребальная практика испанских финикийцев отвечает представлениям о загробной жизни, разделяемым всем финикийским миром. Столовая посуда, иногда с сохранившимися остатками пищи, светильники, украшения, реже оружие сопровождают мертвеца в потусторонний мир. Статуэтки и амулеты должны защитить похороненного от враждебных сил. В то же время испанские некрополи имеют свои особенности, отличающие их от других финикийских могильников как Востока, так и Центрального Средиземноморья. Могилы Эбеса похожи на погребения Карфагена и метрополии⁴. Точных параллелей гадитанских гробниц пока не найдено. Некрополь Секси имеет много общего с могильником Мотии, но секситанские могилы глубже, а использование секситаками в качестве урн египетских алебастровых ваз (некоторые с картушами фараонов) до сих пор представляется уникальным у финикийцев и встречается только в Палестине, в Самарии, причем с именем того же Осоркона II [285, стр. 51; 286, стр. 22].

Находки некрополей как тирских, так и карфагенских колоний дают возможность наметить некоторую разницу между ними. Так, в могилах пунического Эбеса в большом количестве встречаются глиняные фигурки, как и в карфагенских некрополях. Ни в погребениях Гадеса, ни в более ранних гробницах подобные статуэтки еще не встречались. В Гадесе открыто более 150 могил, и ни в одной такой фигурки нет, что почти исключает элемент случайности. В погребениях тирских колонистов (за исключением секситанского некрополя «Лаурита») не обнаружено скорлуп страусовых яиц, используемых как погребальные сосуды, в то время как в Барии и Эбесе их много. Правда, секситаки тоже использовали такие вазы, но их орнамент был несколько иным. И в Эбесе, и в Гадесе употреблялись саркофаги, но они были различны: у эбеситан — простые, неукрашенные, из местного камня, у гадитан — мраморные. Гадитанский антропоморфный саркофаг пока не имеет аналогий ни в Эбесе, ни в Карфагене. Гадитанские могилы в целом богаче барийских и эбеситанских.

Кроме способов погребения, других влияний местных религиозных представлений на культы финикийского населения Испании мы не обнаруживаем. Во многом это можно объяснить недостаточным знанием особенностей религии испанских фи-

никийцев и почти полным отсутствием сведений о местной, особенно тартессийской, религии и мифологии первой половины I тысячелетия до н. э. При таком положении вещей пока нет возможности и достаточно полно установить влияние финикийских религиозных и мифологических представлений на подобные представления тартессиев и иберов. Выясняются только некоторые аспекты этого влияния, которое, может быть, было более значительным, чем это сейчас представляется.

В тартессийско-иберийском пантеоне значительное место занимала, по-видимому, богиня плодородия — Великая Мать, изображения которой появляются в испанской пластике и вазописи испанского Леванта. Ее же должны были изображать и восточные (финикийские или попавшие через финикийцев) статуэтки, находимые в местных кладах и погребениях. Сходство этих фигурок с образцами Астарты и Тиннит несомненно. К ним надо отнести бронзовые фигурки Астарты из Карамболо, некрополя Тутуги, Кастулона и других мест. На вазах юго-востока появляется фигура крылатой женщины, часто сопровождаемой голубями или конями. Интересны три одинаковые бронзовые фигурки из Берруеко (пров. Саламанка). Довольно примитивно изображена богиня с четырьмя парами крыльев. Это явно местное произведение (хотя, быть может, принадлежит автору не из окрестностей Саламанки, а более южному). Однако прическа крылатой богини подобна египетской Хатор, на голове и на теле — лучистые диски, причем диск на теле украшен цветком лотоса. Эти восточные мотивы могли проникнуть столь глубоко на Пиренейский полуостров только с финикийцами [80, стр. 15—22; 120, стр. 251; 201, стр. 398—399; 370, стр. 727—731].

В испанских могилах находят в довольно большом количестве различные амулеты, финикийские или подражающие финикийским. Они имели форму сердца, язычка, диска, с прилегающим полумесяцем. Обнаружены футлярчики для амулетов с крышкой в виде головы сокола. Возможно, апотропеическое значение имели печати, в том числе, например, найденная в кладе Алиседы, на которой над «древом жизни» между двумя грифонами поднимается пальма; рядом с деревом стоят два божества и сокол Гора. Это явное восточное произведение, принятое местными жителями в качестве амулета [370, стр. 721—725].

Финикийцы должны были оказать влияние и на тартессийскую мифологию. Страбон (III, 1, 6) упоминает о турдетанских поэмах и исторических повествованиях. Как показывают аналогии с литературными другими народов, эти произведения в значительной степени содержали мифы. Однако, к сожалению, из богатой тартессийской мифологической литературы до наших дней почти ничего не дошло. Единственный связный рассказ —

уже упоминавшееся сказание о тартессийских царях Гаргорисе и Габисе, сохранившееся в довольно поздней и сокращенной передаче Юстина (XLIV, 4, 1—14). Это сказание дало уже интересные сведения о социальных и политических отношениях в Тартессиде. Теперь обратим внимание на другую сторону этого мифа. В нем рассказывается о том, как младенца Габиса после нескольких неудачных попыток погубить бросили в море, но морские волны вынесли колыбель на берег. Этот сюжет многократно представлен в сказаниях самых различных народов: достаточно вспомнить о Моисее, Саргоне Древнем, Ромуле и Реме. Но есть одна интересная деталь: после чудесного спасения младенца он был вскормлен ланью. Однако мы уже знаем, что именно лань кормила новорожденного Мелькарта в сцене на тирском барельефе, лань или олень представлен и на воротах гадитанского Гераклеяона. Не могут ли эти совпадения свидетельствовать о влиянии мифологического цикла Мелькарта на те или иные детали образа тартессийского Габиса и саги о нем?

Можно отметить и такие следы финикийского влияния на религиозные представления местного населения, как мотив «древа жизни» в росписи восточноиспанской керамики, который появляется у иберов довольно рано и сохраняется вплоть до эпохи Римской империи [201, стр. 400].

Хотя эти факты и не дают целостной картины, но они все же свидетельствуют о том, что религиозные представления местного населения Пиренейского полуострова испытали значительные воздействия религиозной и мифологической мысли финикийцев, что и неудивительно при столь долгом сосуществовании.

Рассматривая религию испанских финикийцев, мы видели, что значительных различий в религиозных воззрениях тирских колонистов и их соотечественников на Востоке не было (за исключением, пожалуй, способа погребения). Зато эти различия существуют в религиозной системе колонистов Тира и Карфагена (например, почитание последними Тиннит). Первые были связаны с Восточным Средиземноморьем, вторые — со своей центральносредиземноморской метрополией ⁵.

⁵ При дальнейших раскопках выяснено, что и в могилах некрополя Харди встречаются вазы из скорлупы страусовых яиц [316а, стр. 191].

Прежде чем говорить об испано-финикийском искусстве (и художественном ремесле), необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

История финикийского искусства I тысячелетия до н. э., особенно его первой половины, еще мало разработана. Главная причина этого — недостаточность материала. В то время как раскопки Библа и Угарита дали полное представление о цветущей финикийской цивилизации бронзового века (II тысячелетия до н. э.), раскопок, которые доставили бы обильные материалы начала железного века, т. е. конца II и первой половины I тысячелетия до н. э., пока проводилось очень мало. Так, до сих пор не выявлены соответствующие слои таких важных финикийских центров того времени, как Тир и Сидон. Надо надеяться, что исследования американских археологов в Сарепте, начатые в 1970 г. [304], многое прояснят. А пока финикийские памятники известны главным образом из финикийских колоний и из соседних с Финикией стран: Ассирии, Сирии, Палестины, Греции. Давно была отмечена такая важная черта финикийского искусства, как заимствование тем и образов из богатой художественной сокровищницы Египта и Месопотамии. Однако лишь сравнительно недавно было установлено, что речь идет не о подражании, а об использовании чужой тематики в своих целях, в частности для находок собственных композиционных решений [56, стр. 56—57; 62, 58, стлб. 304].

При всей неразработанности истории финикийского искусства (в том числе и в области датировок) в нем уже выделяют по крайней мере две струи: собственно финикийское (к которому надо отнести также произведения финикийских мастеров, работавших на Кипре и в Сицилии) и карфагенское, называемое обычно пуническим [265, стр. 169—172]. В соответствии с этим и в работах финикийских мастеров Испании надо отделить вещи, созданные в тирских колониях, от изготовленных в колониях карфагенских.

Финикийское искусство испанского юга неразрывно связано с художественным миром Тартесса. Если раньше все изделия, обнаруженные на юге Пиренейского полуострова и носящие восточный характер, безоговорочно считались финикийскими, то в 60-х годах нашего века было высказано мнение о тартессийском происхождении многих из них. Была выдвинута гипотеза

о существовании тартессийской «провинции» средиземноморского ориентализирующего койна и сделана попытка отделить тартессийские произведения от работ собственно финикийских [187, стр. 128—145]. Однако эта точка зрения еще недостаточно обоснована. Многие предметы одними исследователями рассматриваются как тартессийские, другими же относятся по-прежнему к финикийским¹. Представляется, что в настоящее время еще нельзя провести четкого водораздела между тем, что было создано в мастерских Гадеса, Малаги, Секси, Абдеры, и тем, что вышло из рук художников Тартесса. Мы будем рассматривать их вместе, стараясь по возможности выделить местные черты в отдельных изделиях.

Наконец, последнее замечание вытекает из того факта, что среди дошедших до нас памятников испано-финикийского искусства отсутствуют произведения монументальной скульптуры и живописи. Если последнее и не вызывает особого удивления, ибо находки живописных произведений древности сравнительно редки, то отсутствие монументальной скульптуры требует объяснения. Обязано ли это случайности находок, или перед нами феномен, свойственный финикийской культуре?

С одной стороны, в дошедшем до нас финикийском материале не только Испании, но и метрополии и ряда колоний памятников монументальной круглой скульптуры либо вовсе нет, либо ее очень немного. К тому же древние авторы недвусмысленно отмечали, например, отсутствие статуи Мелькарта в гадитанском храме. По-видимому, не было никакого изображения бога и в Тире.

С другой стороны, сохранились сведения о скульптурах богов в Карфагене. В самой Финикии обнаружены колоссальные статуи начала II тысячелетия до н. э. [254, стр. 2283, рис. 1297]. К I тысячелетию относится торс из Сарепты, остаток статуи божества или царя [254, стр. 1472—1473, рис. 893]. На Кипре была найдена огромная финикийская статуя бога, разрывающего льва, также I тысячелетия до н. э. [58, стлб. 306; 294, стр. 569, рис. 386]. Наконец, в Карфагене археологи нашли фрагменты скульптуры Тиннит, находившейся, видимо, когда-то в храме Бирсы [114, стр. 60 и рис. 6]. Несмотря на то что до нас дошли только три фрагмента, возможно ее восстановление. Судя по реконструкции, была изображена женщина, сидящая на троне, боковые стороны которого украшают крылатые сфинксы. Такие же украшения видны и на троне Баал-Хаммона в том же Карфагене [163, стр. 132—133 и рис. 133]; довольно часто они встречаются и в метрополии: Библе, Сидоне, районе Тира [326,

¹ Например, Б. Фрайер-Шаумбург считает изделия из слоновой кости западнофиникийскими [167, стр. 105—111].

стр. 51—52]. Наконец, очень похожие мотивы встречаются и в Испании, но об этом речь ниже.

Сравнивая культы Мелькарта и Астарты, надо отметить, что в первом, несмотря на антропоморфный образ бога, монументальная скульптура почти не использовалась, и в Испании, где этот культ широко представлен, до сих пор не найдено никаких скульптурных изображений этого божества. Оно представлено лишь на воротах гадитанского Гераклеяона и, по-видимому в резьбе на пластине из слоновой кости из Кармоны. Фигурки же Астарты встречаются. Подобное различие можно отметить и в самой Финикии, а также в Палестине и Сирии. Видимо, в культуре Астарты круглая скульптура занимала определенное место. Таким образом, нам кажется, что в принципе находки произведений монументальной скульптуры в Испании возможны. Однако до сих пор наши сведения об испано-финикийской скульптуре очень незначительны и ограничиваются мелкой пластикой.

Древнейшим произведением финикийской мелкой пластики, найденным на Пиренейском полуострове, является бронзовая статуэтка Астарты, которая уже рассматривалась как свидетельство финикийско-испанских связей. Ее несомненное финикийское происхождение удостоверяется надписью на цоколе. Эта небольшая фигурка высотой 17,5 см была обнаружена в холме Карамболо, уже известном своим знаменитым кладом [78, стр. 27; 236, стр. 304 и рис. 360а; 237, табл. 20с, d].

Общий вид фигурки сразу же вызывает в памяти представление о египетской скульптуре: сама поза обнаженной сидящей фигуры с соединенными вместе и параллельно поставленными ногами и прямым туловищем, минимум деталей при почти полном невнимании к мускулатуре, строгие в целом черты лица, оживленные только намеком на полуулыбку. Египетского вида и парик на голове Астарты.

В то же время при правильных в целом пропорциях фигуры выделяются и отдельные несообразности — очень крупная голова, чрезмерно большие ушные раковины, удлинненные бедра. Эти диспропорции несвойственны произведениям египетского искусства и несут отпечаток финикийского вкуса [78, стр. 27].

Голова рассматриваемой статуэтки с ее египетским париком, глубоко надвинутым на лоб, и лентой, отделяющей его от лба, с продолговатыми глазами, наружные углы которых закруглены, с легкой полуулыбкой на губах и общей мягкой моделировкой лица удивительно напоминает небольшую головку из слоновой кости, найденную в Нимруде [56, стр. 147, 20b, № 186, табл. LIX]. Последняя же относится к так называемой группе Лейярда нимрудских изделий из слоновой кости, выполненной финикийскими резчиками, по-видимому, в последней четверти VIII в. до н. э., во всяком случае до 703 г. [56, стр. 135].

К сожалению, невозможно точно датировать другую бронзовую статуэтку Астарты, найденную, видимо, около Тутуги и хранящуюся в частном собрании Родригеса Акосты в Гранаде. Перед нами стоящая богиня, также облаженная, сжимающая руками полные груди. Черты лица грубы, выполнены небрежно; могучие формы слабо моделированы; тем не менее, следуя архаическому вкусу, автор тщательно отметил некоторые детали. Подчеркнутая мощность форм, как и ритуальный жест, сразу же выявляют сущность фигурки: это богиня плодородия [237, стр. 161 и табл. 20а, в].

Подобные изображения этой богини довольно часто встречаются на Востоке. Статуэтка напоминает вавилонские терракоты середины II тысячелетия и палестинские фигурки конца II — начала I тысячелетия до н. э. [237, стр. 161; 274, стр. 43—44 и рис. 31]. Правда, стиль последних, насколько можно судить по имеющимся репродукциям, иной: фигурки из Палестины более грубы и в то же время менее приземисты, более стройные, чем статуэтка из Тутуги. По мнению Э. Кукана, это изделие — древнейший образец бронзовой пластики на Пиренейском полуострове и создано раньше статуэтки сидящей Астарты. Однако при недостаточной разработанности хронологии испано-финикийского и тартессийского искусства пока нельзя установить, какое из этих произведений старше. По-видимому, вторая фигурка более архаична по своему внешнему виду, однако это еще не может свидетельствовать о ее большей древности.

Третье произведение мастеров мелкой пластики — статуэтка той же богини из алебаstra. Это изображение Астарты в виде сидящей женщины, которая обеими руками держит на коленях большую чашу. На голове богини — египетский платок, а на теле — полосатый или плиссированный хитон с короткими рукавами выше локтя. Сиденье фланкировано крылатыми сфинксами. Несмотря на посредственную сохранность статуэтки, можно различить черты лица. Крупные, резко очерченные черты и широкие формы придают монументальность всей фигуре [174, стр. 147 и рис. 124]. Особое внимание надо обратить на сфинксов, которые, как выяснилось, украшали троны божеств в монументальной скульптуре. Возможно, алебастровая статуэтка Астарты воспроизводит утраченную монументальную статую. В то же время интересные детали выявляют назначение самой статуэтки. Она — полая внутри. В плоско срезанной голове — широкое отверстие, через которое вливалась какая-то жидкость. Через небольшие отверстия на груди эта жидкость, в свою очередь, выливалась в чашу. Поскольку изображена богиня плодородия, очевидно, речь шла о молоке. Поэтому очень вероятно предположение Х. М. Бласкеса о том, что статуэтка была, по существу, фигурной вазой и сразу же имела чогребаль-

ное назначение [80, стр. 16, прим. 1]. Это, разумеется, не противоречит тому, что автор копировал или воспроизводил какой-то монументальный образец. Подобные фигуры встречаются на Кипре и в Солунте, а сам тип такой статуи восходит, по мнению Э. Кукана, к скульптуре Мари [236, стр. 304]. Что касается времени изготовления испанской статуэтке, то ее относят к VII в. до н. э. [80, стр. 16].

Наконец, надо обратить внимание на небольшую бронзовую статуэтку (ее высота 13 см), найденную непосредственно в самом Гадесе. Изображен безбородый мужчина, стоящий в спокойной позе на параллельно поставленных ногах. Эта поза, а также бритая голова и сложенные на груди руки (возможно, в них что-то было: по мнению П. Сента, посох) явно египетского типа. Однако длинный, доходящий до середины голени хитон, открывающий босые ноги, и мясистые черты лица выдают финикийское происхождение статуэтки. К этому надо добавить, что лицо изображенного было покрыто тонким золотым листком, как это обычно делалось в финикийских мастерских бронзового и начала железного века. Если предположение П. Сента о наличии посоха, причем показанного на некотором расстоянии от тела, правильно, то это также подтвердило бы изготовление этой вещи финикийцами. Определить дату произведения очень трудно, так как отсутствуют и археологический контекст, и точные аналогии. Оно, во всяком случае, не позже V в. до н. э., а некоторые архаические детали, и прежде всего наличие золотого листка на лице, позволяют отнести его изготовление и к более раннему времени [115, стр. 263—267; 208, стр. 204].

Если не учитывать грубые и плохо сохранившиеся терракоты из Гадеса и Кармоны, то этими статуэтками и ограничивается список произведений испано-финикийской и тартессийской скульптуры первой половины I тысячелетия до н. э.

Среди испанских находок в большом количестве представлены работы резчиков по слоновой кости. В раскопках около Кармоны в конце XIX в. Дж. Бонсор обнаружил множество пластинок, бывших ранее стенками ящичков, гребней и ложечек из слоновой кости. Все они гравированы. Встречаются чисто орнаментальные мотивы, как геометрические, так и растительные. Особенно интересны те пластинки и гребни, на которых вырезаны фигуры людей и животных, объединенные либо в сцены, либо в орнаментальные ряды.

На пластинках мы видим сцены борьбы: воин сражается со львом, и руку воина поддерживает грифон; бык борется с двумя львами; лев нападает на газель, защищаемую грифоном, и этот сюжет повторяется на обеих сторонах еще одной пластинки; всадник скачет навстречу грифону, позади которого стоит газель, повернувшая голову к грифону и всаднику.

Все эти изделия очень похожи также и по формальным признакам. Каждая сцена со всех сторон ограничена рамкой (не везде сохранилась). Всюду мы встречаем три фигуры (если рассматривать воина на коне как одно целое), объект нападения располагается в центре, более пассивная фигура занимает левую часть пластинки. Нападающий справа лев поворачивает голову назад, так что все три головы смотрят в одну сторону. В сцене нападения всадника на грифона головы коня и воина направлены к объектам атаки, но отодвинутая далеко назад непропорционально длинная левая рука с кнутом создает впечатление общего правостороннего движения всей сцены. Ломаная линия, проведенная мысленно по очертаниям фигур, создает чисто орнаментальный, несколько напряженный контур, в то время как ограничивающая рисунок верхняя прямая черта, часто совпадающая с верхними точками изображений животных или человека, умеряет динамику и вносит ощущение покоя, не совместимое с содержанием сцены.

Рисунок везде четок, графичен, уверен. Грива, оперение, волосы передаются прямыми параллельными линиями. Человек изображается либо строго в профиль, либо по египетскому принципу: голова и ноги — в профиль, а плечи — в фас. Художник иногда стремится передать отдельные детали, как, например, складки хитона и строение уха воина, некоторые мускулы на теле льва. И все это сочетается со схематизмом и условностью: так, непропорциональна фигура бойца, условны взаимные размеры и позы участников сцен.

Другой вид изделий из слоновой кости — гребни. В отличие от пластинок они были найдены не только в Кармоне. Гребень с резьбой, в частности, был обнаружен под стенами Осуны. Эти гребни, как правило, гравированы с двух сторон более или менее похожими сценами. Поле рисунка представляет прямоугольник или трапецию; оно иногда весьма вытянуто, ограничено рамкой, иногда пустой, но чаще заполненной зигзагообразным, волнистым или плетеным орнаментом. Фигуры занимают большую поверхность, оставшееся свободное место автор стремится заполнить, изображая либо птицу, либо бутон лотоса, либо пальметту.

На гребнях в виде вытянутых прямоугольников и трапеций представлены многофигурные композиции: или сцены борьбы и терзаний животных, или спокойно лежащие реальные или фантастические звери; в одном случае мы видим человека, идущего за крылатым конем. На небольших по размеру гребнях изображена одна фигура². Все фигуры даны в профиль

100 ² На западнофивийском продолговатом гребне, найденном на Самесе, всего одна вытянутая фигура [467, стр. 107].

(только человек показан с развернутыми в фас плечами в египетском стиле), довольно лаконично и условно. Передача гривы волос, оперения напоминает виденное на пластинках. В некоторых случаях условными штрихами показаны ребра и скулы.

Композиции сцен на гребнях во многом напоминают построение изображений на степках ящичков. В целом они уравновешены, хотя эта уравновешенность редко достигает полной симметричности. В одном случае на симметрию намекает только расположение трех газелей в середине рисунка, между львом и грифоном. В другом случае мы видим геральдическую композицию: пальметта — в центре, а по бокам — две газели, каждая из которых повернула голову в противоположную сторону, и два грифона — позади каждой из них; но и здесь отдельные детали нарушают полную симметричность. Иногда, хотя и редко, встречается и зеркальная симметрия: по обеим сторонам пальметты располагаются совершенно идентичные газели [173, рис. 14].

При всем разнообразии сцен, выполненных мастерами резьбы по слоновой кости, им всем свойственно единство стиля, как это давно отметил А. Гарсия и Бельидо [180, стр. 486]. Для всех характерен тонкий, изящный и в то же время плавный рисунок, аналогичная композиция и общие приемы изображения животных — профильного, условного, плоскостного, со сравнительно небольшим числом деталей.

Связь этих изделий с одним центром нам представляется несомненной. Но что это был за центр? Относятся ли рисунки на гребнях и пластинках к финикийскому или тартессийскому искусству? Исследователи не дают однозначного ответа. Для одних это — чисто восточные произведения [45, стр. 41—42; 265, стр. 265], для других — западнофиникийские, выполненные в Гадесе или другом финикийском городе Испании [167, стр. 105—111], для третьих — местные, тартессийские [75, стр. 14—35]. Рассмотрение сцен, их деталей, техники выполнения позволит, как кажется, ответить на этот вопрос.

Прежде всего надо отметить, что на испанских изделиях почти нет мотивов, которые бы не встречались на Востоке. Например, борьба со львом — одна из самых распространенных тем в восточном искусстве. Львы, газели, зайцы, грифоны постоянно встречаются в произведениях восточных, в частности финикийских, мастеров. В фигуре воина, сражающегося со львом, мы находим те же деформации и ту же ленту, отделяющую головной убор от лба, как и на финикийской статуэтке Астарты. Многие детали, такие, как шлем, одежда, вооружение воина, его коленопреклоненная поза, напоминают эгейские образцы. Явно греческой представляется одежда [265, стр. 264].

Зигзагообразное заполнение ограничивающей рамки встречается в гребнях из спартанского святилища Артемиды-Орфии [43, стр. 360, прим. 99]. Наконец, укажем на египетскую схему в изображении человека и на такой месопотамский мотив, как «древо жизни». Все это характерно для финикийского искусства, в том числе для изделий мастеров, работающих на Кипре, где восточные влияния сливались с эгейскими.

Испанские изделия довольно близки к произведениям финикийских резчиков II тысячелетия до н. э., найденным в Мегиддо. В этом палестинском городе были обнаружены ящички, пластинки от них, гребни, т. е. такие же изделия, что и в Испании. Среди них есть и резные. В сценах, изображенных на этих вещах, чувствуются те же принципы в изображении людей и животных. Такой же тонкий плавный рисунок. Интересна пластинка со сценой триумфа царя. Поле рисунка очерчено тонкой прямоугольной рамкой. Хотя изображены, по существу, две сцены (сам триумф и царское пиршество), с художественной точки зрения их можно рассматривать вместе. Общее движение идет справа налево, отсутствует ясно выделенный центр, дававший бы симметрию. Направленные в противоположную сторону фигуры монарха и идущих за тропом двух слуг не столько нарушают одностороннее движение, сколько подчеркивают его. Свободное пространство заполняется, хотя и не полностью, крылатым диском и стилизованными растениями [139, рис. 49]. Одним словом, перед нами такая же композиция, как и на ряде испанских изделий. Похоже трактуются и фигуры некотрых животных. Например, бык на кармонской пластинке похож на такое же животное, вырезанное на костяной пластинке XIII в. до н. э. (правда, не из Мегиддо, а из другого палестинского города — Лахиша) [173, рис. 7 и 44, рис. 46]. Таким образом, можно полагать, что изображения на пластинках и гребнях из слоновой кости, найденных на Пиренейском полуострове, относятся к финикийскому кругу и их прототипы восходят к искусству Финикии бронзового века.

Однако имеются и различия. Восточные фигуры XIV—XII вв. более динамичны, чем испанские. Восточный резчик того времени часто соединял вместе две или несколько сцен, чего в пиренейских изделиях пока не наблюдается.

Если сравнивать кармонские вещи с найденными в Нимруде и относящимися к VIII—VII вв., то разница бросается в глаза. Хотя все или почти все сюжеты испанских произведений повторяются и на Востоке, зато далеко не все восточные встречаются в Испании. И особенно поражает отсутствие таких тем, популярных в азиатских сериях, как «женщина в окошке», обнаженная женщина, корова, кормящая теленка [75, стр. 22].

102 Испанским изделиям присуща также прямоугольная форма и

рамка, ограничивающая поле изображения. Различна и техника исполнения самих сцен. В отличие от своих предшественников бронзового века финикийские мастера по слоновой кости I тысячелетия до н. э. не гравировали пластины, а применяли выпуклый рельеф. В Нимруде, например, процарапаны только те пластины, которые выполнены в ассирийском стиле, а финикийские и сирийские — рельефные [167, стр. 110]. В Испании же до сих пор не обнаружено ни одного образца рельефа из слоновой кости. Наконец, надо сказать, что восточные произведения отличаются большей динамичностью, изяществом формы, тщательностью изготовления, большей детализацией тела человека и животных³.

Эти сходства и различия показывают, что предметы из слоновой кости, найденные на Пиренейском полуострове, относятся к финикийскому кругу, но занимают там особое место. Однако сразу же встает вопрос, а не были ли эти вещи созданы вообще не финикийцами, а тартессиями, как это считают некоторые испанские исследователи.

Наиболее подробно доводы в пользу не финикийского, а тартессийского происхождения этих изделий изложил А. Бланко Фрейхейро. Однако они сводятся лишь к тому, что шлем воина на пластинке похож на лузитанские шлемы, как их описывает Страбон (III, 3, 6), и к тому, что львы на экземплярах из некрополя Крус-дель-Негро своим схематизмом подобны иберийским каменным львам более поздней эпохи [75, стр. 14, 19, 35]. Однако этот шлем подобен не только лузитанскому, но и эгейскому и наряду с другими эгейскими и кипрскими чертами позволяет говорить о влиянии, идущем из Восточного Средиземноморья. Иберийское искусство генетически во многом связано с финикийским, так что схожесть кармонских и более поздних иберийских изделий не вызывает удивления. А схематизм некоторых фигур может объясняться различием в манере мастеров, а не разным этническим происхождением. Конечно, возможно, резчиком некоторых пластинок и гребней был тартессий, но в таком случае надо предположить, что он настолько овладел финикийской манерой, что не осталось места для проявления его тартессийской оригинальности. И в таком случае саму вещь надо рассматривать как факт испано-финикийского, а не тартессийского искусства⁴.

Установление происхождения изделий из слоновой кости позволяет обратиться и к семантике изображений.

³ Об изделиях из Нимруда см.: [56].

⁴ О том же свидетельствует и их явное техническое и стилистическое сходство с гребнями, найденными в Карфагене [114, стр. 64 и рис. 16, стр. 86—87, илл. 65, 69, 70].

Посмотрим на содержание рисунков: воин сражается со львом и ему помогает грифон; бык при поддержке грифона (или без нее) борется с одним или двумя львами; лев нападает на газель, защищаемую грифоном; всадник атакует грифона, защищающего газель; лев приближается к газелям, повернувшись к грифону, как бы прося у него защиты; человек идет за крылатым конем. Если оставить в стороне последнюю сцену, смысл которой неясен, то можно видеть явное противопоставление персонажей. С одной стороны, пеший воин с копьем и щитом, грифон, газель, бык, заяц; с другой — лев и всадник. Такие взаимоотношения едва ли могут быть случайны и объясняются только подчинением сцены декоративным целям.

Некоторые сцены заставляют вспомнить мифы, связанные с Мелькартом. Борьба коленопреклоненного копейщика со львом напоминает сражение Мелькарта с этим зверем, о чем упоминает поэма Силия Италика. Из этой же поэмы известно, что одним из подвигов этого бога была борьба с конями. Не может ли изображение всадника, нападающего на газель и грифона, намекать на подобный миф или быть вариантом этого же сказания? С мифологическим кругом Мелькарта связывается лань, которой может соответствовать газель испанских гребней. Она же может связываться и с культом Астарты. Изображение двух газелей или коз по бокам полубога богини видно на угаритской пластинке из слоновой кости XIV—XIII вв. [96, рис. 663 и стр. 45]. Мелькарт и Астарта, как мы знаем, были связаны друг с другом. Тема борьбы льва и быка близка восточной, в частности финикийской, мифологии, в которой есть упоминание о борьбе богов в виде этих животных [56, стр. 72]. Например, в Угарите бык олицетворял Баала, а лев — Мота. Можно предполагать, что борьба быка со львом означает сражение между Мелькартом и Мотом. Последний имел некоторые черты, связывающие его с египетским Сетом. Обратим внимание на то, что конник на одном гребне похож на египтянина, в то время как в фигуре копейщика сочетаются египетские и эгейские черты. Если наше гипотетическое построение верно, то на изделиях из слоновой кости, выполненных испанскими финикийцами, мы видим сцены, связанные с циклом мифов о Мелькарте. В этом, кажется, нет ничего удивительного, учитывая популярность этого божества в финикийских городах Испании, особенно в Гадесе.

Сложен вопрос о датировке изделий. Внешние данные, которые позволили бы судить об этом, отсутствуют. Инвентарь могил, в которых были найдены вещи, может дать только *terminus ante quem*, ибо столь дорогие изделия могли храниться довольно долгое время, прежде чем попасть в погребение.

К тому же надо учесть и время приобретения их тартессийскими владельцами, в захоронении которых они обнаружены. Отсюда и самые различные датировки. В. Ф. Олбрайт, считая эти вещи посреднической группой между произведениями, найденными в Мегиддо и Нимруде, полагает, что они относятся к X—VIII вв. до н. э. [43, стр. 347; 45, стр. 41—42]. А. Гарсия и Бельидо датирует их VII в. или позже [180, стр. 487]. К VII—VI вв. относит их С. Москати [265, стр. 265] и к VI в.—Д. Харден [208, стр. 207]. Иначе подходит к этой проблеме А. Бланко Фрейхейро. Он распределяет все предметы на три группы, датируя первую приблизительно 700—650 гг. до н. э., вторую — 650—600 гг., третью — 600—450, основывая это распределение на некоторых различиях в деталях, как, например, в изображении львиной гривы, а также на инвентаре могил и на сравнении с другими произведениями финикийского художественного ремесла [75, стр. 22—25]. Исходную дату испанский ученый выводит из предположения Р. Д. Барнетта, что начало этой отрасли художественного ремесла в Испании было положено эмигрантами из метрополии, бежавшими на Запад после захвата Тира и Сидона ассирийцами в первой половине VII в. до н. э.

Однако такая дробность не находит подтверждения в стиле изображений. Этот стиль показывает определенное единство всех произведений. А отдельные различия могут быть объяснены вариантами в изделиях одной или нескольких (по одновременных) мастерских, а также вкусами заказчиков [167, стр. 109]. Особенно важно, что львы на гребнях из некрополя Крус-дель-Негро аналогичны подобным фигурам на таких же изделиях, найденных на Самосе. А. Бланко Фрейхейро относил гребни из Крус-дель-Негро к третьей группе, датированной самосскими находками в строительном мусоре южного зала, который был создан около 640/30 гг. до н. э., и в одном из колодцев самосского Герайона, содержание которого относится к 710—640/30 гг. Следовательно, надежный *terminus ante quem* и для всех испанских изделий — середина VII в. до н. э. [167, стр. 109].

Сложнее определить начальную дату. Предположение Р. Д. Барнетта и следовавших за ним авторов едва ли может быть обосновано. Слишком велики различия между западнофиникийскими и восточнофиникийскими изделиями. Если бы речь шла о перенесении в Испанию тирских или сидонских мастерских, то трудно было бы понять изменения в технике и частично в тематике изделий, возвращение к старым образцам. К тому же тот факт, что самые поздние и наиболее удаленные, по мысли А. Бланко Фрейхейро, от восточных образцов произведения выполнены не позже середины VII в. до н. э.,

также делает неприемлемым это предположение. Мнение В. Ф. Олбрайта о чисто восточном происхождении кармонских пластин и гребней нельзя принять, а именно на этом во многом основывается его датировка. Однако мнение американского ориенталиста о срединном между мегиддской и нимрудской группами положении испанской группы кажется на основании приведенного выше стилистического сравнения верным.

Слишком незначительное число самих вещей (около двух десятков в отличие от нескольких сот на Востоке) лишает возможности проследить развитие стиля, а установленную А. Бланко Фрейхойро относительную хронологию можно принять лишь с большими оговорками. В то же время именно в резьбе по слоновой кости финикийское художественное ремесло долго оставалось очень консервативным [369, стр. 110], и это, по-видимому, относится не только к восточным, но и к западным резчикам. Поэтому можно предположить, что вскоре после основания колоний в Испании появились свои мастера резьбы по слоновой кости, привезшие с собой еще не успевшую отойти в далекое прошлое традицию (в частности, углубленное процарапывание вместо рельефа) и сохранившие ее в течение долгого времени. Что касается датировки непосредственно тех вещей, которые были найдены около Кармоны и Осуны, то они могли быть выполнены в первой половине VII в. до н. э., ибо такие же изделия были привезены на Самос из Испании именно в это время [167, стр. 110, 125].

Итак, в Испании возникает своя школа резьбы по слоновой кости, тесно связанная с предыдущими восточными традициями. Ее особенностями по сравнению с современными ей школами метрополии являются архаичность как в форме вещей, так и в технике и композиции; большая статичность при передаче даже таких динамичных сцен, как борьба и терзание животных, причем именно звериные фигуры отличаются особой статичностью; большая условность при передаче самих фигур; меньшая заполненность свободного пространства, особенно внутри контура тела, где передаются далеко не все и при этом не самые важные детали; нарушение взаимных пропорций персонажей с целью подчинения композиции форме самой вещи. Нельзя отрицать символизм изображений, но надо подчеркнуть их особую декоративность. Производит впечатление и отсутствие некоторых сюжетов, любимых на Востоке.

В изделиях из слоновой кости, как и в скульптуре, мы находим типичную черту финикийского искусства: использование чужих иконографических схем и отдельных деталей (египетских, месопотамских, эгейских) для создания собственных композиций с оригинальным смыслом. В нашем случае, как кажется, речь идет о сценах, связанных со сказаниями о Мелькарте.

Еще более оригинальны работы финикийских, в том числе испано-фикикийских, ювелиров и торевтов. Исследователи признают выдающиеся умения ювелиров, восходящее ко II тысячелетию до н. э., как свидетельствуют находки в Библие и Угарите. Финикийские мастера проявили виртуозность в украшении поверхности золотой зернью, которая если и не была ими изобретена, то использовалась так искусно, что они были превзойдены только позже этрусками и греками.

Свидетельствами испано-фикикийского ювелирного искусства являются как отдельные находки, не имеющие пока археологического контекста, так и предметы, обнаруженные в могилах, особенно в гадитанских некрополях V—III вв. Огромное значение имеют клады, найденные на тартессийской территории, принадлежавшие, по-видимому, представителям местной знати, но состоявшие во многом из вещей финикийских ювелиров. Из этих кладов в первую очередь надо отметить знаменитый клад, найденный в Алиседе около Касереса в 1920 г.

Он состоит из огромного числа золотых изделий (одних только маленьких пластинок, насаженных на трубчатую дужку и украшенных пальметтой, 194), а также двух серебряных «жаровен», стеклянного кувшина и точильного камня [256, стр. 110—123]. Среди золотых вещей особое внимание привлекают ожерелье, пояс, диадема, серьги, браслеты, являющиеся наиболее характерными и в то же время наиболее яркими памятниками ювелирного искусства из найденных в Алиседе.

Наиболее совершенными изделиями, в которых мастер показал свое искусство и любовь к пышным, несколько перегруженным украшениям, и при этом вещами, до сих пор уникальными, являются серьги. Найдено два парных экземпляра. Каждая серьга имеет 8 см в диаметре. В центре — незамкнутое кольцо, выполненное из согнутой, очень тонкой пластины. С внутренней стороны оно украшено мелкой зернью. Кольцо заканчивается плоскими дисками, которые также декорированы золотыми зернышками; к одному диску прикреплен шарнир крючка, которым серьга цеплялась за ухо. Серьги имеют также золотые цепочки, закидывающиеся за ушные раковины, чтобы эти украшения можно было безопасно носить. С внешней стороны серьги имеют очень сложный декор, состоящий из двух поясов украшений. Многочисленные и разнообразные цветы, капсулы, побеги, птицы образуют волнующуюся ажурную поверхность, где тонкие элементы орнамента чередуются с открытыми пространствами, так что все это пронизано воздухом и светом, и золотая серьга напоминает кружево. И все это в изобилии покрыто зернью. Шарик правильной формы припаяны небольшим количеством припоя и в отличие от этрусской или греческой зерни не отделяются от поверхности золотой

пластины [73, стр. 17—18; 208, стр. 213; 236, стр. 306 и рис. 367а; 256, стр. 112—113].

Подобная схема была и у серег, найденных в 1966 г. около Синеся в Португалии. Они имели тот же диаметр — 8 см, но отличались более скромным декором, состоящим из ряда чашевидных цветов, и способом крепления крючка: не на дисках, а на шариках [194, стр. 25]. Отдельные мотивы украшений алиседских серег также имеют аналогии в финикийском искусстве, в том числе в искусстве Южной Испании. Например, на бронзовой вещи (вероятно, пряжке), приобретенной в Севилье, чередуются пальметты и цветы лотоса [194, стр. 38—39]. Зернь в изобилии встречается на многочисленных финикийских украшениях. Однако если композиция и отдельные украшения не новость в финикийском ювелирном искусстве, то их соединение и обилие, как и необыкновенное мастерство автора, уникальны.

Впечатление воздушности, исходящее от алиседских серег, производят и некоторые финикийские изделия из слоновой кости, как, например, изображения сфинксов из Мегиддо и Самарии, или богини из Мегиддо, или «древо жизни» из Арслан-Таша [44, стр. 136, рис. 44, стр. 176, рис. 65; 96, рис. 673—674; 223, рис. на стр. 148]. Как отмечает А. Бланко Фрейхейро, в поисках прототипов этих серег надо идти к сиро-финикийскому искусству [73, стр. 31]⁵. Сращивание разнообразных орнаментов в единый пышный декор могло иметь место на Кипре [236, стр. 306], хотя ничего подобного пока не обнаружено. Датируются серьги концом VII — началом VI в. [236, стр. 306]. Приблизительно к этому же времени относятся и приведенные для сравнения серьги из Синеся и бронза из Севильи [194, стр. 28, 39].

Интересны также найденные в этом же кладе два идентичных браслета диаметром 66 и шириной 20 мм. Каждый браслет выполнен из толстой золотой пластины, в которую вставлены украшения. Центральная часть украшена двойным рядом спиралей, расположенных между двумя выпуклыми карнизами, идущими по верхнему и нижнему краям браслета, а, они, в свою очередь, окаймлены витой золотой нитью. Браслеты не замкнуты, и их концы имеют довольно сложный узор, состоящий из пальметт и цветов [73, стр. 19; 208, стр. 213; 256, стр. 113].

Отдельные элементы украшений браслетов происходят, несомненно, с Востока, из Эгеиды и Кипра. Так, подобные спирали мы встречаем на Кипре в середине II тысячелетия до н. э. и около 1000 г. до н. э. Волюты пальметт часто повторя-

⁵ Ср. также серьгу из Телль-Джемме в Палестине [96, рис. 1177].

ются в кипрских капителях. Похожее построение пальметты видно также на золотой пластине из Энкоми и в росписи кубка из Дали [96, рис. 25, 262, 307, 327]. Таким образом, связь орнамента алиседского браслета с работами мастеров Кипра несомненна, как это давно отметил А. Гарсиа и Бельидо [173, стр. 242].

Одним из шедевров ювелирного искусства, обнаруженным в Алиседе, является пояс, восстановленный Х. Р. Мелида из нескольких десятков золотых пластинок. Отдельные пластинки соединяются друг с другом золотыми гвоздиками со сферическими головками. Лента пояса делится на три зоны. Центральная — гладкая, вдоль которой процарапаны две пары тонких борозд. Две боковые состоят из отдельных метопов с двумя повторяющимися сценами: человек борется со львом, в правую сторону идет грифон с распростертыми крыльями. Пластины пряжки также состоят из трех полос, из которых средняя уже боковых. На боковых повторяются сцены сражения человека со львом, на средней — пальметты и ромбы. Весь фон и отдельные детали фигур на пряжке покрыты золотыми зернами, и гранулированный фон еще больше подчеркивает фигуры, вычеканенные на метопах и пряжке [73, стр. 21—22; 236, стр. 305; 256, стр. 115].

Как и серьги, пояс не имеет точных аналогий. Однако фигурные мотивы, обильная зернь, сочетающаяся с чеканкой, формы пальмет — все это чисто финикийские черты. Правда, можно отметить некоторое сходство в технике украшений этого изделия с памятниками этрусского ювелирного искусства, в частности с большой фибулой из гробницы Реголини-Галасси, где также встречается сочетание грануляции с чеканкой [268, стр. 135—136 и рис. 4]. Однако этрусская зернь всегда более упорядоченна, в то время как в алиседских изделиях гранулы образуют сплошное поле фона. Это приводит к мысли, что пояс из Алиседы — финикийское произведение, а некоторое сходство с этрусской техникой объясняется ориентализирующим характером этрусского искусства того времени.

Среди других ювелирных изделий, найденных в Алиседе, надо отметить диадему. Она состоит из отдельных квадратных пластинок, соединенных друг с другом, и заканчивается двумя треугольниками. Каждая пластинка украшена розетками, камнями (в одном случае сохранилась бирюза), нитями и ажурными полусферами, зернью. Сверху и снизу эти пластинки окаймлены золотыми трубочками, через которые когда-то проходили нити, соединяющие пластинки воедино. К нижним трубочкам прикреплены колечки, к которым подвешивались на цепочках сферические подвески. Треугольные завершения диадемы декорированы нитями, пальметтой и розеткой, камнями или пастой

(сохранились только ячейки) и опять же обильной зернью [72, стр. 16—17; 208, стр. 213; 256, стр. 110—111].

Эта диадема — наименее типичная из всех изделий, пайденных в алиседском кладе. Похожие на нее изделия встречаются только в Испании: иберийская диадема из Хавеа, украшения, изображенные на иберийских же скульптурах из Серро-де-лос-Сантоса, а также на ряде терракотовых фигурок из Пуиг-д'эс-Молинс, выполненных испано-пуническими мастерами, в которых также могли отразиться местные черты [174, стр. 157; 256, стр. 111-112]. Поэтому, несмотря на некоторые типично финикийские и вообще восточные признаки (грануляция всего фона и отдельных нитей, сочетание золота с камнями и пастой), диадему считают обычно работой не финикийских мастеров, а тартессийских или иберийских ювелиров [73, стр. 28; 256, стр. 112].

Местные, испанские черты алиседской диадемы (особенно ее форма), действительно, не вызывают сомнений. Однако им можно дать иное объяснение, чем то, которое дают Х. Р. Мелида и А. Бланк Фрейхейро. Владельцем этой диадемы, как и других изделий, обнаруженных в Алиседе, был явно не финикийец, а тартессий. Финикийский ювелир для облегчения сбыта своих товаров мог намеренно использовать некоторые особенности местного художественного ремесла. Еще более вероятно, что постоянные контакты с тартессийским миром повлияли на мастеров Гадеса и их соотечественников. Аналогию можно наблюдать в ювелирном деле и торевтике греческих колонистов Северного Причерноморья, в искусстве которых видны скифские черты. Мы имеем в виду, например, серебряную амфору из Чертомлыка, золотой солохский гребень, золотую вазу из Куль-Обы [4, стр. 43, 47—48, 64, 80; 6, стр. 160—161]. Возможно, нечто аналогичное мы встречаем в золотых и серебряных диадемах из Вани (Колхида), имеющих местную, колхидскую форму [248, стр. 261—263], но которые, кажется, были работами восточных, вероятно иранских, мастеров. Поэтому, как нам представляется, сочетание финикийских (техника зерни, полихромия) и испанских (общая форма, некоторая перегруженность) черт могло встречаться в работах испано-финикийских ювелиров, связанных с Тартессом. Дальнейшие открытия позволят, может быть, более определенно ответить на вопрос об этническом происхождении автора алиседской диадемы. Во всяком случае, обе гипотезы правомерны. И пока не будет найдено бесспорных произведений тартессийских ювелиров, вторая гипотеза нам кажется более верной, особенно учитывая весь контекст клада, в котором остальные изделия, вероятнее всего, финикийского происхождения.

Оно состоит из трех нитей, на которых висят самые разнообразные золотые предметы: различные футлярчики для амулетов, амулеты в виде полумесяца, шарики, змеинные головки [73, стр. 19—21; 256, стр. 113—114]. Подобные бусы характерны для финикийцев. Они любили нанизывать на одну нить разные украшения и бусины из различных материалов. Таковы, например, бусины из Синеса из золота, агата, пасты, стекла, янтаря в виде шариков, цилиндров, эллипсов, дисков и т. д., относящиеся, по-видимому, к одному колье [194, стр. 28]. Подобные украшения встречаются и в Гадесе в более позднее время. Так что сомневаться в финикийском происхождении нашего ожерелья не приходится.

Изделия, найденные в Алиседе, относятся приблизительно к 600 г. до н. э. [73, стр. 50; 208, стр. 212]. Это наиболее впечатляющие образцы испано-финикийского ювелирного искусства конца VII и начала VI в. до н. э. Однако они не одиноки. Так, среди вещей, обнаруженных в Эворе и относящихся к VII в., встречаются подобные украшения (например, диадема). Памятники Эворы также характеризуются обилием зерни, хотя здесь зернь иногда и упорядочивается, как в подвесках ожерелья, где линии гранул образуют человеческое лицо и геометрический орнамент под ним [71, стр. 50—57]. Другие изделия того же времени, уступая по качеству найденным в Эворе, и особенно в Алиседе, имеют все же много общего с ними. Таковы, например, серьги из Синеса и Сетефильи, по композиции напоминающие алиседские [194, стр. 25, 37 и рис. 20, 21, 43]. Ожерелье из Синеса иное, чем обнаруженное в Алиседе, но в некоторых деталях имеет общие черты с произведениями из алиседского клада. Оно состоит из нескольких золотых пластинок (сохранилось 16), и все они отчеканены с одной матрицы. Через трубочку в верхней части проходила некогда нить, соединяющая эти пластинки, которые, в свою очередь, нашивались еще на кожу или тонкую ткань, судя по очень маленьким отверстиям по бокам каждой пластинки. На пластинках, как и в декоре алиседского пояса, мы встречаем выполненных в технике чеканки идущего вправо грифона, пальметты и розетки [194, стр. 25—28 и рис. 23]. Следовательно, хотя техника проще, чем в вещах из Алиседы, и само произведение беднее, происхождение из того же круга не вызывает сомнений.

Таким образом, можно выделить общие черты, свойственные испано-финикийскому ювелирному искусству VII—начала VI в. Это, прежде всего, широкое использование зерни и чеканки, причем оба вида техники могли сочетаться, как это было в поясе из Алиседы. Зернь при этом, как правило, не упорядочена в отдельные фигуры (исключение — подвески из Эворы),

а покрывает изделие или его часть сплошным ковром. При сочетании зерни и чеканки первая образует фон, на котором располагаются прочеканенные фигуры, и подчеркивает некоторые детали этих фигур. Применяется полихромия, и особо широко — в ожерельях. Для декорации используется главным образом растительный орнамент: пальметты, розетки, цветы, часто весьма причудливо сочетающиеся. Иногда встречаются изображения животных и человека, но весь репертуар сводится к фигуре идущего грифона и к борьбе человека со львом.

В композициях ювелирных изделий можно выделить такой прием: четко отмечается центр, вокруг которого располагаются различные, часто весьма замысловатые орнаменты. В серьгах таким центром служит незамкнутое кольцо, к которому крепятся разнообразные украшения, в поясе — средняя неукрашенная полоса, по бокам которой располагаются полосы со сценами, на пряжке пояса — узкая центральная лента с двойными пальметтами, а сверху и снизу широкие ленты с идентичными орнаментами; в диадеме таким центром может быть ось, состоящая из ромбовидных камней (от них остались только оправы), вокруг которых располагаются розетки; даже в ожерелье в центре выделяется цилиндрический футляр. При этом, однако, как и в изделиях из слоновой кости, уравновешенность не приводит к зеркальной симметрии. Так, в поясе сцены и верхней, и нижней полосы располагаются таким образом, что наверху лев и человек опираются ногами на среднюю полосу, а внизу касаются ее своими головами. Мастер рассчитывал, что все сцены можно будет рассмотреть, не поворачивая пояса. В диадеме симметричность нарушается различным оформлением лент над и под пластинками с розетками.

Следующий этап развития ювелирного искусства испанских финикийцев представлен изделиями, обнаруженными в 1958 г. на холме Карамболо, около Севильи. Здесь была найдена 21 золотая вещь общим весом почти три килограмма. Среди них две пекторали одинаковой формы, но с разными орнаментальными мотивами. На одной пекторали по краям идут гладкие полушария в три ряда: средний состоит из более крупных, а боковые — из более мелких полушарий. Центральная часть разделяется на две зоны рядами зубцов и двойных шнуров. Эти зоны покрыты розетками, вставленными в ячейки и спаянными друг с другом. В украшении каймы второй пекторали ряды маленьких полушарий чередуются с рядами плоских колец. Центральная линия состоит из больших полушарий с углублениями наверху, выступающих над боковыми зонами. Последние украшены плоскими кругами и чешуйками, положенными наподобие черепицы. Они соответствуют розеткам первого нагрудника [238, стр. 38—39].

Среди изделий, найденных в этом кладе, внимание привлекает ожерелье. Оно состоит из двойной цепи, замыкающейся с одной стороны кольцом и застежкой, а с другой — входящей в биконическую капсулу. Из этой капсулы выходит несколько тонких небольших цепочек, на которых висят подвески в виде печатей. Скобочные оправы и бока «печатей» богато украшены: круглые диски с шариками в центре, вертикальные перемычки в виде черепицы, треугольники, причем все это было когда-то заполнено пастой. На овальной поверхности «печатей» — четырехлиственный цветок; все углубления этих поверхностей также заполнялись пастой [236, стр. 305; 238, стр. 40].

Два браслета декорированы чередующимися рядами полушарий и плоских розеток в ячейках, что придает этим изделиям волнистый профиль. Ряды полушарий и розеток разделяются линиями зубцов и шнуров [238, стр. 39].

Наконец, в этом кладе было обнаружено 16 прямоугольных пластин различной величины, имеющих похожую схему декора, но в которых использованы различные декоративные элементы. Одна группа пластин (двух размеров: 11 на 6 и 6 на 4,5 см) украшена рядами розеток, перемежающихся с полушариями, которыми украшены и стороны прямоугольников. Поперек пластин идут трубки, через которые в свое время протягивались шнуры для соединения всех деталей. Вторая группа пластин одинакового размера (9 на 5 см) украшена чередующимися рядами кругов и полушарий с углублениями наверху. Все элементы орнамента располагаются по продольным осям этих предметов [238, стр. 39—40]. По-видимому, все эти изделия были частями диадем или венцов [238, стр. 42].

Находки на Карамболо ясно делятся на две группы, относясь, вероятно, к двум наборам украшений. Пектораль, браслеты и восемь пластин двух размеров составляют одну группу; другая пектораль, ожерелье и остальные восемь пластин — другую. Они разнятся декоративными элементами: в одной группе розетки и полушария, в другой — чешуйки, круги и полушария с вогнутыми вершинами. В последней группе отмечено также использование цветной пасты. Все же в манере выполнения обеих групп украшений из Карамболо чувствуется рука одного художника или одной мастерской [238, стр. 41].

И это вновь ставит вопрос об испано-финикийском или тартезийском происхождении изделий из Карамболо. Некоторые из них, несомненно, имеют восточный вид. Таковы прямоугольные пластины, составлявшие некогда венок или диадему. Подобные украшения увенчивают нередко головы кипрских статуй, например голову из известняка VI—V вв., обнаруженную в неизвестном месте острова, большую терракотовую статую из Мерсинаки конца VI — первой половины V в., терракотовую

статуэтку из Идалиона. В свою очередь, кипрские диадемы, украшенные розетками, воспроизводят западноазиатские формы [96, рис. 51, 84—85; 150; 298, стр. 3]. Восточного вида и ожерелье, украшенное подвесками. Такие формы обнаружены в ориентализирующем искусстве Греции и Этрурии и в архаическом искусстве Кипра. Азиатского происхождения и такие декоративные элементы, как четырехлепестные розетки, цветы, бутоны, чешуйки [238, стр. 44—47].

В то же время в форме и украшениях некоторых вещей проявляются местные черты. Так, пекторали не имеют точных аналогий ни на Востоке, ни на Пиренейском полуострове, но похожи на некоторые амулеты Центральной Европы начала I тысячелетия до н. э. [238, стр. 42], которые могли принести кельты, вторгавшиеся в Испанию в первой половине этого тысячелетия⁶. Типично западными кажутся массивные золотые браслеты, имеющие очень близкие параллели в западной части Пиренейского полуострова, где они уходят своими корнями в бронзовый век [238, стр. 42; 246, стр. 253]. Однако их орнамент в виде розеток и полушарий — восточного типа.

Как и при рассмотрении диадемы из Алиседы, мы не можем со всей определенностью ответить, кто был автором ювелирных изделий из Карамболо: тартессий, подпавший под сильное влияние восточной культуры, или финикиец из Гаде-са или другого испанского города, испытавший воздействие местных форм или намеренно их использовавший для лучшего сбыта своей продукции.

Датируются все эти изделия VI в. до н. э. Они относятся к более позднему времени, чем изделия, найденные в Алиседе [238, стр. 48].

Мы видим, что стиль украшений ювелирных изделий за это время изменился. Исчезла богатая зернь, обильно использовавшаяся на предыдущем этапе. Зерна увеличились в размерах и превратились в полушария с углублениями наверху, которые начинают в это время использоваться и на Кипре, а позже широко распространяются у иберов [238, стр. 43—44]. Несколько изменяется и композиция. Розетки или круги создают более неровную поверхность и в то же время — мерный, упорядоченный ритм орнамента. В ряде случаев, как в пекторалиях, ясно выделяется центр и принципом размещения декоративных элементов становится зеркальная симметрия. Гораздо шире, чем раньше, используется полихромия, хотя она и отсутствует в изделиях одной из двух групп.

Произведением, посредническим между этими двумя этапа-

114 ⁶ О кельтском влиянии на искусство долины Бетиса см.: [253, стр. 283—284].

ми развития южноиспанского ювелирного искусства, является небольшая подвеска неизвестного происхождения, ныне хранящаяся в институте «Дон Хуан». Ее роднит с вещами из Алиседы использование пальметт и зерни, а с изделиями из Карамболо — оправы из эмали и камней и окаймление шариками и бутонами, как в прямоугольных пластинах [238, стр. 48]. Эта подвеска показывает, что изменение стиля орнаментации ювелирных изделий произошло не внезапно, а явилось следствием эволюции.

Одновременно с ювелирным искусством в Южной Испании широко развивалось и искусство обработки металлов, изготовления из них разнообразных изделий. Не только вещи из золота, но и изделия из бронзы широко распространялись на Пиренейском полуострове. Среди них выделяются кувшины и «жаровни», о которых пойдет речь ниже. Все кувшины имеют более или менее грушевидную форму и длинное горло в виде усеченного конуса; место прикрепления ручки к тулову скрыто типично финикийской пальметтой; соединение тулова и длинного горла часто укрепляется обручем. Эти кувшины обычно делят на три группы: 1) с трехлистным венчиком и ручкой, составленной из двух трубок, 2) с дисковидным венчиком и ручкой из трех трубок и 3) с венчиком в виде пластически выполненной головы животного [73, стр. 3—10; 183, стр. 85—104; 186, стр. 50—80; 189, стр. 50—80; 194, стр. 28—37; 208, стр. 148; 343, стр. 127—128]. Кувшины первой группы довольно часто встречаются в финикийском мире. Изделия же, относящиеся ко второй и третьей группам, пока отмечены только в Испании. Это заставляет более внимательно присмотреться именно к ним.

Ко второй группе относится, например, сосуд, хранящийся в настоящее время в Нью-Йорке. По своим размерам он принадлежит к самым большим изделиям этой серии: его высота — 34 см, а если считать до верхней точки ручки, возвышающейся над венчиком, то — 35,5 см, наибольший диаметр — 27,5 см. Найден он был в нижней долине Бетиса, возможно в современной Ньебле. Он имеет вытянутую грушевидную форму, плоский венчик и пальметту в месте соединения ручки с туловом; по бокам пальметты — еще два искривленных стебля с цветами лотоса на концах. Ручка состоит из трех соединенных змей, которые разветвляются над венчиком, так что их три головки образуют соединение ручки с венчиком [189, стр. 50—54].

Примером кувшина с зооморфным венчиком может служить ваза из музея «Лазаро Галдиано» в Мадриде. Этот кувшин несколько меньше предыдущего: его высота — 24,7 см и наибольший диаметр — 11,4 см. Длинное горло несколько во-

нито, что придает сосуду своеобразных профиль, не характерный для подобных вещей на Пиренейском полуострове. Как и в ньюйоркском сосуде, ручка состоит из трех соединенных змей, но не разветвляется наверху, а заканчивается одной змеиной головой; при этом петля ручки довольно крутая, так что в своей наиболее крутой части она далеко отходит от тулова. К тулову ручка прикрепляется пальметтой несколько иного типа, чем в кувшине из Нью-Йорка: нет боковых стеблей лотоса, но в волоте пальметты выделяется центральная почка. На тулове, под кольцом, отделяющим его от горла, выгравирована полоса из острых треугольников. Гравировка украшает и верхнюю часть горла: здесь представлены чередующиеся цветы и бутоны лотоса. Особую оригинальность кувшину придает венчик, выполненный в виде хорошо прочеканенной головы льва. Именно эта черта и выделяет сосуд из ему подобных и заставляет отнести его к третьей группе, к которой, кроме него, принадлежит только еще один кувшин из Эмериты с головой оленя [189, стр. 66—70; 236, стр. 306].

Рассматривая и тщательно исследуя бронзовые кувшины, А. Гарсиа и Бельидо выделяет те черты, которые, по его мнению, свойственны только испанским изделиям и составляют особенность тартессийского искусства. К этим отличиям он относит расположение опоясывающего сосуд кольца, которое не делит вещь на две равные части, как в этрусских кувшинах, а находится, как правило, в нижней части вазы; венчик в виде плоского диска и головы животного; ручку, образованную фигурой змеи или трех соединенных змей, с выступающими над венчиком головками; пальметту с «антеннами», т. е. с отходящими от нее боковыми усиками или стеблями лотоса [189, стр. 70—78].

Однако далеко не все отмеченные особенности характерны лишь для испанских вещей. Прежде всего, вызывает сомнение оригинальность зооморфного венчика. Так, известна хранящаяся в Брюсселе этруская ваза буккоро, являющаяся копией металлического кувшина, венчик которой также изображает льва [122, стр. 277]. На Кипре есть позднегеометрическая ваза из Ларнаки, в росписи которой силуэтно представлены финикийские кувшины с головой животного. На керамическом сосуде из Иерусалима так же видна пальметта с боковыми стеблями, как и в некоторых испанских кувшинах [122, стр. 284—285]. Форма плоского диска довольно часта в сосудах с грибовидным венчиком, которые встречаются и в Испании, и в Карфагене, и на Кипре, а в последнее время обнаружены и в самой Финикии [304, стр. 20—21]. Правда, до сих пор нигде не было найдено ни одного бронзового сосуда, имеющего «испанские» черты. Однако наличие керамических параллелей свиде-

тельствует, по-видимому, не только о происхождении «испанских» мотивов, но и о том, что сами эти мотивы не уникальны.

Таким образом, из всех особенностей, отмеченных испанским исследователем, остается только расположение опоясывающего кольца и змеобразная ручка. Никакой аналогии подобной ручке пока не найдено, и возможно, здесь действительно идет речь о местной особенности. Однако возникла она не на пустом месте. Ее предшественницей была, возможно, ручка кувшина, обнаруженного в Сидоне, которая прикреплялась к венчику цветком лотоса [122, стр. 279]. Переход от одного необычного прикрепления к другому, от растительного к зооморфному, вполне возможен.

Финикийское происхождение самой формы кувшина не вызывает сомнений. Его прообразом может служить энеолитический кувшин из Библа, плечики которого украшены елочным орнаментом, а тулово гладкое [96, рис. 733]. Может быть, при переходе от керамики к металлу там, где когда-то была граница между орнаментированной и гладкой поверхностями, стало помещаться кольцо, укрепляющее и украшающее соединение горла с туловом. Финикийскими являются и такие декоративные элементы, как пальметты. Чисто финикийским представляется также узор из перемежающихся цветов и бутонов лотоса на горле кувшина с зооморфным венчиком. Этот факт особенно интересен, так как именно такие кувшины рассматриваются А. Гарсиа и Бельидо как тартессийские, а не финикийские.

Утверждая родство испанских кувшинов с восточными и, следовательно, их финикийское происхождение, нельзя, однако, умолчать, что эти сосуды изготавливались в Западном Средиземноморье из различного материала. Так, в Карфагене такие вазы выполнены из глины, а основным материалом, использованным для создания испанских кувшинов, была бронза [183, стр. 102]⁷. Учитывая обилие на юге Испании металла, в том числе бронзы, и славу последней, можно полагать, что бронзовые кувшины изготавливались на Пиренейском полуострове [236, стр. 306] и являлись произведениями испано-финикийского художественного ремесла.

Хронологию испано-финикийских кувшинов в настоящее время можно считать более или менее определенной. Сосуды первой группы датируются VII в. до н. э. Вазы двух остальных групп относятся уже к следующему столетию [122, стр. 282; 189, стр. 79]. В Финикии такие сосуды с пальметтой были популярны в конце VIII — первой половине VII в. до н. э. и в

⁷ Известные в настоящее время этрусские кувшины выполнены большей частью из серебра и в гораздо меньшей степени из бронзы. Однако это может объясняться случайностями находок.

середине этого века практически исчезли, уступив место подобным кувшинам, но без пальметты. На Западе, в Карфагене и Этрурии, они продолжают изготавливаться до VI в. до н. э. включительно [343, стр. 128]. А в Испании они существуют и в еще более позднее время. В дальнейшем речь пойдет о кувшинах с пальметтой второй половины I тысячелетия до н. э.

Другим популярным видом металлической посуды, изготавливаемой в Южной Испании, были «жаровни». Некоторые из них, действительно, могли использоваться для хранения горящих углей, но большинство имело ритуальное назначение: они использовались при жертвоприношениях для несения жертв [275, стр. 78—81]. Это неглубокие широкие сосуды с плоским или слегка вогнутым дном; они имеют одну или две ручки полукруглой формы с петлями, вставленными в кольца, в которых те вращаются. Примечательной особенностью этих изделий является то, что кольца, в свою очередь, крепятся на криволинейном бруске, заканчивающемся изображением вытянутых раскрытых ладоней, причем пальцев может быть и пять и шесть. Брус присоединяется к нижней части горизонтального борта или непосредственно к тулову заклепками, украшенными снаружи розетками (в одном случае — головками египетской богини Хатор).

«Жаровни» делятся на две группы, из которых вторая, более поздняя, вполне правомочно считается иберийской, а первая, датируемая VII—VI вв., — восточной, или тартессийской. Первая группа характеризуется наличием широкого горизонтального борта (в большинстве иберийских изделий борт вообще отсутствует) и несколько иными, чем у иберийских сосудов, размерами: они более глубокие и менее широкие, чем последние, их диаметр колеблется от 40 до 45, а глубина — от 3 до 5 см. «Жаровни» выполнены главным образом из бронзы, но есть также одна серебряная и одна бронзовая посеребренная [119, стр. 52—84; 275, стр. 62—66]. Наличие похожих ручек в Египте и Нубии в VIII—VI вв. [122, стр. 280] свидетельствует о восточном происхождении такого типа сосудов.

К произведениям южноиспанской (испано-финикийской или тартессийской) торевики надо отнести бронзовый треножник VI в. до н. э., остатки которого были обнаружены в иберийской могиле вблизи Кастуллона. Треножник дошел в очень плохом состоянии, поскольку, как и весь могильный инвентарь, был сожжен в погребальном костре. Судя по сохранившимся фрагментам, сосуд был украшен прикрепленными к его стенкам тремя фигурками богини, воспроизводящими тип египетской Хатор, и статуэтками коней, из которых сохранилась одна фигурка без ног и хвоста [76, стр. 47—52; 60—69]. Накладные украшения ритуальных сосудов не упи-

кальцы в финикийском мире, как свидетельствует керамический треножник приблизительно того же времени, о котором пойдет речь ниже.

Тот же тип богини воспроизведен в боковом украшении уздечки, где мы видим Астарту с распростертыми руками, которую несут птицы, возможно утки, символизирующие владычество богини над водой и воздухом. Это так называемая «бронза Карриасо» [370, стр. 728].

Все эти бронзовые изделия свидетельствуют о довольно высоком мастерстве их создателей. Прототипы всех вещей можно встретить на Востоке, что говорит о принадлежности их к финикийскому кругу. Труднее решить вопрос об их происхождении, ибо в настоящее время еще нельзя точно определить критерии выделения тартессийских произведений из южноиспанского комплекса. Обильное использование бронзы, говорящее, видимо, об изготовлении этих вещей в Южной Испании, могло иметь место и у финикийцев, и у тартессиев. Связи этих соседних народов были причиной того, что чисто финикийские изделия найдены в могилах тартессийской знати. Это относится и к треножнику, украшенному фигурками богини. Сам тип богини явно финикийский, заимствованный, в свою очередь, у египтян. Сходство схемы украшения этого треножника с керамическим, найденным в море около Гадеса, позволяет склониться к испано-финикийскому (вероятно, гадитанскому) происхождению бронзового изделия из Кастуллона.

Надо отметить еще одну особенность испано-финикийской торевики: она несколько запаздывает по сравнению с восточными изделиями. Это уже отмечалось в отношении кувшинов с пальметтой. То же самое можно сказать и о треножнике: в Этрурии такие ориентализирующие изделия уступают место грецизирующим в VI в. до н. э., а в Испании именно к этому веку относится кастуллонский сосуд [76, стр. 60–61]. Если на Востоке ручки, подобные ручкам «жаровен», датируются VIII–VI вв., то на Пиренейском полуострове они продолжают существовать вплоть до римского времени.

В жизни всех древних народов важное место, не меньшее, чем металл, занимала керамика. Сейчас даже трудно представить ее роль в обиходе, культе, искусстве древности. Не составляли исключения и финикийцы. Рассмотрим некоторые произведения испано-финикийских керамистов, выходящие за рамки простой, неукрашенной керамики. К ним в первую очередь относится треножник.

Этот треножник был найден в море на глубине 22–25 м к юго-западу от Гадеса недалеко от того места, где, по Авиену (ог. мар. 314–315) и Плинию (IV, 120), находился храм Астарты; очень вероятно, этот ритуальный сосуд имел отноше-

ние к храму [72, стр. 57]. Треножник сохранился не полностью, отсутствует верхняя часть горла и нижняя часть ножек, одна ножка исчезла вовсе. Однако сохранившаяся большая часть дает возможность представить всю вещь в целом, и в нынешнем виде она довольно велика: ее высота — 65 см. Выполнен был треножник от руки, а не на круге и крепился на арматуре, ныне исчезнувшей. У него прямые стенки с закругленными углами, закругленные плечики уплощаются легкими кривыми линиями; стенки несколько расширяются книзу, придавая вазе слегка пирамидальную форму. По углам треножника был украшен фигурами юношей, из которых одна сохранилась полностью. Фигуры даны в высоком рельефе, каждая стояла на выступающей базе. Выполнены они в египетском стиле. Стенки треножника украшены невысоким рельефным орнаментом в виде пальметт, напоминающих нильскую лодку (сходство усиливается поперечными параллельными линиями, подобными поперечным жгутам, соединяющим связки папируса), многопестиковых пальмовых листьев, похожих на восходящее солнце; S-образными стеблями и стилизованными цветами лилии [72, стр. 53—57].

Опубликовавшая и изучившая этот сосуд К. Бланко отмечает, что все элементы орнамента носят чисто финикийский характер и прототипы треножника надо искать в Финикии, Сирии или на Кипре. Отдельные части декора можно встретить на различных произведениях финикийских мастеров. Так, подобную пальметту (но без поперечных линий) мы видим на золотом браслете из Тарроса (Сардиния) или на бронзовом украшении уздечки с Кипра [96, стр. 315; 208, табл. 104], а поперечные линии — на изображениях египетских папирусных лодок на финикийской серебряной чаше из гробницы Бернардини в Пренесте в Этрурии [72, стр. 54; 208, стр. 189, рис. 54]. Соединение пальметт и стеблей, переходящих в цветы лилии, напоминает соединенные пальметты из Мегиддо, а фигуры юношей похожи на каменные статуи египтизирующего стиля на Кипре; рельефная декорация встречается на двух сосудах из Туниса [72, стр. 55, 57; 96, рис. 45; 139, стр. 109, рис. 71]. Поскольку все эти параллели относятся к VII—VI вв., то и треножник тоже надо датировать этим временем.

При всех аналогиях к отдельным элементам декора вещь в целом уникальна. Она выполнена очень тщательно, богато украшена; пышной декорацией напоминает металлические сосуды [72, стр. 57]. Орнамент в таком сочетании, как на этом изделии, пока нигде не встречен. Он очень гармоничен и хорошо сочетается с поверхностью вазы. Надо отметить, что в Этрурии, например, такие треножники — цилиндрические или

конические [72, стр. 57]. Возможно, треугольная форма ритуальной вазы свойственна именно испано-финикийскому искусству. Этот треножник предстает перед нами как наивысшее (насколько известно в настоящее время) достижение испано-финикийских керамистов.

Разумеется, гончары Южной Испании создавали и предметы более или менее обиходного назначения: глубокие блюда, миски, амфоры, закрытые сосуды с четко выделенным горлом [289, стр. 8; 316, стр. 146]. Не было, конечно, смысла привозить их из метрополии или из других колоний. А главное, сосуды, найденные, например, в Тосканосе, изготовлены из той же сланцевой глины, из которой сложены и окрестные холмы [158, стр. 1032]. Их обилие в финикийских поселениях говорит именно об испано-финикийском, а не тартессийском происхождении. Это изделия испано-финикийского художественного ремесла, их роспись создавалась мастерами, работавшими в тирских городах и поселениях испанского юга.

Роспись этих полихромных ваз полностью выдержана в геометрическом стиле, причем в его наиболее упрощенном варианте. Подавляющее большинство этих сосудов расписано параллельными линиями и полосами, охватывающими поверхность вазы. В росписи использованы почти все цвета, кроме голубого и зеленого. При этом широкие полосы более светлые, а узкие ленты более темные. Например, широкие зоны — красноватого и коричневатого тонов, а узкие соответственно — коричневого или темно-коричневого; встречаются красные и белые полосы. Сама поверхность вазы более светлого тона, чем орнамент, иногда она даже покрывается белым ангобом. Стратиграфические исследования в Тосканосе позволили наметить развитие этого вида орнаментации. Так, к VIII в. до н. э. относится орнамент, состоящий из чередования красных и белых или красных и темных зон, которые иногда ограничиваются еще темными линиями. В это же время создавалось и большинство сосудов, на которых широкие зоны сочетались с тремя или четырьмя узкими полосами. В VII—VI вв. появляется роспись, в которой наряду с широкими полосами используется непрерывная косая решетка из темных и красных линий [158, стр. 1032—1033; 279, стр. 77—80, 114; 316, стр. 146—147]. Такой декор — наиболее легкий и удобный при украшении вазы, изготавливаемой на гончарном круге.

Применяли испано-финикийские гончары и более сложные системы орнаментации. В слое VII—VI вв. в районе Кармоны была обнаружена финикийская керамика, украшенная концентрическими кругами, заключенными между горизонтальными полосами и линиями. В другом виде орнамента, выявленном там же, полоса уже не однообразно закрашена, а состав-

ляет фриз, образованный метопами с изображением стилизованных четырехлепестковых цветов, чередующимися с узкими вертикальными полосами, в которые вписаны углы вершинами книзу [288, стр. 64—66]. Такие же метопы, но идущие вертикально, появляются на вазе из скорлупы страусового яйца, найденной в могиле секситанского некрополя [288, стр. 65, рис. 2, 8]. Параллельные линии и фризы украшают верхнюю часть сосудов из Карамболо. Там же встречается и роспись, состоящая из комбинаций различных треугольников, ромбов, шахматных клеток, полосатых квадратов и т. п. [288, стр. 62]. Разнообразная геометрическая роспись может покрывать иногда всю поверхность вазы, как, например, в амфоре из некрополя Барии, вероятно первой половины VI в. до н. э. Здесь винно-красный декор нанесен на все тулово, покрытое белым ангобом. Декор состоит из лент, заполненных разнообразными спиралями, закруглениями, ромбами, а сами ленты разделяются зонами из четырех параллельных линий. Из геометрических мотивов могут встречаться и меандры [47, стр. 345—348].

Первый тип орнамента встречается во всем финикийском мире, в том числе и на Западе: в Карфагене, Мотии, на Могадоре [279, стр. 80—81]. Что касается более сложных украшений, то их происхождение надо явно искать в Восточном Средиземноморье, в частности на Кипре. Именно на этом острове в III геометрическом и I кипро-архаическом периодах (850—600 гг.) встречается орнамент в виде концентрических кругов. К I кипро-архаическому периоду (700—600 гг.) относится чаша и амфора, украшенные в верхней части тулова фризом, в котором метопы с восьмилепестковыми цветами чередуются с триглифами, составленными из расположенных друг под другом отрезков ломаной линии или углов и окаймляющих их вертикальных полосок [96, рис. 267; 341, стр. 87, 101—103, 107]. Несмотря на то что эта роспись более сложна, чем найденная в Испании, их родство несомненно. Можно проследить связи испано-финикийского орнамента и более далекие как во времени, так и в пространстве. Так, концентрические круги между параллельными линиями в верхней части тулова встречаются уже в среднем бронзовом веке (1750—1500 гг.) в Иерихоне в Палестине [96, рис. 1157]. Техника винно-красного орнамента на белом ангобе и сами мотивы украшения геометрическими узорами в полосах, заключенных между параллельными линиями, отмечены на Кипре уже в самом начале железного века [47, стр. 352]. Таким образом, сам по себе декор не был изобретением испано-финикийских керамистов. Они привезли его из метрополии, удержали и передали местным мастерам. Известные им способы украшения

они использовали не только для керамики, но и для страусовых яиц.

Таковы наиболее интересные памятники испано-финикийского искусства и художественного ремесла первой половины I тысячелетия до н. э., т. е. того времени, когда тирские города Испании были независимы от Карфагена. Испанские поселенцы сохраняли тесные связи со своими соотечественниками в метрополии и на Кипре. И этим объясняется общность многих сторон испано-финикийского искусства с финикийским искусством вообще. Оно было составной частью общефиникийского художественного мира.

К особенностям испано-финикийского искусства и художественного ремесла надо прежде всего отнести его консервативность. В творчестве испанских финикийцев сохранялись архаические черты, исчезающие или уже исчезнувшие на Востоке. Другой характерной чертой испано-финикийского искусства и ремесла была его повышенная декоративность (что, правда, не относится к известным памятникам расписной керамики), не исключая в то же время и сохранения символического смысла изображений. Это особенно заметно в изделиях мастеров резьбы по слоновой кости и ювелиров. Что касается композиций, то уравновешенность их почти никогда не доходит до зеркальной симметричности и строгой геральдичности. И это также одна из особенностей испанской ветви финикийского искусства.

Надо, однако, сказать, что в VI в. до н. э. произошел отход от изложенных принципов в пользу симметричности и строгости, что особенно проявилось в ювелирных изделиях из Карамболо. Испано-финикийским произведениям свойственны также некоторая тяжеловесность и статичность, что особенно бросается в глаза в гравированных сценах с участием человека и животных, а также в произведениях мелкой пластики. Наконец, надо сказать, что на работы финикийских мастеров Испании не могло не повлиять искусство местных народов, тем более что многие свои произведения эти мастера создавали для своих местных контрагентов. Следы этого влияния уже отмечались в некоторых изделиях ювелиров и торевтов.

При обзоре отдельных произведений мы говорили, что в настоящее время еще невозможно четко и недвусмысленно разделить изделия испано-финикийских мастеров от тартессийских. Необходимо говорить о западнофиникийско-тартессийском круге, в котором определяющим было воздействие именно финикийского искусства. Видимо, сферу этого воздействия надо распространить и на противоположные районы Африки, от Рахгуна на востоке до Могадора на юге, хотя это воздействие, насколько известно в настоящее время, больше проявля-

ется в способах захоронения и ремесле, чем в искусстве [289, стр. 9; 301, стр. 166—168; 345, стр. 257—260]. Если сравнить искусство Испании с ориентализирующим искусством Греции и Этрурии, то надо сказать, что первое носило более ясно выраженный восточный и при этом именно финикийский характер. У этрусков ориентализирующая стадия завершается в конце VII — начале VI в., в Элладе восточное влияние особенно проявляется также в VII в., и лишь в Ионии, теснее, чем другие области, связанной с Востоком, оно чувствовалось и в VI в. до н. э. [8, стр. 122—125; 20, стр. 76—83; 25, стр. 109—110; 268, стр. 132—196]. В Испании же единое финикийско-тартеcсийское искусство существует до V в. до н. э. включительно. Это объясняется более тесной и непосредственной связью Тартессиды с финикийским миром.

Финикийское искусство Южной Испании оказало значительное влияние на иберийское искусство, начавшее развиваться в V в. до н. э. Можно установить прямые связи между расписной испано-финикийской и иберийской керамикой, в которой в первой геометрической фазе орнаментации видно чередование светлых и темных полос, что характерно для росписей более ранних сосудов Тосканоса и Уэльвы. Эта фаза проявляется именно на юге и юго-востоке Пиренейского полуострова, т. е. в районах воздействия финикийской цивилизации [158, стр. 1033; 279, стр. 81—82; 288, стр. 88—89]. Каменные скульптуры Бастегании связаны с восточными прообразами, среди которых надо отметить изображения животных на изделиях из слоновой кости из района Кармоны [75, стр. 35—40]. Однако иберийское искусство воспринимает не только финикийские, но и греческие влияния. В сочетании местных импульсов, идущих от мегалитической культуры бронзового века, с внешними, финикийскими и греческими, воздействиями и родилось собственно иберийское искусство, обладающее несомненной индивидуальностью и давшее, в частности, такие шедевры, как знаменитая «Дама из Эльче» или роспись илицитанской керамики [346, стр. 132—134].

Испано-финикийское искусство V—III вв. в значительной степени продолжало линию развития, определившуюся в предыдущий период. Это, в частности, относится к ювелирному искусству. Правда, до сих пор не найдено вещей, которые могли бы сравниться с сокровищами Алиседы, Эворы и Карамболо. Вероятно, это связано с тем, что шедевры из кладов VII—VI вв. изготовлялись для представителей тартеcсийской знати, с которой торговали финикийцы. Во второй половине I тысячелетия до н. э. Тартессийской державы уже не существовало, так что исчез социальный заказчик ювелиров. Однако основная линия развития оставалась прежней.

Как и в первой половине I тысячелетия, во второй его половине испано-финикийские ювелиры изготовляют ожерелья, составленные из разнообразных бусин, например из чередующихся агатовых и стеклянных инкрустированных. В одном из ожерелий мы видим цилиндрические бусины из агата, две полые золотые бусины, три золотые пластинки, напоминающие фигуру бога Беса, и раковину, изображающую «глаз Осириса». По-прежнему встречаются футлярчики для амулетов, которые, по-видимому, подвешивались к ожерельям [173, стр. 264—265, 273—276].

В технике украшения ювелирных изделий происходят дальнейшие изменения. Почти совершенно исчезает зернь. Если уже в VI в. до н. э. отмечалось укрупнение гранул и более экономное их использование, то теперь такой способ орнаментации употребляется еще реже. Зернь мы находим лишь на двух одинаковых кольцах или фибулах, где золотые шарики располагаются в центре S-образных кривых, украшающих среднюю часть этих изделий; их ряды располагаются также с внутренней стороны выпуклых ободов по краям колец [173, стр. 276]. В других случаях использование этого вида декора еще более ограничено: например, редкие точки украшают кольцо [173, стр. 274].

Зато широко применяется филигрань. Тонкие нити либо сплетаются в косы, либо свиваются в спирали в виде одиночной или двойной буквы S. Такая филигрань, в частности, украшает те два кольца или фибулы, о которых только что шла речь. Здесь внешнее обрамление выполнено в виде плетеного орнамента, напоминающего косу на тонкой золотой нити, а центральная полоса представляет собой филигранные S-образные спирали. Здесь же мы встречаемся еще с одним видом украшений ювелирных изделий — розеткой. Она состоит из трех положенных друг на друга вращающихся поверхностей: нижняя — из восьми, средняя — из девяти и верхняя — из десяти все уменьшающихся лепестков; все эти лепестки в свое время были наполнены цветной эмалью, которая заполняла специально приготовленные для нее ячейки [173, стр. 276]. Подобные украшения встречаются и в карфагенской Африке [49, табл. XIX]. Соединение розеток с полушариями встречалось еще на пекторалях из Карамболо. Соединение их с филигранью, по-видимому, уже нечто новое в испано-финикийском искусстве, и в этом, быть может, сказывается влияние Карфагена. Как и в VI в. до н. э., используется полихромия. По остаткам пасты на золотом диске из Гадеса видно, что лепестки на нем окрашивались чередующимися серо-зелеными и темно-красными цветами [173, стр. 275]. Эта резкая контрастность окраски придавала вещам некоторую пестроту, что, видимо, нравилось финикийцам.

Формы ювелирных изделий V—III вв. также были подобны прежним. Мы вновь встречаемся с серьгами в виде незамкнутых колец неравномерного сечения, утончающихся к концам, с колбасовидными кольцами, разнообразными подвесками и амулетами.

Прежние формы использовали и мастера, изготавливающие металлические кувшины. Эти сосуды, как и раньше, украшаются пальметтой в месте скрепления ручки с туловом. К V в. до н. э. относится часть ручки с пальметтой, найденная в Малаге. Пальметта обычного типа образована воллютой и бутонем, из которого исходят 13 лепестков. Однако сам рисунок пальметты упрощен, а выполнение более грубое, чем в предшествующий период. Необычно и соединение пальметты с ручкой: простое толстое выпуклое кольцо, и сама ручка — одинарная, а не двойная [191, стр. 143—144]. В этом случае ясно видно, что первоначальная функция пальметты — укреплять соединение и украшать его — забывается, упрощается ее форма. Еще более поздние экземпляры свидетельствуют о продолжающемся упадке. Мастера лишь в общих контурах воспринимают старую схему, упрощая рисунок и огрубляя исполнение. В самом позднем кувшине «Кановас», относящемся уже, быть может, к римскому времени, пальметта теряет и бутон и воллюту, а десять лепестков растут прямо из тройного кольца, соединяющего их с самой ручкой [194, стр. 40—44]. По-видимому, авторы этих произведений стремятся следовать устоявшейся традиции, однако искусство, не получая новых импульсов, деградирует.

Если обратиться к гадитанской пластике этого периода, то несомненно новым явлением была фигура, украшающая крышку мраморного антропoidного саркофага, найденного в 1887 г. в одной из гробниц некрополя Пунта-де-Вака. До сих пор этот саркофаг остается единственным в Испании. Фигура уже описывалась во второй главе, так как именно она дает наилучшее представление о внешнем виде гадитанина. Это стало возможным потому, что скульптор использует не условные, а реалистические приемы изображения человека. Особенно ясно это чувствуется в передаче головы, где отмечены даже такие индивидуальные детали, как неодинаковая форма век. Лицо дано в довольно высоком рельефе и тщательно проработано. Четкие и внимательно выполненные детали, спокойные, выразительные, правильные и благородные черты лица не могут не вызвать в памяти образцы греческого классического искусства. Греческое влияние проявляется также в изображении ног и рук, которые на финикийских саркофагах обычно отсутствуют [235, стр. 29].

Туловище передано суммарно, хотя в целом воспроизведена туника, в которую был одет похороненный. Остальные детали,

по-видимому, были выделены краской. В то же время надо отметить и явные диспропорции при изображении отдельных частей фигуры: голова слишком велика для туловища, руки непропорциональны: левая, сложенная на груди, длиннее правой, и обе они коротки для всей фигуры. Сама фигура неразрывно связана с саркофагом и без него не мыслится. Она покоится на горизонтальной крышке искривленной формы, в общих чертах передающей человеческий силуэт; ту же форму имеет и сам саркофаг. И саркофаг, и крышка с рельефным изображением человека выполнены из белого мрамора, точное происхождение которого исследователи определяют различно [173, тр. 260—262; 174, стр. 145—147; 235, стр. 27—31].

Гадитанский саркофаг, несомненно, находится в сфере финикийского искусства. Об этом ясно говорят отмеченные диспропорции, подобные тем, какие имелись в бронзовой статуэтке Астарты. В самой Финикии саркофаги с лежащей на крыше фигурой человека уже давно появились под египетским влиянием. Позже к этому влиянию присоединяется и в конечном счете его преодолевает греческое [254, стр. 1478—1484]. В V—III вв. эллиническое искусство довольно ощутимо влияет на различные отрасли финикийского [272, стр. 329—335]. Испанские финикийцы продолжают поддерживать связи с метрополией, так что появление некоторых черт греческой пластики в гадитанской скульптуре того времени неудивительно.

Исследуя этот саркофаг, Э. Кукан отмечает, что сочетание тщательно проработанного лица и обобщенно данного туловища начинает использоваться в финикийском искусстве не раньше IV в. до н. э. [235, стр. 31]. Этот саркофаг был найден в некрополе доримского времени [167, стр. 258]. Таким образом, саркофаг был выполнен в IV—III вв., хотя точнее определить дату его изготовления пока невозможно.

К сожалению, нам очень мало известна испано-финикийская архитектура. Можно говорить только о некоторых технических приемах строительства и об общем плане гадитанского храма Мелькарта, о чем шла речь в соответствующих главах. Единственным материальным свидетельством испано-финикийской архитектуры является капитель, найденная в море к юго-западу от Гадеса, где когда-то находился храм Астарты. Не исключено, что эта капитель украшала одну из колонн святилища великой финикийской богини. Она выполнена из известняка и представляет собой четыре плотные волюты, исходящие из треугольных фигур: серии углов вершинами вниз в верхней части и такой же серии вершинами вверх в нижней [292, стр. 58—70]. Такая «протоионийская», или «эолийская», капитель довольно часто встречается на Востоке. Как пример можно отметить украшение пилястров в Самарии [44, стр. 162 и рис. 55]. Вос-

точные аналогии почти не помогают датировать гадитанскую капитель, так как подобные капители использовались там издавна и в течение долгого времени; в Мегиддо, например, они встречаются, самое позднее, в X в. до н. э., а на Кипре — в VI в. [44, стр. 162—163; 369, стр. 113]. Полагают, что испанская капитель более развитая, чем кипрская [208, стр. 196], так что ее можно отнести, вероятно, и к более позднему времени. Произошло ли ее развитие на испанской почве, или эти изменения были заимствованы из восточных стран, сказать невозможно. Во всяком случае, надо заметить, что более архаические капители кипрского типа были известны на Пиренейском полуострове в более раннее время, судя по изображению на пластине из слоновой кости VII в. до н. э. [193, стр. 83, рис. 5].

Подводя итог сказанному об испано-финикийском искусстве V—III вв., надо еще раз подчеркнуть, что резких изменений по сравнению с предшествующим периодом не произошло. Консервативность остается одной из черт этого искусства. Сохраняются многие технические приемы и формы, в том числе и такие, какие уже исчезли в метрополии и Карфагене (например, пальметта на кувшине)⁸. По-прежнему наличествует стремление к декоративности, яркости. В то же время и в ювелирном деле, и в торевтике чувствуется некоторое огрубление и упрощение. Теперь более решительно подчеркивается симметричность в расположении отдельных элементов декора, что ясно видно на многих серьгах и браслетах.

Наряду с собственно испано-финикийским (может быть, точнее, испано-тирским) искусством и художественным ремеслом в Испании представлено и испано-карфагенское (или испано-пуническое) искусство и ремесло. Его памятники были обнаружены главным образом в Эбесе и его районе и в Барии, на юго-востоке полуострова.

На острове Питиусса, где карфагеняне в VII в. до н. э. основали Эбес, археологи и случайные кладоискатели нашли довольно много терракотовых фигурок и масок, подобных в основном тем, какие часто встречаются и в самом Карфагене и его колониях [205, стр. 66—74]. На этом острове можно выделить три основных места находок: Исла-Плана, где были найдены древнейшие изделия, частично по датировке совпадающие с моментом основания Эбеса, святилище Тиннит в пещере Эс-Куйрам и некрополь Пуиг-д'эс-Молинс. В каждом из этих мест фигурки различны.

В Исла-Плана найдены весьма грубые терракотовые статуэтки, изображающие обнаженных мужчин и женщин. Туловище

⁸ Такая консервативность была свойственна и работам финикийских художников Сардинии, которые также были связаны не столько с Карфагеном, сколько непосредственно с Востоком [264, стр. 65].

чрезвычайно примитивно, из деталей отмечены только половые признаки. Само туловище имеет яйцевидную или колоколовидную форму, оно покое внутри, выполнено на круге, а затем уже к нему добавлены вялые руки и отдельные детали. Голова служит продолжением туловища, здесь тоже только грубо намечены некоторые черты лица. У некоторых фигур на голове — светильники [173, стр. 233—234; 266, стр. 386]. Перед нами несомненно ритуальные фигуры, чему не противоречит и использование некоторых из них как светильников. Подобные фигуры широко распространены в сфере карфагенского влияния. Кроме Исла-Плана они были найдены в самом Карфагене, Утике, на Сардинии и Сицилии. При этом прообразы их прослеживаются именно в Карфагене [266, стр. 383—388].

В пещерном святилище Эс-Куйрам обнаружено много статуэток богини Тиннит, около 600 целых и более тысячи фрагментов. Все эти статуэтки довольно однообразны: погрудная фигура, увенчанная высоким головным убором, напоминающим греческий калаф; колоколовидное туловище круглого или эллиптического сечения; на нем изображены сложенные крылья, на груди и головном уборе — украшения, как, например, цветок лотоса. Когда-то эти ныне серые статуэтки были полихромные, до сих пор кое-где сохранились остатки краски и даже следы покрытия тонким золотым листком. Обобщенность фигуры противоречит более тщательно моделированному лицу, напоминающему лица греческих статуй: завитки волос, плавный переход от линии лба к линии носа, маленький рот, слегка удлиненные миндалевидные глаза с тщательно выполненным веком, мягкий овал лица и его симметричность, создающая ощущение покоя и благородства. Эллиптическое влияние здесь несомненно. Однообразный тип и отсутствие стратиграфии не дают возможности проследить развитие стиля этих статуэток.

Все же сопутствующие изделия позволяют говорить, что эти фигурки изготовлялись непрерывно вплоть до римского времени [173, стр. 253—254; 174, стр. 150 и рис. 127—128].

Могилы эбеситанского некрополя Пуиг-д'эс-Молинс были разграблены еще в средние века. Однако грубые глиняные фигурки не привлекли грабителей. Этих фигурок довольно много. Они более разнообразны, чем статуэтки из Эс-Куйрам. Большинство терракот — это женские фигуры, обнаженные или одетые, изображенные по грудь или во весь рост. Встречаются, хотя и намного реже, мужские. Среди них также есть одетые и обнаженные, но в отличие от женских они изображены только во весь рост. В свое время все эти статуэтки были полихромные, покрывались листочками золота, некоторые даже украшались драгоценностями (впрочем, таковых почти не сохранилось, ибо они стали жертвами кладовскателей).

129

Поза всех фигур строго ператическая. Те, которые представлены во весь рост, стоят прямо на параллельно поставленных ногах. В руках они иногда держат жертвенные предметы или цветы лотоса, очень часто руки даны в молитвенном или благоговящем жесте.

По стилю эти терракоты делятся на три группы: грецизирующую, египтизирующую и чисто карфагенскую.

Последняя группа состоит из женских и мужских фигур, стоящих в полный рост. Они непропорциональны, с огромными головами (например, в одном случае голова составляет почти треть всей высоты). Лицо выполнено с соблюдением пропорций — в этом чувствуется влияние греков или по крайней мере знакомство с их произведениями. Туловище более условно. Там, где оно обнажено, воспроизводится весьма приблизительно и почти без деталей. В одетых фигурах проследить формы тела под пышной одеждой невозможно. Немаловажное значение придается украшениям, даже в обнаженных фигурах они переданы очень четко. Видно, что коропласта занимало лицо, поза и украшения, а не трактовка человеческого тела, что характерно для восточного художника.

Примером египтизирующей группы может служить, как полагает А. Гарсия и Бельидо, фрагмент пинака с рельефным изображением сфинкса, стоящего у «древа жизни».

Грецизирующая группа интересна особенно тем, что позволяет проследить хронологию этих вещей, ибо здесь представлены воспроизведения и архаического, и классического, и эллинистического типов, и, следовательно, они могли быть изготовлены по крайней мере в промежутке между VI и III вв. В этой, самой многочисленной группе чаще представлены женские фигуры, чем мужские, и чаще погрудные изображения, чем полные. Пунические мастера более или менее тщательно копируют греческие терракоты, особенно изображения Деметры и Керы. Лишь несколько большая условность и грубость изготовления и изображения выдают эбеситанского коропласта [173, стр. 248—252; 174, стр. 150—152 и рис. 129—138; 208, стр. 200; 244, стлб. 168].

Влияние греческого искусства, которое заметно в статуэтках из Эс-Куйрам и Пуиг-д'эс-Моллис, неудивительно, так как в этих же местах были найдены и чисто эллинские изделия [174, стр. 182; 178, т. II, стр. 195—198].

Надо сказать, что в Карфагене глиняные фигурки изготавливались вплоть до римского времени, и среди них также можно отметить египтизирующие и грецизирующие [205, стр. 66—69]. Так что в коропластике эбеситане шли за столичными образцами. Можно только говорить о некотором отставании Эбеса, где воспроизводились более примитивные типы.

В могилах Пуиг-д'эс-Молине обнаружены так же, как и в Карфагене, два вида глиняных масок, изображающих мужские и женские лица, иногда спокойные и доброжелательные, иногда отвратительно гримасничающие, деформированные, с такими деталями, как бородавки и татуировка, апотропейческие или покровительствующие [106, стр. 112]. Эбеситанские маски не дают ничего нового по сравнению с карфагенскими. Однако если в Карфагене они становятся чрезвычайно редкими после VI в. до н. э., а после V в. изображают только силенов, воспроизведя греческие оригиналы [106, стр. 112], то в могиле Эбеса пунические типы масок сохраняются более долгое время. Впрочем, там найдены и грецизирующие маски силенов, но несколько искаженные в соответствии с пуническим вкусом [241, стлб. 168].

Эбеситанские, как и вообще пунические, керамисты в украшении сосудов иногда обращаются к пластическим формам. Такова ваза с рельефным изображением человеческого лица. Это — кувшин, тулово которого представляет собой почти шаровидную человеческую голову с лицом и прической. Уши и волосы даны довольно условно, хотя отмечена такая деталь, как кольцевидная серьга в ухе. Волосы переданы круглыми нащепками на поверхности вазы. Черты лица также рельефны; широкие полукруглые брови соединяются, переходя в прямой нос, представленный вертикальным ребром, две слегка выступающие горизонтальные полоски обозначают рот, глаза показаны рельефным изображением век и круглого зрачка между ними. В целом лицо невыразительно: нет той загадочной улыбки, которая придает своеобразное выражение греческим архаическим лицам [173, табл. XVIII, рис. 2]. Своей условной трактовкой это изображение примыкает к чисто карфагенской группе терракот. Встречаются и другие фигурные вазы, грубовато выполненные. Они изображают животных, в том числе оленя [52, стр. 100].

Большой интерес представляют скорлупы страусовых яиц, входящие в состав погребального инвентаря и имеющие явно символическое значение [51, стр. 29—50]. В Испании подобные изделия встречаются и в погребениях тирских колонистов. Самые древние виды (всего три экземпляра) найдены в секситанском некрополе «Лаурита» и относятся, следовательно, к VII—VI вв. Есть сведения и о находке их около Кармоны [51, стр. 53, прим. 2; 285, стр. 60—61]. Однако здесь их очень немного. Бария же и Эбес дают огромное количество таких изделий.

Формы изделий, изготовляемых из страусовых яиц, разнообразны. Иногда яйцо оставляется почти целым, только просверливается небольшое отверстие, через которое выливается содержимое. В большинстве случаев верхняя часть отрезается (на треть, половину или на две трети), в результате чего получает-

ся своеобразная ваза. Случается (в Испании, правда, редко), когда яйцо разламывается на бесформенные куски, которые затем расписываются наподобие масок. Вазы из страусовых скорлуп также расписывались.

Росписи ваз различны. Преобладают растительные мотивы, реже встречаются чисто геометрические, иногда довольно реалистично изображаются животные и птицы. Росписи располагаются в метопах, идущих вокруг центральной части сосуда; отдельные метопы заполняются вертикальными линиями или полосами, иногда покрытыми косыми штрихами или плетеным орнаментом. Бывает, что геометрический или растительный узор располагается непрерывной полосой в верхней части сосуда параллельно отверстию. В растительных мотивах проступают такие восточные черты, как цветы лотоса, восьмилепестковые и шестнадцатилепестковые розетки и пальметты кипрско-го типа с волотами, из которых вырастают листья пальметты. Однако в вещах из Пуиг-д'эс-Молинс обильно используется и греческая пальметта без волоты, но с полукруглым (иногда горизонтальным) основанием, от которого отходят 11, 13 или 15 листьев, причем средний обычно поставлен вертикально, а остальные отклоняются от него в обе стороны. Встречаются в росписи и египетские мотивы, как «глаз Осириса» [50, стр. 40—160; 52, стр. 52—99; 117, стр. 129—133]. Использование скорлупы страусовых яиц в качестве погребальных сосудов и масок идет с Востока, где подобные вещи встречаются уже в додинастическом Египте и Шумере. Однако роспись испанских вещей оригинальна и при этом несколько разнится, смотря по месту изготовления: более пышная — в Барии и более строгая — в Эбесе.

Довольно часто в карфагенских колониях и местах, с которыми карфагеняне торговали, встречаются изделия из стекла. Это и бусины из стеклянной пасты с полихромией, обычные среди финикийских украшений, и разнообразные также полихромные небольшие сосуды. Таковы, например, алебастровые сосуды обычной трубчатой формы с коротким горлом и плоским венчиком. Орнамент в основном волнистый, светлый по темному фону. Судя по подобным же (происходящим с Востока) вещам, найденным в Северном Причерноморье, они должны датироваться VI—IV вв. [174, рис. 151—152; ср. 364, стр. 555—559].

Д. Харден говорит, что более пуническим, чем какой-либо другой вид финикийского искусства, было создание так называемых бронзовых бритв [208, стр. 204], в действительности — вотивных топориков, встречающихся в Карфагене и Эбесе (но не на Пиренейском полуострове). Это широкие бронзовые пластины, секирообразно расширяющиеся книзу, а ручка их напоминает голову птицы на длинной шее и с длинным изогнутым клювом. Поверхность такой «бритвы» украшена гравировкой.

На эбеситанском экземпляре мы видим типично египетскую фигуру женщины в прозрачной одежде, украшенной цветами; она идет в правую сторону и играет на тимпане [174, рис. 147]. Вероятно, эбеситанская «бритва» такая же поздняя вещь, как и большинство карфагенских изделий [208, стр. 204].

К довольно позднему времени, концу III или даже II в., относится гребень из слоновой кости, найденный в Алькудиаде-Эльче на юго-востоке Пиренейского полуострова. Он украшен резным изображением двух птиц с вытянутыми клювами. Птицы располагаются в чисто геральдической позе, они обращены друг к другу, так что концы клювов почти соприкасаются [307, стр. 368—372, рис. 8]. Рисунок этого узора по сравнению с узорами подобных изделий из Кармоны более груб и схематичен, композиция менее совершенна и живописна.

Мы не останавливаемся на некоторых других произведениях, найденных в Испании. Одни из них не представляют интереса, как, например, очень простые ювелирные изделия из Пуиг-д'эс-Молинс (лучшие вещи были разграблены кладовщиками), другие настолько грубы (например, терракоты из Гадеса и Кармоны), что не могут приниматься в расчет при обзоре памятников искусства и даже художественного ремесла, третьи, подобно скарабеем Питиуссы, явно не испанского происхождения.

Отметим в заключение различия между изделиями испано-финикийских и испано-пунических мастеров.

Испано-финикийскому искусству свойственна живописность, стремление к яркости и декоративности. Испано-пуническое искусство, как и искусство Карфагена и его колоний, отличается большая строгость и сухость [107, стлб. 311]. Даже при сравнении росписи страусовых яиц из Эбеса и Барии отмечалось, что в последнем пункте, расположенном на полуострове, все же больше яркости и живописности, чем в Эбесе, видимо в большей степени связанном непосредственно с метрополией. Это же различие чувствуется и в резьбе по слоновой кости (если, впрочем, оно не объясняется разницей во времени).

Вторая черта, различающая оба потока, — наличие внешних влияний. В испано-финикийском искусстве, как и в искусстве Финикии, явно чувствуется воздействие Египта, Месопотамии, Северной Сирии. Оно консервативно и во многом сохраняет старые черты, исчезающие или даже исчезнувшие на Востоке, и почти не поддается влиянию Эллады. Эллинское влияние очень заметно, пожалуй, только в трактовке фигуры на гадитанском саркофаге. Однако нам кажется, что эта трактовка обязана не воздействию эллинских скульпторов на мастеров Гадеса, а воспроизведению гадитанами типа изображения, принятого под греческим влиянием в метрополии.

В испано-пуническом искусстве также можно обнаружить восточные влияния, особенно египетские. Однако месопотамские исчезают и им на смену приходят греческие, которые характерны и для терракот, и для росписи страусовых яиц. В свое время говорилось, что Эбес был для карфагенян, по-видимому, своеобразным «окном в мир», местом, где они соприкасались с эллинизмом в различных его проявлениях. Недаром здесь столь многочисленны произведения греческих художников и среди них — коропластов. Это не могло не отразиться и на работах пунических мастеров из Эбеса.

Итак, на испанской почве развивалось финикийское искусство и художественное ремесло, связанное с метрополией и, в свою очередь, оказавшее значительное влияние на местные художественные традиции.

Одно из важнейших достижений финикийской культуры и ее самый значительный вклад в мировую культуру — создание системы письма, которое через греческий и арамейский алфавиты стало родоначальником и славянской кириллицы, и западноевропейской латиницы, и арабской письменности, и еврейского квадратного прифта [16, стр. 215, 223—247]. До наших дней дошло множество финикийских надписей, и это число постоянно растет.

Тем же письмом пользовались и испанские финикийцы. Однако письменные памятники испано-финикийцев стали известны сравнительно недавно. Еще в соответствующем разделе «Корпуса семитских надписей», вышедшем в конце XIX в., не было ни одного документа, найденного в Испании, кроме упоминаний о монетных легендах. А в сборнике финикийских надписей западных колоний (кроме Африки), изданном в 1967 г., уже содержится 25 памятников испано-финикийской эпиграфики [207, стр. 137—155]. После выхода в свет этого сборника были найдены еще некоторые финикийские клейма на сосудах во время раскопок поселения Тосканос. Бурный прогресс испано-финикийской археологии позволяет надеяться, что наши знания об испано-финикийском письме в ближайшее время расширятся.

Среди финикийских надписей Испании, несмотря на их еще пока небольшое количество, можно выделить несколько типов в соответствии с обычной их классификацией [246, стр. 137—172]: надгробные надписи (ICO Spa 3 и, может быть, Hispania 15), посвящения (например, ICO Spa 16; 10 A), строительные (ICO Spa 10 B), надписи на печатях, в число которых надо включить знаки, написанные на золотых дисках колец (ICO Spa 1; 12) и на витальных (ICO Spa 6—8), надписи на сосудах (например, ICO Spa 2; 13; 15). Сохранились эпиграфические памятники, созданные потомками как тирских, так и карфагенских колонистов. Однако их сравнительно небольшое количество и почти полное отсутствие одновременных не позволяют пока ввести строгие различия между двумя группами. Мы будем их рассматривать вместе. Только в конце нашего обзора мы попытаемся наметить некоторые отличия гадитанского, например, письма.

Содержание большинства испано-финикийских надписей довольно скудно. Лишь очень немногие из них позволяют делать

какие-либо выводы о политической или культурной истории испанских финикийцев. Но для истории самого письма надписи очень интересны, ибо они позволяют представить развитие этой локальной ветви финикийской письменности.

Надо сказать, что никаких датирующих элементов, упоминаний событий или имен, которые можно было бы связать с известными историческими фактами, в этих надписях нет. Подавляющее большинство было найдено вне строго определенного археологического контекста. И лишь немногие из них (например, надпись, вырезанная на подставке статуэтки Астарты, или буквы на инталых) связаны с произведениями искусства, датируемыми по стилиевым признакам. Поэтому большинство испано-финикийских надписей исследователи относят к тому или иному времени, исходя только из палеографических указаний. Это, конечно, приводит к спорности некоторых датировок. Поэтому то, что предлагается в настоящей главе, носит во многом временный характер и может быть изменено в результате новых открытий или уточнений хронологии некоторых документов.

Древнейшим памятником финикийского письма на территории Испании являются три монограммы, выполненные рельефно на якоре, найденном в море около современной Картахены. Якорь весьма примитивной формы, он состоял, видимо, только из груза, который волочили с помощью каната по дну моря. Эта древность формы якоря соответствует и архаической форме букв, восходящей к IX в. до н. э. Х. М. Сола-Соле расшифровывает монограммы как связный текст, содержащий имя создателя якоря: «NWN из Бетдагон, который делает якоря» [338, стр. 28—33]. Поскольку Бетдагон — город в Южной Палестине [338, стр. 32], то эта надпись очень интересна для истории связей Испании и Востока. Но сами монограммы нельзя считать памятниками собственно испано-финикийской письменности.

Самой древней известной в настоящее время надписью, выполненной, по всей вероятности, испанскими финикийцами, являются пять строк, выгравированных на бронзовой кубической подставке статуэтки Астарты, найденной в Карамболо (ICO Spa 16). Эта фигурка с надписью уже не раз упоминалась в предыдущих главах. Теперь мы обратимся к надписи как к древнейшему свидетельству испано-финикийской письменности. Палеографический анализ надписи привел Х. М. Сола-Соле к датировке ее VIII в. до н. э., даже его первой половиной [336, стр. 97—108]. Правда, Д. Гарбини полагает, что эта надпись относится к гораздо более позднему времени, к VII—VI или даже лишь к первой половине VI в. до н. э. [171, стр. 2—6]. Однако большинство эпиграфистов вслед за Х. М. Сола-Соле признает датировку VIII в. до н. э. [127, стр. 333; 207, стр. 207, стр. 149; 310, стр. 145]. Ученые, занимающиеся этой надписью,

впрочем, не уверены в ее испанском происхождении, ибо не исключена возможность доставки статуэтки с Востока [310, стр. 145]. Но тесные связи с Тартессидой именно испанских финикийцев и существование культа святилища Астарты в Гадесе позволяют считать вероятным, что фигурка и надпись были созданы в этом городе [127, стр. 335—339].

К VIII—VII вв. относится небольшая, всего из двух строк, надпись, выполненная на овальном диске кольца, найденного в одной из гадитанских могил. Надпись сопровождается изображением явво египетского типа: две геральдически расположенные соколиные фигуры, разделенные человеком, и крылатый диск. На кольце вырезано имя владельца.

Раскопки финикийского поселения Тосканос и секситанского некрополя «Лаурита» дали несколько памятников испано-финикийской эпиграфики. Содержание их очень скудное. На керамических фрагментах из Тосканоса вырезано по одной букве и в двух случаях по три знака, являвшихся сокращением имени владельца или гончара. На алебастровой урне, найденной в одной из могил секситанского могильника, было написано черной краской несколько финикийских слов. К сожалению, надпись от времени очень испортилась, и можно прочитать только две буквы. Возможно, что на блюде, обнаруженном в другой могиле того же некрополя, видны еще три буквы, которые, как и на вещах из Тосканоса, были сокращением собственного имени (ICO Spa 13; 129, стр. 283—287; 339, стр. 106—110). При всей скудости содержания эти короткие надписи очень важны, ибо мы впервые встречаемся с письменными памятниками, твердо датированными археологическим контекстом. Так, в Тосканосе большинство керамических фрагментов с буквами находилось в слое начала VII в. до н. э., а некоторые — в слое середины этого столетия. К тому же веку, даже к его первой половине, относится и некрополь «Лаурита». При этом надо подчеркнуть, что если вопрос о точном месте изготовления алебастровых урн и может вызвать споры, то та керамика из Тосканоса, на которой мы находим надписи, явно местного происхождения. Конечно, и буквы были на ней написаны там же.

После памятников VII в. до н. э. юг Пиренейского полуострова пока еще не дал письменных документов вплоть до III в.¹ Для заполнения этого временного промежутка надо обратиться к юго-восточной части полуострова и Пителиссе, т. е. к произведениям испано-карфагенских писцов. Самой ранней из испано-карфагенских надписей является та, что вырезана на одной стороне бронзовой таблички. В 1923 или 1924 г. местные кре-

¹ Есть, однако, сведения о еще не опубликованной надписи из Малаги, которая, возможно, относится к VI в. до н. э. [339, стр. 109—110].

стьяне нашли эту табличку с финикийскими буквами, вырезанными с двух сторон, в пещерном святилище Эс-Куйрам. Надписи были прочитаны и точно датированы лишь в начале 50-х годов X. М. Сола-Соле, и его чтение и датировку принимают авторы двух недавно опубликованных сборников семитских надписей: Г. Доннер и В. Рёллинг (KAI 72) и М. Д. Гуццо Амадаси (ISO Spa 10). Первая надпись (ICO Spa 10A=KAI 72A) относится к V в. до н. э. Эта надпись — строительная или посвятельная, она упоминает о святилище, построенном по обету для бога Решеф-Мелькарта неким Ашадром сыном Иашу.

Концом того же века или следующим датируется надпись из Барии, выполненная на известняковом могильном камне, отмечающем погребение некоего Баалпаласа (ISO Spa 3).

Вероятно, также надгробной является небольшая и явно неполная надпись, которая обнаружена в нижней части фрагментированной стелы из центральной части острова Ибисы, древней Питиуссы. Эта стела в момент находки не была связана с какой-либо гробницей и перенесена, вероятно, из какого-то другого места. Читается только одна строчка, и лишь верхние кончики букв указывают на наличие в свое время по крайней мере еще одной строчки. В видимой части надписи читается, что это — дар Баалшима сына... На самой стеле изображен мужчина в полный рост, поднявший в благословляющем или молитвенном жесте правую руку с открытой ладонью. Датируется надпись IV в. до н. э. [338, стр. 12—16 и табл. 1].

При раскопках Алькудиа-де-Эльче в слое IV—II вв. было найдено три амфорных клейма, представлявших сокращение личных имен. Особое значение их, как и памятников из Тосканоса и «Лауриты», — в археологической датировке этих клейм, хотя и не такой точной. К сожалению, они дали всего семь букв (ICO Spa Bolli 1—2; 332, стр. 283—285).

Всего три знака можно ясно прочитать на остатке надписи, найденной в Северо-Западной Испании, недалеко от Монфорте (пров. Луго). Это самый северный памятник испано-финикийской эпиграфики и самое древнее свидетельство наличия в этой области финикийцев. То, что дошло до наших дней, представляет собой закругленный камень, на котором сохранилась первая строка из трех букв и одна буква второй, чтение которой, однако, спорно. Может быть, это — пограничный камень. X. М. Сола-Соле, опубликовавший эту надпись, исходя из формы графем, относит ее к III в. до н. э. [335, стр. 27—29].

К III—II вв. относится несколько коротких надписей, датировка которых облегчена тем, что буквы выполнены либо на керамике, либо на печатях. Таких надписей три. Первая из них состоит из трех знаков и представляет собой граффити, выцарапанное на фрагменте кампанского сосуда (ICO Spa 11). Две

другие обнаружены на печатях колец: одна сопровождает фигуру обнаженной женщины греческого стиля (возможно, Афродиты-Анадиомены или ее пунического эквивалента), была найдена в Гадесе; другая находится под изображением бородатой мужской головы и происходит с Питиуссы (ICO Spa 6; 7). В последнем случае трактовка головы позволила М. Д. Гупцо Амадаси несколько удревнить надпись по сравнению с датировкой, предложенной Х. М. Сола-Соле, который исходил только из палеографических данных [332, стр. 279—280; 335, стр. 29—31].

Около 180 г. до н. э. датируется вторая надпись, вырезанная на табличке из Эс-Куйрам (ICO Spa 10B=KAI 72B). Это — строительная надпись; в ней говорится о постройке стены (вероятно, святилища) по обету жрецом Абдэшмуном сыном Азрубаала для Тиннит и Хагада.

С разных точек зрения интересна небольшая надпись из трех строк, состоящая из мелких, но тщательно выполненных букв, вырезанная на овальном щитке массивного золотого кольца. Это — посвящение богу Милькастарту и его служителям от народа Гадеса. Возможно, что это кольцо было частью инсигний жреца Милькастарта. Обращает на себя внимание, что наименование города дано в довольно поздней форме — ^oGDR, а не HGDR. Бог Милькастарт также появляется лишь в надписях позднего времени, уже эллинистической и римской эпох. И все это наряду с поздними формами самих букв позволило отнести надпись ко второй половине II в. до н. э. (ICO Spa 12 = KAI 71; 334, стр. 251—256).

Второй половине II в. до н. э. приписывается также граффити на фрагменте греческой вазы, найденной недалеко от Галеры (ICO Spa 2).

Наконец, в Испании найдены также три неопунические надписи, выполненные на сосудах, два из которых были обнаружены на Питиуссе. Место находки третьей вещи, фрагмента кампанского сосуда, неизвестно, но, судя по тому, что ее репродукция была помещена в книге Л. Сире о раскопках Барии и окрестностей, можно думать, что обломок с неопуническим алфавитом и происходит откуда-то из этих мест (ICO Spa Npu 1—3).

Кроме этих надписей, которые так или иначе все же датированы, в Испании имеется еще несколько письменных документов, дата которых совершенно неопределенна. Мы их касаться не будем. Оставим в стороне также и монетные легенды.

Рассматривая развитие испано-финикийского письма, необходимо учитывать, что различие в написании тех или иных букв может зависеть не только от времени, но и от материала, на котором выполнена надпись, и даже от почерка писца. Иногда в одной надписи встречается несколько вариантов написания одной и той же буквы.

Перейдем теперь к рассмотрению отдельных знаков.

Алеф. В древнейшей испано-финикийской надписи (ICO Spa 16 = Hispania 14) эта буква вырезана на бронзовой подставке статуэтки. Она имеет сравнительно короткий ствол, повернутый слегка влево. Поперечные хвосты более длинные с правой стороны и продолжаются на небольшое расстояние от ствола, соединяясь под небольшим углом. В одном случае они не доходят до соединения, хотя оно и подразумевается (в случае небольшого продолжения в левую сторону они соединились бы под таким же углом). Бывает такое написание этой графемы (третий знак верхней строки), в котором имеется второй, более короткий ствол, так что буква становится похожей на клетку, что, насколько нам известно, в других финикийских надписях не встречается.

В надписи на бронзовом кольце VIII — VII вв. (ICO Spa 1 = Hispania 1) алеф имеет изломанный ствол, наклоненный влево вверху и вертикальный в нижней, большей части. Поперечные хвосты, очень короткие справа, выходят влево от ствола, где соединяются под широким, хотя еще и острым углом. Из-за способа написания слева от ствола они сливаются в треугольник.

В граффити Hispania 16 из Тосканоса начала VII в. до н. э. одна буква имеет вертикальный ствол (легкий изгиб вправо на самом верхе, видимо, случайная описка) и длинные поперечные хвосты, из которых нижняя — горизонтальная, а верхняя идет под углом 45°. Обе хвосты слегка выходят за ствол влево, где и соединяются под углом. Во второй букве — изломанный ствол, идущий слева направо вверху и вертикально — внизу. В месте излома ствола соединяются обе поперечные хвосты, так что нижняя представляет собой прямую линию, направленную под небольшим углом вверх, а верхняя — сначала кривую, затем — переходящую в прямую и идущую под несколько большим углом, чем нижняя. Нижняя хвоста немного выходит за ствол влево.

Надпись Hispania 2 (ICO Spa 10A) вырезана на бронзовой пластинке. Здесь буквы становятся курсивными². Встречается несколько вариантов написания алефа. В двух знаках ствол напоминает косо (слева направо) поставленную «птичку» с загнутыми краями; к нему присоединены две короткие параллельные хвосты, идущие под углом около 45°. В другом случае ствол напоминает тот, который был в VII в. до н. э., но не ломаный, а кривой. Через него в наклонной верхней части проходят поперечные хвосты, параллельные вправо от ствола и изгибающие-

² Мы используем терминологию Д. Б. Пекхема: курсивное письмо — текучее или закругленное при экономии движения руки писца; формальное — имеющее тенденцию быть квадратным или сегментированным при более частом отрыве инструмента от материала [283, стр. 3].

ся (верхняя больше, чем нижняя) слева, где они и соединяются друг с другом. Наконец, в нижней строке встречается буква, в которой ствол представляет собой косо поставленную прямую линию, а идущие под углом около 75° поперечные черты параллельны и не имеют продолжения слева от ствола. Такой алеф во многом предвосхищает более позднее написание этого знака в испано-финикийской эпиграфике, хотя в других местах (в том числе в Карфагене) оно встречается и раньше.

Во фрагменте надписи Hispania 11 (ICO Spa 14) алеф имеет довольно сложную форму, обязанную, по мнению Х. М. Сола-Соле, самой форме камня [335, стр. 29]. Камень закруглен, и это приводит к криволинейному начертанию всех элементов буквы. Поперечные хвосты проходят через ствол, искривляясь на концах и почти соединяясь по обе стороны от ствола.

Надпись Hispania 12 (ICO Spa 7) III—II вв. выполнена на пнталье. Здесь алеф имеет довольно архаический вид, хотя формы некоторых других букв довольно поздние. У этого знака криволинейный ствол, поперечные хвосты соединяются под углом довольно далеко, слева от ствола, слегка продолжаясь справа. Написание этой буквы очень напоминает один из вариантов этого знака в Hispania 2.

К тому же времени относится алеф, процарапанный на кампанском сосуде (Hispania 8=ICO Spa 11). У него прямой, наклоненный влево ствол и две параллельные поперечные хвосты, из которых верхняя выходит далеко влево; обе они находятся под прямым углом к стволу. Такой алеф довольно часто встречается как в самой Финикии, так и в Карфагене.

Подобный знак отмечен также в надписи Hispania 5 (ICO Spa 10B) на второй стороне бронзовой таблички с Питиуссы. Только в этом случае черточка слева от ствола является, по существу, самостоятельной хвостой, присоединяясь к стволу между соединениями двух параллельных хвостов справа. Наряду с этим встречается и другая форма: слегка искривленный ствол с петелькой внизу, из соединения конца петельки со стволом исходит нижняя поперечная хвостая, идущая почти под прямым углом; верхняя хвостая параллельна нижней, она проходит через ствол так, что слева она короче, чем справа, и заканчивается справа дополнительной чертой, параллельной стволу. Подобный знак, только без петельки, встречается в Карфагене, петля же отмечается в надписи из Эль-Хофра [283, табл. XVI, 1; 5].

Довольно оригинальна графема, вырезанная на золотом кольце из Гадеса во второй половине II в. до н. э. (Hispania 10=ICO Spa 12). Здесь ствол почти прямой (очень немного искривлен в верхней части), к верхушке ствола присоединяется почти под прямым углом единственная поперечная короткая хвостая, идущая вправо. Х. М. Сола-Соле считает такую форму этой

буквы переходной к неопунической [334, стр. 254]. Здесь представлена как бы половина неопунического знака.

Более обычен алеф, выпаранный на дне сосуда из Галеры того же времени (Hispania 4=ICO Spa 2). Он напоминает букву, выполненную на кампанской вазе III—II вв. и один из вариантов знака в надписи Hispania 5: прямой наклонный (слева направо) ствол, через который проходит верхняя хаста, более длинная слева, и от которого отходит вправо нижняя, параллельная верхней; обе они — под острым углом к стволу.

Наконец, в Испании был встречен и типичный неопунический алеф на сосуде из Барии (ICO Spa Nru I): косой «андреевский» крест с пересечением в верхней части; от верхушки каждой перекладины отходит черта, параллельная другой перекладине; правая черта несколько выходит за свою перекладину, левая начинается немного отступя от верхушки.

Итак, мы видим, что в процессе изменения этой буквы ствол, первоначально кривой (в одном варианте — ломаный), затем, как правило, выпрямляется. Первые признаки такого выпрямления встречаются уже в надписи из Тосканоса начала VII в. до н. э., но обычным прямой ствол становится с III в., хотя одновременно встречается и криволинейный, как в приблизительно одновременных надписях Hispania 8 и 12, найденных на Питиуссе. Оба варианта встречаются и в надписи Hispania 2 с того же острова, выполненной в V в. до н. э. Поперечные хасты сначала расходятся под углом, а с V в. обычно параллельны, хотя угол отмечается еще в надписи Hispania 12 III—II вв., в которой эта буква вообще имеет архаический вид. В целом развитие написания алефа соответствует общей эволюции финикийской письменности [283, стр. 132—134, 197—199 и табл. XII—XVII]. Оригинальны и пока не имеют точных аналогий два начертания этого знака: в надписи Hispania 14 VIII в. до н. э. в виде клетки и в надписи Hispania 10 с одной хастой. В первом случае, поскольку это начертание единично и сосуществует с обычным, можно думать об описке резчика. Вторая надпись происходит из Гадеса, где пока не найдено неопунических надписей, и поэтому нельзя сказать, в какой степени способ написания этой буквы на кольце из Гадеса соответствует локальному варианту ее начертания. Возможности для сравнения дают монеты, но к этому материалу мы возвратимся позже.

Бет. В VIII в. до н. э. (Hispania 14=ICO Spa 16) на бронзовой подставке было вырезано несколько вариантов этой буквы. Ее головка образована двумя хастами, которые соединяются либо под углом в виде треугольника, либо плавным переходом одной в другую в виде дуги. Нижняя хаста головки обычно горизонтальна, но иногда направлена вниз. Ствол или вертикальный, или слегка наклонен влево, так что вся буква в целом

повернута против часовой стрелки. Ножка буквы образована хвостой, соединенной со стволом углом или плавным переходом. Таким образом, в надписи VIII в. до н. э. мы встречаем и угловатое, и закругленное написание.

В надписи VIII—VII вв., выполненной на бронзовом кольце из Гадеса (*Hispania 1 = ICO Spa 1*), бет — явно курсивного вида. Он состоит фактически из трех частей, соединенных под углом, и напоминает прямоугольную скобу, наклоненную влево.

В начале VII в. до н. э. в граффити из Тосканоса эта буква имеет ясное угловатое написание: головка в виде остроугольного треугольника с горизонтальной нижней частью, ствол вертикальный, и к его окончанию под тупым углом присоединяется ножка, почти параллельная верхней части головки.

В надписи на алебастровой урне из некрополя «Лаурита» приблизительно того же времени (*ICO Spa 13*) начертание буквы, наоборот, явно закругленное: круглая головка, вертикальный ствол, мягко переходящий в ножку.

В надписи *Hispania 5 (ICO Spa 10A)* V в. до н. э. бет в целом закругленный и направлен против часовой стрелки. Головка смотрит вниз, причем ее хвосты не всегда соединяются со стволом (в одном случае нижняя не доходит до ствола, в другом — верхняя). Ствол криволинеен и плавно переходит в ножку. В некоторых случаях этот переход выражен яснее, хотя общее впечатление мягкости не нарушается.

На погребальной стеле из Барии конца V или IV в. (*Hispania 3 = ICO Spa 3*) также отмечены различные варианты написания этого знака. В одном случае верхняя часть головки является довольно крутой кривой линией, соединяющейся под углом с нижней частью, слегка направленной вниз; ствол — вертикальный, закругленно переходящий в короткую ножку. В другом варианте головка образует полукруг, длинный вертикальный ствол соединяется с ножкой под широким тупым углом. Наконец, третий похож на первый, но в нем нижняя часть головки криволинейная и вся головка более узкая, чем в первом случае. Отметим, что все три варианта написания этой буквы встречаются в пунических надписях того же времени [275, табл. XII, 1—2].

В недавно найденной надписи *Hispania 15* IV в. до н. э. бет закругленный. Угол встречается только при соединении верхней части головки с верхушкой ствола. Верхняя и нижняя части головки соединяются друг с другом в плавном сопряжении. Обе хвосты направлены вниз, причем верхняя, естественно, под более крутым углом. Ствол, незаметно искривляясь, переходит в очень короткую ножку. Эта ножка до того коротка, что почти незаметна, так что бет во многом напоминает реш или цалет.

Во фрагменте Hispania 11 (ICO Spa 14), как и в случае с предыдущей буквой, кривизна самого камня привела к чрезвычайной кривизне и всех элементов бета, напоминающего своими очертаниями современную цифру «девять».

Вырезанный на инталье III—II вв. (Hispania 12=ICO Spa 7) бет имеет ясный курсивный вид, какой встречается на остраконах и папирусах V—IV вв. или в неопунических надписях [283, табл. X; XI; XVII, 6 и, может быть, 7]. Ствол и ножка, сливаясь, образуют одну кривую линию, круто загнутую вверх. Обе части головки фактически сливаются в вытянутое остроконечное пятно. Курсивность этого написания несомненна.

Иной, явно формальный, вид имеет бет, выполненный на кампанском сосуде того же времени (Hispania 8=ICO Spa 11). Головка образует трапецию, поперечная хвоста соединяется с верхней сопряжением, а с нижней — острым углом. Ствол — вертикальный, плавно переходящий в длинную ножку, идущую влево под углом приблизительно в 45° .

Бет отмечен также на инталье тех же веков из Гадеса (ICO Spa 6). Он наклонен слегка влево. Головка образует полукруг, ее верхняя и нижняя хвоста параллельны и почти под прямым углом присоединяются к стволу. Ствол — короткий, и от него под углом несколько больше прямого отходит длинная остроконечная ножка. Общий вид буквы — формальный и угловатый. Точных параллелей такому написанию нет в это время ни в метрополии, ни на Западе, хотя в целом этот вариант находится в русле развития финикийского и пунического письма.

Более обычные варианты написания бета в питиусской надписи Hispania 5 (ICO Spa10B) около 180 г. до н. э. Остроконечная головка сочетается с кривой линией ствола без всякого выделения ножки, как это встречается в одновременных пунических надписях [283, табл. XIV, 1; 3]. Другой вариант — курсивный, представляющий в более простом виде только вертикальную черту ствола, а в более сложном имеющий также верхнюю хвосту, направленную влево вниз и под острым углом присоединяющуюся к стволу. Такое написание почти совпадает с более поздним, неопуническим [283, табл. XVII, 6—8].

Наконец, в надписи Hispania 10 (ICO Spa 12) второй половины II в. до н. э. из Гадеса вновь встречается резко выраженная угловатая форма, причем оригинальная, не имеющая точных аналогий. Головка состоит из двух хвост, горизонтальной и вертикальной, соединяющихся под прямым углом, так что вся головка напоминает квадрат, но без верхней стороны. Горизонтальная хвоста также под прямым углом присоединяется к стволу. Верхушки ствола и вертикальной хвоста находятся на одном уровне. От нижнего конца короткого вертикального ствола отходит под углом несколько больше 270° длинная ножка.

Подводя итог, надо сказать, что в испано-финикийских надписях встречаются и формальный, и курсивный варианты написания бета. В более ранних документах имеется и закругленное, и угловатое начертание буквы. Позже ясно намечается различие между двумя районами: в испано-пунических надписях преобладает закругленное, как и в пунических вообще [283, стр. 199—200], а в двух гадитанских — угловатое. В эбеситанском памятнике приблизительно 180 г. до н. э. встречается фактически уже неопунический знак. Гадитанские варианты бета вообще оригинальны и не имеют точных аналогов.

Гимель. Эта буква состоит из двух хаст, соединенных вверху под широким острым углом. Как на востоке, так и на западе Средиземноморья существуют два варианта ее написания, практически сосуществующие во времени: равносоставное и неравносоставное, когда правая хаста длиннее левой [283, стр. 136—137, 201]. Оба варианта отмечены и в Испании. Равносоставный вариант встречается в V в. (Hispania 2 = ICO Spa 10A) и около 180 г. до н. э. (Hispania 5 = ICO Spa 10B). Неравносоставный — в надписях IV и III—II вв. (Hispania 3 = ICO Spa 3; Hispania 12 = ICO Spa 7; ICO Spa 8). Совершенно особняком стоит гимель на золотом кольце из Гадеса (Hispania 10 = ICO Spa 12). Он имеет головку в виде двух хаст, расходящихся вверх под очень небольшим углом, и затем вертикальный ствол, идущий сначала вниз влево, а потом почти вертикально. Такое написание этой буквы в таблицах финикийского письма не приводится. Не похоже оно и на неопуническую форму.

Далет. В надписи VIII в. до н. э. (Hispania 14 = ICO Spa 16) далет имеет короткий ствол, иногда слегка наклоненный влево, и головку в виде более или менее равносоставного треугольника. В некоторых случаях угол этого треугольника закруглен.

В V в. до н. э. (Hispania 5 = ICO Spa 10A) отмечено несколько вариантов написания этой буквы. В одном из них ствол состоит из двух параллельных линий, соединенных короткой хастой внизу, и к нему под прямым углом присоединяется головка, которая либо не закончена писцом, либо сведена к короткой поперечной черте, предвосхищающей неопуническую форму. Впрочем, более вероятно, что в этом написании проявилось влияние финикийского курсива. Другие варианты более формальны. Во всех этих случаях головка — треугольная и вытянутая. Ствол, как обычно у этой буквы, прямой и лишь иногда слегка искривляется. Во всех вариантах буква несколько наклонена влево, что обычно в это время в пунических надписях.

Подобное написание характерно и для далета, выпарапанного на кампанском сосуде III—II вв. (Hispania 8 = ICO Spa 11); 145

головка в виде вытянутого остроконечного равнобедренного треугольника, короткий прямой ствол, общий наклон буквы влево.

В надписи Hispania 5 (ICO Spa 10B) около 180 г. до н. э. снова встречается несколько вариантов далета и смешение курсивного и формального написания. В одном случае головка сведена к одной короткой хасте, присоединенной к верхушке ствола под острым углом, что явно напоминает курсив и неопуническое написание. У этого знака ствол вертикальный. В другом варианте ствол наклонен влево, а головка ясно выражена: она составлена из двух хаст, из которых нижняя — прямая, а верхняя — дугообразная, соединяющая конец нижней хасты с верхушкой ствола. Отмечена и вытянутая треугольная головка.

Курсивная форма встречается также в надписи Hispania 4 (ICO Spa 2) второй половины II в. до н. э.: прямой наклоненный влево ствол, пересекаемый в верхней части (но на некотором расстоянии от верхушки) поперечной хастой, так что вся буква напоминает «андреевский» крест, но пересеченный наверху и с неравными перекладинами: идущая справа вниз налево раза в два короче другой.

На гадитанском кольце того же времени (Hispania 10=ICO Spa 12) эта буква также курсивна, но выглядит совершенно иначе. Она встречается в этой надписи трижды. В двух случаях головка сведена к точке, нанесенной на некотором расстоянии от верхушки ствола. В третьем варианте это — очень короткая черточка, соединенная с кончиком ствола. Сам ствол во всех случаях представляет собой вертикальную прямую или очень незначительно искривленную линию. Подобное написание напоминает неопуническую форму далета.

Таким образом, все случаи начертания этой буквы в испано-финикийских памятниках почти полностью соответствуют эволюции ее формы в финикийском и пуническом письме как в формальном, так и в курсивном вариантах [283, стр. 137—138, 201].

Хе. Эта буква встретилась пока только в одной надписи, вырезанной на обратной стороне бронзовой пластинки из пещеры Эс-Куйрам около 180 г. до н. э. (Hispania 5=ICO Spa 10B). Она очень похожа на пунические буквы того же времени [283, стр. 201], но, как и при написании некоторых других знаков (алефа, например), ствол имеет петьлку. Нижняя и средняя хасты головки выходят из одной точки ствола, образуя угол, а верхняя отходит от верхушки ствола параллельно средней хасте. Общее положение буквы, как и вообще в пуническом письме, несколько наклоненное в левую сторону.

имеет начертание, подобное встречающемуся и в других надписях того времени: довольно длинный волнообразный, искривленный ствол, к которому под тупым углом присоединяется головка, составленная из двух хаст, из которых одна идет наклонно вниз влево, а вторая — вертикально вверх и параллельно соответствующей части ствола, так что соединение обеих хаст образует острый угол.

После этого вав встречается только уже в надписи около 180 г. до н. э. (Hispania 5=ICO Spa 10B). В это время буква имеет длинный искривленный ствол (в одном случае — прямой) с петелькой внизу. Головка небольшая. В двух знаках она состоит, как и в VIII в. до н. э., из двух хаст, соединенных под острым углом, а в третьем сведена к прямой хасте, идущей через верхушку ствола, так что она выходит слегка вправо от него. В одном из первых вариантов нижняя хаста головки присоединяется к самой верхушке ствола, в другом — несколько ниже верхушки.

На золотом кольце из Гадеса второй половины II в. до н. э. (Hispania 10=ICO Spa 12) у этой буквы прямой наклонный несколько влево ствол с сегментообразным утолщением в нижней части, которое могло быть вариантом написания петельки, подобной встреченной в предыдущем случае. Головка отходит от самой верхушки ствола и состоит из одной ломаной хасты. Написание этой буквы на гадитанском кольце напоминает курсивный вав на папирусе около 300 г. до н. э. [283, табл. XI, 6].

В Испании отмечена и неопуническая форма вава на дне глиняного блюда (Hispania 7=ICO Spa Npu 3): прямой ствол, наклонный влево, и головка из одной слегка искривленной хасты, раздваивающейся на конце в виде змеиного языка. Хотя точно такой же знак нигде не отмечен, общая схожесть с неопуническими формами несомненна [226, рис. 237; 283, табл. XVII, 3].

Небольшое число встреченных в Испании букв «вав» не дает возможности проследить ясную эволюцию этого знака. Можно лишь говорить, что особо значительных отклонений от общефиникийских форм здесь не наблюдается [283, стр. 141—143, 203].

Заин. Эта буква, как и многие другие, встречается в древнейшей испано-финикийской надписи VIII в. до н. э. (Hispania 14=ICO Spa 16). Здесь эта буква имеет в целом горизонтальное положение и состоит из трех прямых хаст: верхняя направлена под небольшим углом к горизонтали, нижняя образует с горизонталью большой угол (так что обе хасты не параллельны друг другу), и их середины соединяет вертикальная поперечная хаста. Подобное положение (но с параллельными и горизонтальными хастами) имеет заин в надписи моавского

царя Меша IX в. до н. э. [226, рис. 237; 246, табл. I; XLIV]. Похоже это написание и на кипрские памятники уже второй половины V в. до н. э. [283, табл. I, 1].

В V в. до н. э. на испанской почве в надписи Hispania 2 (ICO Spa 10A) буква «заин» видоизменилась. Теперь этот знак принимает форму ворот или русской буквы «п», но правая хвоста несколько короче левой. Такое написание встречается в пунических надписях, однако в гораздо более позднее время: некоторый намек на него отмечен в конце IV в. до н. э., а точно такое же начертание — только во II в. и в неопунических надписях [283, табл. XII, 8; XV, 6—7; XVII]. Здесь мы вновь встречаемся с предвосхищением более поздней формы.

Более обычную, пуническую форму имеет эта буква в надписи на обратной стороне той же таблички, датированной около 180 г. до н. э. (Hispania 5=ICO Spa 10B). Ясно видно общее вертикальное направление: все длинные вертикальные хвосты соединяются короткой поперечной. Однако надо отметить, что если в предыдущем случае встречается ранний вариант написания, обычного для более позднего времени, то сейчас, наоборот, заин имеет форму, архаическую для пунического письма, но встречающуюся в это же время на Востоке [275, табл. VI, 10].

На кольце из Гадеса II в. до н. э. (Hispania 10=ICO Spa 12) этот знак приобретает особый вид. Левая хвоста — длинная, слегка наклоненная вправо. От нее (в одном случае примерно из середины, в другом — на расстоянии приблизительно одной трети от нижнего конца) отходит вправо короткая поперечная хвоста, которая плавно изгибается вниз, переходя в правую хвосту. Никаких признаков написания правой хвосты над поперечной нет. Нижние концы вертикальных хвостов находятся на одном уровне. Подобная (но не точно такая же) форма встречается в пунических памятниках III в. до н. э., но в них буква в большой степени наклонена вправо и конец правой хвосты ниже конца левой [283, табл. XIV, 4 и 7].

Подводя итог рассмотрению написания заина в Испании, надо сказать следующее. Первоначально эта буква имела горизонтальное направление, в V в. она стала почти квадратной, а во II в. — вертикальной. Изменилось положение поперечной хвосты, которая то поднималась вверх до самых верхушек вертикальных хвостов, то спускалась вниз до середины или даже до двух третей вертикальной линии. Правая хвоста, ранее равная по длине левой, в Гадесе уменьшается до ее половины или трети. Все формы, встреченные в Испании, находят соответствия в других финикийских надписях, но иногда относящихся не к тому времени, что испанские, как, например, в памятниках V и II вв.

Хет. В надписи на бронзе VIII в. до н. э. (Hispania 14=ICO Spa 16) хет имеет формальный и архаический вид. Оба ствола очень немного наклонены влево, и при этом левый короче правого. Из обоих концов левого ствола выходят поперечные хасты, идущие косо вверх вправо. Они немного не доходят до соединения с правым стволом, но это может быть связано с индивидуальным почерком писца³. В принципе они подходят к верхушке и середине правого ствола. Обе поперечные хасты параллельны, и между ними, ближе к верхней, располагается еще одна, также им параллельная. Такое написание не отмечено в финикийских надписях, но встречается в арамейской надписи Киламувы конца IX в. до н. э., однако с тем отличием, что левый ствол там несколько поднимается над верхней поперечной хастой [226, рис. 260; 261; 336, табл. 1].

На черепках первой половины VII в. до н. э. мы находим два варианта написания этой буквы. В одном случае перед нами четкий формальный знак, выполненный пятью ясно процарапанными линиями. Две образуют левый и правый стволы буквы, из которых левый короче правого. Оба параллельны и вертикальны. Три другие линии являются поперечными хастами. Верхняя, идущая под небольшим углом, соединяет верхушки стволов. Две другие, направленные под более острым углом, параллельны друг другу. Стволы кончаются внизу под поперечными хастами. В другом случае стволы сильно наклонены влево, и первый прямой короче левого, слегка изломанного. Поперечные линии вовсе отсутствуют [339, стр. 108 и табл. 32]. Вообще наклон влево характерен для букв V в. до н. э. и более позднего времени, но встречается и около 700 г. до н. э. на золотой подвеске из Карфагена [283, стр. 144—145 и табл. VII, 4].

Очень наклонен влево, как и вообще в пуническом письме этого времени, хет в надписи Hispania 2 (ICO Spa 10A) V в. до н. э. Он производит впечатление некоторой незаконченности, но, поскольку такое написание встречается только единожды, нельзя сказать, случайность это или локальный вариант написания. Левый ствол намного длиннее правого. Из верхушки правого выходит под прямым углом верхняя поперечная хаста, далеко не доходящая до левого ствола (она кончается приблизительно на середине ширины буквы). Несколько ниже середины левого ствола выходит средняя хаста, параллельная верхней, в свою очередь не доходящая до правого. причем концы этих двух хаст находятся приблизительно на одной линии по отноше-

³ На таблицах и прорисовке, приведенных Х. М. Сола-Соле и В. Рёллингом, поперечные хасты соединяются с правым стволом [310, стр. 141, рис. 1; 336, табл. 1].

нию к стволам. Наконец, нижние части (но не самые концы) стволов соединяются еще одной поперечной чертой. Две верхние параллельны, нижняя по отношению к ним располагается под некоторым углом. Точно такое написание больше в финикийской эпиграфике не отмечено.

На амфорном клейме IV—II вв. из Алькудиа-де-Эльче (ICO Spa Bolli 2) стволы вертикальны, а поперечные хасты идут вправо вниз, в то время как во всех остальных случаях их направление обратное. Однако надо учитывать, что эта буква отштампована на керамике; следовательно, на самом штампе направление поперечных линий было нормальным.

Хет встречается и в надписи Hispania 5 (ICO Spa 10B) около 180 г. до н. э. Здесь левый ствол значительно наклонен влево, а правый — почти вертикальный, но слегка искривлен. Как и у некоторых других букв в этой надписи, правый ствол хета имеет петельку. Особенностью этого знака является наличие только двух хаст, причем обе они криволинейны, располагаются в верхней части буквы и не соединяются ни с одним стволем.

Имеется в Испании и неопунический хет. Он написан на глиняном блюде (Hispania 7=ICO Spa Npu 3). Левый ствол слегка искривлен, правый — прямой и намного длиннее левого. Между ними зигзагообразная хаста. Такое несколько необычное для неопунических знаков написание встречается, однако, в Эль-Хофре [283, табл. XVII, 4].

Итак, как и в финикийской эпиграфике вообще, развитие испано-финикийского хета шло в целом от вертикального положения к наклонному [283, стр. 144—146, 205—206]. Оригинально написание этой буквы в двух надписях из Эс-Куйрам на обеих сторонах одной бронзовой пластинки.

Тет. Говорить о развитии этой буквы в Испании практически невозможно. В надписи Hispania 14 (ICO Spa 16) VIII в. до н. э. можно с трудом узнать в начале верхней строки нижнюю часть овала и, может быть, след поперечной хасты. А после этого тет встречается в Испании уже только в неопуническом виде. В этом случае он состоит из двух криволинейных стволов, образующих незамкнутый сверху и снизу овал. В верхнее отверстие входит под углом хаста. В центре овала — вторая хаста, идущая под углом около 45°. Ни одна из этих хаст не касается стволов (Hispania 7=ICO Spa Npu 3). Точно такая же форма в неопунических надписях не встречается, но вообще соответствие видно ясно.

Йод. Йод встречается в Испании редко. Два случая относятся к раннему времени, причем более или менее ясно эту букву видно только один раз на бронзовой подставке VIII в. до н. э. (Hispania 14=ICO Spa 16). От второго знака в этой же

надписи (в конце верхней строки) осталась только нижняя часть. В ясной букве ствол в верхней части почти вертикальный и затем резко искривляется влево. Поперечные хвосты головки отходят от вертикальной части ствола (нижняя — из самого места искривления) под углом влево вниз. От нижнего конца ствола резко под острым углом отходит вправо вверх ножка. Хвосты головки и ножки параллельны. В целом буква несколько наклоняется влево. Похожее, но не аналогичное написание йода встречается в посвящении Баал-Лебанону VIII в. до н. э., найденном на Кипре [283, табл. VII].

Эту же букву можно различить в верхней строке надписи, выполненной на алебастровой урне VII в. до н. э. из некрополя «Лаурита» (ICO Spa 13). Правда, здесь остались, по существу, лишь следы знака, но можно различить ствол, прямой и наклоненный вправо, ножку, отходящую от него под острым углом вверх направо, и верхнюю хвосту головки, направленную влево вниз. Буква занимает вертикальное положение, что уже несколько архаично для этого времени, хотя встречается и в более поздний период, например в Библие [275, табл. IV, 1—2].

Лишь через много веков, в начале II в. до н. э., йод вновь появляется в испано-финикийской эпиграфике (Hispania 5=ICO Spa 10B). Буква наклонная, но не горизонтальная, как в других пунических надписях того же времени, и, скорее, напоминает более поздние неопунические формы [283, табл. XVI, XVII]. Ствол — прямой и идущий вниз влево. К его концам присоединяются параллельные хвосты головки и ножки, из которых первая идет вниз влево, а вторая — вверх вправо. Хвосты ножки выходит незначительного и слева от ствола. В надписи буквы чувствуется курсивное влияние.

Мы видим, таким образом, что в целом написание этого знака в испанских надписях следует общему развитию финикийского письма. Однако испанские формы VII и II вв. отличаются более вертикальным положением, чем большинство этих букв той же эпохи. Характерно и начертание головки около 180 г. до н. э. только одной линией, что встречается очень редко, хотя и не является исключением.

Каф. В надписи Hispania 14 (ICO Spa 16) VIII в. до н. э. эта буква состоит из трех линий: прямого, слегка наклоненного вправо ствола, криволинейной хвосты головки, присоединенной к верхней части ствола, и отходящей от криволинейной еще одной, короткой прямой хвосты. Такое написание напоминает один из вариантов этой буквы в надписи Киламувы около 825 г. до н. э. [336, табл. 1]. Встречается в испанском посвящении Астарте и иное начертание кафа: такой же ствол, но головка представляет собой равнобедренный треугольник, вершиной присоединенный к стволу, и одна сторона которого этому

стволу параллельна. Подобный каф имелся в Норе в IX в. до н. э. [207, табл. XXVII].

Далее эта буква отмечена уже в надписи около 180 г. до н. э. (Hispania 5=ICO Spa 10B). Вертикальный, слегка волнообразный ствол, от которого на небольшом расстоянии от верхушки влево вверх отходит хаста. Похожее написание довольно часто встречается в пунических надписях [283, табл. IV, 6—9; XVI, 3—4].

Подобна этой и буква в надписи II в. до н. э. из Алькудиаде-Эльче, выцарапанной на дне керамической вазы (Hispania 4=ICO Spa 2). Только в этом случае хаста головки отходит от ствола на большом расстоянии от верхушки. Кроме того, имеется еще одна, горизонтальная хаста, которая отходит от ствола влево и пересекает первую. Точного подобия такому написанию мы не нашли.

Несколько необычен на первый взгляд каф в надписи на золотом кольце из Гадеса второй половины II в. до н. э. (Hispania 10=ICO Spa 12). Ствол почти вертикальный. От его верхушки отходит влево вниз под острым углом единственная короткая хаста головки. Эта форма встречается довольно редко, но все же не отсутствует. Она может восходить к курсивному варианту, отмеченному в конце V в. до н. э. Ее можно также встретить в одной из пунических надписей II в. до н. э. и в варианте написания в неопунической надписи из Гадрумета [246, табл. XLIV; 283, табл. XI, 4; XV, 5].

Ламед. Эта буква часто встречается в испано-филикийских надписях начиная с древнейшей из них, вырезанной на бронзе в VIII в. до н. э. (Hispania 14=ICO Spa 16). Здесь, как и в других памятниках филикийского письма того же или близкого времени [283, табл. VII, 1 и 3 и стр. 154], эта буква состоит из криволинейного ствола, плавно переходящего в ножку, направленную вправо вверх, так что знак становится похож на рыболовный крючок.

Похоже начертание этой буквы и на бронзовом гадитанском кольце VIII—VII вв. (Hispania 1=ICO Spa 1). В этой надписи отмечено два варианта ламеда. Один такой же, как и в предыдущем случае. В другом — ствол наклонен несколько больше вправо и его переход в ножку не столь плавный, дуга перехода вписывается в довольно острый угол. Такой вид ламеда также не оригинален, он, в частности, встречается в Хассан-Бейли в первой половине VII в. до н. э. [283, табл. VII, 6].

В надписи Hispania 2 (ICO Spa 10A) V в. до н. э. также есть два варианта этой буквы. В обоих случаях ствол прямой и наклонен вправо. Различие состоит в форме ножки. В одном варианте (встречается дважды) ножка составлена из двух хаст: одна отходит от нижнего конца ствола под острым углом впра-

во вверх, а другая идет от ее конца вниз и немного влево, и при этом она более короткая. Такое написание в целом соответствует развитию финикийского и пунического письма того времени [246, стр. 179]. Второй вариант (отмеченный один раз в самом начале) более оригинален. Ножка состоит только из одной хасты, которая начинается от нижней части (но не от самого конца) ствола, образуя с ним прямой угол.

В надгробной надписи из Бари IV или конца V в. (Hispania 3=ICO Spa 3) встречается почти такой же знак, что и в первом варианте в предыдущем памятнике; только вторая хаста ножки идет вертикально вниз, да и первая более полого. В другой букве той же надписи одна хаста ножки также идет под углом вверх, а вторая — влево вниз, но эта вторая линия не отходит от конца первой, как обычно, а как бы касается, выходя несколько выше ее конца.

В IV в. до н. э. (Hispania 15) мы видим длинный прямой ствол, очень немного наклоненный вправо, от конца которого, как и раньше, отходит вправо вверх хаста ножки. Из конца этой ножки исходит вторая, идущая вниз в виде небольшой дуги.

В керамическом клейме IV—II вв. (ICO Spa Bolli 2) — кривой ствол, к концу которого присоединяется направленная вниз ножка.

Во фрагменте надписи на камне III в. до н. э. (Hispania 11=ICO Spa 14) из-за круглой формы камня ламед, как и алеф и бет, очень закруглен. Все элементы этого знака криволинейны. Однако и в этом случае соединение ножки со стволом не плавное, а угловатое.

На инталье III—II вв. (Hispania 12=ICO Spa 7) эта буква встречена трижды, и все три знака несколько отличаются друг от друга. В самом начале надписи — ствол прямой, одна хаста ножки отходит от него в его нижней части под прямым углом, а от ее конца вправо идет другая, так что ее конец и конец ствола находятся на одном уровне. Буква, находящаяся в середине, отличается от начальной лишь тем, что вторая хаста ножки отходит от первой под прямым углом параллельно стволу. В букве, находящейся в конце этой надписи, — криволинейный ствол, наклоненный вправо, а обе хасты ножки плавно переходят друг в друга, образуя одну дугу, присоединенную к стволу несколько ниже его середины. Ножка кончается ниже конца ствола.

В надписи Hispania 5 (ICO Spa 10B) около 180 г. до н. э. — два варианта ламеда, как и в некоторых других памятниках. В одном варианте — прямой ствол, немного наклоненный вправо, и к концу его присоединяется направленная вправо вверх хаста ножки, от конца которой отходит вторая, идущая вниз вправо. Во втором варианте общая форма та же, но первая

хаста ножки идет от конца ствола под таким острым углом, что почти сливается с самим стволом.

На золотом кольце из Гадеса второй половины II в. до н. э. (Hispania 10=ICO Spa 12) ламед встречается несколько раз. В основном отмечены два варианта этого знака: с ножкой в виде линии, отходящей от конца ствола вниз направо, и с ножкой в виде дуги, также идущей вниз вправо, начинаясь либо от самого конца ствола, либо несколько выше. Во всех случаях — ствол прямой и наклонен вправо. Оба варианта встречаются в финикийской письменности, хотя и сравнительно редко. Дугообразная ножка больше свойственна курсивной форме [283, табл. XI, 6, 7].

В Испании встречены и два неопунических ламеда. Один из них (Hispania 7=ICO Spa Npu 3) представляет прямую линию без других хаст, как это часто встречается в неопунических надписях, но в отличие от обычного положения наклонен вправо, а не влево. Во втором случае (Hispania 6=ICO Spa Npu 2) криволинейный ствол наклонен вправо, а к его верхней части присоединена головка, состоящая из двух коротких хаст, образующих острый угол. Превращение ножки в головку обычно в неопуническом письме [283, табл. XVII].

Таким образом, мы видим, что развитие ламеда в целом соответствует его эволюции в финикийском письме вообще [283, стр. 154—156, 210—211]. Первоначально буква имела вид крючка, затем появляется ясно выраженная ножка, которая, как правило, присоединяется к стволу под углом. Излом конца хасты ножки превращается в самостоятельную хасту, так что чаще всего ножка составлена из этих двух линий, соединяющихся под углом либо плавно переходящих друг в друга, образуя дугу. В неопунических надписях ножка исчезает вовсе или перемещается вверх, превращаясь в головку.

Мем. Как и ламед, эта буква довольно часто отмечается в надписях из Испании. Ее развитие интересно проследить, ибо в некоторых случаях она служит датирующим элементом надписи. Ее мы видим уже в древнейшей надписи VIII в. до н. э. (Hispania 14=ICO Spa 16). Здесь ствол буквы наклонен вправо, он в целом прямолинеен, но внизу слегка изгибается влево. Головка явно архаического вида. Она не имеет нижней горизонтальной линии, а состоит из двух хаст: прямой или искривленной, отходящей от ствола вверх влево, и присоединенной к ней ломаной или кривой, так что нижняя линия головки получается зигзагообразной. Такая зигзагообразная форма головки отмечена именно в более древних памятниках, как, например, в надписи царя Мешу, Киламувы или на камне из Норы [336, табл. 1] — все IX в. до н. э. Однако в нижней строке испанской надписи встречается и горизонтальная нижняя хаста головки,

от которой отходят уже вертикальные, параллельные стволу. Похожее написание можно видеть в надписи из Кара-тепе второй половины VIII в. до н. э. [283, табл. VII, 3]. Именно форма этой буквы наряду с другими данными позволила Х. М. Сола-Соле отнести этот документ к VIII в. [336, стр. 107].

На бронзовом кольце VIII—VII вв. (Hispania 1=ICO Spa 1) появляется довольно оригинальный вариант мема. От короткого вертикального толстого ствола с острой верхушкой отходит влево под небольшим углом горизонтальная хвоста головки, направленная слегка вверх, и от нее уже — два острокопечных треугольника, обозначающих вертикальные хвосты. В результате головка напоминает крепостные зубцы. Но главная особенность этого написания в том, что небольшой изгиб влево внизу ствола, отмеченный в предыдущем случае, здесь превращается в длинную ножку, направленную влево и немного вниз и кончающуюся дальше, чем горизонтальная хвоста головки. Такой ножки у этой буквы в других случаях не найдено.

На алебастровой урне из некрополя «Лаурита» (ICO Spa 13) буква «мем» наряду с бетом, единственная, какую можно разоб-брать во второй строке. Она соединена с бетом и, видно, поэтому имеет не две, а только одну вертикальную хвосту головки (второй служит ствол бета). Горизонтальная хвоста присоединяется к верхушке ствола.

В надписи V в. до н. э. (Hispania 2=ICO Spa 10A) головка буквы вновь принимает старинный, зигзагообразный вид. От верхушки прямого ствола отходит под острым углом вниз влево хвоста головки, а от нее под еще более острым углом — вторая вверх направо. С этой второй хвостой недалеко от ее начала соединяется третья, направленная вверх влево. Такое написание напоминает то, которое использовано раньше, около 700 г. до н. э., на золотой подвеске из Карфагена [283, табл. VII, 4]. Перед нами редко встречающееся вторичное развитие архаизирующей формы мема в пунических надписях [283, стр. 212, прим. 27].

В недавно найденной надписи IV в. (Hispania 15) у головки вновь обычный вид с горизонтальной нижней хвостой, присоединенной к верхней части ствола или почти к его верхушке. Правда, в это время средняя вертикальная линия обычно выходит ниже горизонтали [283, табл. XII], а в нашем случае этого не происходит. Мем дважды встречается в этой надписи. Первая буква наклонена вправо и последняя вертикальная хвоста присоединяется к горизонтальной под острым углом; вторая буква — влево и имеет закругленный переход от горизонтали к вертикали в конце знака.

Мем, отштампованный на керамическом клейме IV—II вв. (ICO Spa Bolli 1), типичен для пунических форм. Он весь за-

круглен, криволинейный ствол изгибается вниз влево; от его вершины отходит дуга, в которую объединились ранее существовавшие раздельно горизонтальная и последняя вертикальная хасты; дугу пересекает короткая прямая черта. Это написание ничем не отличается от обычного в пунических надписях [283, табл. XII].

На инталье III—II вв. (ICO Spa 6) буква имеет криволинейный ствол, внизу изгибающийся влево. Головка испорчена, от нее дошли только вертикальные хасты, но по ним можно судить, что они параллельны стволу и кончаются на одном уровне с ним, а нижняя хаста должна быть горизонтальной. Это необычно для пунических надписей этого времени, но встречается в восточнофиникийских, в частности в Сидоне и Арваде [283, табл. V, 7—9; IX, 8]. Правда, там средняя хаста выходит вниз под горизонтальную, чего не видно на гадитанской инталье, но надо иметь в виду плохое состояние надписи.

На эбеситанской пластине, датируемой около 180 г. до н. э. (Hispania 5 = ICO Spa 10B), мем имеет курсивный и на первый взгляд совершенно необычный вид: косой «андреевский» крест, несколько неправильный. В пунических надписях этого времени такого написания нет. Однако оно становится обычным в неопуническом письме [283, табл. XVII]. Его связь с курсивом более раннего времени также несомненна [283, табл. X, 4—6; XI, 6].

Очень похож на этот знак на сосуде второй половины II в. до н. э. из Галеры (Hispania 4 = ICO Spa 2). Только здесь использованы криволинейные хасты. Зато на гадитанском кольце того же времени (Hispania 10 = ICO Spa 12) мы вновь встречаем архаическую форму: прямой или слегка закругленный внизу ствол и зигзагообразную головку. Своим видом этот знак напоминает буквы VIII в. до н. э. Пожалуй, перед нами самое позднее воспроектирование этой формы мема.

Отмечены в Испании и неопунические, крестообразные виды этой буквы (Hispania 6 = ICO Spa Npu 2; Hispania 7 = ICO Spa Npu 3).

Итак, в Испании встречаются разнообразные формы написания мема. Развитие этой буквы идет от знаков с прямым стволом и зигзагообразной головкой к формам с прямоугольной головкой (т. е. с горизонтальной нижней хастой), далее — к прямолинейному стволу с дугообразной головкой и, наконец, к крестовидному написанию. Такое развитие в принципе соответствует общей эволюции этой графемы в финикийском письме. Однако есть и некоторые особенности: раннее предвосхищение неопунического знака в начале II в. до н. э. и древняя форма, встреченная в Гадесе во второй половине того же столетия.

Нун. Нун в Испании также встречается часто: почти во всех надписях. Однако изменяется он, как и в других районах фи-

никийского мира, мало [283, стр. 159—161, 213]. Буква имеет обычно длинный прямой или криволинейный ствол и угловатую головку, причем вертикальная хвоста головки обычно параллельна стволу. Поэтому сами головки — прямоугольные или остроугольные. В надписи V в. до н. э. (Hispania 2=ICO Spa 10A) в нижней строке появляется закругленная головка, которая затем повторяется в IV (ICO Spa 15) и IV—II вв. (ICO Spa Bolli 1). В гадитанской надписи второй половины II в. до н. э. (Hispania 10=ICO Spa 12) также закругленный вид головки, но дуга выражена гораздо слабее, чем в других случаях, так что все можно рассматривать как одну прямую линию. Такой нун хотя и относительно редко, но встречается в пунических надписях этого времени [283, табл. XV, 3 и 5]. Зато неопунический знак (Hispania 6=ICO Spa Npu 2) необычен. Он имеет длинный ствол с петелькой внизу и небольшую дугообразную головку, плавно присоединенную к стволу с левой стороны, в отличие от остальных неопунических букв, у которых головка направлена вправо [283, табл. XVII]. Это больше похоже на пуническую, а не на неопуническую форму, как отмечает М. Д. Гуццо Амадаси в примечаниях к этой надписи [207, стр. 152].

Самех. О развитии этой буквы в Испании также говорить очень трудно, но уже по другой причине: она встречается здесь в датированных надписях только два раза, в IV в. и около 180 г. до н. э. (а также в недатированном керамическом клейме, где она к тому же испорчена). В первом случае (Hispania 3=ICO Spa 3) самех имеет длинный прямой ствол (внизу слегка загибающийся влево). Головка состоит из трех хвост, параллельных друг другу. Две отходят от ствола (одна — от самой верхушки, другая — немного ниже) вниз влево, третья (ниже второй) — вверх вправо. Такое написание больше нигде не отмечено.

Что касается второго испано-финикийского самеха (Hispania 5=ICO Spa 10B), то он имеет зигзагообразную головку, подобную головке мема в гадитанской надписи второй половины II в. до н. э., но более широкую, и ствол в виде вытянутой петельки. Это очень частая форма самеха в пунической эпиграфике [283, табл. XIII, XIV, XVI].

Аин. Аин встречается в испано-финикийских надписях часто. Однако, как и в случае с нуном, развитие знака почти незаметно. Это объясняется самой формой буквы, имеющей вид более или менее правильного круга. Так что изменения могли состоять лишь в том, что круг становился открытым или закрытым. В курсивном письме встречается и угловатый аин [183, стр. 164, 214—215]. Это отмечено и в Испании. В надписи VIII в. (Hispania 14=ICO Spa 16) мы находим разнообразные варианты, зависящие, по-видимому, от почерка писца: наряду

с закрытыми знаками встречаются и различные варианты открытых: отверстия появляются и сверху, и справа, и слева. Это не единственный случай, ибо открытый с двух сторон аин можно видеть, например, на золотой подвеске из Карфагена около 700 г. до н. э. [283, табл. VII, 4].

В более поздних надписях VIII—VII и IV (или конца V) вв. до н. э. (Hispania 1=ICO Spa 1; Hispania 17; Hispania 3=ICO Spa 3) встречается только закрытая форма. Правда, в V в. (Hispania 2=ICO Spa 10A) появляется уже небольшая открытость вверху. Такое чередование открытых и закрытых форм довольно обычно для пунического письма [283, табл. XII—XVI]. С IV в. до н. э. можно говорить об открытом аине, формой своей напоминающем подкову. Единственное исключение — надпись Hispania 5 (ICO Spa 10B) около 180 г. до н. э., в которой воспроизведены курсивные варианты неправильного многоугольного или треугольного знака, либо закрытого, либо открытого в самом неожиданном месте — снизу или справа.

Из этого краткого обзора видно, что никаких особенностей развития аина в Испании не было и его эволюция шла тем же путем, что и в письменности восточных и африканских финикийцев. Впрочем, учитывая простоту формы этой буквы, и трудно было бы ожидать разнообразия.

Пэ. В древнейшей испано-финикийской надписи Hispania 14 (ICO Spa 16) пэ имеет наклонный вправо ствол с острым нижним концом. Его верхушка плавно и закругленно переходит в небольшую головку, направленную вниз влево.

После этого пэ встречается уже только в надписи V в. до н. э. (Hispania 2=ICO Spa 10A). Здесь наклон ствола тот же самый, слегка вправо, но сам ствол обламывается внизу, так что получается не очень выделяющаяся ножка, направленная вниз влево. Головка состоит из двух частей: одна, короткая горизонтальная, идет от верхушки ствола, вторая, более длинная, отходит от первой вниз влево. Такая угловатая форма этой буквы встречается в восточнофиникийских и кипрских надписях, но довольно необычна для пунического этого времени [283, табл. 1, 5; IX, 6; ср. табл. XII].

Угловатое и необычное написание отмечено в лапидарной надгробной надписи IV или конца V в. до н. э. из Барии (Hispania 3=ICO Spa 3). Ствол наклонен влево, он — прямой, без всяких изломов. Головка написана двумя линиями. Одна, более длинная, идет под острым углом от верхушки ствола влево вниз. А от ее конца в обратную сторону, в направлении к стволу, отходит горизонтальная короткая, не доходящая до ствола. Своим видом этот знак напоминает скорее бет или далет.

На бронзовой табличке около 180 г. до н. э. (Hispania 5=ICO Spa 10B) буква упрощена. Головка отсутствует вовсе. Прямой

вертикальный ствол в нижней части плавно изгибается, превращаясь в небольшую пожку, направленную вниз влево. Такое написание очень похоже на неопунические формы, но встречается и ранее, как, например, в Эль-Хофре [283, табл. XVI, 6].

Сложнее, чем обычно, пишется зато пэ в неопунической надписи второй половины II или I в. до н. э. (Hispania 6=ICO Spa Npu 2): криволинейный ствол и присоединенная к его верхушке головка, состоящая из одной хасты, направленной влево вниз. Это напоминает формы предшествующего времени, IV—II вв. до н. э.

Итак, за исключением начертания, отмеченного в Барии в IV в. до н. э. (или в конце предыдущего), остальные случаи в принципе не дают ничего нового по сравнению с общефиникийским письмом. Надо только отметить, что в одном случае написание пэ опережает обычное для того времени, а в другом случае, наоборот, дает более старую форму. Интересно также, что в V в. до н. э. эта буква больше похожа на восточнофиникийские варианты, а не на пунические, хотя речь идет о надписи, выполненной в карфагенской колонии. Оригинально, как мы видели, написание этой буквы в Барии, также населенной карфагенянами.

Цадэ. Эта буква встречается в Испании крайне редко. На сосуде из Тосканоса, найденном в слое начала VII в. до н. э., имеются две горизонтальные черты, соединенные справа вертикальной. Х. М. Сола-Соле полагает, что здесь, может быть, было начертано цадэ, хотя буква плохо выполнена и направлена вправо. Исследователь, однако, сопровождает свое предположение знаком вопроса [339, стр. 108—109 и табл. 32]. Во всяком случае, подобное написание цадэ в финикийской эпиграфике не обнаружено, и до новых находок вопрос надо, по-видимому, оставить открытым.

Кроме этого цадэ встречается только в неопунической надписи Hispania 7 (ICO Spa Npu 3). Здесь эта буква имеет ствол, наклоненный влево, как обычно в неопуническом письме, и необычно длинную закругленную головку в виде вытянутого крючка. Такое написание несколько неожиданно, но сомнения в том, что это именно цадэ, не возникает.

Коф. В испано-финикийской эпиграфике эта буква пока засвидетельствована трижды. Впервые она появляется в VIII в. до н. э. (Hispania 14=ICO Spa 16). Однако в этом случае знак испорчен; рядом с буквой находится выбоина в бронзе, частично закрывающая и саму букву. Поэтому от знака сохранилась только нижняя часть и, может быть, верхушка ствола и правая часть головки. По этим остаткам можно судить, что ствол был прямой, наклоненный влево, а головка — закругленная в виде вытянутого овала, подобно букве, встреченной в надписи из

Кара-тепе приблизительно того же времени [283, табл. VII, 3]. Может быть, только ствол в испанской надписи более длинный.

В V в. до н. э. (Hispania 2=ICO Spa 10B) ствол также прямой и наклоненный влево, но несколько короче, чем в VIII в. Головка состоит из двух самостоятельных треугольников. В левом верхняя хаста начинается от верхушки ствола и идет довольно круто вниз влево, а нижняя соединяет конец этой хасты со стволом, слегка понижаясь от вершины треугольника к стволу. Правый треугольник располагается ниже левого. Его верхняя хаста направляется вправо вверх, и под очень острым углом к ней идет нижняя, соединяющая ее конец со стволом. Подобные формы встречаются иногда в пунических памятниках [283, табл. XIII, 2]. Похож на эту букву и коф, вырезанный на камне в Барии в конце того же V или в IV в. до н. э. (Hispania 3=ICO Spa 3). Основное отличие его — в закругленной форме головки.

К сожалению, небольшое число букв не дает возможности более тщательно рассмотреть их эволюцию. Форм кофа позже IV в. пока вообще не встретилось.

Реш. Хотя эта буква встречается в испано-финикийских надписях относительно часто, ее форма не претерпела значительных изменений. Не всегда заметно ее отличие от далета: эти буквы различаются в основном только длиной ствола, хотя в каждом конкретном случае они пишутся различно [283, стр. 138—139].

В надписи VIII в. до н. э. (Hispania 14=ICO Spa 16) мы видим прямой ствол, вертикальный или наклоненный влево, и вытянутую головку в виде острого треугольника. В одном случае хасты головки не присоединяются к стволу и не соединяются друг с другом. Может быть, это результат небрежности писца, так как ничего подобного ни в этой же надписи, ни в других случаях не отмечается.

Реш, вырезанный на бронзовом гадитанском кольце VIII—VII вв. (Hispania 1=ICO Spa 1), ничем, по существу, не отличается от описанного: тот же прямой и наклоненный влево ствол и треугольная головка.

В V в. до н. э. (Hispania 5=ICO Spa 10A), как и в случае с далетом, найдено несколько вариантов написания реша. Часто эти два знака стоят рядом друг с другом, что помогает их различать. В принципе варианты обеих букв одни и те же. Мы встречаем ствол, изображенный двумя параллельными линиями, которые соединены поперечной хастой. В этом обе буквы походят друг на друга. Различие между ними — в написании головки: в то время как у далета она сведена к короткой поперечной черте, головка реша имеет вид небольшого треугольника.

В других случаях реш отличается от далета изломом ствола,

в результате чего буква приобретает пожку, которая обычно при начертании этого знака не встречается, хотя намек на нее и виден иногда в курсивном письме [283, табл. X, 5; XI, 2].

В лапидарной надписи конца этого или следующего столетия (Hispania 3=ICO Spa 3) трижды встречается реш, и все три раза он иной. Всегда здесь ствол прямой и слегка наклонен влево. Головка же в одном случае закругленная, в другом — треугольная, а в третьем имеет одну хасту дугообразную, а вторую — прямую. Поскольку далета в этой надписи нет, то и нельзя говорить об их отличии.

Около 180 г. до н. э. (Hispania 5=ICO Spa 10B) писец снова использует несколько вариантов написания этой буквы. Различия опять проявляются в очертаниях головки, а ствол у всех — прямой и наклоненный влево. Головка же в одном варианте закруглена, в другом превращена в одну хасту, присоединенную под острым углом к верхушке ствола, в третьем — она состоит из двух параллельных хаст, из которых нижняя отходит от верхушки ствола влево вниз, а верхняя идет над ней и над стволем. От далета, который часто стоит рядом, реш отличается в основном размером ствола: в верхней строке у реш ствол длиннее, в остальных случаях — наоборот. В некоторых вариантах чувствуется курсивное влияние.

В надписи на керамике второй половины II в. до н. э. (Hispania 4=ICO Spa 12) мы встречаем формальный вариант, когда от ствола отходят обе хасты головки, из них нижняя — под прямым углом, а верхняя — под острым, направляясь влево вниз, но не соединяясь с нижней, так что треугольник остается незавершенным, а также курсивный, в котором ствол и головка пишутся одним росчерком: прямой наклоненный влево ствол, от его верхушки отходит влево вниз линия головки, изгибающаяся затем вниз вправо и не достигающая до ствола.

Два варианта встречены и на золотом кольце из Гадеса того же времени (Hispania 10=ICO Spa 12). В обоих вариантах ствол прямой или очень немного искривлен внизу влево. Головка в одном случае имеет вид дужки, расположенной на некотором расстоянии от ствола и с ним не соединяющейся. В другом — она отходит от верхушки в виде короткой толстой черты. Первый вариант более не встречается, а второй напоминает некоторые неопунические формы [например, 283, табл. XVII, I].

Весь этот материал показывает, что в Испании встречаются и формальные, и курсивные виды реш. В принципе его написание совпадает с тем, которое отмечается в фиnikийском письме вообще, и его эволюция в этой стране соответствует изменениям этого знака как на Востоке, так и в Карфагене [283, 161

стр. 138—139, 201]. И все же в написании можно отметить и оригинальные черты, особенно в первом реше гадитанского золотого кольца.

Шин. В своем развитии в Испании эта буква во многом повторяет этапы, пройденные ею в восточнофиникийском и пуническом письме.

В VIII в. до н. э. она имеет вид зигзага, состоящего из четырех хаст, и напоминает «дубль-вэ». При этом правая хаста несколько длиннее других. Такое написание характерно для форм этого века, в частности для надписи из Кара-тепе [283, стр. 169—170 и табл. VII, 3].

Более позднему времени, с начала VI в. до н. э., свойственна форма из трех хаст, из которых две соединены под углом, а между ними располагается третья, и все эти хасты направлены вверх [275, стр. 170]. Приблизительно такой же вид и имеет шин в надписях V и IV (или конца V) вв. В одной из них (Hispania 2=ICO Spa 10A) буква угловатая. В одном ее варианте две хасты соединяются под тупым углом и приблизительно от середины левой отходит вертикально вверх еще одна хаста. В другом варианте боковые хасты соединяются почти под прямым углом и от середины левой идет средняя, параллельная правой. Бывает и так, что все три хасты выходят из одной точки. Наконец, надо отметить и такой случай, когда имея общий вид, подобный предыдущему, хасты, однако, не доходят до соединения друг с другом. Все эти варианты имеют соответствия в других памятниках финикийской эпиграфики.

Что касается надписи Hispania 3 (ICO Spa 3) IV или конца V в. до н. э., то там буква похожа на один из вариантов предыдущей (где все хасты исходят из одной точки), но правая хаста — криволинейная, что придает всей букве некоторую закругленность.

Надпись Hispania 5 (ICO Spa 10B) около 180 г. до н. э. также содержит этот знак. В принципе он похож на встречающийся в V в. в надписи на обратной стороне бронзовой пластинки из пещеры Эс-Куйрам: все хасты выходят из одной точки, хотя иногда и не соединяются. Однако в данной надписи точка реального или воображаемого соединения находится сверху, а линии буквы направлены вниз. Хотя в Испании такое написание встречается только здесь, в общем развитии финикийского письма оно находит свое место [283, табл. XVI].

На гадитанском золотом кольце второй половины II в. до н. э. (Hispania 10=ICO Spa 12) шин имеет прямой короткий ствол, как это иногда встречается в буквах того времени [283, табл. XVI, 6]. Головка представлена в виде жирной точки (размером в половину ствола) слева от него. По-видимому, небольшие размеры буквы (не более 1,5 мм высоты) не дали писцу

возможности более тщательно изобразить головку со всеми ее элементами.

Наконец, встречается в Испании и неопуническая форма шина, написанного на дне керамического блюда, найденного на Питиуссе (Hispania 7=ICO Spa Npu 3). Знак этот довольно сложный, хотя и написан, по-видимому, одним росчерком. Кривая линия, идущая снизу вверх направо, в верхней точке изламывается и превращается в прямой ствол, направленный вниз и немного влево; от нижней точки ствола отходит вторая кривая линия, которая, направляясь вверх, доходит приблизительно до середины ствола и отсюда идет прямо вверх налево, пересекая первую кривую. Х. М. Сола-Соле считает, что этот знак нельзя читать иначе, чем шин [332, стр. 277]. Похожее, хотя и не точно такое же, написание можно видеть в неопуническом письме [34, табл. 2].

Мы видим, таким образом, что развитие шина в Испании идет тем же путем, что и в финикийской письменности вообще. Особых отклонений не наблюдается. Можно лишь отметить, что в гадитанской надписи второй половины II в. до н. э. головка буквы, как и в некоторых других случаях (например, у далета), пишется отдельно от ствола и с ним не соединяется. Маленькие размеры ее не позволяют выявить степень оригинальности написания.

Тав. Тав встречается в нескольких испанских надписях, причем во времени эти надписи располагаются более или менее равномерно, так что можно проследить постепенное развитие начертания этой буквы с VIII до II в.

В надписи на бронзе VIII в. (Hispania 14=ICO Spa 16) буква имеет вид прямого «латинского» креста, наклоненного вправо. Длинный ствол в верхней части пересекается под прямым углом поперечной линией так, что эта хваста имеет почти одинаковую длину справа и слева от ствола. Подобное написание характерно и для других надписей того же времени, но в Испании соотношения отдельных элементов знака выдержаны, пожалуй, точнее. Отметим также отсутствие в испанском варианте небольшого излома правого конца поперечной хвасты, какое наблюдается в одном из вариантов тава в надписи из Кара-тепе и которое предвещает более позднее развитие этой буквы [283, стр. 172—173]. Форма нашего тава выглядит поэтому более архаичной.

На гадитанском бронзовом кольце VIII—VII вв. (Hispania 1=ICO Spa 1) ствол, наоборот, довольно круто наклоняется влево и пересекается вновь под прямым углом, но гораздо ближе к середине, хвастой, которая слева несколько длиннее, чем справа. Из-за способа исполнения знак приобретает вид четырехконечной звезды. При этом длина всей поперечной хвасты

не намного меньше длины ствола, что делает букву похожей и на косой крест. Такое крестообразное написание тава встречается и в более древних надписях, как, например, в Норе или у царя Меша [246, табл. XLIV].

Такое же написание в виде косо́го креста мы видим и на керамическом фрагменте из Тосканоса в слое середины VII в. до н. э. [339, стр. 109 и табл. 32]. Здесь обе хасты почти равны, ствол, наклоненный влево, лишь не намного длиннее поперечины, и пересекаются они в верхней части ствола. В надписях, современных этому знаку, такое архаическое написание уже не встречается, хотя оно отмечено в арамейском и еврейском письме, происходящем от финикийского [246, табл. XVI, XLVI].

В надписи V в. до н. э. (Hispania 2=ICO Spa 10A) тав принимает уже совершенно иной вид. Ствол его становится криволинейным, довольно круто наклоняясь вправо в верхней части. Несколько выше середины от него отходит вправо и немного вниз поперечная хаста, не имеющая продолжения слева, а от конца этой хасты под прямым углом еще одна — вниз влево, заканчиваясь намного выше нижнего конца ствола. Такое написание напоминает (хотя и не точно воспроизводит) формы этой буквы в сидонской надписи Эшмуназора середины V в. и Бодастарта — второй половины того же века [283, табл. V, 3 и 5]. Надо сказать, что вообще же в пунических надписях того времени поперечная хаста продолжается и слева от ствола, чего нет в данной форме тава.

Ту же особенность (отсутствие поперечной хасты слева от ствола) мы наблюдаем и в других испано-пунических надписях из Барии и Эбеса. Тав IV в. до н. э. (Hispania 15), как и в предыдущем случае, имеет криволинейный ствол, наклоненный вправо, и от него отходит вправо и вниз поперечная хаста, которая в одном случае переходит закругленно в короткую вертикальную хасту, а в другом — соединяется с ней под тупым углом, причем в первом случае эта вторая хаста идет вниз влево, а во втором — вниз вправо. В несколько, по-видимому, более ранней надписи того же IV или конца V в. (Hispania 3=ICO Spa 3) ствол — прямой и также наклонен вправо. Все хасты этой буквы соединяются под углом, что придает ей в целом резко угловатую форму. Ее написание похоже на латинскую «h». В надписи около 180 г. до н. э. (Hispania 5=ICO Spa 10B) ствол, как правило, прямой, лишь немного искривляется влево в самом низу, и почти вертикальный. В верхней части от него отходит под острым углом вправо и вверх поперечная хаста, от которой, в свою очередь, под острым же углом вниз — еще одна. Все эти формы тава отличаются от обычных пунических и больше напоминают восточнофиникийские, как формальные, так и курсивные [283, табл. VIII—XI].

Во второй половине II в. до н. э. (Hispania 4=ICO Spa 2) мы встречаем еще один вариант этой буквы. Ствол — прямой и наклонен вправо, поперечная хвоста начинается несколько слева от ствола, пересекая его, как это очень часто бывает в пуническом письме. Оригинальность этому знаку придает его поперечная волнообразная хвоста: она идет снизу вверх направо, затем плавно изгибается вниз и слегка вправо и вновь вверх вправо, пересекая соседнюю букву. Эта кривая и длинная линия показывает явное влияние курсива [283, стр. 174].

Еще более оригинально написание тава на золотом кольце из Гадеса также второй половины II в. (Hispania 10=ICO Spa 12). Эта буква — небольшого размера и не выходит за линию строки. Ствол — прямой и слегка наклонен вправо. Поперечная хвоста отходит вправо от самой верхушки ствола, как это обычно в неопунических формах [283, табл. XVII]. Но в отличие от них гадитанская буква сохраняет и третью хвосту, отходящую вниз от конца поперечной и заканчивающуюся на одном уровне со стволом. Общий вид этого знака напоминает разлапистую русскую букву «п». Такое написание в других финикийских памятниках мы не встретили.

В целом почти все формы тава встречаются и в других памятниках финикийской письменности. Однако в Испании можно отметить более долгое сохранение архаических и восточнофиникийских форм. Особо надо указать на оригинальность этого знака в Гадесе во второй половине II в. до н. э., которая отмечалась и в некоторых других буквах, как, например, в алефе или гимеле.

Мы рассмотрели развитие отдельных букв в памятниках испано-финикийской эпиграфики. Все буквы финикийского алфавита в той или иной степени здесь представлены. Одни встречаются довольно часто, другие — редко, а цаде, например, вообще лишь один раз, да и то под вопросом. Такие буквы, как нун или гимель, хотя и сравнительно часто встречаются в Испании, развивались очень незначительно. Эта неравномерность затрудняет рассмотрение эволюции испано-финикийской письменности.

Изучая испано-финикийские надписи, нельзя не отметить, что в них встречаются черты как формального, так и курсивного письма. Взаимодействие курсивных и формальных черт вообще характерно для финикийских памятников, особенно для пунических [283, стр. 221, ср. стр. 40—41, 63, 101, 174]. Такое же взаимодействие мы находим и в Испании. Например, на кампанском сосуде III—II вв. (Hispania 8) бет формальный, а на инталле того же времени (Hispania 12) — курсивный. Даже в одной и той же надписи при написании различных вариантов

Таблица 1. Испано-финикийское письмо

Испано-финикийское письмо	Исторический период / Место	Испано-финикийское письмо	Исторический период / Место	Испано-финикийское письмо	Исторический период / Место	Испано-финикийское письмо	Исторический период / Место	Испано-финикийское письмо	Исторический период / Место	Испано-финикийское письмо	Исторический период / Место	Испано-финикийское письмо	Исторический период / Место		
𐤁	VIII в. до н.э. Hispania 14	𐤂	VIII-VII вв. до н.э. Hispania 1	𐤃	Нач. VII в. до н.э. Hispania 16,17	𐤄	Серед. VII в. до н.э. Toscaños	𐤅	VII в. до н.э. ICO Spa 13	𐤆	V в. до н.э. Hispania 2	𐤇	IV в. (или конец V в.) Hispania 3	𐤈	IV в. до н.э. Hispania 15
𐤉		𐤊		𐤋		𐤌		𐤍		𐤎		𐤏			
𐤐		𐤑		𐤒		𐤓		𐤔		𐤕		𐤖			
𐤗		𐤘		𐤙		𐤚		𐤛		𐤜		𐤝			
𐤞		𐤟		𐤠		𐤡		𐤢		𐤣		𐤤			
𐤥		𐤦		𐤧		𐤨		𐤩		𐤪		𐤫			
𐤬		𐤭		𐤮		𐤯		𐤰		𐤱		𐤲			
𐤳		𐤴		𐤵		𐤶		𐤷		𐤸		𐤹			
𐤺		𐤻		𐤼		𐤽		𐤾		𐤿		𐥀			
𐥁		𐥂		𐥃		𐥄		𐥅		𐥆		𐥇			
𐥈		𐥉		𐥊		𐥋		𐥌		𐥍		𐥎			
𐥏		𐥐		𐥑		𐥒		𐥓		𐥔		𐥕			
𐥖		𐥗		𐥘		𐥙		𐥚		𐥛		𐥜			
𐥝		𐥞		𐥟		𐥠		𐥡		𐥢		𐥣			
𐥤		𐥥		𐥦		𐥧		𐥨		𐥩		𐥪			
𐥫		𐥬		𐥭		𐥮		𐥯		𐥰		𐥱			
𐥲		𐥳		𐥴		𐥵		𐥶		𐥷		𐥸			
𐥹		𐥺		𐥻		𐥼		𐥽		𐥾		𐥿			
𐦀		𐦁		𐦂		𐦃		𐦄		𐦅		𐦆			
𐦇		𐦈		𐦉		𐦊		𐦋		𐦌		𐦍			
𐦎		𐦏		𐦐		𐦑		𐦒		𐦓		𐦔			
𐦕		𐦖		𐦗		𐦘		𐦙		𐦚		𐦛			
𐦜		𐦝		𐦞		𐦟		𐦠		𐦡		𐦢			
𐦣		𐦤		𐦥		𐦦		𐦧		𐦨		𐦩			
𐦪		𐦫		𐦬		𐦭		𐦮		𐦯		𐦰			
𐦱		𐦲		𐦳		𐦴		𐦵		𐦶		𐦷			
𐦸		𐦹		𐦺		𐦻		𐦼		𐦽		𐦾			
𐦿		𐧀		𐧁		𐧂		𐧃		𐧄		𐧅			
𐧆		𐧇		𐧈		𐧉		𐧊		𐧋		𐧌			
𐧍		𐧎		𐧏		𐧐		𐧑		𐧒		𐧓			
𐧔		𐧕		𐧖		𐧗		𐧘		𐧙		𐧚			
𐧛		𐧜		𐧝		𐧞		𐧟		𐧠		𐧡			
𐧢		𐧣		𐧤		𐧥		𐧦		𐧧		𐧨			
𐧩		𐧪		𐧫		𐧬		𐧭		𐧮		𐧯			
𐧰		𐧱		𐧲		𐧳		𐧴		𐧵		𐧶			
𐧷		𐧸		𐧹		𐧺		𐧻		𐧼		𐧽			
𐧾		𐧿		𐨀		𐨁		𐨂		𐨃		𐨄			
𐨅		𐨆		𐨇		𐨈		𐨉		𐨊		𐨋			
𐨌		𐨍		𐨎		𐨏		𐨐		𐨑		𐨒			
𐨓		𐨔		𐨕		𐨖		𐨗		𐨘		𐨙			
𐨚		𐨛		𐨜		𐨝		𐨞		𐨟		𐨠			
𐨡		𐨢		𐨣		𐨤		𐨥		𐨦		𐨧			
𐨨		𐨩		𐨪		𐨫		𐨬		𐨭		𐨮			
𐨯		𐨰		𐨱		𐨲		𐨳		𐨴		𐨵			
𐨶		𐨷		𐨸		𐨹		𐨺		𐨻		𐨼			
𐨽		𐨾		𐨿		𐩀		𐩁		𐩂		𐩃			
𐩄		𐩅		𐩆		𐩇		𐩈		𐩉		𐩊			
𐩋		𐩌		𐩍		𐩎		𐩏		𐩐		𐩑			
𐩒		𐩓		𐩔		𐩕		𐩖		𐩗		𐩘			
𐩙		𐩚		𐩛		𐩜		𐩝		𐩞		𐩟			
𐩠		𐩡		𐩢		𐩣		𐩤		𐩥		𐩦			
𐩧		𐩨		𐩩		𐩪		𐩫		𐩬		𐩭			
𐩮		𐩯		𐩰		𐩱		𐩲		𐩳		𐩴			
𐩵		𐩶		𐩷		𐩸		𐩹		𐩺		𐩻			
𐩼		𐩽		𐩾		𐩿		𐪀		𐪁		𐪂			
𐪃		𐪄		𐪅		𐪆		𐪇		𐪈		𐪉			
𐪊		𐪋		𐪌		𐪍		𐪎		𐪏		𐪐			
𐪑		𐪒		𐪓		𐪔		𐪕		𐪖		𐪗			
𐪘		𐪙		𐪚		𐪛		𐪜		𐪝		𐪞			
𐪟		𐪠		𐪡		𐪢		𐪣		𐪤		𐪥			
𐪦		𐪧		𐪨		𐪩		𐪪		𐪫		𐪬			
𐪭		𐪮		𐪯		𐪰		𐪱		𐪲		𐪳			
𐪴		𐪵		𐪶		𐪷		𐪸		𐪹		𐪺			
𐪻		𐪼		𐪽		𐪾		𐪿		𐫀		𐫁			
𐫂		𐫃		𐫄		𐫅		𐫆		𐫇		𐫈			
𐫉		𐫊		𐫋		𐫌		𐫍		𐫎		𐫏			
𐫐		𐫑		𐫒		𐫓		𐫔		𐫕		𐫖			
𐫗		𐫘		𐫙		𐫚		𐫛		𐫜		𐫝			
𐫞		𐫟		𐫠		𐫡		𐫢		𐫣		𐫤			
𐫥		𐫦		𐫧		𐫨		𐫩		𐫪		𐫫			
𐫬		𐫭		𐫮		𐫯		𐫰		𐫱		𐫲			
𐫳		𐫴		𐫵		𐫶		𐫷		𐫸		𐫹			
𐫺		𐫻		𐫼		𐫽		𐫾		𐫿		𐬀			
𐬁		𐬂		𐬃		𐬄		𐬅		𐬆		𐬇			
𐬈		𐬉		𐬊		𐬋		𐬌		𐬍		𐬎			
𐬏		𐬐		𐬑		𐬒		𐬓		𐬔		𐬕			
𐬖		𐬗		𐬘		𐬙		𐬚		𐬛		𐬜			
𐬝		𐬞		𐬟		𐬠		𐬡		𐬢		𐬣			
𐬤		𐬥		𐬦		𐬧		𐬨		𐬩		𐬪			
𐬫		𐬬		𐬭		𐬮		𐬯		𐬰		𐬱			
𐬲		𐬳		𐬴		𐬵		𐬶		𐬷		𐬸			
𐬹		𐬺		𐬻		𐬼		𐬽		𐬾		𐬿			
𐭀		𐭁		𐭂		𐭃		𐭄		𐭅		𐭆			
𐭇		𐭈		𐭉		𐭊		𐭋		𐭌		𐭍			
𐭎		𐭏		𐭐		𐭑		𐭒		𐭓		𐭔			
𐭕		𐭖		𐭗		𐭘		𐭙		𐭚		𐭛			
𐭜		𐭝		𐭞		𐭟		𐭠		𐭡		𐭢			
𐭣		𐭤		𐭥		𐭦		𐭧		𐭨		𐭩			
𐭪		𐭫		𐭬		𐭭		𐭮		𐭯		𐭰			
𐭱		𐭲		𐭳		𐭴		𐭵		𐭶		𐭷			
𐭸		𐭹		𐭺		𐭻		𐭼		𐭽		𐭾			
𐭿		𐮀		𐮁		𐮂		𐮃		𐮄		𐮅			
𐮆		𐮇		𐮈		𐮉		𐮊		𐮋		𐮌			
𐮍		𐮎		𐮏		𐮐		𐮑		𐮒		𐮓			
𐮔		𐮕		𐮖		𐮗		𐮘		𐮙		𐮚			
𐮛		𐮜		𐮝		𐮞		𐮟		𐮠		𐮡			
𐮢		𐮣		𐮤		𐮥		𐮦		𐮧		𐮨			
𐮩		𐮪		𐮫		𐮬		𐮭		𐮮		𐮯			
𐮰		𐮱		𐮲		𐮳		𐮴		𐮵		𐮶			
𐮷		𐮸		𐮹		𐮺		𐮻		𐮼		𐮽			
𐮾		𐮿		𐯀		𐯁		𐯂		𐯃		𐯄			
𐯅		𐯆		𐯇		𐯈		𐯉		𐯊		𐯋			
𐯌		𐯍		𐯎		𐯏		𐯐		𐯑		𐯒			
𐯓		𐯔		𐯕		𐯖		𐯗		𐯘		𐯙			
𐯚		𐯛		𐯜		𐯝		𐯞		𐯟		𐯠			
𐯡		𐯢		𐯣		𐯤		𐯥		𐯦					

одной буквы писец использует оба способа. Так, в надписи Hispania 2 далет в одном случае формальный, а в другом — курсивный. При сравнении гадитанского (т. е. собственно испано-финикийского) и испано-пунического письма видно, что первое в целом более формально, чем второе. Однако и в нем довольно часто встречаются курсивные элементы, как бет на бронзовом кольце VIII—VII вв. или вав на золотом кольце второй половины II в. Курсивное влияние видно также в дугообразной ножке одного из вариантов ламеда на том же золотом кольце.

Курсивный вав на гадитанском кольце воспроизводит, однако, не современные ему формы курсива, а более старые, встречающиеся на папирусе около 300 г. до н. э. Это подводит нас к вопросу об архаичности некоторых испано-финикийских знаков. Эта архаизация также больше отмечается в Гадесе, чем в Питиуссе или на юго-востоке Пирейского полуострова. Она чувствуется уже в наиболее древних памятниках испано-финикийской письменности. Например, написание тава и в надписи VIII в. до н. э., и на керамическом фрагменте из Тосканоса следующего столетия выглядит древнее, чем в других финикийских документах того же времени. И в надписи второй половины II в. до н. э. (Hispania 10) мем имеет зигзагообразную головку, характерную для гораздо более раннего времени. Очень древний вид имеет бет в этой же надписи. Его квадратная головка без верхней стороны встречается в древнефиникийском письме [246, табл. XLIV], но в более раннее время.

Однако нельзя говорить, что это — черта, отличающая гадитанское письмо от письма карфагенских колоний. Подобные явления отмечаются и в некоторых испано-пунических надписях. Так, более древнюю форму того же мема с подобной зигзагообразной головкой мы видим и на бронзовой пластинке из пещерного святилища Эс-Куйрам на Питиуссе (Hispania 2), правда, более раннего, чем гадитанское кольцо, времени — V в. до н. э. Здесь, как уже говорилось, мы имеем дело с вторичной архаичностью мема, представленной и в других пунических памятниках.

Наряду с архаизмами в испано-финикийском письме встречаются и неопунические формы (в данном случае речь не идет о неопунических надписях). При этом архаические и неопунические знаки смешиваются в одних и тех же документах. Выше отмечалась древность форм некоторых букв на золотом кольце второй половины II в. до н. э. И в этой же надписи мы встречаем неопуническое написание далета, кафа, одного варианта реша; переходный к неопуническому вид имеет и алеф. В более раннее время, в первой половине того же II в., неопунические формы имеют бет, мем, пэ.

Интересно отметить, что в надписи, сделанной карфагенским колонистом на Питиуссе (Hispania 2) в V в. до н. э., в двух случаях встречаются знаки, которые не представлены (по крайней мере в находках до 1967 г.) в эпиграфике Карфагена и его колоний, кроме данного случая, но используются в это же время на Востоке. Речь идет о пэ и таве.

В написании некоторых букв можно заметить оригинальные черты, которые в других памятниках финикийской письменности не засвидетельствованы. Таково, например, начертание алефа в Hispania 14 VIII в. и Hispania 10 второй половины II в. до н. э., кафа — в Hispania 4 также второй половины II в., пуна — в Hispania 1 VIII—VII вв. и другие случаи. Иногда при обычной форме буквы оригинально ее положение, как при написании йода в VII и II вв. до н. э.

Особо встает вопрос о гадитанском письме. Из немногих дошедших до нас памятников этого письма ясно видно своеобразие в написании ряда букв, почти или совсем не находящее аналогий. Если в надписи VIII в. до н. э. (которая, вероятно всего, была выполнена в гадитанском святилище Астарты) необычность алефа, подобного клетке, могла быть результатом описки резчика, то необычно длинные ножки мема и нуна и похожий на скобку бет на кольце VIII—II вв. едва ли были случайностями. Еще большего внимания заслуживают некоторые буквы, вырезанные на кольце второй половины II в. до н. э. Таков алеф со слегка искривленным стволом, к верхушке которого присоединяется единственная хаста головки; совершенно необычный гимель с искривленным стволом и головкой, состоящей из двух расходящихся хаст; реш с головкой в виде дужки, находящейся на некотором расстоянии от ствола; шин, головка которого превращена в жирную точку; тав в виде разлапистой русской буквы «п». Эти формы не имеют аналогий в наличном материале финикийской эпиграфики. Поэтому их необходимо сравнить с монетными легендами, выполненными гадитанскими чеканщиками в III в. до н. э. — I в. н. э. К сожалению, эти легенды содержат меньше букв, чем нужно для сравнения с буквами на кольце. Например, такие буквы, как шин и тав, сравнивать невозможно.

Параллельное рассмотрение знаков на золотом кольце (а также и на инталъе III—II вв., хотя там всего две буквы) и на гадитанских монетах дает интересные результаты. Необычный гадитанский алеф встречается и на монетах [363, табл. IX, 14; 15; 19; LXXIV, 2], но отмечены и другие формы, в том числе и напоминающие те, которые встречались в начале VII в. [363, табл. IX, 12; LXXIV, 1; 5; 6]. При этом интересующая нас форма алефа попадает как на доримских вещах, так и на чеканке римского времени, хотя и реже. Монетный бет с его закруг-

Таблица 2. Гадитанские надписи

	VIII в. <i>Hispania 14</i>	VIII-VII в. <i>Hispania 1</i>	III-II в. <i>ICO Spas</i>	втор. пол. II в. <i>Hispania 10</i>	III в. до н.э. - I в. н.э. монеты
> алеф	𐤀 𐤁 𐤂	𐤀 𐤁		𐤀	𐤀 𐤁 𐤂 𐤃 𐤄 𐤅
в бет	𐤆 𐤇 𐤈 𐤉	𐤆	𐤆	𐤆	𐤆
g гимель				𐤇	𐤇 𐤈 𐤉 𐤊 𐤋
d далет	𐤌 𐤍 𐤎 𐤏			𐤌	𐤌 𐤍 𐤎 𐤏 𐤐 𐤑
h хэ					𐤒 𐤓 𐤔
w ваф	𐤕			𐤕	
z заин	𐤖			𐤖 𐤗	
h хет	𐤘				
t тет					
j иод	𐤙				
k каф	𐤚 𐤛			𐤛	

	VII в. Hispania 14	VIII - VII в. Hispania 1	IX - II в. ICO Spas 6	6 тор. пол. II в. Hispania 10	III в. до н.э. - I в. н.э. МОНЕТЫ
e лamed	6 6 6	6 6		6 7 6	2 4 5 5 5 6 6 6 6 6
m mem	u y u u	u	u	u	u u u u u u u u u u
n nun	4 4	4		4	
s samex					
c cun	. u u o o c o	o		o	o o
p pe	7				7 7 7 7
q qade					
r roph	u p				
z resh	4 4 4	4		4 4	4 4 7 4 9 7 7 9
y ysh	u u u			u	
t tav	x x x	x		x	

ленной формой не имеет почти ничего общего с буквой кольца, но его длинная ножка, кончающаяся левее головки [363, табл. LXXIV, 3], напоминает ножку этой буквы на кольце VIII—VII вв. и буквы на инталле III—II вв. Можно найти аналогии далету, ламеду, мему. На монетах, как и на кольце, встречается зигзагообразная головка мема. Один из вариантов реша с головкой в виде одной толстой черты (но не тот, который мы отмечали как совершенно необычный) похож также на некоторые формы этой буквы в легендах гадитанских монет [363, таб. IX, 15; LXXIV, 6]. Поэтому можно уверенно говорить, что такие формы букв были распространены в Гадесе: они не встречаются в эпиграфических памятниках, но соответствуют местным вариантам их написания в этом городе.

Зато другие формы не находят никаких аналогий ни в финикийской эпиграфике вообще, ни в гадитанских монетных легендах. Таковы случаи, когда головки далета, реша и шина пишутся отдельно от ствола. Впрочем, такое написание могло быть следствием стремления писца яснее изобразить букву в небольшом заданном пространстве. Иначе обстоит дело с гимелем. Никакие ограничения места не могли помешать резчику выполнить эту букву в виде угла (равностороннего или нет). Именно такой обычный вид (иногда с закругленной или ломаной хвостой) имеет гимель на монетах [363, табл. IX—X, LXXIV, LXXIX], не похожий на знак на золотом кольце. Поскольку материала еще очень мало, нельзя сказать, что перед нами: местный ли вариант написания этой буквы, или особенности почерка резчика? Учитывая, что аналогии еще могут быть найдены, высказывать какие-либо гипотезы сейчас преждевременно. Рало говорить что-либо также о шине и таве, но уже по другой причине: полностью отсутствует материал для сравнения.

Итак, гадитанское письмо в целом по сравнению с испано-пуническим кажется более архаичным и формальным.

Подводя итог рассмотрению испано-финикийской письменности, надо прежде всего отметить, что надписей пока слишком мало для непреложных выводов. И все же можно сказать, что оригинальность отдельных букв еще не свидетельствует об оригинальности всего алфавита. Американский исследователь Д. Б. Пекхем на основании внимательного изучения отдельных вариантов финикийского письма VIII—I вв. сделал вывод, что, чем больше накапливается материала, тем яснее становится интегральный характер финикийской письменности, что можно говорить о локальных особенностях отдельных букв, но не целых письменностей [275, стр. 225]. Как представляется, изучение испанских вариантов финикийского алфавита подтвер-

ждает этот вывод⁴. Памятники испано-финикийской эпиграфики говорят о том, что, за немногими исключениями, буквы, здесь встречающиеся, соответствуют вариантам, отмеченным в пуническом письме. Характерно все же некоторое различие между этими памятниками и письменными документами Гаде-са. Хотя это различие и нельзя преувеличивать, оно и в этой области культуры отражает отличия, отмеченные и в религии, и в искусстве.

В заключение обзора испано-финикийской письменности надо коснуться и вопроса о возможном ее влиянии на письменность тартессийскую. Эта проблема почти столь же стара, сколь и изучение самой тартессийской письменности⁵. Разумеется, письмо возникает у каждого народа в результате его собственных нужд и усилий. Другое дело — конкретные формы знаков, которые могут быть заимствованы (хотя затем и преобразованы) у других народов. И тот факт, что все или почти все алфавитные системы современности в конечном итоге восходят к финикийскому письму, — наилучшее доказательство таких заимствований. То же самое могло иметь место и у тартессиев.

Прежде чем говорить о тартессийской письменности, надо заметить, что в современной научной литературе нет общепринятого ее наименования, а обозначение «тартессийская» прилагается к двум по крайней мере письменным системам Южной Испании. А. Товар считает тартессийскими надписи из Южной Лузитании, к которым присоединяется находка, сделанная в средней долине Бетиса, и письмо этих надписей, по его мнению, надо резко отделить от того, которое нам известно по монетным легендам и другим памятникам более позднего времени Южной и Юго-Восточной Испании; последнее саламанкский исследователь предпочитает называть южным или южноберийским [353, стр. 295—296; 354, стр. 5—6, 10]. Наоборот, У. Шмоль, следуя за М. Гомесом Морено, именно последнее письмо называет тартессийским, а первое именует южнолузитанским [315, стр. 3—4]⁶. Нам кажется более правильной точка зрения А. Товара. Находимые на юго-западе надписи более или менее современны Тартессийской державе — они не позже VI в. до н. э. [253, стр. 292—296], в то время как южноберийские относятся к более позднему времени (по крайней мере те, что известны в настоящее время). Центр тартессийской цивилиза-

⁴ Отметим, что Д. Б. Пекхем почти не использовал испанский материал, за исключением двух надписей из пещерного святилища Эс-Куйрам.

⁵ Очень хороший историографический обзор этой проблемы, данный В. И. Козловской [18, стр. 138—151], избавляет нас от необходимости делать это.

⁶ Турдетанским (а турдетаны — потомки тартессиев) Х. Ензен называет ливофиникийское письмо [226, стр. 145—148].

Таблица 3. Таргессийское письмо (по А. Товару)

Финикийские	MLI LXII	MLI LXIII	MLI LXIV	MLI LXIX	MLI LXXI	MLI LXXII	MLI LXXIV	Schulten I	Leite APV	Leite APXXIII a	Leite APXXIII b	Leite APXXIII c	AEA XXVI a	AEA XXVI b	Alcala del Rio MLI LXI
𐤀	𐤀	𐤀	𐤀	𐤀	𐤀	𐤀	𐤀	𐤀	𐤀	𐤀	𐤀	𐤀	𐤀	𐤀	𐤀
𐤁							εI?								
𐤂					𐤂			𐤂			𐤂	𐤂			𐤂
𐤃							𐤃				𐤃	𐤃			𐤃
𐤄	𐤄				𐤄		𐤄	𐤄		𐤄	𐤄	𐤄	𐤄	𐤄	𐤄
𐤅				𐤅	𐤅	𐤅									
𐤆			𐤆	𐤆	𐤆	𐤆		𐤆					𐤆	𐤆	𐤆
𐤇				𐤇			𐤇								𐤇
𐤈	𐤈	𐤈	𐤈	𐤈	𐤈	𐤈	𐤈	𐤈	𐤈	𐤈	𐤈	𐤈	𐤈	𐤈	𐤈
𐤉	𐤉	𐤉	𐤉	𐤉	𐤉	𐤉	𐤉	𐤉	𐤉	𐤉	𐤉	𐤉	𐤉	𐤉	𐤉
𐤊	𐤊	𐤊	𐤊	𐤊	𐤊	𐤊	𐤊	𐤊	𐤊	𐤊	𐤊	𐤊	𐤊	𐤊	𐤊
𐤋	𐤋	𐤋	𐤋	𐤋	𐤋	𐤋	𐤋	𐤋	𐤋	𐤋	𐤋	𐤋	𐤋	𐤋	𐤋
𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌	𐤌
𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍	𐤍
𐤎	𐤎	𐤎	𐤎	𐤎	𐤎	𐤎	𐤎	𐤎	𐤎	𐤎	𐤎	𐤎	𐤎	𐤎	𐤎
𐤏	𐤏	𐤏	𐤏	𐤏	𐤏	𐤏	𐤏	𐤏	𐤏	𐤏	𐤏	𐤏	𐤏	𐤏	𐤏
𐤐		𐤐				𐤐	𐤐								𐤐
𐤑	𐤑			𐤑		𐤑		𐤑							𐤑

Финикийские	MLI LXII	MLI LXIII	MLI LXIV	MLI LXIX	MLI LXXI	MLI LXXII	MLI LXXIV	Schulter I	Leite APV	Leite APXXIII a	Leite APXXIII b	Leite APXXIII c	AEA XXVI a	AEA XXVI b	Alcala del Rio MLLXI
φ							⊗	⊗							
q q	4		q	q	q	p(q q	q q	q	q	q	q	q	4	p
w.v	}			⚡		s		⚡							
+ †							т								x
	‡ ‡ ‡					⌈				≠	≠				≠
	A						∧	A							
			*												
					γγ				κ		κ				
						~									
								≡							
								φ						φ	
								o							
								γ							
			⊗	⊗										⊗	⊗
														↑	↑
								□							
											□				
															oo

ции находился именно на юго-западе Пиренейского полуострова, а немногочисленность надписей в долине Бетиса может объясняться случайностями находок: обнаружение одного такого памятника в этом районе внушает надежду и на другие подобные находки.

Тартессийские надписи — надгробные. Они выполнены на каменных плитах, имеют в целом левостороннее направление (хотя иногда встречается и правостороннее) и завиваются в виде спирали начиная с края плиты, так что конец приходится на внутреннюю часть камня [315, стр. 6, 41]. В этих надписях встречается 25 знаков с их различными локальными вариантами [315, стр. 15]⁷. Это говорит, конечно, о том, что тартессийская письменность в своей основе была алфавитной, но, как полагает А. Товар, со спорадическими остатками силлабизма [353, стр. 295]. Мы не можем сейчас ставить вопрос о звуковом значении этих знаков. В соответствии с целью работы мы ограничиваемся установлением возможных связей тартессийских знаков и финикийских букв.

Наша задача облегчается наличием таблицы, составленной А. Товаром, в которой тартессийские графемы располагаются в порядке финикийского алфавита [354, табл. 1]. Сходство многих знаков поразительно. Это особенно видно в таких буквах (финикийских), как гимель, вав, аин, тав и др. В иных случаях можно уверенно говорить о связях с такими финикийскими буквами, как хет, зайн, йод, алеф, шин. Если сравнивать тартессийские графемы с испано-финикийскими буквами, то видна связь именно с более древними формами, как в случае с вавом или хетом. Отметим написание аина и близкого к нему знака у тартессиев. И в финикийских, и в тартессийских надписях кружок этой буквы занимает только половину и редко — две трети поля, отведенного для его написания [315, стр. 7]. Все это говорит о наличии связи между тартессийским и финикийским письмом.

Возможно, не все знаки тартессийского письма имели то же значение, что и подобные им в финикийском. В первой системе могли быть специальные обозначения для гласных звуков и для некоторых слогов, т. е. то, чего не было у финикийцев первой половины I тысячелетия до н. э. Некоторые гласные буквы и силлабемы тартессии могли заимствовать у финикийцев, изменив смысл заимствованных знаков, как это сделали, например, греки, использовавшие некоторые финикийские согласные для обозначения своих гласных. Преобразование финикийских букв у тартессиев, по-видимому, было иным, чем у греков [315, стр. 20—21], и поэтому значение тартессийских графем могло

⁷ В таблице А. Товара [354, табл. 1] более 30 знаков.

не совпадать с финикийскими и греческими, несмотря на схожесть форм. В какой степени такое совпадение или несовпадение имело место, можно будет говорить только после бесспорной расшифровки тартессийского письма. Отмеченная исследователями близость форм тартессийских письменных знаков с формами, встречающимися в Малой Азии, в частности у карийцев [32, стр. 26, прим. 30], может объясняться их общим происхождением (в конечном счете) из финикийского алфавита⁸. Предполагаемое время возникновения тартессийской письменности — IX—VIII вв. (18, стр. 149)— также делает возможным заимствование именно финикийских форм.

Что касается южноiberийского письма, то оно было смешанным, алфавитно-силлабическим, и в этом отношении сделало шаг назад по сравнению с тартессийским [354, стр. 5—6, 13]. Возможно, это связано с гибелью Тартессийской державы; поэтому и связь этого письма с финикийским явно менее тесная, чем тартессийского. И все же связь также чувствуется как в форме некоторых знаков (например, хет, аин, пэ, реш), так и в левосторонней направленности надписей [226, стр. 272 и рис. 248].

Таким образом, и в письменности, как и в других областях культуры, испанские финикийцы оказали значительное влияние на своих соседей.

У самих же тирских и карфагенских колонистов собственная письменность продолжала существовать еще долгое время даже после римского завоевания. Исчезновение финикийских букв на монетах совпадает с прекращением местной чеканки. Это произошло уже в I в. н. э. Правда, собственно эпиграфических памятников столь поздней эпохи мы уже не находим, но это может объясняться и случайностью. Тот факт, что и под властью Рима отмечался культ финикийских божеств, особенно Мелькарта-Геркулеса, позволяет надеяться на находки, например, посвященных надписей. Однако уже в I в. до н. э. даже в Гадесе начинают появляться греческие, и главным образом латинские, надписи. Последних в испано-финикийских городах найдено довольно много. Среди них надо отметить такой важный памятник, как муниципальный закон Малаги времени Веспасиана. Большинство надписей — надгробные. Они составлены по обычным римским образцам и отражают далеко зашедшую романизацию этих городов. Изучение процесса романизации составит цель следующей главы.

⁸ Непосредственная связь Тартессиды с Карией представляется чрезвычайно проблематичной.

В предыдущих главах была рассмотрена история, повседневная жизнь, религия, искусство и письменность испанских финикийцев в эпоху, предшествующую римскому завоеванию. Теперь мы расскажем о судьбе испано-финикийской цивилизации под властью Рима.

В 218 г. до н. э. началась Вторая пуническая война, военные действия развернулись и на Пиренейском полуострове. Когда же исход войны в Испании стал ясен, Гадес, который издавна был соперником Карфагена, предпочел договориться с Римом. В то время как в 206 г. до н. э. римские войска опустошали долину Бетиса, из Гадеса к римлянам прибыли перебежчики, обещая выдать город и карфагенский гарнизон (Liv. XXVIII, 23, 6). Заговор был раскрыт, заговорщики отправлены в Карфаген, и попытка римлян захватить с их помощью город не удалась (Liv. XXVIII, 30, 4; 31). Однако стоило карфагенскому полководцу Магону выйти из Гадеса, как вернуться туда он уже не смог: горожане его не впустили, и ему пришлось остановиться неподалеку, в Цимбиях. А после его ухода из окрестностей Гадеса гадитане сдались римлянам (Liv. XXVIII, 37).

Сдача Гадеса не означала его превращения в податной город. Известно, что в I в. до н. э. гадитане были «союзным народом», как отмечает Цицерон в речи (56 г. до н. э.) в защиту гадитанина Бальба (pro Balbo VIII, 19), и таковым считали себя сами жители города, ибо оратор приписывает эти слова гадитанину, обвиняющему Бальба. В это время существовал официальный договор между Римом и Гадесом. Однако этот договор был заключен только в консульство Марка Лепида и Квинта Катула, т. е. в 78 г. до н. э. Каким же образом регулировались отношения между Гадесом и Римом до 78 г., предшествовал ли этому договору другой, как обычно считается [23, стр. 331—332; 170, стр. 17; 217, стлб. 455; 351, стр. 100]?

О договоре, заключенном гадитанами с римским командиром Марцием, действовавшим по поручению Сципиона в долине Бетиса, упоминает только Цицерон (pro Balbo XV, 34; XVII, 39). Однако его указания очень неопределенны. Прежде всего, оратор не хочет решительно утверждать факт существования этого договора и, говоря о нем, предпочитает скрыться за безличным «говорят»: говорят, что Люций Марций с гадитанами заключил договор (XV, 34). Сообщая же о договоре, заключенном в консуль-

ство Лепида и Катула, он не уверен, был ли тогда договор заключен или возобновлен. Цицерон явно неверно указывает время появления первого договора: он относит его к тому периоду, когда во главе римской армии в Испании временно встал Марций (там же), т. е. к 212—211 гг. до н. э. Однако именно тогда карфагеняне достигли успехов и римляне с трудом удерживались на северо-востоке Пиренейского полуострова. Если договор и был заключен, то только в 206 г., когда гадитанские перебежчики прибыли в римский лагерь. Командующий римлянами Сципион тогда болел, так что переговоры и вел, по-видимому, Марций. Надо отметить, что, по словам того же Цицерона, сенат вынес свое суждение о договоре с Гадесом только в 78 г. до н. э. (там же); следовательно, если Марцийев договор и существовал, сенат его не утверждал.

Обратимся теперь к единственному источнику, более или менее подробно рассказывающему о событиях, связанных с включением Гадеса в состав Римской республики: Титу Ливию. Выше уже говорилось об обстоятельствах присоединения Гадеса к Риму. Сейчас надо добавить, что при переговорах Марция с гадитанскими посланцами стороны обменялись заверениями в верности: *fide accepta dataque* (XXVIII, 23, 8). В 199 г. до н. э. гадитане отправили посольство в Рим, прося сенат, чтобы «в Гадес префект не посылался, вопреки тому, что было согласовано с Люцием Марцием Септимом, когда они (гадитане) отдались под покровительство римского народа» (XXXII, 2, 5). Таким образом, здесь говорится лишь о том, что с Марцием было согласовано (*convenisset*), что гадитане перешли под покровительство, но не упоминается о договоре. В периодике XXVIII книги отмечается заключение с Гадесом *amicitia*, причем упоминается это наряду с таким же актом по отношению к нумидийскому царю Масиниссе. С последним же, судя по тексту книги, никакого официального договора заключено не было, а в результате личных переговоров Сципиона и царя были обусловлены взаимные услуги, что опять же сопровождалось заверениями в верности (XXVIII, 35). Здесь Ливий употребил точно то же выражение, что и в рассказе о переговорах Марция с гадитанами: *fide accepta dataque* (XXVIII, 35, 12). О заключении Сципионом с Масиниссой дружбы, а не официального договора говорит и Саллюстий (*Iug.* 5, 4—5).

Заметим также, что и Аппиан не упоминает ни о каком договоре с Гадесом, ограничиваясь простой заметкой, что римляне заняли этот город (*Hispr.* 37).

Из всего сказанного надо сделать вывод, что в 206 г. до н. э. официальный договор между римским правительством и гадитанами не был заключен и дело ограничилось соглашением о «дружбе» между римским командиром и жителями Гадеса,

причем это соглашение не было ратифицировано сенатом. *Amicitia* была одним из типов договорных отношений между Римом и «союзниками», причем, как отмечает С. Л. Утченко, типом, наиболее общим и наименее обусловленным [27, стр. 205]¹.

Возникает вопрос: почему же гадитане в 199 г. просили сенат не посылать к ним префекта? Была ли посылка префекта обусловлена соглашением с Марцием, или же римляне, нарушив договоренность, решили взять под более жесткий контроль древний финикийский город? Ливий пишет: «*Gaditanis item petentibus remissum, ne praefectus Gadis mitteretur adversus id quod iis in fidem populi Romani venientibus cum L. Marcio Septimo convenisset*». С точки зрения грамматики эта фраза допускает два варианта перевода. Первый вариант: «По просьбе гадитан была сделана уступка, чтобы в Гадес не посылался префект, хотя это было согласовано с Марцием при переходе их под покровительство римского народа». И второй: «Была уважена просьба гадитан о том, чтобы в Гадес не посылался префект, так как эта посылка была против договоренности с Марцием». Косвенные доводы — упоминание о заключении «дружбы» и общая историческая обстановка 206 г. — позволяют говорить о предпочтительности второго варианта [23, стр. 331—332]. К этому надо добавить, что и в составе Карфагенской державы, как об этом говорилось в первой главе, Гадес формально считался равноправным со столицей. Вероятнее всего, и при переговорах с римским командиром гадитанские посланцы стремились обеспечить своему городу такое же положение. По-видимому, для гадитан смысл соглашения с Марцием заключался в смене протектора при сохранении, в сущности, неизменным положения самого Гадеса.

С тех пор в течение 128 лет этот город находился на положении общины, связанной с Римом «дружбой». В 78 г. до н. э. был оформлен официальный договор (*foedus*). Инициатива его заключения исходила, вероятно, от Рима, судя по тому, что Цицерон, перечисляя причины, по которым римляне относятся к Гадесу с уважением, отмечает и авторитет консула Катугла (*pro Balbo XV, 35*). Это было время, когда в Испании вспыхнуло восстание Сертория, первые попытки подавить его оказались неудачными, к тому же в этом году умер Сулла. В такой нестабильной обстановке римскому правительству было важно не допустить отпадения богатого и удачно расположенного города. И вот на смену зыбкой «дружбе» приходит более определенный «союз». Цицерон (*pro Balbo XVI, 35*) сообщает условия этого договора: священный и вечный мир и сохранение величия римс-

180 ¹ О типах договорных отношений между Римом и «союзниками» см.: [27, стр. 205—206, 209—210; 255, стр. 44—46, 347—348].

кого народа; специально оговаривается, что ничего иного в договоре не содержалось. Договор 78 г. был утвержден сенатом и ратифицирован народным собранием (*pro Balbo XV*, 34—35; *XVI*, 35). В данном случае надо полностью верить оратору, ибо эти события происходили всего за 22 года до произнесения речи, так что и сам говорящий, и его слушатели могли все это хорошо помнить.

Перед нами несомненно неравный договор, причем это неравенство как раз и выражается вежливой формулой *maiestatem populi Romani comiter conservanto* [255, стр. 346—347]. Цицерон (*pro Balbo XVI*, 36), опровергая более благоприятное толкование, которое давал тексту гадитанин, решительно утверждает превосходство Рима: наличие в тексте слова *conservanto*, употребляемого, скорее, в законе, чем в договоре, говорит о том, что Рим не просит, а повелевает «сохранить его величие»; слово *comiter* надо понимать как «любезно», а не «сообща», ибо римский народ не нуждается в гадитанах для сохранения своего величия.

При всем высокомерном утверждении римского превосходства условия договора все же как-то связывали римлян. Сам же Цицерон несколько ранее (*pro Balbo XV*, 34—35) говорил, что Марциев договор, не будучи утвержденным народом, ничем народ и не связывал, в отличие от договора Катугла. Последнее обстоятельство было, видимо, выгодно и гадитанам, так как они предпочитали легализовать свое положение в Римской республике, признав главенство Рима, нежели чувствовать себя отданными на произвол, не ограниченный никакими утвержденными договорами.

С государственно-правовой точки зрения события 78 г. до н. э. означали переход к новому типу договорных отношений: от «дружбы» — к «союзу». Гадес превращался в полном смысле в «союзную общину».

Об автономии Гадеса свидетельствует и продолжение чеканки прежней не только бронзовой, но и серебряной монеты с изображением головы Геркулеса-Мелькарта. Монета продолжала выпускаться по греко-пунической системе, принятой еще до римского завоевания [363, т. I, стр. 51—54].

Разумеется, автономия не спасала полностью Гадес от вмешательства римских наместников Дальней Испании. Так, Цезарь, будучи пропретором этой провинции в 61—60 гг. до н. э., запретил, по словам Цицерона (*pro Balbo XIX*, 43), исполнение в Гадесе старинных «варварских» обрядов. А в 49 г. до н. э. Варрон перенес из гадитанского Гераклеяона в город все деньги и украшения, отобрал у всех граждан оружие и ввел в Гадес шесть провинциальных когорт под командованием Гая Галлония (*Caes. bel. civ. II*, 20). Это только те случаи, о которых мы

знаем, и можно думать, что имели место и другие подобные действия римских магистратов и промагистратов.

О положении других испано-финикийских городов сведений гораздо меньше. О Малаге Плиний (III, 8) упоминает как о «городе федератов». Следовательно, во времена составления карты Агриппы, на которого ссылается Плиний (там же), т. е. в правление Августа, Малага была «союзной общиной». Найденные сравнительно недавно серебряные монеты Секси III—II вв. свидетельствуют о том, что здесь, как и в Гадесе, продолжалась старая чеканка по греко-пуническому образцу [153, стр. 322]. Следовательно, и Секси сохранял свое самоуправление, возможно обеспеченное договором или соглашением о «дружбе».

В то же время известно, что именно эти два финикийских города приняли участие в антиримском восстании в Южной Испании под руководством турдетанских предводителей Кулхаса и Луксиния, как об этом сообщает Ливий (XXXIII, 21, 6). Можно предположить такой ход событий: эти финикийские города, как и Гадес, подчинились римлянам, став «союзниками» римского народа, перейдя под его покровительство. Если не существовало определенного договора между Римом и Гадесом, то можно думать, что и в отношении Малаги и Секси римляне ограничились соглашением о «дружбе». Однако, укрепившись в Испании (или, точнее, считая, что они укрепились), римляне, пользуясь неопределенностью взаимных обязательств, вмешались во внутренние дела городов, послав, возможно, туда префектов, как это пытались сделать и в Гадесе. Гадитанам, как мы видели, удалось добиться от сената отказа от посылки римского чиновника. Малацитанам же и секситапам это, видимо, не удалось, и они примкнули к восстанию турдетан. Вероятно, в ходе военных действий римляне сочли выгодным пойти на уступки финикийцам и восстановили автономное положение Малаги и Секси как «союзных общин». Такая гипотеза, на наш взгляд, может объяснить как присоединение этих городов к восстанию, так и сохранение ими в дальнейшем положения «союзников»².

Нет никаких сведений о правовом положении Абдеры в составе Римской державы. Плиний (III, 8) просто упоминает об этом городе, не уточняя его статуса. Ничего не дают и упоминания других авторов, в том числе и Страбона (III, 4, 3; 6), говорящего лишь о его финикийском происхождении. До наших дней дошли абдеритские монеты с финикийскими надписями, однако это мелкие медные деньги, подобные тем, которые чеканились во многих городах Испании [363, т. III, стр. 16—17], и на их основании нельзя делать вывод о статусе Абдеры. Конеч-

2 Предположение, что Малага и Секси были «союзниками», высказано А. В. Мишулиным [23, стр. 335], но без всяких доказательств.

по, можно думать, что положение этого города едва ли отличалось от положения других испано-финикийских городов, но такое предположение ни на чем не основано.

Рассказывая о военных событиях на Пиренейском полуострове, античные авторы почти ничего не говорят о штурмах испано-финикийских городов. Учитывая подробный характер этих рассказов, надо думать, что, если бы подобные военные операции предпринимались, писатели не преминули бы о них рассказать. Поэтому можно полагать, что римляне подчинили финикийские города Южной и частично Юго-Восточной Испании мирным путем. Это, по-видимому, сказалось и на положении этих городов в составе Римской республики. Единственное исключение — взятие приступом Нового Карфагена, столицы державы Баркидов.

Каким же было положение Нового Карфагена в составе Римского государства? Полибий (X, 17, 7) и Ливий (XXIV, 47, 1), умалчивая об этом, говорят только, что Сципион после взятия города был милостив к гражданам, вернул им имущество и призвал их быть благосклонными к римлянам. В последующие годы Новый Карфаген был главной квартирой римской армии и исходным пунктом Сципионовых походов в Испании [219, стлб. 1621]. Римляне, разумеется, должны были подчинить себе свою опорную базу. Это априорное предположение подтверждают и косвенные данные источников. Цицерон говорит, что около Нового Карфагена имелись римские земли, завоеванные доблестью обоих Сципионов (*de leg. agr.* I, 5; II, 51). Страбон со ссылкой на Полибия сообщает (III, 2, 10) о серебряных рудниках в окрестностях этого города, принадлежащих римскому народу, т. е. бывших общественной собственностью³. В период Римской республики до того, как стать колонией, город именуется *oppidum* (а не *civitas foederata*, например) и находится под управлением кваттоурвиров (CIL II, 3408); следовательно, нет и речи о сохранении местного права. Все это — отнятие земель и рудников, наименование города, существование должностных лиц по римскому образцу — наряду с априорными гипотезами позволяет считать Новый Карфаген, по-видимому, податным городом. В этом городе жили римские солдаты, судя по находкам легионного орла и других воинских знаков [361, стр. 79]. Финикийское же население должно было довольно быстро исчезнуть или романизироваться, ибо в римское время здесь почти нет следов финикийской цивилизации.

Основанная Гамилькаром Акра-Левка ненадолго пережила падение Баркидов: некрополь этого города, раскопанный в

³ Позже многие рудники, особенно свинцовые, перешли в пользование отдельных римских граждан или компаний публиканов, судя по находкам слитков с надписями [132, стр. 41—68].

Альбуферете, показывает, что город был покинут, самое позднее, в начале II в. до н. э. [180, стр. 449]. Поселение в Барни существовало и в римское время, как об этом свидетельствуют находки римской керамики на акрополе этого города [50, стр. 12—13, 39, 186—187]. На греческом сосуде, обнаруженном здесь же, найден неопунический алеф, а на ручке амфоры — финикийская марка (буква «хет»), которая часто встречается в Карфагене [332, стр. 289—290]. Последнее обстоятельство заставляет предполагать, что речь идет все же не о сохранении именно пунического населения, а о торговых связях римской Барни с Карфагеном.

Эбес, будучи карфагенской колонией, конечно, принимал участие в войне с римлянами. Расположенный на «островном мосту», связывающем Пиренейский полуостров с Италией, он должен был привлечь внимание римлян. Недаром уже в 217 г. до н. э., т. е. на второй год войны, они пытались, как рассказывает Ливий (XXIII, 20, 7—9), им овладеть, но были вынуждены ограничиться только разорением окрестностей. Больше об активной роли Эбеса в военных действиях ничего не известно, но это могло объясняться тем, что римляне в тот период, а за ними и греко-римские историки не отличали эбеситан от собственно карфагенян и поэтому специально не упоминали [251, стр. 132]. В конце же войны жители Эбеса в отличие от гадитан не предали карфагенян. По словам Ливия (XXVIII, 37, 4), Магон, отплыв из Гадеса, остановился на некоторое время на Питиуссе и получил там не только провиант, но и пополнение — корабли, оружие и юношей, вероятно как экипаж этих кораблей. В таких условиях римляне, овладев Испанией, должны были либо вообще изгнать карфагенян с острова, либо полностью подчинить город. Однако Плиний (III, 76) сообщает, что Эбес был «союзной общиной». Конец III в. до н. э. не принес изменений в эбеситанской чеканке: монеты продолжали выпускаться по прежней системе с сохранением финикийских легенд. Система изменяется и становится римской только во времена Августа, и при этом все же сохраняется и финикийская надпись, и прежнее изображение кабира с змеей [363, т. I, стр. 60—62; т. III, стр. 17]. Эти данные позволяют говорить, что Эбес вошел в состав Римской республики как «союзный» город [251, стр. 136]. По-видимому, Рим в то время, в конце Второй пунической войны, не располагал достаточным флотом для полного захвата Эбеса и предпочитал с ним договориться. Однако никаких условий этой договоренности и их возможных изменений мы не знаем.

Итак, бывшие тирские колонии (учитывая все возможные сомнения и оговорки в отношении Абдеры) и Эбес стали «союзными общинами», они не были включены в состав провинций

Дальняя или Ближняя Испания, сохраняли свою автономию, свое право, чеканку своей монеты. Отстояв свое самоуправление от первых посягательств римских наместников (Гадес при помощи петиции, а Малага и Секси в результате восстания), эти города продолжали жить по-прежнему. Из речи Цицерона в защиту Бальба (XVI, 32) известно, что и в 50-е годы I в. до н. э. Гадес управлялся в соответствии с финикийским правом, т. е. сохранял тот же политический строй, о котором говорилось во второй главе. Страбон (III, 4, 2) подчеркивает, что Малага сохраняет свой финикийский вид. Эти сведения географ почерпнул, видимо, у Посейдония, Артемидора или Асклепиада Мирлейского [180а, стр. 600—604; 262, стр. 49—52], следовательно, они относятся к концу II — началу I в. до н. э. На монетах, которые чеканят испано-финикийские города вплоть до конца Республики и времени Августа и его ближайших преемников, наличествуют финикийские легенды, что свидетельствует о сохранении в этих городах финикийского языка. При этом в Секси, Абдере и Эбесе встречаются и финикийские, и латинские надписи, а в Малаге — только финикийские [363, т. I, стр. 60—62, т. III, стр. 14, 16—20, 27—32, т. IV, стр. 12—14]. В Гадесе, как и в Малаге, после принятия римской системы монеты по-прежнему надписаны по-финикийски, и финикийские легенды исчезают только с прекращением местной чеканки в середине I в. н. э. [206, стр. 85; 362, стр. 293; 363, т. III, стр. 8—9]. Правда, во времена Августа появляются латинские надписи на тех монетах, где наряду с обычным изображением Геркулеса-Мелькарта имеются также портреты Августа, Агриппы, Гая и Люция Цезарей и Тиберия [206, стр. 55—89; 362, стр. 293]. Однако, по мнению А. М. Гуадана, они не были деньгами в собственном смысле слова, а лишь памятными медалями, и продолжительность их выпуска была очень небольшой — с 8 г. до н. э. до 4 г. н. э. [206, стр. 56, 74].

В финикийских городах в значительной степени сохранились старинные культы и обряды. Во всем римском мире славился гадитанский Гераклеийон, храм Геркулеса-Мелькарта. Апогей его славы в античном обществе относится к I в. до н. э. [101, стр. 646], но существовал он вплоть до конца язычества. Этот храм посещали Полибий, Посейдоний, Цезарь, Аполлоний Тианский и другие известные римляне и греки [188, стр. 150—151]. Интересно, что все время культ в этом храме отправлялся по финикийскому обряду, и даже тогда, когда все посетители святилища и, вероятно, гадитане, предпочитали именовать бога уже не Мелькартом, а Геркулесом или Гераклом (App. Hisp. 2; Diod. V, 20, 2; Sil. It. III, 21—24; Arrian. Alex. II, 16, 4). Культ этого божества существовал в римское время также в Абдере и Секси [188, стр. 135].

Засвидетельствованы, главным образом монетами, и другие финикийские культы, продолжавшие бытовать в городах Испании в римское время. Так, на монетах Малаги встречается лицо бородатого или безбородого человека и клещи в качестве его атрибута. Это несомненно финикийский Хусор, позже отождествленный с римским Вулканом [192, стр. 10]. На монетах Секси и Гадеса можно увидеть голову или полную фигуру воинственной богини, которая, вероятнее всего, была Астартой [192, стр. 13]. Латинские надписи с упоминанием рабынь Венеры [228, № 30, 34 и стр. 303] свидетельствуют о сохранении святылища Астарты в Гадесе и в римское время. Ко II в. до н. э. относится и единственное свидетельство о почитании в этом городе Милькастарта; это то золотое кольцо, о котором уже много говорилось в предыдущих главах. Страбон (III, 5, 3) говорит о наличии в Гадесе Крониона, т. е. храма Баал-Хаммона. Этот культ засвидетельствован монетами Малаги, Секси и Эбеса [192, стр. 5]. К 180 г. до н. э., т. е. к тому времени, когда Эбес уже стал «союзником» Рима, относится финикийская надпись с упоминанием богов Тиннит и Хагада (KAI 72B). В Эбесе в римское время отмечено почитание Беса, изображения которого появляются на монетах и в терракоте [192, стр. 14].

До наших дней дошли сведения о человеческих жертвоприношениях в Гадесе римской поры. Эти жертвоприношения были связаны с культом Мелькарта или Баал-Хаммона. Именно такой жертвой было, по-видимому, сожжение Фадия в 43 г. до н. э. (Cic. ad fam. X, 32, 3). Вероятно, человеческими жертвоприношениями были те старинные «варварские» обряды, которые, по словам Цицерона (pro Valbo XIX, 43), Цезарь запретил в 61—60 гг. до н. э.

О сохранении прежних обрядов говорят и роскошки гадитанского и эбеситанского некрополей римского времени. В Гадесе в том же месте, где располагались погребения предшествующей эпохи, но в более верхнем слое, найдены могилы, относящиеся к римскому республиканскому периоду с традиционным трупоположением. Тройная гипогейная камера финикийского типа, но римского времени была обнаружена на острове Леон, неподалеку от Гадеса. Эбеситанский некрополь Пуиг-д'эс-Молинс продолжал использоваться и после подчинения Эбеса Риму. При этом хоронили в этом могильнике старым способом. Так, уже к римской эпохе относится могила, в которой найдены остатки скелета, что говорит о сохранении ингумации, а среди инвентаря — традиционные финикийские вазы из скорлуп страусовых яиц, стеклянные бальзамарии и римские сосуды типа сигиллата [173, стр. 282—283; 180, стр. 432, 436].

В испано-финикийских городах продолжалась прежняя хозяйственная жизнь, существовали старые отрасли ремесла и

искусства. Изготавливались бронзовые кувшины с ручкой, украшенной пальметтой в месте ее прикрепления к тулову, хотя единственный экземпляр такой вещи, относящийся ко времени после 200 г. до н. э., и свидетельствует об упадке этого вида горевтики [194, стр. 41]. В эбеситанских могилах римского времени найдены терракотовые статуэтки так называемого карфагенского стиля [174, стр. 152]. Испано-финикийские ремесленники продолжают изготавливать и обыкновенные сосуды, в том числе амфоры, лучше всего изученные на материалах Эбеса. Сосуды приобретают более вытянутую форму, имеют вид снаряда или ракеты, похожей на конус, усеченный с обеих сторон; иногда, несомненно под римским влиянием, выделяется ножка и более, чем прежде, — горло с большим венчиком. Однако все эти амфоры — явно финикийской традиции [68, стр. 76—78, 83]. На юге Пиренейского полуострова вплоть до II и даже I в. до н. э. изготавливалась старинная красная керамика. Сохранили свое значение и другие отрасли экономики — рыболовство, изготовление гарума, судостроение. Многие данные, приводимые во второй главе и свидетельствующие о строительстве кораблей, плаваниях гадитанских рыбаков и приготвлении рыбных приправ и т. д., относятся к последним векам до новой эры, т. е. к тому времени, когда гадитане и жители других финикийских городов испанского юга находились уже под властью Рима.

Остановимся на проблеме сельского хозяйства. Приводимые во второй главе указания Мелы и Диодора позволяют говорить о существовании в римское время эбеситанского виноградарства, оливководства и животноводства. Иначе обстоит дело с Гадесом. Если в первой половине I тысячелетия до н. э. он должен был обладать какой-то территорией на материке, то указания Страбона (III, 5, 3) говорят о скудных размерах гадитанской территории в I в. до н. э.: гадитане живут на небольшом острове и владеют лишь небольшой частью материка, и город может иметь такое большое количество населения (он уступает в этом только Риму), потому что значительная часть жителей находится в море или фактически живет в столице; новый город возникает только стараниями младшего Бальба. Страбон же (III, 2, 2) указывает, что для собраний гадитане должны были сходиться в соседнюю Асту, так как, по-видимому, места для этого в своем городе у них не было. Когда Гадес потерял большую часть своих материковых владений? В результате римского или еще карфагенского завоевания? Из того что говорилось в начале главы об условиях перехода Гадеса под власть Рима, можно сделать вывод, что римляне в этот момент не ущемляли интересов гадитан. Карфагеняне же, как мы знаем, пытались это сделать. Надо иметь в виду и такой факт, что гадитанские некрополи V—III вв. (и римского времени до I в. н. э.) располагались у самых стен

города, на самом островке. Следовательно, уже в то время городская территория была незначительной. Поэтому можно думать, что Гадес лишился своей территории на континенте во время карфагенского завоевания. А небольшие размеры городской территории едва ли давали гадитанам возможность заниматься земледелием или животноводством. Сведениями о землях и сельскохозяйственных занятиях жителей других испано-финикийских городов мы не располагаем.

Что касается торговли, мореплавания и связей испанских финикийцев с окрестными народами, то они надежно засвидетельствованы и для римского времени. Гадитане, по словам Страбона (III, 5, 3), снаряжали огромные морские суда. Из Гадеса, как говорит Плиний (II, 167—168), отправлялись мореходы в плавание вокруг Галлии и вдоль мавританского побережья. О плавании в южном направлении рассказывает Страбон (II, 3, 4): до реки Ликс доходили рыболовные суда сравнительно бедных граждан, а однажды какой-то гадитанский корабль даже был унесен далеко на юг и, обогнув Африку, разбился уже на ее восточном побережье. Плиний же (II, 169), ссылаясь на Целия Антипатра, анналиста II в. до н. э., пишет, что еще раньше плавали из Испании в Эфиопию в целях торговли⁴. Правда, эти сведения о столь далеких экспедициях не поддаются проверке и сам Страбон не верит своему сообщению, но в них, по-видимому, отразилось впечатление о далеких морских экспедициях гадитанских купцов. Гадитане вновь устанавливают связи с Могадором, которые они утратили около 500 г. до н. э.; здесь появляются гадитанские монеты [232, стр. 239—240]. О значении Гадеса для африканцев свидетельствует и заявление маврузийского царя Юбы II, который, по словам Авиена (ог. мар. 280—284), считал своим самым главным титулом звание дуумвира Гадеса.

Может быть, стремлением римских торговцев ликвидировать или ограничить гадитанское преобладание в торговле с атлантическими районами Африки и прибрежными островами надо объяснить снаряжение Сципионом Эмилианом во время Третьей пунической войны экспедиции Полибия (Plin. V, 9—10). Однако, если римляне и ставили перед собой такие цели, достичь их они не смогли. Так, на территории современного Марокко, из почти 200 найденных монет времени, предшествующего римской аннексии, около сотни гадитанских [150, стр. 273]. Римских же монет только 40. В небольшом городке Тамузе были обнаружены две монеты Рима и 25 — Гадеса (там же). Недаром Эвдокс, по словам Страбона (II, 3, 4), базой своего предполагаемого пу-

⁴ Возможно, что это — Западная Эфиопия, т. е. западное побережье Африки [176, стр. 205, прим. 10].

тешествия вокруг Африки избрал именно Гадес. Связи с противоположным берегом Средиземного моря сохраняла и Малага, бывшая, по Страбону (III, 4, 2), факторией для африканских кочевников. О связях с противоположным материком говорят и находки тингитанских монет на самом юге Пиренейского полуострова. Из Мавритании гадитане и малацитане вывозили продукты сельского хозяйства в обмен на предметы роскоши, керамику и другие товары [301, стр. 222].

После утверждения римлян на Пиренейском полуострове связи испанских финикийцев с местным населением не прервались. Некоторые данные позволяют даже думать об их усилении: Рим первоначально ни в экономическом, ни в культурном отношении еще не имел того веса, какой он приобретет позже, а карфагеняне вытесняются из Южной и частично из Юго-Восточной Испании. Это должно было привести к усилению влияния испано-финикийских городов. Особо велико было значение Гадеса. Страбон (III, 4, 9) называет его наряду с Кордубой самым большим торговым центром Южной Испании; отсюда шли сухопутные дороги, как, например, та, что вела к Кордубе, Обулкону и далее, к восточному побережью Пиренейского полуострова. Путь из Гадеса к турдетанам мог идти и вдоль океанского побережья, а затем по Бетису. При этом надо было пройти мимо Асты, города, с которым гадитане были, видимо, тесно связаны. Может быть, именно через Гадес добралась до Рима амфора, обломки которой были найдены в Монте-Тестацчо [243, стр. 239]. Поскольку во время Серторианской войны Гадес явно не обладал большими владениями на материке, то продовольствие, которое он тогда послал в Рим (Cic. pro Valbo XVII, 40), он, видимо, получил именно из Турдетании (а также из Мавритании). Сухопутной дорогой через горные проходы была связана с долиной Бетиса и Малага [319, стлб. 824]. Экономические связи испано-финикийских городов с местным населением засвидетельствованы и находками в гадитанских могилах монет Кастуллона и даже Тарракона, а в более позднее время — Эмериты [258, 1917, стр. 7; 1918, стр. 8—9; 1923, стр. 6—7; 1926, стр. 10].

Финикийцы сами жили во многих турдетанских городах. Страбон (III, 2, 13) ясно пишет об этом. Географ употребляет наречие «теперь» (νῦν) и глагол в инфинитиве настоящего времени. Однако встает вопрос, надо ли эти сведения относить ко времени самого Страбона, т. е. к правлению Августа, или ко времени его источников. В страбоновском описании Испании есть следы и того и другого времени. Нам все же кажется более верным второе предположение, ибо в начале второй главы III книги, из которой взяты интересующие нас сейчас сведения, Страбон пишет, в частности, что Гадес славился и тем, что он заключил с римлянами союз (III, 2, 1). Это замечание относится к перио-

ду, предшествующему превращению этого города в римский муниципий, что имело место, как мы позже увидим, в правление Цезаря или его наследника. Вероятнее всего, именно этот отрывок относится к тому периоду, когда Гадес был «союзной общиной». Так что можно говорить, что финикийцы населяли некоторые турдетанские и соседние города во II—I вв.

Все это не могло не оказать влияния и на культуру турдетан и их соседей. В некоторых южноиспанских городах финикийское влияние было настолько сильным, что местные монеты II—I вв. выпускались с финикийскими легендами. Так было в Итупи, Олонте, Урсоне [335, стр. 33—48; 363, т. III, стр. 34—37]. Это влияние чувствуется и в искусстве. В Тахо-Монтеро около древней Астапы обнаружены интересные надгробные камни с рельефами типично пунической иконографии: кони и пальмы. Латинские надписи на этих камнях удостоверяют римское время их появления [179, стр. 301, № 304—305]. О том же говорит и находка клада в Сант-Яго-де-ла-Эспада, закопанного между 105 и 80 гг. до н. э., в котором среди ювелирных изделий иберийского и кельтского происхождения найдены золотые серьги, украшенные в верхней части фигуркой иберийского типа, а в нижней — зернью, где золотые зернышки собраны в треугольники. Использование зерни имеет, несомненно, финикийский прототип [100, стр. 353; 305, стр. 118—119]. Вероятнее всего, эти серьги выполнены испанским мастером, но влияние на него финикийских ювелиров ясно чувствуется.

Распространяются среди местных жителей и финикийские культы. Некоторые из них воспринимались местным населением и в предшествующую эпоху. Сейчас они засвидетельствованы еще более надежно и в более широком масштабе. В первую очередь это относится к почитанию Мелькарта-Геркулеса. Между 133 и 82 гг. до н. э. на чеканке Картейи, Асидона, Ласкуты, Белона, Кариссы, Кармоны, Каллета, Детумы появляется профильное изображение головы гадитанского бога [188, стр. 135—136]. В Белоне и Асидоне засвидетельствован также культ Баал-Хаммона, представленного на монетах этих городов, как и в Секси и Эбесе, в виде быка и солнечного диска с лучами. Это же божество, может быть, представлено и на стелах из Тахо-Монтеро [192, стр. 5, 147].

Наконец, в некоторых местах Южной Испании встречаются явно финикийские имена: Бодон — в Ласкуте и Архонилье, Ганнон — в Кесте, Имильде — в Кастулоне [337, стр. 307—308, 312—313]. Были ли эти люди финикийцами, жившими в испанских городах, или местными жителями, неизвестно.

Если все упомянутые пункты расположить на карте, то получается весьма интересная картина. Все они находятся в долине Бетиса и на южной оконечности Испании, на узком полу-

острове, между Атлантическим океаном и Средиземным морем. Эта область была населена турдетанами, наследниками древних тартессиев. Она почти точно совпадает с «владениями Аргантониевых внуков», о которых упоминает Силий Италик (III, 391—405), т. е. с остатками Тартессийской державы, находившимися, видимо, под властью старой династии. Кроме того, южный треугольник с городами Белоном, Асидоном, Ласкутой и Игуци населялся ливофиникийцами и выпускал монеты с ливофиникийскими легендами, о чем уже говорилось. Старинные связи между финикийским миром и Тартессидой нам уже хорошо известны. Как мы видим, римское завоевание не прервало этих связей. Более того, судя по распространению культа Мелькарта-Геркулеса, финикийское влияние на испанских соседей во второй половине II — первой половине I в. еще более усилилось.

Финикийское влияние проявляется и в некоторых других районах Пиренейского полуострова, причем именно в тех, которые и ранее были связаны с Тартессидой, а через нее — с финикийцами. Так, это мы видим в Салации на берегу Атлантического океана. Когда-то между Тартессом и районом Салации существовала сухопутная дорога (Av. og. mar. 178—180); в некрополе этого города были найдены скорлупы страусовых яиц, египетский скарабей с именем Псамметиха I (663—609 гг. до н. э.) и греческие вазы IV в. до н. э. [24, стр. 132; 325, стр. 96]. Поэтому нет ничего удивительного, что и в римское время здесь отмечается финикийское влияние. На монетах Салации начиная с 84 г. до н. э. появляется изображение Геркулеса по гадитанскому образцу, а также дельфинов и тунцов, подобных тем, какие чеканятся на деньгах Гадеса и Секси. И легенды здесь, по-видимому, финикийские, и лишь в эпоху Августа они сменяются латинскими [188, стр. 135; 363, т. III, стр. 24—25].

Следы финикийского влияния обнаруживаются и в между-речье Анаса и Тага. Этот район также был связан с Тартессом. Именно здесь были найдены некоторые финикийские бронзовые кувшины и клад ювелирных изделий в Алиседе. В этой же области, в Талаване, появилась стела с латинской надписью и изображением финикийской богини [239, стр. 165]. В некоторых местах этого района встречаются финикийские имена [337, стр. 309]. Отсюда, видимо, финикийцы проникли и выше по течению Тага, как это показывает финикийское имя Аммоника, засвидетельствованное в Толете [337, стр. 309].

Существовала и вторая зона финикийского влияния: Юго-Восточная и Восточная Испания. Особенно надо выделить район Илици, который известен как один из самых цветущих центров иберийской культуры. Именно здесь была обнаружена знаменитая «Дама из Эльче» — шедевр иберийской пластики, здесь располагался очаг изготовления илипитанской керамики, пожалуй

самой красочной и нарядной разновидности испанского гончарного искусства. Возможно, пуническое влияние проявляется и в росписи этих сосудов. Так, на одной из ваз I в. до н. э. появляется фигура богини с голубиными крыльями, расположенная между двумя коями. Считается, что это — изображение Тиннит или местной богини плодородия, тип которой возникает под влиянием изображений этой финикийской богини. Это же влияние узнают и в женской фигуре (явно также богини), одетой в широкую юбку, держащей в руках пальмовую ветвь и окруженной различными зверями. Полагают, что львы и орлы, довольно часто появляющиеся на илицитанских сосудах, своим возникновением в иберийской иконографии также обязаны воздействию финикийцев [101, стр. 789, 792; 239, стр. 172; 307, стр. 272—273; 370, стр. 811]. Впрочем, пока многие случаи проявления подобного влияния нельзя считать полностью доказанными, ибо некоторые из них поддаются и другому истолкованию. Например, по мнению Ф. Бенуа, фигура крылатой богини появляется в илицитанской вазописи не под финикийским, а под греко-италийским влиянием [67, стр. 216].

Более несомненны следы пунической торговли. При раскопках Алькудии были найдены черепки пунических амфор со штампованными или написанными красной краской марками гончаров II в. до н. э. [332, стр. 283—285; 335, стр. 31—33]. Здесь же был найден и гребень из слоновой кости [307, стр. 368]. Финикийские изделия были обнаружены в некрополе Кабесикодель-Тесоро [293, стр. 227—228] и на акрополе Барии [332, стр. 289—290]. В этом же районе отмечены и финикийские имена Амонус и Иакун, причем последнее встречается в иберийской надписи [337, стр. 310, 311—312].

Севернее района Илици, на восточном побережье Пиренейского полуострова и в прибрежных районах, также найдены предметы финикийского экспорта: золотые изделия и стеклянный сосуд в Барчене, небольшая амфорка в Каstellоне, пунический штамп на амфорной ручке в Ульястрете; многочисленные финикийские предметы — бусы, стеклянные вазочки, амулеты, амфоры — обнаружены в Эмпорионе [68, стр. 76—77; 161, стр. 208; 173, стр. 290; 299, стр. 202]. Наконец, надо отметить, что эбеситанские амфоры не перестали появляться в римское время и на берегах Галлии [68, стр. 83].

Что касается непосредственно финикийских (точнее, пунических) поселений юго-восточной зоны Пиренейского полуострова, то, как мы уже видели, говорить о них как об очагах испано-финикийской цивилизации уже нет смысла, ибо они либо вовсе исчезли, как Акра-Левка, либо перестали быть пуническими, как Бария и Новый Карфаген.

ской Испании, нельзя не отметить определенной разницы между двумя главными областями: югом вместе с Салацией и между-речьем Анаса и Тага и юго-востоком и востоком. На юге испано-финикийские города полностью сохранили свой облик и свое экономическое, культурное и частично политическое значение. В этой же зоне отмечены монеты с финикийскими легендами, здесь местное население принимает финикийские культы, особенно культ Мелькарта-Геркулеса. Здесь среди турдетавов живет довольно многочисленное финикийское население. На юго-востоке и востоке города, кроме островного Эбеса, удаленного от полуострова, теряют финикийский характер. Финикийское влияние на местное население явно меньшее. Определенно оно проявляется, пожалуй, только в некоторых именах, более спорно — в местной вазописи. Что касается культа, то отмечены признаки почитания Тиннит. С уверенностью можно говорить только о продолжении в этом районе старых экономических связей, о сохранении торговли с Карфагеном и Эбесом. Юг был связан с Гадесом, юго-восток и восток — с Африкой и Питиуссой. Различны и сферы экономического влияния западных финикийцев: Карфаген и Эбес сохраняют за собой Восточную Испанию и Южную Галлию, Гадес и Малагу (вероятно, и другие тирские колонии) — территорию бывшей Тартессиды и связанные с ней районы, а также продолжают и развивают дальше торговлю с Северо-Западной Африкой и ее Атлантическим побережьем.

Сохраняя свои прежние торговые связи, Гадес первоначально был гораздо меньше связан со Средиземноморьем. Полибий (XVI, 29, 12) писал, что проливом у Геракловых Столпов пользуются немногие и мало из-за разобщенности с народами, живущими на краю Ливии (т. е. Африки) и Европы, из-за незнания «Внешнего моря». Эта запись явно предшествует путешествию самого Полибия, т. е. времени Третьей пунической войны. Такое положение могло быть следствием многолетней блокады пролива, установленной карфагенянами в начале V в. до н. э. Так как это запрещение превратилось, как мы видели, в религиозный запрет, то последствия его могли ощущаться и после ликвидации карфагенского господства. Конечно, говорить о полном прекращении судоходства через пролив и полном отрыве испанских финикийцев от Восточного Средиземноморья не приходится. В предыдущих главах отмечалось сохранение связей между испано-финикийскими городами и Востоком, в частности Кипром. Страбон (II, 3, 4) говорит о том, что в 114 или 113 гг. до н. э. Эвдокс из Кизика узнал от александрийских судовладельцев о принадлежности корабля, обломки которого были найдены на восточном берегу Африки, — этот корабль оказался гадитанским. Судя по этому, александрийцы уже знали гадитанские суда. Собеседники смогли даже сообщить Эвдоксу

подробности о гадитанских плаваниях у африканских берегов. О торговле с эллинистическим Египтом свидетельствует и находка в Южной Испании бронзового кратера, который, по-видимому, был изготовлен в Александрии в последние десятилетия Римской республики [83, стр. 34]. Однако нам кажется более вероятным, что в это время скорее александрийцы посещали Гадес, чем наоборот: ведь александрийские мореплаватели были знакомы не только с большими торговыми кораблями гадитан, но и с мелкими рыбацкими суденышками, которые явно не приходили в египетскую столицу. По-видимому, путь от Александрии до Гадеса был тем же, каким воспользовался сам Эвдокс при плавании в этот город: через италийскую Диксархию и галльскую Массалию и далее вдоль побережья. И все же этот путь не был достаточно хорошо освоен даже в начале I в. до н. э., как об этом свидетельствует интересный рассказ Страбона (III, 2, 5) о путешествии Посейдония. На обратном пути из Гадеса корабль, на котором плыл Посейдоний, сбился с курса и лишь через три месяца сумел добраться до Италии, побывав за это время около Балеар, Сардинии и даже Африки.

Итак, в финикийских городах Испании, ставших «союзниками римского народа», старая финикийская цивилизация продолжала существовать и даже развиваться. Однако, находясь в составе Римской державы, эти города не могли не подвергнуться римскому влиянию. Процесс романизации — превращения отдельных общин и народов в интегральные части средиземноморской державы, возглавляемой Римом, — ясно проявился и в испано-финикийских городах. С течением времени они утратили свой финикийский характер. Слова Ф. Энгельса о «нивелирующем рубанке римского мирового владычества», об отступлении национальных языков перед латынью, об исчезновении национальных различий и превращении всех в римлян [см. 1а, т. 21, стр. 146—147] полностью относятся и к испанским финикийцам. Несмотря на то что за их плечами была старинная цивилизация, развивающаяся только на испанской почве не менее тысячелетия (а если учесть цивилизацию метрополии, то и более двух тысяч лет), они, включившись в состав Римского государства, также постепенно превращались в римлян. Рассмотрим же теперь процесс романизации испано-финикийских городов в его различных аспектах: экономическом, политическом, культурном.

Испано-финикийские города, особенно Гадес, были в первую очередь городами торговыми. Так что экономическая романизация, т. е. включение их экономики в общую экономическую систему римского Средиземноморья, проявилась прежде всего именно в установлении тесных связей этих городов с различными частями римского мира. Впрочем, некоторые из этих связей бы-

ли унаследованы от прежнего времени. Это относится к связям между Гадесом и Южной Испанией, между Эбесом и восточноиспанским и южногалльским побережьем. Когда эти территории оказались частью Римской республики, то связи с ними превратились в какой-то степени в первые проявления экономической романизации. О них говорилось уже довольно много. Теперь посмотрим на развитие связей финикийских городов с другими частями Римского государства.

Если в первой половине II в. до н. э. восточные, средиземноморские, связи Гадеса были весьма слабы и ненамного укрепилась в конце этого и в начале следующего столетия, то в I в. до н. э. положение резко изменилось. По словам Страбона (III, 5, 3), у гадитан есть множество торговых кораблей для плавания как по океану, так и по Средиземному морю. Торговля Турдетании с Италией и Римом — морская и проходит через пролив (Strabo III, 2, 5). Самые большие торговые корабли приходят в Остию и Дикеархию из Турдетании (Strabo III, 2, 6). Сопоставляя эти данные со сказанным выше о связях Гадеса с Турдетанией, нельзя сомневаться в том, что большая часть турдетанских товаров доставлялась в Италию на гадитанских кораблях. Вспомним, что Дикеархия была стоянкой (а для италийцев, вероятно, стартом) в путешествиях в Гадес. О пути между Гадесом и Остией упоминает Плиний (XIX, 1, 4). В самом Риме и Остии обнаружены обломки гадитанских амфор [243, стр. 239, 243]⁵. По словам Цицерона (pro Balbo XVII, 40), из Гадеса прибыло в Рим продовольствие во время Серторианской войны. В то же время в гадитанских некрополях обнаружены фрагменты арретинской керамики, в том числе сосудов, вышедших из мастерской знаменитого Атея, причем Гадес занимает второе место в Бетике (после Гиспалиса) по числу найденных экземпляров арретинской керамики, 10 из 66 [118, № 81; 177, 54; 181, 97; 464; 477; 1307e; 2061, 46; 2195; 2210e; 2426c]⁶. Все это говорит об установлении тесных связей между Гадесом и Италией.

И другие испано-финикийские города вошли в соприкосновение с Италией. Это относится, например, к Малаге. Так, известно о существовании в Риме корпорации малацитанских торговцев (CIL VI, 9677). Среди черепков Монте-Тестаччо обнаружен и обломок амфоры из Малаги (CIL XV, 4203). Найден и черепок амфоры, содержащей в свое время рыбную приправу из этого города (CIL XV, 4737). Поскольку Малага и Секси славились своими рыбными приправами, в том числе гарумом (Strabo III, 4, 2), то, вероятно, тот «гесперийский

⁵ Об амфорах, изготовляемых в районе Гадеса, см.: [291, стр. 169—173].

⁶ Арретинские сосуды, найденные в долине Бетиса, частично также могли приходиться через Гадес.

рассол», о котором упоминает Марциал (XIII, 40), приходил из этих мест.

Гадитане поставляли в Рим и Италию продукты окрестных районов. Они строили свое хозяйство во многом на посреднической торговле. Недаром гадитанские амфоры, обнаруженные в Риме и Остии (за единственным исключением, о котором будет сказано позже), содержали масло, изготовляемое не столько в самом городе или на его территории, сколько в долине Бетиса. Иначе обстоит дело с Малагой и Секси. Купцы этих городов привозили в Италию то, что изготовлялось их согражданами. Малацитанская масляная амфора пока только одна. Зато, как отмечено выше, засвидетельствован привоз малацитанского гарума. Недаром глава корпорации малацитанских торговцев в Риме был торговцем солениями (CIL VI, 9677). Возможно, из какого-либо из испано-финикийских городов провинции Бетики прибыла в Помпеи амфора с гарумом, так называемым «гарумом союзников», или «гарумом компаньонов» (CIL IV, 5659; 149, стр. 301).

Испанские финикийцы устанавливают связи с другими областями Римской державы. В первую очередь надо отметить Галлию. С побережьем этой страны, как мы видели, издавна торговали купцы Эбеса. С I в. до н. э. к ним присоединяются гадитане. На галльском побережье и вблизи него, в затонувших кораблях найдены предметы гадитанской торговли, особенно амфоры, изготовляемые в районе Гадеса, Картейи. Расцвет гадитано-галльской торговли падает на середину I в. до н. э.—середину I в. н. э. [68, стр. 83; 348, стр. 483—485].

В римское время не прерывались и связи испано-финикийских городов с Востоком. С развитием судоходства в проливе у Геракловых Столпов они должны были еще усилиться. О торговле с Сирией и Финикией свидетельствует находка в Асте стеклянного флакона с маркой некоего Ания из Сидона I в. до н. э. [147, стр. 207]. Восточные торговцы не только привозили свои товары в Испанию, но и жили здесь. Так, в Малаге в I в. н. э. существовала община сирийцев и, может быть, азиатов, т. е. жителей римской провинции Азии [319, стлб. 824].

Таким образом, мы видим, что испано-финикийские города, устанавливая или расширяя связи с Италией и Римом и с другими областями Римского государства, втягиваются тем самым в общую экономическую систему Римской державы. Они торговали с различными частями этой державы, продавая как продукты, полученные от других народов, т. е. выступая тем самым в роли посредников, так и изделия своего ремесла (например, амфоры, которые, однако, рассматривались прежде всего как тара) и продукты рыболовства. Именно к

I в. до н. э. и следующему столетию относятся многочисленные свидетельства об испанском гаруме [149, стр. 300]. Едва ли это случайность. Хотя продукт этот изготовлялся и раньше (о нем говорили греческие авторы V—IV вв.), включение в общеримскую экономическую систему открыло для испанских финикийцев новые обширные рынки, в том числе и самого Рима, несомненно стимулируя развитие этой отрасли хозяйства.

Влияние Рима начинает проявляться и в испано-финикийском ремесле. Под римским влиянием некоторые амфоры Гадеса и Эбеса изменяют свой внешний вид, приобретая ясно выраженную ножку и широкий венчик. Раскопки гадитанского некрополя римского времени вообще дают инвентарь римского типа [173, стр. 282]. Все это — свидетельства экономической романизации испано-финикийских городов.

Параллельно шла романизация и политическая. В конечном итоге почти все испано-финикийские города приобрели римское или латинское гражданство и стали муниципиями. Первым получил этот статус Гадес, который явился и первым внеиталийским городом, ставшим муниципием.

Отдельные жители Гадеса сумели приобрести римское гражданство ранее остальных. Таковы дядя и племянник Бальбы. Цицерон в своей речи в защиту старшего Бальба (XVIII, 50—51) упоминает и двух соотечественников, ставших римскими гражданами. В одной из латинских надписей из Гадеса упоминаются Помпей (CIL II, 1867), предок которых, вероятно, стал гражданином во время Серторианской войны или вскоре после нее. Такие случаи не были исключениями в римской практике.

Принципиально новым явилось предоставление этому городу статуса муниципия и распространение римского гражданства на всех жителей города Гадеса.

Ливий (per. CX) и Дион Кассий (XLI, 24, 1) связывают этот акт с именем Цезаря. В письме Азиния Поллиона, написанном в июне 43 г. до н. э., упоминаются гадитанские всадники, должность кваттуорвира и двухдневные комиции; таким образом, политическое устройство Гадеса следовало уже римскому образцу. В то же время Плиний (IV, 119) называет этот муниципий *Augustana Urbs Iulia Gaditana*, а надпись II в. н. э. (CIL II, 1313) дает официальное наименование — *Municipium Augustanum Gaditanum*; на монетах Гадеса августовского времени появляется изображение Агриппы с легендой *municipii parens* и датой его третьего консульства [206, стр. 80, 83]. В результате такого разноречия источников в научной литературе также представлены различные точки зрения.

По мнению одних ученых, Цезарь предоставил гадитанам римское гражданство, а Август еще увеличил эти beneficia, прибавив и почетное имя [98, стр. 602; 218, стр. 873]⁷. Другие авторы, считая, что в 49 г. до н. э. Гадес уже стал муниципием, вовсе не упоминают об основателе принципата [27, стр. 220; 82, стр. 74; 342, стр. 206; 351, стр. 142]. Наконец, существует мнение, что при Цезаре город получил статус только латинской колонии, а римским муниципием он становится лишь при Августе [37, стр. 66].

Если мы обратимся к упомянутым текстам античных авторов, то надо заметить, что соответствующая книга труда Ливия не сохранилась, а краткая заметка в ее перихоэ не дает возможности определить характер гражданства. Кассий Дион более подробен и определен. Он употребляет слово *λοῦττεῖα*, которое, по наблюдению Х. Гальштерера, означает у этого писателя всегда римское (а не латинское) гражданство [170, стр. 18, прим. 14]. Изложение Кассия Диона сообщает еще очень важную деталь: цезаревское деяние позже было утверждено римским народом. И это позволяет нам высказать следующую гипотезу.

Вероятно, решение о предоставлении гадитанам гражданских прав Цезарь принял во время пребывания в Гадесе после капитуляции Варрона в 49 г. до н. э., когда он вернул в храм Геркулеса (т. е. гадитанского Мелькарта) деньги, изъятые Варроном, и поставил во главе провинции Квинта Кассия (Caes. bel. civ. II, 21). Однако по возвращении в столицу он не проводил соответствующего закона через комиции (по крайней мере сам Цезарь об этом не упоминает). В Испании Гадес был нужен Цезарю как опора против помпеянцев. В Риме же в обстановке 49 г., когда войска Помпея стояли на Балканском полуострове, а помпеянцы контролировали Африку, ему не хотелось лишней раз портить отношения с римским плебсом. А известно, как ревниво относился плебс к проблеме гражданства.

Легализовано римское гражданство для гадитан было уже при Августе, причем непосредственным инициатором этого акта был, по-видимому, Агриппа, получивший в связи с этим титул «отца муниципия»⁸. Датировать это событие можно 27 годом до н. э., годом третьего консульства Агриппы, упоминаемым на гадитанских монетах. Может быть, с этим связано и преобразование высшей магистратуры города из кваттуорвирата в дуумвират [125а, стр. 331—332]. Дата вполне приемле-

⁷ Близко к этому взгляду мнение Р. Гроссе [203, стр. 655] и Ф. Фиттингхофа [361, стр. 75].

⁸ Некоторые исследователи считают, что выражение *agens* лишь усиливает *patronus* и не предполагает связи между Агриппой и появлением Гадеса как муниципия [170, стр. 18; 361, стр. 75, прим. 6].

ма, так как в этом году была оформлена власть принцепса и тогда же Августу и Агриппе пришлось заняться испанскими делами в связи с войной на севере Пиренейского полуострова.

Однако уже сразу после дара Цезаря, не дожидаясь его ратификации сенатом и народом, гадитане оформили управление городом по римскому образцу. Эти изменения сопровождались какими-то волнениями, приведшими к изгнанию некоторых граждан, возвращенных в 43 г. до н. э. Бальбом младшим (Cic. ad fam. X, 32). Возможно, для успокоения консервативно настроенных граждан Бальб прибегнул к старинному обычаю — человеческому жертвоприношению, приказав сжечь помпеянского солдата Фадия, а симпатии сторонников нового положения вещей привлек роскошными играми, которые Азиний Поллион сравнивает с играми, данными Цезарем в Риме (Cic. ad fam. X, 32, 2—3).

Итак, Гадес в 49—27 гг. становится римским муниципием, и его граждане — гражданами Рима. Старое финикийское право уступает римскому.

О том, как превращались в римские города остальные поселения испанских финикийцев, известно очень мало. Плиний, источником которого была, как это обычно считается (например, 352, стр. 155), карта Агриппы, называет Малагу и Эбес «союзными общинами» (Plin, III, 8; 76). Сексус он дает полное официальное наименование *Sexi firmum Iulium* (III, 8), что заставляет считать, что в начале I в. н. э. этот город был уже муниципием. С изменением положения города связано, видимо, и изменение монетной системы, которая уже стала римской [363, т. III, стр. 19—20]. Время преобразования Сексус неизвестно. Имя *Iulium* позволяет приписать этот акт Цезарю, с чем могла быть связана и приставка *firmum* (верный), данная в связи с сохранением секситанами верности Цезарю во время войн с помпеянами [170, стр. 14; 221, стлб. 2028]. Однако если Гадесу Цезарь не решился оформить новый статус, то едва ли Сексус, игравший в Испании несравненно меньшую роль, стал римским муниципием при Цезаре. Не исключено, что новый статус город мог получить от Антония, выполнявшего поручение покойного диктатора. Аналогией был бы случай с испанским городом Урсоном, который приобрел положение римской колонии по приказу Цезаря и закону Антония [CIL II, 1045, 104] и именовался по этому закону *Colonia Genetiva Iulia Ursonensis*. Наконец, автором такого деяния мог быть Август.

О правовом положении Абдеры Плиний не упоминает. Дошедшие до нас абдеритские монеты как с финикийскими, так и с латинскими надписями относятся уже к императорскому времени, к правлению Августа и Тиберия [363, т. III, стр. 16—

17; т. IV, стр. 19–20]. Они выпускаются уже по римской системе. Следовательно, если Абдера была в свое время «союзной общиной», то в тот период она уже изменила свой статус. Впрочем, никакими сведениями об этом ее статусе мы не располагаем.

Дольше других испано-финикийских городов на положении «союзных общин» оставались Малага и Эбес. До наших дней сохранились обширные фрагменты муниципального закона Малаги (CIL II, 1046b), из которого мы узнаем официальное наименование города — *Municipium Flavianum Malacitanum*. Флавиевским именуется и муниципий Эбес (CIL II, 3663). Это показывает, что и Малага и Эбес стали римскими или латинскими гражданскими общинами только при Веспасиане. Получение ими муниципального статуса произошло, видимо, тогда, когда этот император, обратившись к делам Пиренейского полуострова, предоставил латинское гражданство всем испанцам, не имевшим до этого римского или латинского гражданства.

Мы видим, что в конце республики и в течение первого века империи испано-финикийские города один за другим теряют свое финикийское право и становятся римскими муниципиями (может быть, кроме Абдеры), превращаясь не только в экономическом, но и в политическом отношении в интегральную часть единого Римского государства.

Одновременно происходили большие изменения и в культурной жизни испано-финикийских городов, шел процесс их культурной романизации. Этот процесс хорошо виден на примере гадитанского некрополя римской эпохи. Традиционная финикийская ингумация сохраняется и после 206 г. до н. э. Однако уже со II в. до н. э. здесь постепенно все больше получает распространение кремация. Пепел собирается в урнах, в погребениях обнаружен обычный инвентарь римских погребений того времени: глиняные и стеклянные бальзамарии, светильники римского типа, терракоты. При этом захоронения обоих типов (труположение и трупосожжение) располагаются в одном слое, часто рядом друг с другом, но захоронений с ингумацией становится все меньше, и они полностью исчезают с падением республики. То, что новый для Гадеса обычай погребения обязан не изменению этнического состава его жителей, а был принят самим финикийским населением, доказывает находка в одной из погребальных урн золотого кольца финикийской работы с финикийской же надписью, где упоминается бог Милькастарт и его служители [156, стр. 274–279; 338, стр. 24–25 и прим. 48]. Видимо, в этой урне хранился пепел одного из жрецов Милькастарта, явно представителя гадитанской знати. В то же время могилы при традиционном способе захоронения (в отличие от предшествующего време-

ни) — неглубокие ямы почти без инвентаря, не считая глиняных бальзамариев; эти могилы беднее, чем современные им погребения с кремацией, и создается впечатление, что в них похоронены бедняки, отпущенники и даже рабы [173, стр. 281—282; 258, 1917; 1918 и др]. Не означает ли это, что именно низшие слои гадитанского населения дольше держались за старые обычаи? Даже переходя к кремации, они могли все же удержать кое-что из старых обрядов. Таковы три захоронения с сожжением, в которых очень бедный инвентарь (в одном он и вовсе отсутствует) пунического типа, а пепел был собран либо в амфору, либо в урну карфагенского профиля [258, 1925, стр. 7].

Романизация коснулась и испано-финикийских культов. Хотя в гадитанском Гераклеоне культ всегда отправлялся по финикийскому образцу, но и в этом храме появляются нововведения, связанные с римским влиянием: на монетах римского времени виден храм более или менее классического типа с колоннами и антаблементом [69, стр. 84; 188, стр. 102]. При всей условности изображения можно думать, что в это время святилищу был придан эллинистическо-римский вид: оно было либо окружено оградой, напоминающей привычные римлянам культовые сооружения, либо встроено внутрь нового здания классической архитектуры. Вероятно, до времени Нерона здесь появляется каменный алтарь с изображением сцен из двенадцати подвигов Геркулеса; возможно, при Траяне или Адриане появляется и статуя божества. Многие боги, которых почитают жители испано-финикийских городов и их соседи, появляются теперь уже в римском облике. Так, малацитане, изображая на своих монетах старинного Хусора, представляют его уже в образе Вулкана [192, стр. 10]. В виде Минервы появляется Астарта на монетах Секси и Гадеса конца республики и времени Августа [192, стр. 13]. Интересно отметить, что легенды всех этих монет еще финикийские. Следовательно, сохраняя язык, испанские финикийцы своих богов уже представляли на римский манер. И имена этих богов также римские. Так, в Гадесе, в латинских надписях, речь идет уже не об Астарте, а о Венере [228, № 30, 34 и стр. 303]. Многочисленные надписи, найденные в Испании, упоминают Геркулеса, а не Мелькарта. Став римским Геркулесом (хотя и сохранив свой прежний характер), гадитанский бог принимает в ряде случаев и латинские эпитеты, в том числе имя Август [188, стр. 133—134]. На Пиренейском полуострове, особенно на юге и юго-востоке, распространяется культ Небесной богини — Деа Целестис, являвшейся римской формой старой пунической Тиннит. Однако, хотя происхождение Деа Целестис от Тиннит несомненно, финикийских черт в культе этого божества уже не ос-

талось, оно целиком включается в римский пантеон [192, стр. 8, 140—147].

В испано-финикийских городах долго сохранялся финикийский язык, как об этом свидетельствуют монетные легенды. На монетах Гадеса, Малаги, Эбеса до самого конца местной чеканки сохраняются финикийские надписи [363, т. III, стр. 9, 32; т. IV, стр. 13—14]. Наименования и некоторых испанских городов также писались по-финикийски. Однако все более начинает распространяться латинский язык. Первыми от финикийских легенд отказываются нефиникийские испанские города; влияние победоносной латинской культуры оказалось сильнее старых связей. Латинские надписи начинают появляться также и на вещах Абдеры, Секси и Эбеса [363, т. III, стр. 24—25, 34—37; т. IV, стр. 12—14]. В Гадесе на латинском языке были составлены надписи на памятных медалях, выбитых между 8 г. до н. э. и 4 г. н. э. Хотя это и не деньги, но они свидетельствуют, что гадитане этого времени знали латинский язык и латинские буквы. Несомненно, этот язык хорошо знал Бальб, друг Помпея, Цезаря и Цицерона. Конечно, на латинском языке говорил неизвестный по имени гадитанин, обвиняющий перед римским судом Бальба. О распространении латинского языка в Гадесе говорят и результаты раскопок некрополя римского времени. В то время как чисто финикийские могилы не отмечены никакими стелами, погребения, совершаемые по римскому обряду, часто сопровождаются латинскими эпитафиями. Так, около одной такой могилы была найдена мраморная плита с надписью, упоминающей некую Марцию Банной дочь Люция [258, 1920, стр. 4—5]. Похожее имя — Баннон — встречается в Африке и считается семитским, подобные имена были и у древних евреев [350, т. II, f. VIII, v. Banno, Vanne]. Так что можно говорить, что перед нами погребение гадитанки, хотя ставшей уже, по-видимому, римской гражданкой (римские имена Люций и Марция предполагают это). Во второй половине I в. н. э. гадитане уже настолько освоили латинский язык, что дали Риму поэта Кания Руфа, упоминаемого Марциалом (например, I, 64; III, 20). Когда исчез финикийский язык из обихода, сказать невозможно. Чеканка местных монет прекратилась в Испании в правление Калигулы [197, стр. 42]. Сколько времени после этого испанские финикийцы говорили на родном языке, неизвестно.

Распространялся в Гадесе (видимо, и в других испано-финикийских городах) также греческий язык. Страбон (III, 4, 3) говорит об Асклеиаде Мирлейском, обучавшем грамматике, конечно же, греческой, в Турдетании. Не исключено, что Асклеиад занимался педагогической деятельностью и в финикийских городах Южной Испании. О распространении здесь

греческого языка свидетельствует упоминание в одной из гадитанских надписей (CIL II, 1738) «греческого оратора» Троила.

Вместе со всем этим в испано-финикийских городах нашли отражение и другие стороны римского образа жизни. В Гадесе упоминается гладиатор (CIL II, 1739). В море вблизи этого города были найдены мраморные и бронзовые (одна с инкрустацией из серебра) статуи римского типа [351, стр. 442]. Недалеко от того же Гадеса был найден мраморный портрет I в. н. э., вероятно Люция Корнелия Пузиона [351, стр. 601—602]. Известно о существовании амфитеатра в Малаге [188, стр. 88—93]. Как мы видим, романизируются и нравы, и внешний вид испано-финикийских городов.

С включением этих городов в многонациональную Римскую державу сюда начинается приток самого разнообразного населения. Города эти, особенно Гадес, были богаты: в Гадесе, по Страбону (III, 5, 3), во времена Августа насчитывалось 500 всадников, и, естественно, они привлекали к себе уроженцев различных областей и городов. И в гадитанских надписях, правда уже императорского времени, мы видим имена Марка Ребуррия Филиппа (CIL II, 1755), генцилий которого иберийский или кельтский, и Аллдиста Мавра (CIL II, 1755), место происхождения которого или его предков надо искать на противоположной стороне пролива. Надпись II в. н. э. упоминает Марка Антония Сириака (CIL II, 1313). Судя по тому, что он принадлежит к трибе Галерии, его предки должны были прибыть в Гадес, самое позднее, в I в. до н. э., успев стать к 49 г. до н. э. гадитанскими гражданами и получить вместе с остальными римское гражданство от Цезаря⁹. Неизвестно, играли ли они уже в то время видную роль в Гадесе, но их потомок находился в первых рядах гадитанской знати, занимаемая должность дуумвира.

Довольно часто встречаются в гадитанских надписях греческие имена. Греки и выходцы с эллинизированного Востока были в этом городе мраморщиками, как Публий Рутилий Синтроф (CIL II, 1724), врачами, как Альбан Артемидор (CIL II, 1737), ораторами или учителями ораторского искусства, как Троил (CIL II, 1738). Много греческих имен попадает среди рабов и отпущенников. Однако в таком случае трудно различить имена греков и модные рабские клички на греческий образец; к последним, как кажется, можно отнести такие имена, как Гедона (CIL II, 1834) и Диадумен (CIL II, 1873). О том, что греки начали появляться в Гадесе еще в период

⁹ Причислением к трибе Галерии Цезарь и Август включали испанцев в число римских граждан [39, стр. 63, 65 и прим. 8].

республики, свидетельствует находка в некрополе этого времени мраморной плиты с греческой надписью, упоминающей Юлию Мирину [258, 1918, стр. 5]. О проживании представителей эллинизированного Востока в других испано-финикийских городах говорит уже упоминавшаяся надпись общины сирийских и азиатских купцов в Малаге.

Жили в Гадесе и римляне. Так, при раскопках гадитанских могил республиканского периода были обнаружены эпитафии представителям родов Лициниев и Валериев [258, 1928, стр. 7–8]. Появление этих могил предшествует преобразованию Гадеса в муниципий. Поэтому наиболее вероятно, что перед нами не гадитане, получившие римское гражданство, а римляне, поселившиеся в Гадесе.

Это все — только немногие известные нам примеры жизни в Гадесе уроженцев других территорий Римского государства. Этот значительный торговый центр привлекал к себе купцов и авантюристов со всех концов римского мира [184, стр. 135–136]. Смешанный этнический состав населения в большой степени способствовал сравнительно быстрому исчезновению местных традиций и распространению общегосударственной римской культуры.

Изменяется, расширяется и территория городов. Это опять же хорошо видно на примере Гадеса. В начале I в. до н. э. гадитане населяли очень маленький город, почти не имея земель на материке. После же получения Гадесом муниципального статуса Бальб-младший построил для своих сограждан новый город уже на материке, куда, по-видимому, был перенесен и порт, судя по тому, что именно новый город Страбон (III, 5, 3) именуется портовым (ἐπίνειον). Двойной город, как сообщает географ (там же), называли по-гречески Дидимой — парным городом. Однако это название было явно неофициальным и не привилось, так как нигде более не упоминается: ни в надписях, ни у других авторов. Новый город, вероятно, был тем Portus Gaditanus, который упоминает Мела (III, 4) и на который, по-видимому, намекает когномен некоего гадитанина — Портензис, т. е. Портовый [228, № 17]. Может быть ко времени Бальба-младшего надо отнести и расширение гадитанской материковой территории за пределы Дидимы. О власти островного города над какой-то частью континента свидетельствует база статуи Коммода, воздвигнутой гадитанской общиной, найденная в современной Чиклане приблизительно в 10 км от нынешнего Кадиса [217, стлб. 461].

Недаром именно к I в. н. э. относятся первые сведения о гадитанском земледелии. Колумелла (XI, 31) пишет о произрастании на территории Гадеса салата, а своего дядю, явно гадитанина (ибо сам автор происходил из этого города), он

называл «ученейшим земледельцем» Бетики (V, 5), причем трудился этот дядя на винограднике. В Риме была найдена амфора, содержащая, скорее всего, гадитанское вино урожая 37 г. н. э. [136, стр. 663].

Возможно, с этого времени начинается история Гадеса как города античного типа, чья экономика основывается не только на посреднической торговле, но и на земледелии.

Итак, мы видим, что испано-финикийские города все более теряют свой старый облик. Из всего сказанного можно вывести следующую схему романизации этих городов. После подчинения Южной и Восточной Испании карфагеняне покинули некоторые свои колонии, а Новый Карфаген, превратившийся в оплот римской власти, быстро потерял финикийский характер. Иначе обстояло дело с Эбесом и тирскими колониями. Здесь первое время полностью сохранялась старая цивилизация. В государственно-правовом отношении эти города стали «союзными общинами», не включенными в состав провинций (сомнительным остается положение Абдеры). В течение двух последних веков республики и в первое столетие империи Гадес, Малага, Эбес и другие испано-финикийские города все более втягиваются в экономическую систему Римской державы, усиливаются политические связи, распространяются римские обычаи; римскую форму принимают старые культы, жители начинают говорить на латинском языке, да и состав жителей постепенно меняется, города принимают обычный римский провинциальный вид. Время Цезаря и Августа, время перехода от республики к империи, было решающим в истории испанских финикийцев. К этому времени их хозяйство полностью интегрировалось в общегосударственное, исчезают старые погребальные обряды, в городах появляются римляне и греки. В это время Гадес, а позже Секси становятся римскими муниципиями. Веком позже приходит очередь Малаги и Эбеса.

Хотя некоторые следы испано-финикийской цивилизации еще сохраняются, в целом она исчезает, растворяясь в общеримской.

Рассматривая историю финикийской культуры в Испании, мы видим, что она безымянна. Время поглотило имена создателей тех памятников, о которых мы рассказывали в предыдущих главах. Не знаем мы и тех, кто участвовал в политической и хозяйственной жизни испано-финикийских городов. Положение несколько меняется с процессом романизации. Перейдя к римскому способу погребения, испанские финикийцы переняли и римский обычай ставить на могиле надгробную стелу с эпитафией. «Каменные архивы» испано-финикийских городов донесли до нас десятки имен. Однако большинство этих надписей чрезвычайно кратки, они дают только имя похороненного под этим камнем. И среди тех, о ком узнаем мы из этих надписей, нет таких, которые прославили бы свой город в общеримском масштабе. При всем экономическом и культурном значении испано-финикийских городов, особенно Гадеса, они оставались провинциальными, и их жители имели сравнительно мало шансов сделать карьеру в рамках всего государства. Деятельность подавляющего большинства их протекала в пределах своего города. Может быть, многие пытались завоевать почетное положение в Риме. По крайней мере Страбон (III, 5, 3) пишет о тех, кто проводит время в столице. Но лишь немногие из них внесли свой вклад в общеримскую культуру, в политическую жизнь Римской державы. К этим немногим относятся, в первую очередь, дядя и племянник Бальбы.

Семья Бальбов происходила из знатного гадитанского рода (Cic. pro Balbo III, 6; SHA Max. et Balb. 7, 3). Возможно, представители этой семьи занимали видные посты в родном городе, были довольно богаты, судя по тому, что Бальб-старший, став римским гражданином, попал во всадническое сословие [271, стлб. 2161]. Этот человек, весьма предусмотрительно отказавшись от карьеры в Гадесе, юношей во время Серторианской войны примкнул к римлянам. Он подружился с Квинтом Меммием, служившим под началом Метелла, и вместе с ним принял участие в борьбе с Серторием, сражаясь как на суше, так и на море. А когда после прибытия в Испанию Помпея Меммий перешел к нему на службу в качестве квестора, Бальб последовал за своим другом и дальнейший свой путь в Испании проделал под знаменами Гнея Помпея, участвовал в самых ожесточенных сражениях этой войны — на Сукроне и Турни (Cic. pro Balbo II, 5). За свои заслуги он получил от Помпея римское

гражданство (там же, III 6; VIII, 19). То, что инициатором этого был сам Помпей, не вызывает сомнения и не раз подчеркивается Цицероном (например, там же, III, 7), да и самим Бальбом (Cic. ad Att. IX, 7, 2). Однако непосредственно провел этот акт в жизнь, по-видимому, Люций Корнелий Лентул (там же), личное и родовое имя которого принял новый гражданин. Вероятно, вместе с ним римскими гражданами стали и все члены его семьи, так как и его отец, и его племянник также были Люциями Корнелиями.

Юношей Бальб познакомился с Цезарем и сразу же вошел в число его ближайших друзей (Cic. pro Balbo XXVIII, 63), что во многом определило судьбу гадитанина как политического деятеля. Где и когда это произошло, точно неизвестно. Предполагают — в 68 г. до н. э., когда Цезарь был квестором Дальней Испании и долгое время находился в Гадесе [271, стлб. 1261; 211, стр. 63]. Однако утверждать это категорически невозможно, ибо нельзя исключить, что, став гражданином, Бальб перебрался в столицу и там сблизился с Цезарем. Безусловно лишь одно — в декабре 60 г. до н. э., когда он впервые появляется в письмах Цицерона (ad Att. II, 3), его явно уже хорошо знает и сам оратор, и его друг Аттик, что говорит о старом знакомстве с Бальбом представителей римской элиты. За год до этого, в 61 г. до н. э., Цезарь, назначенный пропретором Дальней Испании, берет с собой и своего друга, доверив ему важный пост начальника саперной части (Cic. pro Balbo XXVIII, 63). Исполнял ли Бальб свои непосредственные обязанности, либо использовался римским наместником для укрепления связей с испанскими общинами, ибо уже долго воевал в Испании и, по-видимому, хорошо ее знал, неизвестно. Более вероятно последнее.

Возвратившись в Рим и желая привлечь на свою сторону или по крайней мере нейтрализовать Цицерона, Цезарь послал к нему именно Бальба (Cic. ad Att. II, 3), видимо уже убедившись в его дипломатических способностях. Когда будущий диктатор отправился проконсулом в Галлию, он назначил Бальба на прежнюю должность (Cic. pro Balbo XXVIII, 63), позже заменив его Мамуррой. Однако и теперь гадитанин нужен Цезарю не как военный инженер, а как дипломатический агент. Бальб то находится в ставке Цезаря, в частности в Британии, то вновь возвращается в Рим.

Пока триумvirат существует, хитрый финикиец поддерживает прекрасные отношения как с Помпеем, так и с Цезарем. От Помпея он получает в подарок участок земли для устройства сада (Cic. ad Att. IX, 13, 8), добивается своего усыновления помпейцем Теофаном Митиленским (Cic. pro Balbo XXV, 57; ad Att. VII, 7, 6), что приносит ему не только политический

капитал, но и весьма основательный барыш. В это время, как и другие цезарианцы, Бальб обогащается. Кроме уже упомянутых садов ему принадлежит Тускуланское поместье, купленное у Квинта Метелла (Cic. pro Balbo XXV, 56). Богатство и роскошный образ жизни вызвали зависть и ненависть в Риме к провинциальному «выскочке». В то же время была известна его близость к триумвирам. Поэтому неудивительно, что именно Бальб был избран мишенью для нанесения удара по Цезарю и Помпею: в 56 г. до н. э. он был обвинен в незаконном присвоении римского гражданства. В его защиту выступили Помпей, Красс и по их просьбе Цицерон. Последний также в какой-то степени был обязан Бальбу, так как во время изгнания оратора гадиталин оказывал внимание его близким «услугами, слезами, делами, утешением» (Cic. pro Balbo XXVI, 58). В своей речи в защиту Бальба Цицерон подчеркивает, что обвинение Бальба в действительности наносит удар Цезарю и Помпею [например, там же XXVIII, 64]. Разумеется, обвиняемый был оправдан.

В это время влияние Бальба при Цезаре было столь велико, что Цицерон именно через него «проталкивает» к Цезарю своего друга Требация и брата Квинта (например, Q. fr. II, 10; ad fam. VII, 6, 1; VII, 7, 1—2). Вероятно, после процесса Бальб предпочел на время уехать к своему покровителю в Галлию, но в конце 54 г. до н. э. он снова в Риме и, в частности, беседует с Цицероном (ad fam. VII, 16, 3). В Риме он прежде всего представляет интересы Цезаря. Так, когда Сципион ставит вопрос о галльских провинциях, что явно задевает Цезаря, именно Бальб ведет со Сципионом переговоры, пытаясь не допустить обсуждения этого вопроса. В это время, в конце 50-х годов до н. э., он уже усиленно обхаживает Цицерона, может быть по поручению своего начальника, стремясь привлечь знаменитого оратора на сторону Цезаря. «Он (т. е. Цезарь) шлет мне ласковые письма,— пишет Цицерон Аттику (VII, 3, 12),— то же от его имени делает Бальб». Цезаревский агент выступает за устройство триумфа и молебствий в честь побед Цицерона в Киликии. Он говорит Куриону, что тот, выступив против триумфа и молебствий, нанесет обиду Цезарю (Cic. ad fam. VIII, 11, 2). И настолько была уже известна близость его к галльскому проконсулу, что никто в этих словах не сомневался.

В период, непосредственно предшествующий гражданской войне, и даже в первое время после ее начала, Бальб, находясь в столице, выполнял очень важное поручение своего полководца: он вел переговоры с помпейцами и республиканцами о мире с Цезарем. Действительно ли Цезарь боялся войны и хотел мира на выгодных для себя условиях, или только маскировал подготовку к войне — независимо от этого он всячески

старался уверить римское общество в своем желании мира и соглашения. Вот эту-то задачу и выполнял Бальб, многим обязанный и самому Помпею, и помпеянскому консулу 49 г. до н. э. Лентулу (Cic. ad Att. IX, 7b, 2). Для Цезаря было важно, чтобы и такой известный политический деятель, как Цицерон, и законный консул Лентул остались в Риме или вернулись туда, и по поручению Цезаря Бальб делает все, что в его силах, для выполнения этой задачи. Он не раз пишет ласковые письма обоим (например, Cic. ad Att. VIII, 15a — дошедшее до нас письмо самого Бальба Цицерону), в ставку Помпея отправляется его племянник для переговоров с консулом (Cic. ad Att. VIII, 9, 4; 11, 5; Vel. Pat. II, 51, 3). Может быть, с этой же целью, а может быть просто из-за нежелания рвать со своим патроном, Бальб, находясь в Риме, захваченном цезарианцами, занимается всеми делами Лентула, о чем пишет Цицерону (ad Att. IX, 7b, 2), надеясь, по-видимому, что это известие дойдет до самого патрона.

О дипломатическом искусстве Бальба лучше всего свидетельствуют те немногие его письма к Цицерону, которые дошли до нас благодаря тому, что адресат пересылал их копии своему другу Аттику. Так, в первом из этих писем (ad Att. VIII, 15a) автор заклинает Цицерона взять на себя заботу о восстановлении согласия между Цезарем и Помпеем. В результате создается впечатление, что для Цезаря самое главное — восстановить мир и согласие с Помпеем, что самому Бальбу важнее всего — сохранить дружеские отношения с Лентулом и что он делает для этого все возможное, а единственным человеком, способным выполнить все эти задачи, является Цицерон. В том же духе написаны и другие письма (ad Att. IX, 7; 7a; 13a). Мы видим, что Бальб умело играет на самых уязвимых струнах цicerоновской души: на его непомерном честолюбии, на его преувеличенной уверенности в своей значимости для республики и для полководцев, борющихся за нее. В этих письмах (не исключено, что подобные писались и другим политическим деятелям) цезаревский агент распространял и копии посланий своего начальника, также полные якобы жажды мира.

Во время отсутствия Цезаря в Риме Бальб вместе с другим всадником, Оппием, фактически руководил всеми делами. Недаром Цицерон, находясь в Брундизии после отъезда из помпеевской армии и не имея пока возможности вернуться в столицу, именно на этих двух деятелей возлагает свои надежды (например, ad Att. XI, 14, 2; 8, 1—2; 18, 1). Однако, добившись цели, оторвав Цицерона от помпеянцев, Бальб не намерен далее ублажать оратора, и Цицерон жалуется, что письма Бальба к нему в Брундизий становятся все холоднее (ad Att. XI, 9, 1). Бальбу и Оппию дает Цицерон черновик своего письма Цезарю

и из-за их несогласия с текстом письма не отправляет его адресату (ad Att. XII, 51, 2; XIII, 1, 3; 25, 1). К Бальбу обращается Цицерон, чтобы узнать детали закона о муниципиях (ad fam. VI, 18, 1). Через Бальба и Оппия он пересылает Цезарю свою речь о Лигарии и свое одобрение цезаревского памфлета против Катона (ad Att. XIII, 19, 2; 51, 1). К ним же он обращается с просьбой разрешить Цецине оставаться в Сицилии (ad fam. VI, 8, 1). При этом автор письма делает многозначительную оговорку: Цезарь обычно утверждает все, что делают Бальб и Оппий в его отсутствие. В случае с Цециной оба деятеля, не ответив сразу, в тот же день все же дали ответ просителю; конечно, свестись с находящимся в Испании Цезарем они не успели. Этот случай ясно свидетельствует о том, что ряд вопросов оба всадника решали самостоятельно, хотя и от имени Цезаря. Цицерон даже утверждал что постановления сената пишутся у Бальба (ad fam. IX, 5). Вероятно, это лишь неприязненный выпад фрондирующего политика, лишённого реальной силы, и все же доля правды в этом, по-видимому, есть.

Бальб и Оппий были связующим звеном между отсутствующим Цезарем и теми, кто оставался в Риме. Кроме обычной они вели и шифрованную переписку с диктатором (Gell. N. A. XVIII, 9). Эта переписка, конечно же, касалась более важных государственных дел. По словам Тацита (ann. XII, 60), эти два всадника, опираясь на могущество Цезаря, могли решать вопросы войны и мира. При этом надо подчеркнуть, что они не занимали никаких официальных постов и, будучи частными лицами, выступали как агенты своего доверителя. И это чрезвычайно характерно для времени падения республики, когда не официальное положение, а близость к властителю играла главную роль. Может быть, тогда из-за стремления к реальной власти и возникли недоброжелательные отношения между Бальбом и Антонием, на что Бальб жаловался Цицерону уже после убийства диктатора (ad Att. XIV, 21, 2; XV, 2, 3). Бальб представлял и имущественные интересы Цезаря, как, например, в деле о наследстве Клувия, сонаследниками которого были, в частности, Цезарь и Цицерон (ad Att. XIII, 46, 3).

Гадитанин оставался весьма близким диктатору и после возвращения того в Рим. Интересно в этом отношении такое сообщение Цицерона (ad Att. XIII, 52): через два месяца после своего возвращения Цезарь уединился с Бальбом и вел с ним какие-то переговоры наедине. Светоний (Iul. 78, 1) рассказывает, что Цезарь не поднялся с кресла при приходе сенаторов, явившихся к нему в полном составе воздать почести. При этом существовала версия, будто бы желающего подняться диктатора удержал Бальб. Эту версию передает и Плутарх (Caes. 60).

210 Неизвестно, происходило ли все так на самом деле, по для па-

строения римлян это характерно: чужаку, выскочке, гадитанину приписывалось дурное влияние на недавнего любимца толпы.

Убийство Цезаря поставило Бальба в довольно щекотливое положение: он не мог рассчитывать на поддержку ни Антония, ни сената, ни римского плебса; не участвуя непосредственно в войнах, он не был связан с действующей армией и ветеранами; его богатства могли только вызвать зависть и желание с ним расправиться, как это уже было двенадцать лет назад. И он предпочел на какое-то время уехать на модный курорт в Байи. Бальб был действительно болен (вероятно, подагрой), об этом писал Цицерон еще в июле 45 г. до н. э. (*ad fam. VI, 19*). Однако болезнь едва ли была единственной причиной отъезда в Байи; недаром здесь тогда собрались и другие цезарианцы, которые в тот момент чувствовали себя очень неуютно, в том числе будущие консулы Гирций и Папса, которые в следующем году возглавят сенатскую армию, направленную против Антония. Особенно тесно Бальб сближается с Гирцием (*ad Att. XIV, 20, 4*). Не раз посещает он и Цицерона, который также предпочел уехать из Рима в свои поместья (*ad Att. XIV, 9, 3; 11, 2; 21, 2*). Вероятно, через Цицерона он пытается связаться с сенатскими кругами, столь презираемыми им еще недавно.

Новая надежда появилась для Бальба в лице юного наследника Цезаря. Когда в апреле 44 г. до н. э. Октавиан прибыл в Неаполь, Бальб был первым, кто встретил его там уже на следующий день после приезда (*ad Att. XIV, 10, 3*). И именно он первым принес Цицерону известие о том, что юноша примет наследство убитого. Бальб еще пытается заигрывать с Цицероном, говорит о своем желании сблизиться с Антонием (например, *ad Att. XIV, 21; XV, 5; 2, 8, 1*). Но он, по-видимому, уже в это время сделал ставку на Октавиана. Недаром после прибытия цезаревского наследника в Рим и Бальб отправляется туда же и уже из столицы извещает Цицерона о делах. Правда, в следующем году, когда борьба между сторонниками сената и Октавиана, с одной стороны, и Антония — с другой, вступила в решающую фазу (чтобы закончиться, как известно, созданием второго триумvirата), Бальб предпочел уехать из Италии в Испанию, где началась его карьера и где он столько лет не был (*ad fam. X, 32, 8*).

Выбор Испании был, конечно, не случаен. Уже давно между Бальбом и его бывшими согражданами сложились своеобразные отношения. После того как тот стал римским гражданином, гадитане заключили с ним соглашение о гостеприимстве (*pro Balbo XVIII, 41*). Это была форма почетного гражданства, подобно многим таким же соглашениям, документы которых

дошли до нашего времени. Был ли Бальб связан с другими испанскими городами, неизвестно. Летом 43 г. до н. э., когда Азиний Поллион писал Цицерону, Бальба уже не было в провинции. Возможно, он вернулся в Италию: ведь уже произошла битва при Мутине, во время которой сенатско-октавианские войска одержали победу над Антонием, а после гибели Пансы и Гирция Октавиан остается единоличным командующим этими войсками. И уже в это время намечается союз между всеми цезарианцами, так что Бальб мог счесть свое присутствие в Риме возможным и даже необходимым.

О дальнейшей жизни Бальба известно мало. Исчезает наш самый важный источник — письма Цицерона. Теперь до нас доходят только отрывочные сведения. Дошли некоторые монеты, по-видимому испанской чеканки, с упоминанием на аверсе триумвира Гая Цезаря, т. е. Октавиана, а на реверсе — пропретора Бальба [271, стлб. 1267]. Полагают, что он же упоминается Аппианом (V, 54), который назвал одного из пропреторов Испании 40 г. до н. э. только личным именем Люций [202, стлб. 1270; 271, стлб. 1267]. Следовательно, в предыдущем, 41 г., он занимал пост претора.

Во второй половине 40 г. до н. э. Бальб становится консулом (CIL I², p. 64, 64, 65; Dio Cass. XLVIII, 32; Plin. VII, 136), хотя и не ординарным, а суффектом. Он стал первым неиталийцем, получившим эту высшую и самую почетную официальную должность Римского государства. Ее надо рассматривать как награду за долгое служение Цезарю и Октавиану, ибо реальной властью Бальб, конечно, не обладал. Во всяком случае, он в это время имел гораздо меньшее влияние на римское правительство, чем тогда, когда, не занимая никакого официального поста, был одним из регентов Цезаря в Риме во время отсутствия диктатора. В этом же году Бальбу была оказана еще одна почесть: город Капуя избрал его своим патроном (CIL X, 3854). Упоминание консульского звания свидетельствует, что этот декрет был принят именно в год его консульства.

Из событий дальнейшей жизни Бальба известно только, что в 32 г. до н. э. он был призван к смертному ложу Аттика, как об этом упоминает Корнелий Непот в биографии цицероновского друга [21, 4].

Бальб был тесно связан со многими видными деятелями римской культуры. Его имя часто встречается в письмах Цицерона; из них же видно, что он был хорошим знакомым, даже другом Аттика. Бальб состоял в хороших отношениях с Варроном (Cic. ad fam. IX, 6, 1). Именно он побудил Гирция написать восьмую книгу «Записок о Галльской войне», таким образом был завершен литературный труд их общего покровителя и пачальника — Цезаря (Bel. Gal. VIII, praef.).

Сам Бальб также пробовал свои силы в латинской литературе. Биограф его отдаленного потомка императора Бальбина называет Бальба историком (SHA, Max. et Balb. 7, 3). На сочинение Бальба ссылается Светоний в своей биографии Цезаря (Iul, 81, 2), упоминая о приметах, предвещающих смерть диктатора. Вероятно, Бальб не только побудил Гирция описать конец подвигов Цезаря в Галлии, но и сам написал историю своего покровителя.

Год смерти Бальба неизвестен. Подражая Цезарю, он в своем завещании оставил каждому гражданину по 25 денариев (Dio Cass. XLVIII, 32, 2).

Вместе с Бальбом-старшим римским гражданином стал и его племянник Люций Корнелий Бальб-младший (Plin. V, 36). Это произошло, видимо, в его младенческие годы. О ранней карьере второго Бальба ничего не известно. Он, вероятно, служил при Цезаре в Галлии, и тот в феврале 49 г. до н. э. послал его к консулу Лентулу с письмом, в котором просил консула возвратиться в Рим (Cic. ad Att. VIII, 9, 4; 11, 5). Однако в Канузии, не дожидая до Брундизия, Бальб узнал об отъезде Лентула на Балкапы вслед за Помпеем (Cic. ad Att. IX, 6, 1). Мы не знаем, отправился ли он за Лентулом в помпеянский лагерь в этом же году. В начале следующего года мы застаем Бальба-младшего в войсках Цезаря в битве при Диррархии, во время которой он был ранен (Caes. bel. civ. III, 19). Выздоровев, он вновь берется за деликатное дипломатическое поручение и проникает, несмотря на опасности, «со смелостью, превышающей человеческую веру», в помпеянский лагерь и ведет непосредственные переговоры с Лентулом, уговаривая его вернуться в столицу (Vel. Pat. II, 51, 3). В 47 и 45 гг. до н. э. Бальб-младший посылает Цицерону письма из штаб-квартиры Цезаря (ad Att. XI, 12, 1; XII, 38, 2). Следовательно, в отличие от своего дяди, остававшегося в Риме, племянник участвует во всех (или почти во всех) походах Цезаря, находясь в ставке Цезаря и в Александрии, и в Испании. Возможно, что, отдавая незадолго до своей смерти распоряжения о должностных лицах на следующий, 43 год, диктатор не забыл и Бальба-младшего, назначив его квестором в Дальнюю Испанию. В 43 г. до н. э. Бальб оказывается в этой должности при наместнике Азинии Поллионе, отношения с которым были далеко не дружественными.

Нам ничего не известно о деятельности Бальба-младшего в остальных городах провинции. В Гадесе же он, по словам Азиния Поллиона, ведет себя, подобно Цезарю в Риме. Мы видим, как этот гадесский цезарь самовластно распоряжается в своем родном городе: дарует всадническое звание актеру Гереннию Галлу, назначает себя кваттуорвиром и продлевает свой кваттуорвират, проводит городские комиции, на которых, подобно

Цезарю, заставляет избрать кандидатов на два года вперед, устраивает игры, возвращает изгнанников, сжигает помпейнца Фадия и даже бросает диким зверям римских граждан, в том числе какого-то торговца из Гиспалиса.

Возможно, именно в это время по инициативе и на средства Бальба был построен для гадитан новый город и порт на материке, о чем пишет Страбон (III, 5, 3). Впрочем, не исключено, что эти постройки относятся к более позднему времени. Страбон, упоминая о них, называет их автором Бальба — гадитанина-триумфатора. Если следовать словам географа буквально, то надо полагать, что новый город и порт создавались уже после триумфа Бальба, т. е. после 19 г. до н. э. Может быть, к этому времени он получил баснословные богатства своего дяди. Но к какому бы времени ни относилось благодеяние Гадесу, гадитане чтят его память. На гадитанских памятных медалях с латинскими легендами конца I в. до н. э. и начала следующего упоминается и Бальб. Этот человек оказался единственным, не принадлежавшим к императорской семье, которому гадитанами была оказана столь высокая честь. Правда, в отличие от Августа и членов его семейства Бальб не изображается, а только упоминается в надписи [206, стр. 74, 77, 79—80]. Бальб устанавливает связи и с другими испанскими городами, хотя явно и после 43 г. до н. э.

Бальб оставался в Гадесе недолго. Уже 1 июня того же, 43 г. он предпочел по неизвестной нам причине переправиться в Мавританию, захватив с собой, по словам Азиния Поллиона (Сis. ad fam. X, 32, 1), все государственные деньги, золото и серебро и не уплатив даже солдатам. Куда он затем направился, неизвестно. Поскольку мавританский царь Богуд, к которому первоначально перебрался Бальб, был сторонником Антония, то едва ли дружба между ними могла быть продолжительной. Однако ничего точного о его жизни мы не знаем до тех пор, пока Август не сделал Бальба-младшего консуляром (Vel. Pat. II, 51), т. е. ввел его, до того не занимавшего никакой курульной должности, в сенат в ранге бывшего консула. И вскоре он был направлен в должности проконсула в провинцию Африку. В этой должности он совершил поход против африканского племени гарамантов, живущих в Сахаре, может быть в районе современного Фецдана [40, стр. 317]. За этот поход Бальб-младший удостоился триумфа (Vel. Pat. II, 51, 3), а также титула императора (в республиканском смысле), каковой упоминается в той же надписи из колонии Норбы, посвященной Бальбу, патроном которой он становился в какое-то время после 19 г. до н. э. [185, стр. 186, № 18]¹. Как Бальб-старший был первым пента-

¹ Может быть, не случайно, что внуки Бальба носили имена Норбана Флакка и Норбана Бальба (PIR², 1331).

лицем, получившим пост консула, так и Бальб-младший стал первым неиталийцем (фактически, с римской точки зрения, иностранцем), которому был дарован титул императора и были возданы почести триумфатора. Он же оказался и последним человеком, не принадлежавшим к императорскому дому, удостоенным такой чести.

Из последующих событий жизни Бальба-младшего нам известна только постройка им театра в Риме на Марсовом поле, освященного в 13 г. до н. э. (Suet. Aug, 29, 5; Dio Cass. LIV, 25, 2). Это был один из первых трех каменных театров Рима — на 7—8 тыс. зрителей, — но построенный с пышностью и роскошью; так, Плиний (XXXVI, 60) говорит о четырех ониксовых колоннах, стоявших в этом театре. С театром был связан и крытый портик, так называемый Крипта Бальба, для отдыха и укрытия от дождя [9, т. II. кн. 2, стр. 167; 222, стлб. 1732; 366, стлб. 1422]. Театр этот простоял 93 года, и в 80 г. н. э. сгорел вместе со многими другими зданиями Рима (Dio Cass. LXVI, 24, 2). В период постройки театра Бальб принадлежал к видным гражданам Рима, и Светоний в своей биографии Августа (Aug. 29, 4—5) называет его вместе с Марцием Филиппом, Азинием Поллионом, Агриппой и др. О дальнейшей жизни Бальба-младшего мы ничего не знаем.

Как и его дядя, младший Бальб был хорошо знаком с видными деятелями римской культуры своего времени, как, например с Цицероном и Аттиком. Сам он также занимался литературной деятельностью. В цитированном письме Азиния Поллиона к Цицерону говорится о претексте, т. е. пьесе на сюжет из римской истории, сочиненной Бальбом-младшим. В этих своеобразных «театральных мемуарах» автор, вероятно, следуя примеру Цезаря, описывал свои деяния пятилетней давности, однако не в прозе, а в более яркой и доступной сценической форме. Пьеса была поставлена в 43 г. до н. э. в Гадесе. Возможно, такая форма была связана с особенностями Гадеса. Во-первых, большинство граждан, может быть, еще не слишком хорошо знали латинский язык, чтобы читать прозаические произведения, а на сцене они могли видеть пример доблести своего патрона. Во-вторых, Бальб, видимо, хотел, чтобы в новом и притом его родном муниципии все напоминало столицу, и во время игр здесь тоже давалась пьеса на сюжет из жизни выдающегося (как он считал) согражданина. Предполагается, что претекста называлась «Путь» [202, стлб. 1271].

Написал Бальб также «Толкования». Общий объем этого сочинения неизвестен, но книг должно было быть не меньше 18, ибо о XVIII книге упоминает Макробий в «Сатурналиях» (III, 6, 16). Так как Макробий дает название произведения в греческой форме Ἐξηγητικά, то можно думать, что и само

произведение было написано по-гречески. Здесь Бальб рассматривает различные проблемы, связанные с культами, в том числе культами Геркулеса и Гименея. Переданный Бальбом миф о Гименее упоминает Сервий в комментарии к «Энеиде» (IV, 127). Сам Бальб-младший был связан с римским жречеством: судя по упомянутым выше гадитанским медалям, он был членом коллегии понтификов.

Мы подробно остановились на биографиях двух Бальбов, первых, насколько нам известно, гадитан, игравших значительную роль в политической и культурной жизни Рима. Правда, их значение в истории римской культуры известно намного меньше, чем их политическая роль: сами их произведения не сохранились, а древние авторы, сообщавшие о них, были больше озабочены значением Бальбов как политических деятелей.

Гадес и позже давал Риму людей, имевших определенное влияние в администрации, армии, римском сенате. Можно назвать Корпелия Пузиона, бывшего при Веспасиане плебейским трибуном, претором легиона и, наконец, консулом (PIR² C, 1425). При первых трех Антонинах из Гадеса вышли четыре сенатора, среди них Марк Антоний Вер, отец будущего императора Марка Аврелия [148, стр. 67, 74]. Возрастание роли гадитан в высшей администрации Римской империи характерно для того времени, оно вообще соответствует возрастанию веса провинциалов в управлении государством. Однако в истории римской культуры эти люди никакой роли не сыграли. Мы же остановимся на тех деятелях, которые родились в Гадесе и имели определенное значение в культурной жизни Рима.

До наших дней дошли сведения о некоторых гадитанах, прославившихся в области римской культуры I в. н. э. Это агроном Колумелла, философ Модерат и поэт Каний Руф². От сочинений последнего ничего не сохранилось, и мы знаем о нем только по упоминаниям его друга Марциала. О философе Модерате известно из более поздних произведений неоплатоников. И только о Колумелле можно судить на основании его сочинения «О сельском хозяйстве».

Люций Юний Модерат Колумелла родился в Гадесе. Он принадлежал к трибе Галерии (Col. IX, 235), причислением к которой Цезарь дал гадитанам гражданство. Колумелла был современником известных деятелей середины I в. н. э. — философа Сенеки, о поместье которого он упоминает (III, 3, 3),

² Р. Тувено [351, стр. 670] считал уроженцем Гадеса также известного оратора (точнее, декламатора) второй половины I в. до н. э. Марка Порция Латрона. Однако свидетельств его гадитанского происхождения нет, а упоминание Сенекой Старшим дружбы с Латроном с раннего детства (Contr. I praef. 13) скорее говорит о его кордубском происхождении [ср. 210, стлб. 234].

и его брата Галлиона (IX, 16, 2), а также других известных людей времени Клавдия — Нерона. Его дядя с отцовской стороны был, по словам писателя, ученым земледельцем Беттики, и он не раз упоминал его в своем труде (например, II, 16, 4; V, 5, 15 и др.). Видимо, дядя и привил племяннику любовь к сельскому хозяйству. Кроме дяди Колумелла не упоминает никого из своих родных, так что, возможно, он остался сиротой и дядей же был воспитан [26, стр. 15]. Родину Колумелла покинул молодым, был военным трибуном VI Железного легиона, получил (где и когда, неизвестно) обычное римское образование. Но затем он отказался от военной или административной карьеры и посвятил себя сельскому хозяйству, занимаясь и теорией, и практикой. Он приобрел несколько небольших имений в Италии (III, 3, 3; 9, 2) и написал несколько произведений, из которых до нас дошло 12 книг труда «О сельском хозяйстве» и одна книга сочинения «О деревьях», созданные, вероятно, в 61—65 гг. н. э. [15, стр. 140].

Переехав в Италию, Колумелла стал полностью италийцем. Он чувствовал свою связь с ее историей, предков римлян считал своими предками. Однако вопреки широко распространенному мнению он помнил о своем рождении в Гадесе. Этот город он называет «нашим муниципием» (VIII, 16, 9), «моим Гадесом» (X, 18, 5). Помнит он о разведении латука вблизи своего города (XI, 3). И все же в своей книге он обращается прежде всего к италийцу, учитывает италийские почвы и климат, стремится поднять италийское земледелие [26, стр. 14]³. Источник его знаний и рекомендаций — книги греческих и латинских авторов (I, 1, 4—14), но главным образом — собственный опыт земледельца и опыт его соседей. «Их (авторов книг. — Ю. Ц.) ... позови на совет, но только не рассчитывай, что постигнешь всю науку из их учения... Опыт и практика — вот господа в каждой области знания» (I, 1, 15—16, см. 26, стр. 121). Колумелла — представитель интенсивного земледелия, сторонник рационализаторского течения в римской агрономии [26, стр. 24]. Его сочинение является первоклассным источником наших знаний о сельском хозяйстве Италии I в. н. э.

Философ Модерат, возможно, был родственником Колумеллы; он также происходил из Гадеса (Porph. vit, Pyth. 48). О его жизни ничего не известно. Можно лишь сказать, что наряду с Аполлоном Тианским он был крупнейшим представителем неопифагореизма I в. н. э. [356, стр. 516].

Неопифагореизм, типично идеалистическая и очень близкая к религии философия, возникает в I в. до н. э., когда в римском

³ Более подробно о Колумелле см. в очерке М. Е. Сергеевко: [26, стр. 14—22].

обществе все шире распространяется мистицизм и любовь к экзотическим учениям, столь непохожим на сухую и формальную римскую религию. Одновременно возрождается интерес к «древним мудрецам», в том числе к учению и личности Пифагора. Появились философы, считающие себя его последователями. Между различными представителями неопифагореизма существовали весьма ощутимые различия в толковании тех или иных вопросов. Неопифагореизм был эклектичен, он лишь по форме примыкал к древнему пифагорейству, но в действительности присоединил к древней пифагорейской мысли столько платонических, аристотелевских и стоических моментов, что его скорее можно рассматривать как одно из проявлений среднего платонизма, чем как продолжение философии пифагорейского союза VI—V вв. [135, стлб. 271—272]. С представлениями Пифагора и его учеников неопифагорейцев роднит только любовь к мистике чисел и резко теологически-моральная окраска учения. Даже из наследия Платона они берут только то, что в наибольшей степени относится к теологии. Они пытаются понять божество через символику чисел, а в повседневной жизни огромное значение придают «очищению» и «праведности» [135, стлб. 273]. В соответствии с этим в неопифагореизме выделяются два направления: практическое, занимающееся проповедью пифагорейских добродетелей и выродившееся в магию и шарлатанство, и теоретическое, посвятившее себя истолкованию тайн божества и мира. Если Аполлоний Тианский был представителем первого направления, то Модерат стал пропагандистом теоретического неопифагореизма I в. н. э.

Модерат написал одиннадцать книг «Пифагорейских бесед», в которых кроме изложения учения дал, по-видимому, также биографию Пифагора и историю пифагорейской философии [102, стлб. 2320; 135, стлб. 276]. Написано им было и сочинение «О материи». Он пытается соединить учения Пифагора и Платона, утверждая, что второй свое учение о материи заимствовал у первого [102, стлб. 2318—2319]. Говоря о возникновении материального мира, Модерат заявляет, что единый разум $\delta\ \epsilon\nu\kappa\alpha\iota\omicron\varsigma\ \lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ порождает сам из себя качества, лишая себя всех форм ($\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma\ \tau\omega\nu\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \lambda\acute{o}\gamma\omega\nu\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\iota\delta\omega\nu$). По мнению исследователей, здесь разум противопоставляется «протяжению», понимаемому как бесформенная материя [102, стлб. 2319]. Следуя пифагорейской традиции, Модерат увлекается мистикой чисел, считая, что числа — только способ передать понятие о бестелесных образах и первопричинах, которые не могут быть восприняты через обдумывание и представление (Porph. vit. Pyth. 48—49). В отличие от древних пифагорейцев он, насколько нам известно, имеет дело только с двумя числами: единицей ($\epsilon\iota\varsigma$, $\mu\epsilon\nu\acute{\iota}\varsigma$, монада) и двойкой ($\delta\upsilon\acute{\omicron}\varsigma$, диада).

Единица — принцип единства, тождества и равенства, причина всеобщего согласия и симпатии, ибо все это едино по своей природе; двойка — принцип раздела и неравенства, всеобщего разделения и изменения (Porph. vit. Pyth. 49—50). Превращение единицы в двойку и есть творение материального мира. Душа также понимается Модератом как математическая гармония, так как в ней происходит превращение различающегося в соразмерное и согласующееся (Stob, I, 864).

Ничего другого о теориях Модерата не известно. Однако и сказанного достаточно, чтобы понять, что перед нами типично идеалистическая философия, которая полностью согласуется с общей характеристикой неопифагореизма. Рациональные моменты пифагорейского учения оказались отброшенными, а оставшаяся числовая символика была соединена с наиболее идеалистическими элементами платоновской философии. Судя по цитатам из работ Модерата у неоплатоников, он должен был оказать значительное влияние на последующую идеалистическую философию, в том числе на неоплатонизм [102, стлб. 2320], некоторые идеи которого он предвосхитил.

Последним гадитанином, известным среди римской интеллигенции I в. н. э., был поэт Каний Руф. От его стихов до наших дней ничего не дошло, и мы должны верить на слово Марциалу, от которого только и узнаем о нем. Руф был другом знаменитого автора эпиграмм, и его имя не раз упоминается в этих эпиграммах, иногда иронически, чаще дружески, его вместе с другими друзьями приглашает на свой скромный обед поэт (Mart. X, 48). О жизни Руфа известно очень немного. Мы знаем только, что он родился в Гадесе (I, 61), что его жена Теофила (может быть, гречанка или отпущенница, а может быть, это имя — лишь псевдоним римлянки, подобно катулловской Лесбии) занималась философией, и Марциал в своем дружеском рвении утверждает даже, что она могла бы стать украшением эпикурейской и стоической школ (III, 69). Возможно, что, подобно Марциалу, Руф вел в Риме жизнь клиента и среди его покровителей были, вероятно, братья Лукан и Тулл, в деревне которых он иногда проводил время (III, 20, 17). Поэтический талант своего друга Марциал ставил довольно высоко: он сравнивает его с Вергилием, Овидием, Луканом и двумя Сенеками, а также с Аполлодором, Стеллой, Флакком (явно не Горацием), Децианом и Лицинианом, сочинения которых, как и Руфа, до нас не дошли (I, 61). Судя по словам Марциала, Руф был разносторонним писателем. Он писал истории (или исторические поэмы) о временах Клавдия и Нерона, сочинял элегии и эпические поэмы (может быть, последнее обстоятельство давало Марциалу, недолюбливавшему эпос, повод иногда называть друга болтуном) (III, 64), создавал трагедии наподобие

софокловых, соперничал с баснописцем Федром (III, 20, 2—7). Руф был довольно известен в литературных кругах, блистал во время возникавших там споров, отличался остроумием (I, 68; III, 20, 8—9). Тем более жаль, что собственных его стихов мы не знаем.

Из Гадеса происходили и некоторые знаменитые женщины. Таковы были Паулина, мать императора Адриана, и его жена Сабина. Вокруг Сабина на женской половине императорского дворца собирались образованные люди, среди которых были префект претория Септиций Клар и известный историк Светоний. Судя по всему, это были люди, связанные с идеологией предшествующего правления. Светоний полностью разделял взгляды траяновского времени с его ненавистью к тирании и преклонением перед хорошими правителями [36, стр. 258]. Септиций Клар, покровитель Светония, был близким другом Плиния-младшего — идеолога траяновского царствования. Да и сама Сабина, племянница Траяна (дочь его сестры), была связана с предыдущим временем. Не это ли было причиной недолгого существования ее кружка, разогнанного Адрианом в 121 или 122 г. (SHA, *Had.* 11, 3), и даже причиной ее смерти? Ибо она была отравлена императором (там же, 23, 9) в последние годы его царствования, когда все яснее стал проявляться его деспотизм.

Таковы были наиболее известные уроженцы Гадеса, сыгравшие значительную роль в культурной жизни Рима I в. до н. э. — начала II в. н. э. Конечно, гадитанами они были только по рождению. По образу жизни, воспитанию, кругу близких людей, интересам и даже месту жительства это были типичные римляне. Лишь покинув Гадес, они смогли прославить его. Но нам важно сейчас убедиться, что Гадес, войдя в состав Римской державы, настолько романизировался, что его граждане сумели внести свой вклад в римскую культуру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В политической истории испано-финикийских городов четко выделяются три периода. Первый начинается с появления тирских колонистов на Пиренейском полуострове в конце II тысячелетия до н. э. и завершается подчинением Гадеса Карфагену на рубеже VI—V вв. В этот же период карфагеняне появляются недалеко от испанских берегов и основывают колонию Эбес. Второй период истории испанских финикийцев — время нахождения их в составе Карфагенской державы. Карфагенские владения выходят за рамки узкой полосы старых финикийских колоний и охватывают значительную часть Испании. Во второй половине III в. до н. э. здесь существует держава Баркидов, только номинально подчиняющаяся карфагенскому правительству. Крушение этой державы и подчинение испано-финикийских городов римлянам в конце III в. до н. э. явилось границей между вторым и третьим периодами. Наконец, третий — это время романизации. Он завершается в I в. н. э., когда испано-финикийские города теряют своеобразный характер и превращаются в обычные провинциальные муниципии Римского государства.

С точки зрения истории испано-финикийской культуры первые два периода составляют одну эпоху, ибо Карфаген также был финикийским городом и подчинение ему не изменило характера цивилизации финикийской Испании. Конечно, в это время появляются новые черты в культуре. Но все же в целом она сохранила свои основные черты.

В культуре финикийцев, обосновавшихся в Испании, ясно выделяются два течения: собственно испано-финикийское, процветавшее в тирских колониях, и испано-пуническое, жившее в колониях карфагенских. Различия между ними отмечают и в религии, и в искусстве, и даже в письменности, хотя в последнем случае недостаток материала не дает оснований для веских выводов. Во всяком случае, можно отметить, что культура Гадеса, Малаги и других поселений, основанных тирийцами, все время была связана с Финикией, в то время как Эбес и Бария ориентировались на Карфаген. Это проявилось, в частности, и во внешних воздействиях: греческое влияние, весьма осязаемое в памятниках испано-пунической (как и пунической вообще) культуры, практически отсутствует у прямых потомков тирийцев, а эллинизирующий вид гадитанского саркофага IV—III вв. объясняется сохранением связей с восточной метрополией, а не прямым влиянием греческого искусства. Мы видим, что искус-

ство в одной сфере испано-финикийской культуры более декоративно и живописно, в другой — более строго и сухо. В религии одних сохраняются старые культы, вывезенные с далекой отчины, особенно культ Мелькарта, покровителя Тира, у других — главное место занимает почитание Тиннит, как в Карфагене.

Характерной чертой испано-финикийской культуры является ее консервативность. В искусстве, ремесле, религии, письменности (может быть, даже в тех или иных проявлениях повседневной жизни) сохраняются отдельные элементы и признаки, свойственные более ранним ступеням развития финикийской цивилизации и уже исчезнувшие или исчезающие как на Востоке, так и в Карфагене. Надо отметить, что культура карфагенских колоний в целом следовала за культурой метрополии.

Финикийцы, живущие в Испании, не могли не оказать влияния на местных жителей этой страны. Особенно оно проявилось в культуре Тартесса, государства, с которым гадитане и их соотечественники были связаны наиболее тесно, несмотря на постоянную враждебность. Местные жители (тартессии, иберы) в то время стояли на более низкой ступени развития, и, естественно, во взаимодействии двух народов больше чувствовался финикийский вклад. Тартессийская культура была ориентализирующей, и восточные элементы в ней проявлялись в гораздо большей степени, чем в Этрурии и Греции ориентализирующей поры. Финикийское воздействие продолжалось и после разгрома Тартессийской державы, во второй половине I тыс. до н. э. В то же время ряд особенностей испано-финикийской культуры, такие, как использование сырцового кирпича в постройке домов или сожжение мертвецов, объясняются влиянием местного населения.

В западнофиникийский круг цивилизации, центром которого был Гадес, входили и земли по ту сторону пролива, от Рахгуна на северо-востоке до Могадора на юго-западе. Особенно это единство проявляется в ремесле. Таким образом, западнофиникийская сфера включает Южную Испанию и Северо-Западную Африку. Испано-пунические города Юго-Восточной Испании и Питгуссы входят в иной круг, который можно назвать центральнофиникийским и который обычно именуется пуническим; центр его находился в Карфагене.

Содержанием второй эпохи истории финикийской культуры в Испании является процесс ее романизации. Хотя эта культура имела тысячелетние традиции и первоначально полностью сохраняла свой характер и силу воздействия на соседей, в конце концов она не смогла оказать сопротивления общегосударственной цивилизации Римской державы и постепенно растворилась в ней. Потомки тирских колонистов забыли свой язык, свои обычаи, свой образ жизни и превратились в римлян. Удержались лишь те элементы старого быта, которые вошли как составная

часть в жизнь римского Средиземноморья, как, например, культ гадитанского Мелькарта-Геркулеса. Конец I в. до н. э.— I в. н. э.— вот время исчезновения самостоятельной испано-финикийской культуры. Это, конечно, не случайно. Переход от Римской республики к Римской империи означал становление единого средиземноморского государства (взамен державы римского народа с системой его «поместий»), в котором, как говорил Ф. Энгельс, «исчезли все национальные различия» [1а, т. 24, стр. 146]. Таким образом, история испано-финикийской цивилизации отражает общий ход развития Средиземноморья.

Тринадцать столетий, с XIII в. до н. э. до I в. н. э., на Пиренейском полуострове и невдалеке от его берегов процветала интереснейшая культура, являющаяся связующим звеном между двумя мирами. На крайнем юго-западе Европы развивалась типично восточная культура, своими корнями, традициями, общим направлением связанная с Ближним Востоком. Испанские финикийцы внесли значительный вклад в культурное развитие западного мира, в частности самой Испании. Отдельные элементы созданной ими культуры продолжали жить вплоть до конца античности. Путешествия гадитан и их соотечественников расширили горизонт известного в то время мира. А некоторые города, основанные финикийцами, существуют до сих пор. Одному из этих городов — Кадису, древнему Гадесу, посвятил стихи сын этого города Рафаэль Альберти:

Финикийские руки твои принесли побеги оливы
и ошейник упругий,
чтоб стянуть среброносное Тарсово горло.
Там, в глухих рудниках, ты нашел драгоценную залежь,
потянулся к ней жадно,
и по морю поплыло твое серебро.
В беспокойных порывах соленого ветра
зазвенело победно имя твое,
и в коварном белесом тумане,
застилающем влажные дали,
ты открыл глазам моряков
свои синие двери к сокровищам Тарса...
Ты раздвинул рукой океана пределы,
и твои корабли рассекали носами
голубые дороги далеких морей,
и вели тебя к цели созвездья Востока,
и сгибал твои мачты полуночный бриз...
И вздохнула пучина под тяжестью новых судов,
зашумел в парусах жаркий ветер Востока,
и твоим якорям, не свинцовым, а из серебра,
удивлялась волна, удивлялись лазурные порты.
Слышу снова я песни твоих моряков,
слышу — весла сбивают тяжелую пену,
сквозь завесу лучей, заливающих море,
слышу внятное эхо античных веков.
Город солнца, серебряный кубок! (пер. Г. Шмакова)

- ВДИ — «Вестник древней истории», М.
 AA — «Archäologischer Anzeiger», Berlin.
 ABSA — «The Annual of British School at Athens», London.
 AEArc — «Archivo Español de Arqueología», Madrid.
 Ael. Arist. Or.— Aelii Aristidi Orationes.
 Ael. Var. hist.— Claudii Aeliani Varia historica.
 AJA — «American Journal of Archaeology», Princeton.
 Amm. Marc.— Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt.
 Annali di Pisa — Annali della Scuola Superiore normale di Pisa, classe di lettere e filosofia.
 Ant. Afr.— «Antiquités Africaines», Paris.
 APL — «Archivo de Prehistoria Levantina», Valencia.
 App. Hisp.— Appiani Bellum Hispaniense.
 App. Lyb.— Appiani Bellum Lybicum.
 Arrian. Alex.— Flavii Arriani Anabasis Alexandri.
 Ath. Pol.— Athenei Poliorcetici περί μηχάνημάτων
 AV — «Archéologie vivante», Paris.
 Aug. Quest. in Hept.— Aurelii Augustini Questionum in Heptateuchum libri VII.
 Av. or. mar.— Avieni ora maritima.
 BAM — «Bulletin d'Archéologie Marocaine», Casablanca.
 BASOR — «Bulletin of the American School of Oriental Researches», New Haven.
 BSEE — «Boletín de la Sociedad Española de los Excursiones».
 Bul. MB.— «Bulletin de Musée de Beyrouth», Beyrouth
 Caes. bel. civ.— C. Iulii Caesaris Commentarii de bello civili.
 Caes. bel. Gal.— C. Iulii Caesaris Commentarii de bello Gallico.
 Cic. ad Att.— M. Tullii Ciceronis epistulae ad Atticum.
 Cic. ad fam.— M. Tullii Ciceronis epistulae ad familiares.
 Cic. pro Balbo — M. Tullii Ciceronis oratio pro Balbo.
 Cic. Q. fr.— M. Tullii Ciceronis epistulae ad Quintum fratrem.
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum, Berolini.
 CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum, Parisiis.
 Clem. Alex. Strom.— Clementi Alexandrini, Stromata.
 Col.— L. Junii Moderati Columellae rei rustici libri.
 CRAI — «Comptes rendues de l'Académie des inscriptions et belles lettres», Paris.
 Dio Cass.— Dioni Cassii Cocceiani Historia Romana.
 Diod.— Diodori Siculi Bibliothecae historicae quae supersunt.
 Eus. Chron.— Eusebii Chronicorum Canonum.
 Eus. praep. ev.— Eusebii praeparationis euangelicae libri.
 Eust. ad. Dion — Eustathii Commentarii ad Dionisium Periegetum.
 F. Gr. Hist.— Die Fragmente der griechischen Historiker.
 Ez.— Ezechiel (Biblia Hebraica).
 FHA — «Fontes Hispaniae Antiquae».
 FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum.
 Gell. N. A.— Auli Gellii Noctes Atticae.
 Gen.— Genesis (Biblia Hebraica).
 Her.— Herodoti Historiarum libri IX.

Hes.— Hesychii Alexandrini Lexicon.
 Hesiod. op. et dies.— Hesiodi opes et dies.
 Hesiod. Theog.— Hesiodi Theogonia.
 Hom. Il.— Homeri Ilias.
 Hom. Od.— Homeri Odyssea.
 ICO Spa — «Le iscrizioni fenicie e puniche delle colonie in Occidente», cap. IV, Spagna. Iscrizioni fenicie e puniche.
 ICO Spa Bolli — «Le iscrizioni fenicie e puniche delle colonie in Occidente», cap. IV, Spagna. Bolli d'anfora.
 ICO Spa Npu — «Le iscrizioni fenicie e puniche delle colonie in Occidente», cap. IV, Spagna. Iscrizioni neopuniche.
 Ies.— Iesaja (Biblia Hebraica).
 Ion.— Iona (Biblia Hebraica).
 Ios. Ant.— Iosephi Flavii Antiquitates Iudaicae.
 Ios. contra App.— Iosephi Flavii contra Appionem.
 Isocr. Archidam.— Isocrati Archidam.
 Iud.— Iudices (Biblia Hebraica).
 Iust.— Marci Iuniani Iustini Trogi Pompei Historiarum Philippicarum epitoma.
 JA — «Journal Asiatique», Paris.
 JAOS — «Journal of the American Oriental Society», New Haven.
 JHS — «The Journal of Hellenic Studies», London.
 JRS — «The Journal of Roman Studies», London.
 KAI — Kanaanäische und aramäische Inschriften.
 Liv.— Titi Livii ab urbe condita libri.
 Luc. de dea Syra — Luciani Samosatensis de dea Syra.
 Macrob. Saturn.— Ambrosii Theodosii Macrobiani Saturnalia.
 Mart.— M. Valerii, Martialis epigrammaton libri.
 Mela — Pomponii Melae de chorographia libri tres.
 Mélanges USJ.— «Mélanges de Université Saint-Joseph», Beyrouth.
 MM — «Madrider Mitteilungen», Heidelberg.
 Nep. Hannib.— Cornelii Nepotis vita Hannibali.
 Paus.— Pausanii Graeciae descriptio.
 Phil. Apoll.— Philostrati vita Apollonii Tyanensis.
 Pind. Ol.; Nem.; Istm.; Pyth.— Pindari Carmina Olympica; Nemeica; Istmica; Pythica.
 PIR² — «Prosopographia Imperii Romani», editio secunda.
 Plin.— C. Plinii Secundi Naturalis Historiae libri.
 Plut. Caes.— Plutarci vita Caesaris.
 Plut. Solo — Plutarci vita Solonis.
 Pol.— Polybii Historiae.
 Porph. de abst.— Porphyrii de abstinentia.
 Porph. vit. Pyth.— Porphyrii de vita Pythagori.
 Ps.— Psalmi (Biblia Hebraica).
 Ps.-Arist. de mirab. ausc.— Pseudo-Aristotelis de mirabilibus auscultationibus.
 Ps.-Sc.— Pseudo-Scimni orbis descriptio.
 Ptol.— Claudii Ptolemaei Geographica.
 RA — «Révue archéologique», Paris.
 RE — «Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft», Stuttgart.
 I Reg.— I Regum liber (Biblia Hebraica).
 RH — «Révue historique», Paris.
 RSO — «Rivista degli Studi Orientali», Roma.
 Sallust. Iug.— C. Sallustii Crispi bellum Iugurthinum.
 I Sam.— I Samueli liber (Biblia Hebraica).
 SHA Hadr.— Scriptores Historiae Augustae, de vita Hadriani.
 SHA Max. et Balb.— Scriptores Historiae Augustae, de vita Maximini et Balbini.

Sil. It.— Siliii Italici Punica.
Steph. Byz.— Stephani Byzantii Etnicorum quae supersunt.
Stob.— Stobei Ioanni Opera.
Strabo — Strabonis Geographica.
Suet. Aug.— C. Suetonii Tranquilli de vita divi Augusti.
Suet. Iul.— C. Suetonii Tranquilli de vita divi Iulii.
Tac. Ann.— Cornelli Taciti Annales.
Thuc.— Thucididis Historiae.
Vel. Pat.— C. Vellei Paterculi ex historiae Romanae libris duobus.
Vitruv.— Vitruvii de architectura libri decem.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Критика политической экономии (черновой набросок 1857—1858 годов),— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 46, ч. I, II.
- 1а. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21.
2. В. И. Ленин. К пересмотру партийной программы,— Полное собрание сочинений, т. 34.
3. И. Д. Амузин. Тексты Кумрана, вып. I, М., 1971.
4. М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов, Л.— Прага, 1966.
5. В. К. Афанасьева. Одна шумерская песня о Гильгамеше и ее иллюстрация в глиптике,— ВДИ, 1962, № 1.
6. В. Д. Блаватский. Античная археология в Северном Причерноморье, М., 1961.
7. В. Д. Блаватский. Античный город,— сб. «Античный город», М., 1963.
8. Б. Р. Виппер. Искусство древней Греции, М., 1972.
9. Всеобщая история архитектуры, М., 1949—1973.
10. П. А. Гринцер. Две эпохи литературных связей,— «Типология и взаимосвязь литератур древнего мира», М., 1971.
11. И. М. Дьяконов. Эпос о Гильгамеше (О все выдавшем), М.— Л., 1961.
12. Л. А. Ельницкий. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э., М., 1964.
13. Н. Н. Залесский. Этруски и Карфаген,— «Древний мир», М., 1962.
14. Ф. Ф. Зелинский. Древнегреческая религия, Пг., 1918.
15. История римской литературы, т. 2, М., 1962.
16. В. А. Истрин. Развитие письма, М., 1961.
17. М. М. Кобылина. Милет, М., 1965.
18. В. И. Козловская. Древнейшая письменность иберов и ее средиземноморские связи,— ВДИ, 1971, № 3.
19. В. И. Козловская. Проблемы истории Тартесса и Тартессиды, Воронеж, 1971.
20. К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества, Л., 1951.
21. М. А. Коростовцев. Путешествие Ун-Амуна в Библ, М., 1970.
- 21а. И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. II, М., 1956.
22. А. В. Мишулин. К интерпретации надписи Эмилия Павла,— «Известия АН СССР», сер. истории и философии, 1946, № 4.
23. А. В. Мишулин. Античная Испания, М., 1952.
24. Д. Д. Петерс. Финикийская и греческая колонизация на Пиренейском полуострове,— «Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина», 1942, т. 28.
25. В. М. Полевой. Искусство Греции, М., 1970.
26. М. Е. Сергеевко. Ученые земледельцы древней Италии, Л., 1970.
27. С. Л. Утченко. Кризис и падение Римской республики, М., 1965.
28. Н. Д. Флитнер. Искусство Двуречья и соседних стран, М.— Л., 1958.
29. Ю. Б. Циркин. Первые греческие плавания в Атлантическом океане,— ВДИ, 1966, № 4.

30. Ю. Б. Циркин. К вопросу об источнике «массалиотского пассажа» Помпея Трога,— «Вестник Ленинградского государственного университета», 1968, № 2.
31. Ю. Б. Циркин. К вопросу о родосской колонизации в Испании и Галлии,— ВДИ, 1970, № 1.
32. Исследования по дешифровке карийских надписей, М., 1965.
33. И. Ш. Шифман. Возникновение Карфагенской державы, М.—Л., 1963.
34. И. Ш. Шифман. Финикийский язык, М., 1963.
35. И. Ш. Шифман. Рабство в Карфагене,— в кн.: Д. П. Каллистов и др., Рабство на периферии античного мира, Л., 1968.
36. Е. М. Штаерман. Светоний и его время,— Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей, М., 1964.
37. М. Гендерсон. Юлий Цезарь и латинское право в Испании,— ВДИ, 1946, № 3.
38. А. Л. Оппенгейм. Торговля на Ближнем Востоке в древности, М., 1970.
39. Дж. О. Томсон. История древней географии, М., 1953.
40. Р. Хенниг. Неведомые земли, т. I, М., 1961.
41. І. І. Вейцківський. Зовнішня політика країн Західного Середземномор'я в 264—219 рр. до н. е., Львів, 1959.
42. W. F. Albright. New Light on the Early History of the Phoenician Colonisation,— BASOR, № 83, 1941.
43. W. F. Albright. The Role of the Canaanites in the History of Civilisation,— «The Bible and the Ancient Near East», London, 1961.
44. W. F. Albright. Archeologia Palestyny, Warszawa, 1964.
45. W. F. Albright. Syria, The Philistines and Palestine, Cambridge, 1966.
46. M. Almagro. A propósito de la fecha de las fíbulas de Huelva,— «Ampurias», t. XIX—XX, 1957—1958.
47. M. Almagro. Dos ánforas pintadas de Villaricos,— «Omaggio a Fernand Benoit», t. 1, Bordighera, 1972.
48. M. Angeles Vall de Pla. El poblado ibérico de Covalta, I. Valencia, 1971.
49. «Archéologie vivante», vol. 1, № 2, 1968/1969.
50. M. Astruc. La necrópolis de Villaricos, Madrid, 1951.
51. M. Astruc. Tradiciones funéraitres de Carthage,— «Cahiers de Byrsa», t. 6, 1956.
52. M. Astruc. Exotisme et localisme; etude sur les coquilles d'oeuf d'autriche decorées d'Ibiza,— APL, 1957, vol. VI.
53. M. Astruc. Echanges entre Carthage et l'Espagne,— «Revue des Etudes anciennes», t. LXIV, 1962.
54. D. Baramki. The Coins Exhibited in the Archaeological Museum of the American University of Beirut, Beirut, 1968.
55. R. D. Barnett. Assyrische Palastreliefs, Prag.
56. R. D. Barnett. A Catalogue of the Nimrud Ivories, London, 1957.
57. R. D. Barnett. Early Shipping in the Near East,— «Antiquity», vol. 32, № 128, 1958.
58. R. D. Barnett. Phoenician-punic art,— «Encyclopedia of World Art», 1966, vol. XI.
59. W. W. Baudissin. Adonis und Esmun, Leipzig, 1911.
60. C. M. Bawra. Pindar, Oxford, 1964.
61. J. Bayet. Les origines de l'Hercule Romain, Paris, 1926.
62. R. L. Beament. The Date of the Treaty between Rome and Carthage,— JRS, vol. XXIX, 1939.
63. J. Beloch. Die Phoenikier an Aegeische Meer,— «Rheinische Museum», Bd. 49, 1894.

64. A. Beltran. Acerca de los nombres de Cartagena en la edad antigua.— APL, 1945, vol. II.
65. A. Beltran. Topografía de Carthago-Nova.— AEARq, t. XXI, 1948.
66. A. Beltran. Estado actual de la numismática antigua de la España,— Congrès international de numismatique, t. II, Paris, 1957.
67. F. Benoit. Chevaux du Levant Ibérique.— APL, t. II, vol. IV, 1953.
68. F. Benoit. Recherches sur l'Hellénisation du Midi de la Gaule, Aix-en-Provens, 1965.
69. D. van Berchem. Sanctuaires d'Hercule-Melqart,— «Syria», t. XLIV, f. 1—2. 1967.
70. A. M. Bisi. La ceramica di tradizione fenico-punica della Sicilia occidentale,— «Africa», t. III—IV, 1972.
71. C. Blanco de Torresillas. El tesoro de cortijo de «Evora»,— AEARq, t. XXXII, 1959.
72. C. Blanco. Nuevas piezas fenicias del Museo arqueológico de Cádiz,— AEARq, t. XLIII, 1970.
73. A. Blanco Freijeiro. Orientalia,— AEARq, t. XXIX, 1956.
74. A. Blanco Freijeiro. Cerámica griega de las Castellones de Ceal,— AEARq, t. XXXII, 1959.
75. A. Blanco Freijeiro. Orientalia II,— AEARq, t. XXXIII, 1960.
76. A. Blanco Freijeiro. El ajuar de una tumba de Cástulo,— AEARq, t. XXXVI, 1963.
77. A. Blanco Freijeiro. La colonización de la Península Ibérica en el primero milenio ante Cristo,— «Las raíces de España», Madrid, 1967.
78. A. Blanco Freijeiro. Los primeros ensayos de representación plástica de la figura humana,— «España en las crisis del Arte Europeo», Madrid, 1968.
79. A. Blanco, J. M. Luzon y D. Ruiz. Excavaciones arqueológicas en Cerro Salomon, Sevilla, 1967.
80. J. M. Blázquez Martínez. Aportaciones al estudio de las religiones primitivas de España,— AEARq, t. XXX, 1957.
81. J. M. Blázquez Martínez. Caballos en el infierno etrusco,— «Ampurias», t. XIX—XX, 1957—1958.
82. J. M. Blázquez. Estado de romanización de Hispania bajo Cesar y Augusto,— «Amerita», t. XXX, 1962.
83. J. M. Blázquez. Estructura económica de la Bética al final de la República Romana y comienzos del Imperio,— «Hispania», 1967, vol. 27, № 105.
84. J. M. Blázquez. Tartessos, Salamanca, 1968.
85. J. M. Blázquez. Relaciones entre Hispania y los Semitas en la Antigüedad,— «Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben», Bd I, Berlin, 1969.
86. J. M. Blázquez. Algunas relaciones de la Península Ibérica con el Mediterraneo al final de la Edad de Bronce,— «Actes du VIII Congrès international des Siences Préhistoriques et Protohistoriques», Prague, 1970.
87. F. Bondí. I Libifenici nell'ordinamento cartaginese,— «Atti della Accademia Nazionale dei Lincei», Rendiconti, vol. XXVI, 1971.
88. G. Bonsor. Les colonies agricoles Pré-Romaines de la vallée du Bétis,— RA, III sér., t. XXXV, 1899.
89. A. van den Born. Rois (Livres),— «Dictionnaire encyclopédique de la Bible», Paris, 1960.
90. P. Bosch-Gimpera. Huelva,— «Reallexikon der Vorgeschichte», Bd V, 1926.
91. P. Bosch-Gimpera. Pyrinäenhalbinsel,— «Reallexikon der Vorgeschichte», Bd X, 1927.
92. P. Bosch-Gimpera. La formación de los pueblos de España, México, 1945.

93. P. Bosch-Gimpera. Una guerra fra Cartaginesi e Greci in Spagna,— «Rivista di filologia classica», 1950.
94. P. Bosch-Gimpera. La edad del Bronce de la Península Ibérica,— AEAQ, t. XXVII, 1954.
95. P. Bosch-Gimpera. Les Phéniciens: leur prédesseurs et les étapes de leur colonisation en Occident,— CRAI, 1972.
96. H. Bossert. Altsyrien, Tübingen, 1951.
97. F. Brommer. Denkmälerlisten zu griechischen Heldensage, I (Herakles), Marburg, 1971.
98. P. A. Brunt. Italian Manpower, Oxford, 1971.
99. J. Cabré Aguiló. La necrópolis de Tutugi,— BSEE, t. XXVIII, 1920; t. XXIX, 1921.
100. J. Cabré Aguiló. El tesoro de orfebrería de Santiago de la Espada (Jaén),— AEAQ, t. XVI, 1943.
101. J. Camón Aznar. Las artes y los pueblos de la España primitiva, Madrid, 1954.
102. W. Capelle. Moderatus,— RE, Hbd. 30, 1932.
103. R. Carpenter. The Greeks in Spain, London — New York, 1925.
104. R. Carpenter. Phoenician in the West,— AJA, vol. 62, № 1, 1958.
105. R. Carpenter. A Note on the Fundation of Carthage,— AJA, vol. 68, № 2, 1964.
106. C. et G. Charles-Picard. La vie cotidienne à Carthage au temps d'Hannibal, Paris, 1958.
107. C. and G. Charles-Picard. Carthaginian and Other Punic Art,— «Encyclopedia of World Art», vol. XI, 1966.
108. C. and G. Charles-Picard. The Life and Death of Carthage, London, 1968.
109. M. Chéhab. Noms des personnalités égyptiennes découvertes au Liban,— Bul. MB, t. XXII, 1969.
110. E. Ciaceri. Le origini di Roma, Milano, 1937.
111. P. Cintas. Deux campagnes des fouilles à Utique,— «Karthago», t. II, 1951.
112. P. Cintas. Nouvelles recherches à Utique,— «Karthago», t. V, 1954.
113. P. Cintas. Une aventure aux consequences prodigiuses: la naissance de Carthage,— «Archeologia», 1968, № 20.
114. P. Cintas. Les Carthaginois dans leur site,— «Archéologie vivant», vol. I, № 2, 1968/1969.
115. P. Cintas. Manuel d'archéologie punique, t. I, Paris, 1970.
116. G. Conteau. La civilisation phénicienne, Paris, 1948.
117. G. Conteau [Per. na]: M. Astruc. La necrópolis de Villaricos,— «Revue des Etudes Anciennes», vol. LVII, 1955.
118. Corpus vasorum Arretinorum.
119. T. Cuadrado Díaz. Los recipientes rituales metálicos llamados «braserillas púnicas»,— AEAQ, t. XXIX, 1956.
120. E. Cuadrado Díaz. El mundo ibérico,— «I Symposium de la prehistoria de la Península Ibérica», Pamplona, 1960.
121. E. Cuadrado Díaz. Die iberische Siedlungen von El Carambolo,— «Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentral-Museums», 1961.
122. W. Culican. Quelques aperçus sur les ateliers phéniciennes,— «Syria», t. XLV, 1968.
123. W. Culican. Almuñécar, Assur and Phoenician Penetration on the Western Mediterranean,— «Levant», vol. II, 1970.
- 123a. W. Culican. Phoenician Demons,— «Journal of the Near Eastern Studies», vol. 35, 1976.
124. F. Cumont. Astarte,— RE, Hbd. IV, 1896.
125. D. Deden. Jonas (Livre),— Dictionnaire encyclopedique de la Bible. Paris, 1960.

- 125a. A. Degrassi. Quattorviri in colonie romane e in municipi retti da duoviri,— «Atti della Accademia Nazionale dei Lincei», Rendiconti, 1950, ser. VIII, vol. II.
126. M. Delcor. Réflexions sur l'inscription de Nora en Sardaigne,— «Syria», t. XLV, 1968.
127. M. Delcor. L'inscription phénicienne de la statuette d'Astarté.— Mélanges USJ, t. XLV, 1969.
128. E. Dhorm. Les peuples issus de Japhet d'après le chapitre X de la Genèse,— «Syria», t. XIII, 1932.
129. F. Díaz Esteban. Dos nuevas inscripciones púnicas hispanas,— «Sefarad», an. XXV, 1965.
130. E. Diel, P. San Martín Moro, H. Schubart. Los Nietos, MM, Bd 3, 1962.
131. R. Dion. Tartessos, l'Océan homérique et les Travaux d'Hercule, RH, t. CCXXIV, 1960, N° 1.
132. C. Domergue. Les lingots de plomb romains du Musée archéologique de Carthagène et du Musée naval de Madrid,— AEArc, t. XXXIX, 1966.
133. H. Donner—W. Röllig. Kanaanäische und aramäische Inschriften, Bd I—III, Wiesbaden, 1966—1969.
134. F. Dornseiff. Antike und alter Orient, Leipzig, 1956.
135. H. Dörrie. Pythagoreismus, RE, Hbd. 47, 1963.
136. H. Dressel,— CIL XV.
137. R. Dussaud. Melqart,— «Syria», t. XIV, 1946—1948.
138. R. Dussaud. Les Phéniciens,— в кн.: E. Dhorm. Les religions de Babylonie et d'Assyrie; R. Dussaud. Les religions des Hittites et des Hourrites, des Phéniciens et des Syriens, Paris, 1949.
139. R. Dussaud. L'art phénicien du II millénaire, Paris, 1949.
140. O. Eissfeldt. Ras Schamra und Sanchunjation, Halle (Saale), 1939.
141. O. Eissfeldt. Phoiniker und Phoinikia. RE. Hbd. 31, 1941.
142. O. Eissfeldt. Tyros, RE, Hbd. 44A, 1948.
143. O. Eissfeldt. Sanchunjation von Berut und Ilimilku von Ugarit, Halle (Saale), 1952.
144. O. Eissfeldt. Einleitung in das Alte Testament, Tübingen, 1956.
145. O. Eissfeldt. Kanaanäische Religion,— «Handbuch der Orientalistik», I Abt., Lief. 1, Leiden, 1964.
146. Eitrem. Kerberos, RE, Hbd. 21, 1921.
147. M. Esteve Guerrero. Marco de fabricante de vidrios y otros hallazgos inéditos de Asta Regia,— AEArc, t. XXXIV, 1961.
148. R. Étienne. Les sénateurs espagnols sous Trajan et Hadrien,— «Les empereurs romains d'Espagne», Paris, 1965.
149. R. Étienne. A propos du «garum sociorum»,— «Latomus», t. XXIX, 1970.
150. M. Euzenat. Héritage punique et influences greco-romaines au Maroc,— «VII Congrès international d'archéologie classique», Paris, 1965.
151. The Excavations at Dura-Europos, Final Report V, pt 1, New Haven, 1959.
152. M. Fantar. Eschatologie phénicienne-punique, Tunis, 1970.
153. M. Fantar. Une tombe punique sur le versant est de la colline dite de Junona,— Ant. Afr., t. 6, 1972.
154. Fasti archeologici, Firenze, 1946.
155. C. Fernández Chicharro. Noticiario arqueológico de Andalucía,— AEArc, t. XXVIII, 1955.
156. A. Fernández de Avilés. Anillo púnico con escarabeo procedente de Cádiz,— AEArc, t. XXVIII, 1955.
157. N. Fernández Marcos. Estudios Bíblicos,— «Sefarad», an. XXXI, 1971.

158. J. Ferron. A propos de la civilisation phénicienne d'Occident,— «Latomus», t. XXIX, 1970.
- 158a. J. Ferron. Un traité d'alliance entre Caere et Carthage,— «Aufstieg und Niedergang der römischen Welt», Bd I, 1, Berlin — New York, 1972.
159. J.-G. Février. Astronoe,— JA, t. CCLVI, 1968.
160. Fischer. Λιβυφοίνικες, RE, HBd. 25, 1926.
161. D. Fletcher Valls. La cueva y el poblado de la Torre del Mar Pasa,— APL, vol. V, 1954.
162. D. Fletcher Valls. Zur Besiedlungsdichte und Siedlungsform der Iberer,— MM, Bd 8, 1967.
163. L. Foucher. Les représentations de Baal Hammon,— «Archéologie vivante», vol. I, N° 2, 1968/1969.
164. H. Frankfort. The Art and Architecture of the Ancient Orient, Baltimore, 1955.
165. J. G. Fraser. The Golden Bough, vol. 1, pt IV, London, 1922.
166. P. M. Fraser. Greek-Phoenician Bilingual Inscriptions from Rhodes,— «The Annual of British School at Athens», 1970, N° 65.
167. B. Freyer-Schaumburg. Elfenbeine aus samischen Heraion, Hamburg, 1966.
168. H. Frisk. Griechische etymologisches Wörterbuch, Lief. 22. Heidelberg, 1970.
169. H. Frost. Une épave punique au large de la Sicilie,— «Archeologia», 1972, N° 48.
170. H. Galsterer. Untersuchungen zum römischen Stadtwesen auf der Iberischen Halbinsel, Berlin, 1971.
171. G. Garbini. Note di epigrafia punica II,— RSO, vol. XLII, 1967.
172. A. García Guinea. Excavaciones en la provincia de Albacete, 1958—1959,— AEARq, t. XXXII, 1959.
173. A. García y Bellido. Fenicios y Cartaginenses en España,— «Seфарad», an. II, 1942.
174. A. García y Bellido. Colonizaciones púnica y griega,— Ars Hispaniae, t. I, Madrid, 1947.
175. A. García y Bellido. El arte ibérico,— Ars Hispaniae, t. I, Madrid, 1947.
176. A. García y Bellido. La España del siglo I de nuestra era, Buenos Aires — México, 1947.
177. A. García y Bellido. La batalla de Artemision,— AEARq, N° 67, 1947.
178. A. García y Bellido. Hispania Graeca, Barcelona, 1948.
179. A. García y Bellido. Esculturas romanas de España y Portugal, Madrid, 1949.
180. A. García y Bellido. Colonización púnica,— «Historia de España», t. I, vol. 2, Madrid, 1952.
181. A. García y Bellido. Colonización griega,— «Historia de España», t. I, vol. 2, Madrid, 1952.
182. A. García y Bellido. Phönizische und griechische Kolonisation im westlichen Mittelmeer,— Historia Mundi, Bd III, München, 1954.
183. A. García y Bellido. Materiales de arqueología hispano-púnica. Jarros de bronce,— AEARq, vol. XXIX, 1956.
184. A. García y Bellido. El elemento forastero en Hispania Romana,— «Boletín de Real Academia de Historia», t. CXLIV, cuad. II, 1959.
185. A. García y Bellido. «Parerga» de arqueología y epigrafía hispano-romanas,— AEARq, vol. XXXIII, 1960.
186. A. García y Bellido. Inventario de los jarros púnicotartessios,— AEARq, t. XXXIII, 1960.

187. A. García y Bellido. Vier Probleme der iberischen Geschichte und Kunst,— «Klio», Bd 38, 1960.
188. A. García y Bellido. Hercules Gaditanus,— AEARq, t. XXXVI, 1963.
189. A. García y Bellido. Nuevos jarros de bronce tartessos,— AEARq, t. XXXVII, 1964.
190. A. García y Bellido. La Itálica de Hadriano,— «Les empereurs romains d'Espagne», Paris, 1965.
191. A. García y Bellido. «Parerga» de arqueología y epigraphía hispano-romanas (III),— AEARq, t. XXXIX, 1966.
192. A. García y Bellido. Les religions orientales dans L'Espagne romaine, Leiden, 1967.
193. A. García y Bellido. Les Phéniciens et les Carthaginois colonisent l'Espagne,— «Archeologia», 1968, № 20.
194. A. García y Bellido. Algunas novedades sobre arqueología púnico-tartessia,— AEARq, t. XLIII, 1970.
195. J. R. Garrido Roiz. El problema de Tartessos en relación con la region onubense,— «Omaggio a Fernand Benoit», t. I, Bordighera, 1972.
196. G. (W.) Gesenius. Thesaurus Veteri Testamenti, Lipsiae, 1840.
197. J.-B. Giard. Pouvoir central et libertés locales,— «Revue numismatique», 6 sér., t. XII, 1970.
198. F. Gisinger. Geographie, RE, SptBd IV, 1924.
199. G. Gisinger. Okeanos 1, RE, Hbd. 34, 1937.
200. J. M. Gómez Tabanera. Los pueblos antiguos de la Península Ibérica,— «Las Raíces de España», Madrid, 1967.
201. J. M. Gómez Tabanera. Las religiones prehistóricas y antiguas,— «La Raíces de España», Madrid, 1967.
202. E. Groag. L. Cornelius Balbus der Jungere,— RE, Hbd. 7, 1900.
203. P. Grosse. Gades,— «Kleine Pauly», Lief. 11, 1966.
204. O. Gruppe. Herakles,— RE, SptBd. III, 1918.
205. S. Gsell. Histoire ancienne d'Afrique du Nord, t. IV, Paris, 1928.
206. A. M. de Guadan. Gades como heredera de Tartessos,— AEARq, t. XXXIV, 1961.
207. M. G. Guzzo Amadasi. Le iscrizioni fenicie e puniche delle colonie in Occidente, Roma, 1967.
208. D. Harden. The Phoenicians, London, 1962.
209. C. F. C. Hawkes. Las relacoines en el bronce final entre la Península Ibérica y las Islas Británicas,— «Ampurias», t. XIV, 1952.
210. R. Helm. M. Porcius Latro,— RE, Hbd. 43, 1953.
211. M. Helzer. Caesar, Politician and Statesman, Cambridge, 1968.
212. J. Hernández Díaz. Catálogo arqueológico y artístico de provincia de Sevilla, t. II, Sevilla, 1943.
213. G. Hignett. Xerxes' invasion of Greece, Oxford, 1963.
214. A. History of Technology, vol. I, Oxford, 1956.
215. W. Hoffmann. Plebs,— RE, Hbd. 41, 1951.
216. W. Honigmann. Sidon,— RE, Hbd. 4A, 1923.
217. E. Hübner. Gades,— RE, Hbd. 14, 1912.
218. E. Hübner,— CIL II, Supplementum.
219. E. Hübner. Carthago Nova,— RE, Hbd. 6, 1899.
220. E. Hübner. Ebusus,— RE, Hbd. 10, 1903.
221. E. Hübner. Sexi,— RE, Hbd. 4A, 1923.
222. Hülsen. Crypta Balbi,— RE, Hbd. 7, 1900.
223. B. Jacoby. Verweht und ausgegraben, Leipzig, 1963.
224. F. Jacoby. Hecataios,— RE, Bd 7, 1912.
225. R. A. Jairasboy. Oriental Influences in Western Art, London, 1965.
226. H. Jensen. Die Schrift, Berlin, 1958.

227. F. Jeremias. Tyrus bis zur Zeit Nebukadnezar's, Leipzig, 1891.
228. J. Jiménez Cisneros. Inscripciones funerarias gaditanas inéditas,— «Emerita», t. XXX, 1962.
229. A. Jirku. Zweier-Gottheit und Dreier-Gottheit in altorientalischen Palästina — Syrien,— Mélanges USJ, t. XLV, 1969.
230. A. Jodin. La Mauretanie et les relations ibéro-puniques,— «Actes du 82e Congrès national des sociétés savantes», section d'archéologie, Paris, 1959.
231. A. Jodin. Magador, Tanger, 1966.
232. A. Jodin. Les établissements du roi Juba II aux Iles Purpuraires (Magador), Tanger, 1967.
233. J. J. Jully. Documentos de civilización material e contactos en el Mediterraneo occidental durante la Edad del Hierro,— «Ampurias», t. XXX, 1968.
234. Kees. Seth,— RE, Hbd. 4A, 1921.
235. E. Kukahn. El sarcófago sidonio, de Cádiz,— AEArq, t. XXIV, 1951.
236. E. Kukahn. Phönikische und iberische Kunst,— в кн.: K. Schefold. Die Griechen und ihre Nachbarn, Berlin, 1967.
237. E. Kukahn. Zur Frühphase der iberischen Bronze,— MM, Bd 8, 1967.
238. E. Kukahn y A. Blanco. El tesoro de «El Carambolo»,— AEArq, t. XXXII, 1959.
239. J. Lafuente Vidal. Influencia de los cultos religiosos cartagineses en los motivos artísticos de los iberos del S. E. español,— APL, t. I, vol. 3, 1952.
240. E. Lange. Thucydides. Kommentar, Leipzig, 1896.
241. E. Langlotz. Greek art, Western,— «Encyclopedia of the World Art», vol. VII, 1963.
242. J. Leclant. Les relations entre l'Égypte et la Phénicie du voyage d'Ounamon à l'expédition d'Alexander,— «The Role of the Phoenicians in the interactions of Mediterranean civilisation», 1948.
243. J. Le Gall. Le Tibre, Paris, 1953.
244. E. Leslie. Old Testament Religion in the Its Canaanite Background, New York — Chicago, 1936.
245. G. R. Levy. The Oriental Origin of Herakles,— JHS, vol. LIV, pt 1, 1934.
246. M. Lidzbarski. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, Weimar, 1898.
- 246a. G. Lindemann, H. G. Nimeyer und H. Schubart. Toscanos, Jardín und Alarcón,— MM, Bd 13, 1972.
247. M. Lombardo. Le concezioni degli antichi sul ruolo degli oracoli nella colonizzazione greca,— «Annali di Pisa», ser. III, vol. II, 1972.
248. O. Lordkipanidze. La civilisation de l'ancienne Colchide aux Ve—IVe siècles,— RA, 1971, f. 2.
249. A. Luquet. La céramique préromaine de Banasa,— BAM, t. V, 1964.
250. C. M. Garum. Dictionnaire des Antiquités Grecs et Romaines, t. II, pt I, 1896.
251. J. Macabich. Notas sobre Ibiza púnico-romana,— AEArq, t. XX, 1947.
252. J. Maluquer de Motos. Pueblos ibéricos,— «Historia de España», t. I, vol. III, Madrid, 1954.
253. J. Maluquer de Motos. Nuevas orientaciones en el problema de Tartesso,— «I Symposium de Prehistoria de la Península Ibérica», Pamplona, 1960.
254. Manuel d'archéologie orientale, Paris, 1931—1947.
255. J. Marquardt. Römische Staatsverwaltung, Bd I, Leipzig, 1873.
256. J. R. Mérida. El tesoro de Aliceda, BSEE, t. XXIX, 1921.
257. O. Meltzer. Geschichte der Karthager, Bd I, Berlin, 1879.

258. Memorias de la Junta superior de excavaciones y antigüedades, Madrid, 1916—1930.
259. E. Meyer. Geschichte des Altertums, III, Stuttgart, 1937.
260. T. Mommsen. Bemerkungen zum Dekret des Paulus,— «Hermes», Bd III, 1869.
261. A. Montenegro Duque. Historia de España; edad ahtigüa, I, Madrid, 1972.
262. J. Morr. Die Quellen von Strabons dritten Buch,— «Philologus», SptBd XVIII, 1926.
263. S. Moscati. Geschichte und Kultur der semitischen Völker, Zürich — Köln, 1961.
264. S. Moscati. L'art punique à la lumière des récentes découverts en Italie,— «Archeologia», 1968, № 20.
265. S. Moscati. Swiat Fenicjan, Warszawa, 1971.
266. S. Moscati. Nuove figurine puniche a Mozia,— «Rendiconti delle sedute dell'Accademia Nazionale dei Lincei», vol. XXV, 1970.
267. L. Moulinier. Quelques hypothèses relatives à la Géographie d'Hommer dans l'Odysée, Aix-en-Provence, 1958.
268. H. Mülestein. Die Etrusker im Spiegel ihrer Kunst, Berlin, 1969.
269. C. Muller us. Prolegomena de Hannone Carthaginiense,— «Geographi Graeci Minores», t. I, 1855.
270. J. M. Muñoz Gambero. Corpus Punicum,— «Taršiš», 1969, № 4.
271. Münzer L. Cornelius Balbus,— RE, Hbd. 7, 1900.
272. P. Naster. Les influences du style grec en Phénicie à l'époque achéménide,— «Atti del VII Congresso internazionale di archeologia classica», vol. I, Roma, 1961.
273. P. Naster. Les monnais phéniciennes,— «Archeologia», 1968, № 21.
274. V. Nedomački. Stara jevrejska umetnost u Palestini, Beograd, 1964.
275. G. Nieto Gallo. Una sepultura del Cablesico del Tesoro con «braserilla ritual»,— AEArc, t. XLIII, 1970.
276. M. Nilsson. The Mycenaean Origin of Greek Mythology, Berkeley, 1932.
277. H. G. Nimeyer, M. Pellicer, H. Schubart. Eine altpunische Kolonie an der Mündung des Rio Veles,— AA, 1964, Hft. 3.
278. H. G. Nimeyer — H. Schubart. Toscanos und Trayamar, MM, Bd 9, 1968.
279. H. G. Nimeyer, H. Schubart. Toscanos, Berlin, 1969.
280. H. G. Nimeyer, H. Schubart. Toscanos,— AA, 1972, Hft. 2.
281. M. Pallottino. El problema de las relaciones entre Cerdeña e Iberia en la antigüedad prerromana,— «Ampurias», t. XIV, 1952.
282. M. Pallottino. Scavi nel santuario etrusco in Pyrgi,— «Archeologia classica», vol. XVI, 1964.
283. J. B. Peckham. The Development of the late Phoenician Scripts, Cambridge, Massachusetts, 1968.
284. J. B. Peckham. The Nora Inscription,— «Orientalia», vol. 41, 1972.
285. M. Pellicer Catalán. Excavaciones en la necrópolis púnica de «Laurita» del Cerro de San Cristobal (Almuñecar, Granada), Madrid, 1963.
286. M. Pellicer Catalán. Ein altpunische Grabfeld bei Almuñecar, MM, Bd 4, 1963.
287. M. Pellicer Catalán. Suchschnitte auf dem Peñon,— в кн.: H. G. Nimeyer, H. Schubart. Toscanos, Berlin, 1969.
288. M. Pellicer Catalán. Las primitivas cerámicas a torno pintadas hispanas, AEArc, t. XLI, 1968.
289. M. Pellicer Catalán. El yacimiento de los Toscanos y su contri-

- bución al estudio de la ceramias pintadas hispanas protohistóricas,—
AEArq, t. XLII, 1969.
290. C. P e m á n. Los toponimos antiguos del extremo sur de España,—
AEArq, t. XXVI, 1953.
291. C. P e m á n. Alfares y embarcaderos romanos en la provincia de Cá-
diz,—AEArq, t. XXXII, 1959.
292. C. P e m á n. El capitel protojónico, de Cádiz,—AEArq, t. XXXII, 1959.
293. L. P e r i c o t. Historia de España, t. I, Barcelona, 1958.
294. G. P e r r o t et Ch. C h i p i e z. Histoire de l'Art dans l'Antiquité, t. III,
Paris, 1885.
295. A. J. P f i f f i g. Uni-Hera-Astarta, Wien, 1965.
296. M.-Th. P i c a r d - S c h m i t t e r. Bétyles hellénistiques,— «Monuments et
Memoires», t. 57, 1971.
297. L. P i c c i r i l l i. Aspetti storico-giuridici dell'amficionia delfica e sui
rapporti con la colonizzazione greca,— «Annali di Pisa», ser. III, vol. II,
1972.
298. A. P i e r i d e s. Jewellery in the Cyprus Museum, Nicosia, 1971.
299. E. P l a y B e l t r a n. Actividades del SIP (1946—1959),— APL, vol. VI,
1962.
300. M. P o n s i c h. Nécropoles phéniciennes de la région de Tanger, Rabat,
1967.
301. M. P o n s i c h. Recherches archéologiques à Tanger et sa région, Paris,
1970.
302. K. P r e i s e n d a n z. Tanit,— RE, Hbd. 8A, 1932.
303. K. P r e i s e n d a n z. Melkart,— RE, SptBd III, 1935.
304. J. B. P r i t c h a r d. The Phoenicians in Their Homeland,— «Expedi-
tion», vol. 14, № 1, 1971.
305. K. R a d d a t z. Die Schatzfunde der Iberischen Halbinsel, Berlin, 1969.
306. «Las Raices de España», Madrid, 1967.
307. A. R a m o s F o l q u e s. El nivel ibéro-punico de la Alcudia de Elche,—
«Omaggio a Fernand Benoit», t. II, Bordighera, 1972.
308. R. v o n R a n k e - G r a v e s. Griechische Mythologie, Bd 2, 1955.
309. D. B. R e d f o r d. Studies in Relation between Palestina and Egypt
during the First Millenium B. C., II,— JAOS, vol. 93, № 1, 1973.
310. W. R ö l l i g. Zur phöniziesche Inschrift der Astarta — Statuette in Se-
villa,— MM, Bd 10, 1969.
311. R. S a i d a h. Chronique,— Bul MB, t. XX, 1967.
312. J. M. S a s s o n. Canaanit Maritim Involvement,— JAOS, vol. 86, № 2,
1966.
313. W. S e s t o n. Des «portes» de Tugga à la «Constitution», de Carthage,—
RH, t. CCCXXXII, 1967.
314. W. M. S h a n k l i n and M. K. G h a t u s. A Preliminary Report of the
Antropologia of the Phoenicians,— Bul. MB, t. XIX, 1966.
315. U. S c h m o l l. Die südlusitanische Inschriften, Wiesbaden, 1961.
316. H. S c h u b a r t, J. P. G a r r i d o. Probegrabung auf dem Cabezo de la
Esperanza in Huelva, 1967,— MM, Bd 8, 1967.
- 316a. H. S c h u b a r t, G. M a a ß, G. L i n d e m a n n. Chorreras und Jar-
dín,— AA, 1976, Hft. 2.
317. W. S c h ü l e. Die Meseta-Kulturen der Iberischen Halbinsel, Berlin,
1969.
318. A. S c h u l t e n. Hispania,— RE, Hbd. 16, 1913.
319. A. S c h u l t e n. Malaca,— RE, Hbd. 27, 1928.
320. A. S c h u l t e n. Forschungen in Spanien,— AA, 1927.
321. A. S c h u l t e n. Die Säulen des Herakles,— в кн.: O. J e s s e n. Die
Strasse von Gibraltar, Berlin, 1927.
322. A. S c h u l t e n. Tartessos, Hamburg, 1950.
323. A. S c h u l t e n. Iberische Landeskunde, Bd I, Strasburg — Kehl, 1955.

324. E. Sellin. *Einleitung in das Alte Testament*, Heidelberg, 1950.
325. J. de C. Serra Rafols. *Alcaser do Sal*.— «*Reallexikon der Vorgeschichte*», Bd. I, 1924.
326. H. Seyrig. *Divinité de Sidon*.— «*Syria*», t. XXXV, 1959.
327. H. Seyrig. *Les grands dieux de Tyre à l'époque grecque et romaine*.— «*Syria*», t. XL, 1963.
328. H. Seyrig. *Le culte du soleile en Syrie à l'époque romaine*.— «*Syria*», t. XLVIII, 1971.
329. E. Soergel. *Die Tierknochen aus der altpunischen Faktorei von Toscanos*.— MM, Bd 9, 1968.
330. J. M. Solá-Solé. *Miscelanea púnico-hispana I*.— «*Sefarad*», an. XVI, 1956.
331. J. M. Solá-Solé. *Miscelanea púnico-hispana II*.— «*Sefarad*», an. XVII, 1957.
332. J. M. Solá-Solé. *De epigrafía*.— «*Sefarad*», an. XX, 1960.
333. J. M. Solá-Solé. *Toponimia fenicio-púnica*.— «*Enciclopedia Lingüística Hispánica*», t. I, Madrid, 1960.
334. J. M. Solá-Solé. *La inscripción púnica Hispania 10*.— «*Sefarad*», an. XXI, 1961.
335. J. M. Solá-Solé. *Miscelanea púnico-hispana III*.— «*Sefarad*», an. XXV, 1965.
336. J. M. Solá-Solé. *Nueva inscripción fenicia de España*.— RSO, vol. XLI, 1966.
337. J. M. Solá-Solé. *Ensayo de antroponimia feno-púnica de Hispania antigua*.— RSO, vol. XLIII, 1967.
338. J. M. Solá-Solé. *Miscelanea púnico-hispana IV*.— «*Sefarad*», an. XXVII, 1967.
339. J. M. Solá-Solé. *Textos epigráficos de Toscanos*.— MM, Bd 9, 1968.
340. G. Solier. *Céramique punique et ibéro-punique sur le littoral du Languedoc du VIème au début du IIème siècle avant J. C.*.— «*Omaggio a Fernand Benoit*», t. II. Bordighera, 1972.
341. T. Spiteris. *Art de Chypre*, Lausanne, 1970.
342. G. H. Stevenson. *The imperial Administration*.— «*Cambridge Ancient History*», t. X, 1934.
343. I. Strøm. *Problems concerning the Origin and Early Development of the Etruscan Orientalising Style*, Odense, 1971.
344. M. Szynger. *Mythes et dieux de la religion phénicienne*.— «*Archeologia*», 1968, N° 20.
345. M. Tarradell. *El impacto colonial de los pueblos semitas*.— «*I Symposium de prehistoria de la Península Ibérica*», Pamplona, 1960.
346. M. Tarradell. *Arte ibérico*, Barcelona, 1968.
347. *Tartessos y sus problemas*, Barcelona, 1969.
348. A. Tchernia. *Recherches archéologiques sous-marines*.— «*Gallia*», t. 27, 1969.
349. J. Texidor. *Bulletin d'épigraphie sémitique*, 1968. — «*Syria*», t. XLV, 1968.
350. *Thesaurus Linguae Latinae*, 1926.
351. R. Thouvenot. *Essai sur la province Romaine de Bétique*, Paris, 1940.
352. J. J. Tierney. *The Map of Agrippa*.— «*Proceedings of the Royal Irish Academy*», vol. 63, 1963.
353. A. Tovar. *Las lenguas primitivas de la Península Hispánica*.— «*Cahiers d'histoire Mondial*», t. 2, 1958.
354. A. Tovar. *Lenguas prerromanas. Testimonios antiguos*.— «*Enciclopedia Lingüística Hispánica*», t. I, Madrid, 1960.
355. Trümper. *Briareos*.— RE, Hbd. 6, 1899.

356. F. Überweg-K. Praechter. Grundriss der Geschichte der Philosophie, t. I, Berlin, 1926.
357. R. de Vaux. La Phénicie et les Peuples de la Mer.— Mélanges USJ, t. XLV, 1969.
358. F. Villard. La céramique grecque de Marseille, Paris, 1960.
359. F. Villard. La céramique grecque du Maroc, BAM, t. IV, 1960.
360. G. Ville. Utica,— RE, SptBb IX, 1962.
361. F. Vittihg h o f f. Römische Kolonisation und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus, Wiesbaden, 1952.
362. A. Vives y Escudero. Monedas antiguas de Gades,— BSEE, t. XXI, 1913.
363. A. Vives y Escudero. La moneda Hispánica, Madrid, 1924.
364. A. I. Voščinina. Frühantike Glasgefäße in der Ermitage,— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostok», Jg. 16, 1967.
365. F. W. Walbanc. A historical commentary on Polybios, Oxford, 1957.
366. J. Weiss. Theatrum Balbi,— RE, Hbd. 10A, 1934.
367. G. Wentzel. Acheloos,— RE, Bd 1, 1894.
368. L. Wickert. Zu den Karthagerverträge,— «Klio», Bd 21, 1938.
369. L. Woolley. Mesopotamien und Vorderasien, Baden-Baden, 1961.
370. Wörterbuch der Mythologie, I Abt., Lief. 10, 1972.
371. Zahn. Garum,— RE, Hbd. 13, 1910.
372. K. Ziegler. Motya,— RE, Hbd. 31, 1933.

СПИСОК КАРТ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Карта 1.* Древнее Средиземноморье
Карта 2. Финикийские колонии в Южной Испании
Карта 3. Гадес и его окрестности
Карта 4. Малага и ее окрестности
Карта 5. Уэльва и ее окрестности
Карта 6. Тосканос и окрестности
Карта 7. Морро-де-Мескитилья и некрополь «Трайамар»
Карта 8. Финикийцы в Испании в XII—VI вв. до н. э.
Карта 9. Финикийцы в Испании в V—III вв. до н. э.
Карта 10. Финикийская цивилизация в римской Испании
- Рис. 1.* Бронзовая статуэтка Астарты из Севильи. VIII в. до н. э. Севилья, Археологический музей
Рис. 2. Бронзовая статуэтка Астарты из пров. Гранада. Гранада, частное собрание
Рис. 3. Алебастровая статуэтка Астарты из Галеры. VII в. до н. э. Мадрид, Национальный археологический музей
Рис. 4а. Гребень из слоновой кости с изображением грифонов и газелей. VII в. до н. э. Севилья, Археологический музей
Рис. 4б. Гребень из слоновой кости с изображением грифона, льва и газелей. VII в. до н. э. Севилья, Археологический музей
Рис. 5. Золотые серьги из Алиседы. Ок. 600 г. до н. э. Мадрид, Национальный археологический музей
Рис. 6. Золотой браслет из Алиседы. Ок. 600 г. до н. э. Мадрид, Национальный археологический музей
Рис. 7. Золотой пояс из Алиседы. Ок. 600 г. до н. э. Мадрид, Национальный археологический музей
Рис. 8. Золотая диадема и ожерелье из Алиседы. Ок. 600 г. до н. э. Мадрид, Национальный археологический музей
Рис. 9. Золотая подвеска из Эворы. VII в. до н. э. Севилья, Археологический музей
Рис. 10. Золотое ожерелье из Синеса. VII в. до н. э.
Рис. 11. Золотая пектораль из Карамболо. VII в. до н. э. Севилья, Археологический музей
Рис. 12. Золотая пектораль из Карамболо. VI в. до н. э. Севилья, Археологический музей
Рис. 13. Золотое ожерелье из Карамболо. VI в. до н. э. Севилья, Археологический музей
Рис. 14. Керамический треножник из моря вблизи Гадеса. VII—VI вв. до н. э. Кадис, Археологический музей
Рис. 15. Бронзовый кувшин из пров. Уэльва. VI в. до н. э. Мадрид, Музей Института «Дон Хуан».
Рис. 16. Статуэтка мужчины из Исла-Плана. VII—VI вв. до н. э. Барселона, Археологический музей
Рис. 17. Мраморный саркофаг из Гадеса. IV—III вв. до н. э. Кадис, Археологический музей
Рис. 18. Фрагмент гадитанского мраморного саркофага
Рис. 19. Женская терракотовая статуэтка из Пуиг-д'эс-Молинс. Мадрид, Национальный археологический музей

- Рис. 20.* Мужская терракотовая статуэтка из Пуиг-д'эс-Молинс. Мадрид, Национальный археологический музей
- Рис. 21.* Бронзовый votivный топорик, так называемая «бритва». Мадрид, Национальный археологический музей
- Рис. 22.* Керамический пинак с острова Питиусса. Мадрид, Национальный археологический музей
- Рис. 23.* Терракотовая статуэтка из Пуиг-д'эс-Молинс. VI в. до н. э. Барселона, Археологический музей

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абдера 24, 41, 54, 77, 96, 182, 184, 185, 199, 200, 202, 205
 Азия 20, 59, 61, 196
 Акра-Левка 38, 41, 183, 192
 Алалия 29
 Аларкон 42, 45
 Александрия 194
 Алжир 57, 87
 Алиседа 18, 51, 54, 93, 107, 109—111, 114, 115, 124, 191, 225
 Альбуферета 184
 Альгарробо 43, 48, 86
 Алькасер-ду-Сал 54, 60
 Алькудиа-де-Эльче 133, 138, 150, 152, 192
 Анас 12, 191, 193
 Андалусия 30
 Арабаб 64
 Арвад 9, 156
 Арморика (Бретань) 19
 Арслан-Таш 108
 Артемисий 32, 33
 Архонилья 190
 Асидон 81, 82, 190, 191
 Аскалон 8
 Ассирия 8, 9, 22, 37, 60, 95
 Аста (Гаста) 16, 47, 187, 189, 196
 Астапа 190
 Атлантический океан 9, 18, 36, 74, 191
 Ауза 37
 Афины 14, 15, 22, 50, 61, 78
 Африка (Ливия) 6, 10, 19, 20—22, 25, 31, 35—37, 40, 43, 45—47, 51, 52, 56—59, 61, 62, 80, 82, 87, 123, 125, 135, 188, 189, 193, 194, 198, 202, 214, 222
 Афродисий 79; см. также Эрифия, Юнония

 Байи 211
 Балеарские о-ва (Балеары) 25, 26, 28, 194
 Банасса 57, 58, 59
 Барбата 60
 Бария 30, 34, 36, 50, 52, 63, 84, 86, 87, 91, 92, 122, 128, 132, 133, 138, 139, 142, 143, 153, 158—160, 164, 184, 192, 221
 Барчена 192

 Бастетания 124
 Белон 81, 82, 190, 191
 Бенкаррон 13
 Берруеко 93
 Бетдагон 136
 Бетика 195, 196, 205, 217
 Бетис 11, 12, 14, 18, 39, 55, 61, 79, 115, 173, 176, 178, 189, 195, 196
 Бет-Шаан 73
 Библи 9, 72, 77, 95, 96, 107, 117, 151
 Ближний Восток 59, 63, 223
 Ботрис 37
 Британия 18, 19, 55, 207
 Брундизий 209, 213
 Брюссель 116

 Вани 110
 Вслес 42, 43
 Венеры мыс 79
 Венеры хребет 79

 Гавань Менесфея 29
 Гадейры 20, 21; см. также Гадес
 Гадес (Гадейры, совр. Кадис) 7, 20—25, 29, 31, 32, 37, 38, 40, 43, 44, 46—48, 50, 51, 53—57, 59—61, 63, 66—68, 70—73, 75—88, 92, 96, 99, 101, 104, 110, 111, 114, 119, 125, 127, 133, 137, 139, 141—145, 147, 148, 152, 154, 156, 161, 165, 168, 172, 177, 180, 181, 182, 184, 191, 193—207, 213—217, 220—223, 225
 Гадрумет 152
 Галера 63, 139, 142, 156, 225
 Галисия 55
 Галлия 18, 19, 26, 28, 29, 53, 188, 192, 193, 196, 207, 208, 213
 Гвинея 58
 Гераклея 14, 15
 Геракловы Столпы 21—23, 29—32, 34, 35, 41, 55, 56, 62, 73, 74, 193, 196
 Герна 12
 Геры о-в 79
 Гибралтарский пролив 9
 Гиппон 8

- Гиспалис 195, 214
 Гранада 98, 225
 Греция (Эллада) 7, 8, 20—22, 26,
 50, 61, 65, 67, 95, 114, 124, 133,
 222
 Дали 109
 Дальняя Испания 76, 181, 185,
 207, 213
 Дельфы 21, 27
 Дегума 190
 Дидима 204
 Диксархия 194, 195
 Диррахий 213
 Дура-Европос 15
 Дурис 18
 Европа 19, 21, 114, 193, 223
 Египет 8, 60, 95, 132, 133, 194
 Ибер 56
 Иберия 20, 22, 25
 Ибилла 30
 Иерихон 122
 Иерусалим 17, 19, 59, 72, 73, 116
 Идалион 114
 Илици 191, 192
 Имильце 190
 Иония 27, 29, 61, 124 }
 Иордан 9
 Ирландия 18, 19
 Исла-Плана 26, 128, 129, 225
 Испания повсеместно
 Италия 50, 65, 76, 184, 194—196,
 211, 212, 217
 Игуци 190, 191
 Иудея 59
 Каллет 190
 Канузий 213
 Капуя 212
 Карамболо (Эль-Карамболо) 14,
 52, 78, 93, 97, 112—115, 122—
 125, 136, 225
 Кара-геше 155, 160, 162, 163
 Карисса 190
 Кария 33, 177
 Кармона 13, 14, 16, 20, 56, 60,
 69, 97, 99, 100, 106, 121, 124,
 131, 133, 190
 Картейя 190, 196
 Карфаген 6, 8, 10, 14, 15, 22,
 24—26, 28, 29, 31, 33, 34, 36—
 38, 43, 44, 46, 47, 52, 55—59,
 61—63, 78, 80—83, 87, 88,
 90—92, 94, 96, 116—118, 122,
 123, 128—133, 140, 149, 155,
 161, 169, 178, 184, 193, 221,
 222
 Касерес 107
 Кастелон 192
 Кастулон 30, 93, 118, 189, 190
 Керкуан 62
 Кесте 190
 Киликия 10
 Кипр 10, 19, 45, 51, 53, 54, 58,
 61, 69, 78, 87, 95, 96, 99, 102,
 108, 109, 114, 116, 120—123,
 128, 151, 193
 Кирена 72
 Китий 8, 69
 Киттим 61
 Клипея 43
 Кольменар 42
 Кордуба 189
 Коринф 61
 Корсика 29
 Коттис 58
 Красное море 10
 Куасс 59
 Куль-Оба 110
 Ланет 75
 Ларнака 116
 Ласкута 16, 190, 191
 Лахис 102
 Левант испанский 34, 93
 Левант средиземноморский 60, 61
 Леон 186
 Лештис Великий 80
 Лесбос 22
 Ливан 73
 Лилибей 62
 Ликс 49, 56—58, 188
 Лос-Ньетос 35
 Лузитания 1173
 Луны о-в 34
 Мавритания 49, 189, 214
 Майнака 12, 18, 28, 32, 34, 35, 40
 Майнобора 12, 30
 Малага (Малака) 24, 28, 40—43,
 48, 60, 81, 83, 84, 96, 126, 137,
 177, 182, 185, 186, 189, 193,
 195, 196, 199, 200, 202—205,
 221, 225
 Малая Азия 80
 Мальта 72, 74, 78
 Мари 99
 Марокко 19, 49, 56, 58, 59, 61,
 62, 188
 Массалия 26, 27—29, 34, 194
 Мастия 11, 30, 35, 46

- Масуб 80
 Мегара 22
 Мегиддо 102, 105, 108, 120, 128
 Мерсинаки 113
 Мидия 22
 Миласса 32, 33
 Микале 32
 Могодор 19, 49, 52, 57—59, 74,
 122, 123, 188, 222
 Молибдена 30
 Монте-Тестаччо 189, 195
 Монфорте 138
 Морро-де-Мескитилья 48, 64, 86,
 88, 89, 225
 Мотия 87, 88, 90, 92, 122
 Мутина 212

 Наксос 72
 Неаполь 211
 Нимруд 97, 102, 103, 105
 Ниневия 10
 Новый Карфаген 35, 38, 40—42,
 46, 47, 49, 82—84, 183, 192, 205
 Нора 11, 44, 152, 154, 164
 Норба 214
 Ньебла 115
 Нью-Йорк 115, 116

 Обулкон 189
 Одиель 41, 55
 Олимпия 61
 Олонт 190
 Ольба 86
 Оран 57
 Остия 195, 196
 Осуна 100, 106
 Офир 36

 Палестина 8, 19, 45, 54, 80, 92,
 95, 98, 122, 136
 Пирги 78
 Пиренейский п-ов повсеместно
 Питиусса 25, 27, 48, 50, 52, 53,
 62, 80, 82, 128, 133, 137—140,
 142, 163, 168, 169, 193, 222, 226
 Помпеи 196
 Португалия 56, 108
 Пренесте 120
 Пуиг-д'эс-Молинс 39, 62, 86, 91,
 110, 128—133, 186
 Пуэрто-Худьо 13, 16

 Рахгун 57, 87, 88, 123, 222
 Рим 7, 43, 177—179, 181, 182,
 186—189, 194—198, 202, 205,
 207—210, 212, 213, 215, 216,
 219

 Рио-Тинто 41, 54, 55
 Родос 61

 Са-Идда 18
 Саламанка 93
 Саламин 32
 Салация 191, 193
 Самария 45, 53, 92, 108, 127
 Самос 105, 106
 Сант-Яго-де-ла-Эспада 190
 Сардиния 11, 18, 20, 129, 194
 Сарепта 44, 45, 83, 95, 96
 Сатурна мыс 82
 Сахара 214
 Северное Причерноморье 110, 132
 Севилья 78, 108, 112, 225
 Секси (Сикс) 21, 24, 25, 28, 30,
 63, 77, 79, 81, 82, 86, 87, 89,
 92, 96, 182, 185, 186, 190, 191,
 195, 196, 199, 201, 202, 205
 Серро-дель-Аларкон 42
 Серро-де-лос-Сантос 110
 Серро-дель-Пеньон 42
 Серро-де-Тортуга 42
 Серро-Доблас 42
 Серро-Саломон 13, 54, 63, 64
 Сетефиля 111
 Сидон 8, 9, 22, 72, 79, 86, 95, 96,
 105, 117, 156, 196
 Сикион 61
 Синес 108, 111, 225
 Сиракузы 14, 15
 Сирия 8, 53, 60, 80, 95, 97, 120,
 133, 196
 Сирт 36
 Сицилия 8, 20, 31, 50, 51, 60, 61,
 78, 90, 129, 210
 Скомбария 49
 Солунт 99
 Средиземное море 9, 10, 18, 19,
 23, 74, 191
 Сукрон 206
 Сьерра-Картахена (Картахена)
 35

 Таг 18, 191, 193
 Талаван 191
 Тамуза 188
 Тарракон 189
 Таррос 120
 Тарс 10
 Тартесс 5, 6, 9—12, 15—20, 25, 26,
 29—32, 42, 48, 53—56, 59, 62,
 67, 95, 96, 110, 191, 222
 Тартессиды 9, 13—15, 17—20, 26,
 28, 30, 32, 35, 36, 54, 55, 63,
 94, 124, 137, 177, 191, 193

- Таршиш 9—12, 17, 20, 25, 36,
37, 54, 59, 60, 64
Тахо-Монтеро 190
Теодор 12
Тингис 57, 59
Тир 8, 9, 19, 20, 22, 23, 26, 36,
37, 41, 42, 47, 50, 59—62, 64,
69, 72, 76—80, 84, 94—96, 105,
222
Тойя 16
Толет 191
Тосканос 24, 41—45, 48, 49, 53,
61—64, 86, 88, 89, 121, 124,
135, 137, 138, 140, 142, 143,
159, 164, 168
Троя 23
Тунис 120
Турдетания 13, 16—18, 36, 189,
195, 202
Турия 206
Турта 12
Тутуги 16, 93, 98
- Угарит 8, 66, 73, 75, 76, 85, 95,
104, 107
Ульястрет 192
Умм-эль-Авамид 80
Урсон 190, 199
Утика 22, 37, 41, 56, 61, 129
Уэльва 18, 21, 24, 55, 101, 124
- Феццан 214
Финикия 6, 8, 10, 19, 22, 23, 37,
45, 50, 51, 54, 58, 60, 61, 64,
65, 80, 87, 95—97, 116, 120, 127,
133, 140, 196, 221
Фокея 26, 29
- Хавеа 110
Хассан-Бейли 152
- Хеттская держава 8
- Цимбии 178
Чертомлык 110
Чиклана 204
Чоррерас 65
- Шумер 132
Шотландия 18
- Эбес 25, 26, 28, 38, 48—50, 60, 62,
81—85, 87, 91, 128, 130—134,
164, 184—187, 190, 193, 195—
197, 199, 200, 202, 205
Эвора 14, 111, 124
Эгейда 8, 19, 108
Элибирга 29
Элиша 61
Эльдорадо 11
Эль-Макалон 13
Эль-Хофра 141, 150, 159
Эмерита 116, 189
Эмпорик 57
Эмпорион 13, 40, 53, 56, 192
Энкоми 109
Эрифия 11, 67, 79; см. также Аф-
родисий, Юнония
Эс-Куйрам 82, 128—130, 138,
139, 146, 150, 162, 168, 173
Эстримнида 19, 55
Эта 67
Этрурия 58, 114, 118—120, 124,
222
Эфиопия 188
- Юнония 79; см. также Афродисий,
Эрифия
Юноны мыс 79
Юноны холм 87
- Яффа 10, 59

Chapter I is devoted to the Phoenician colonisation of Spain. The first Phoenician colony in Spain — Gades — was founded by the Tyrians in the 12th century B. C. and the ancient tradition dating back to the time of its appearance should be considered authentic. Later, other Phoenician towns came into being. In the middle of the 7th century B. C. the Carthaginian colony of Ebes was organised on the island of Pitiuss. In the first half of the 1st millennium B. C. the state of Tartessus existed in Southern Spain (biblical Tarshish). The Phoenicians entered into various relations with the state, including military conflicts. The Greeks that appeared in Spain also warred against the Phoenicians. At the turn of the 5th century B. C. the Carthaginians established their control over Tyrian towns, blocked the strait at the Pillars of Hercules and seized South-West Spain. By the mid-4th century B. C. they also occupied South-East Spain. During the Libyan War the Spaniards threw off the yoke of the Carthaginians, but Hamilkar restored their domination. He and his successors enlarged the territory of the Carthaginian power in Spain. By the end of the 3rd century B. C. the Carthaginians were driven off from Spain by the Romans.

Chapter II describes day-to-day life and economic activities. The Phoenician settlements in Spain were situated in such places where it was possible to protect the population and also organise fishing and trade with local inhabitants. Some of these settlements were fortified and had fortresses outside city walls. Building technique was mainly the same as in the metropolitan country but raw bricks were extensively used, which can be regarded as a local influence. Spanish Phoenicians were engaged in crafts, fishing and trade. It should be noted, however, that there was agriculture, too, at least prior to the Carthaginian invasion. It is possible that the predominance of mediation in trade in the Spanish-Phoenician towns was one of the causes of the late appearance of currency here. Phoenician crafts and architecture influenced the local ones, while Spanish influence could be seen in the use of raw bricks.

Chapter III is devoted to religion. An examination of the cults of Melqarth and other gods shows that there were no sharp distinctions in the religious concepts of the Spanish Phoenicians and their countrymen in the East. The mode of inhumation was an exception, for in Spain cremation was wide spread for quite a long time. But due to the worsening of the country's international posi-

tion «nationalist» reaction could be observed, which was expressed, among other things, in the return to the traditional inhumation. However, there were differences in the religious thought of the Tyrian and Carthaginian settlers. The former were connected with Eastern Mediterranean, the latter — with their metropolitan country. Spanish-Phoenician religion and mythology influenced the thoughts and concepts of the local population.

Chapter IV tells about art and artistic crafts. So far there have not been any generally recognised criteria for isolating Tartessian art proper. Therefore works of art of Phoenicians and Tartessians are examined together. In Spain, Spanish-Punic and Spanish-Phoenician trends should be distinguished. Strictness and severity are typical for the former, while the latter was a component part of the Phoenician world of art but was distinguished by conservatism, intensive decorativeness and brightness, although later it became stricter.

The written language of Spanish Phoenicians described in Chapter V, does not differ, with few exceptions, from Phoenician. A small number in inscriptions does not allow to make a sharp distinction between the written language of Tyrian settlers and the one of Carthaginian settlers, but the first language was, probably, more archaic. The Tartessian written language, and possibly the Iberian, appeared under the influence of the Spanish-Phoenician written language.

Chapter VI tells about Phoenician civilisation in Spain. After the Roman conquest the Carthaginian towns on the peninsula either ceased to exist or lost their Carthaginian appearance, except insular Ebes. Tyrian towns, which became «federal communities» retained their Phoenician character. At first, their influence on the local population became even stronger but soon it was replaced by Roman influence. The romanisation of Phoenician towns began, encompassing economy, social relations, political and administrative position and culture. In the latter half of the 1st century A. D. these towns became ordinary Roman provincial settlements.

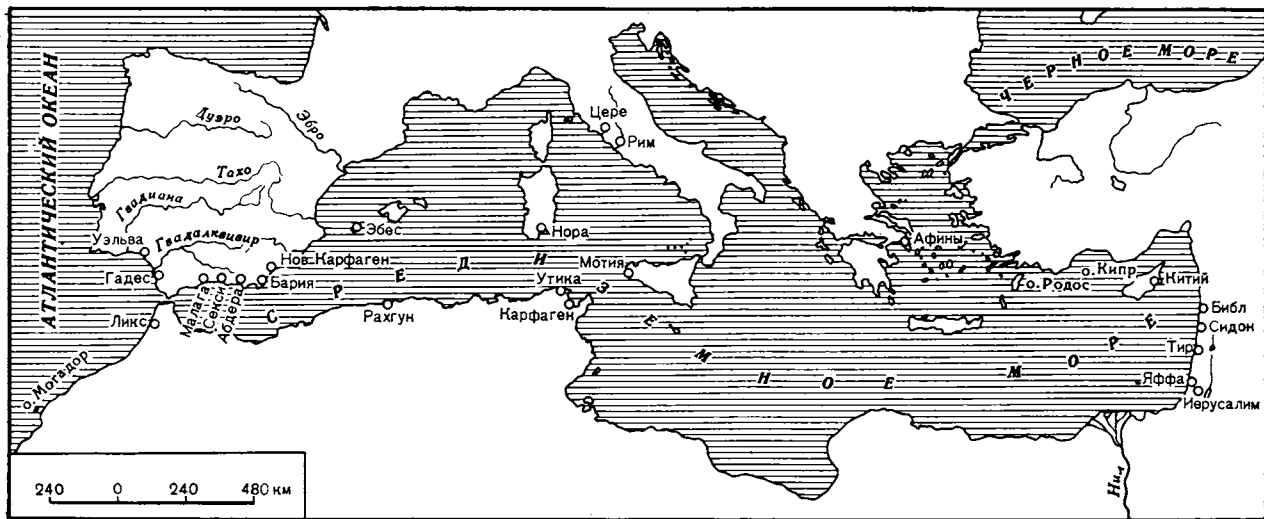
Chapter VII describes the famous Gaditans and cites biographies of the Balbs, Columella, Moderat and Sabina.

The work concludes with a summary of the investigation results.

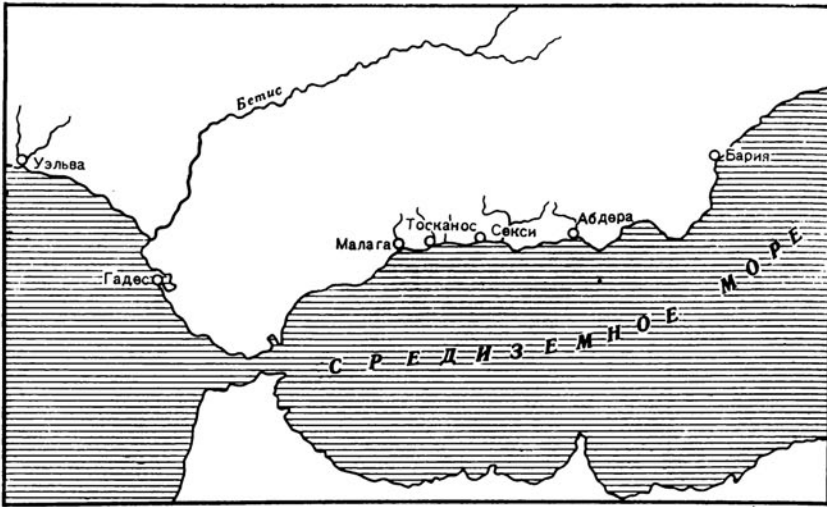
КАРТЫ И ИЛЛЮСТРАЦИИ

1

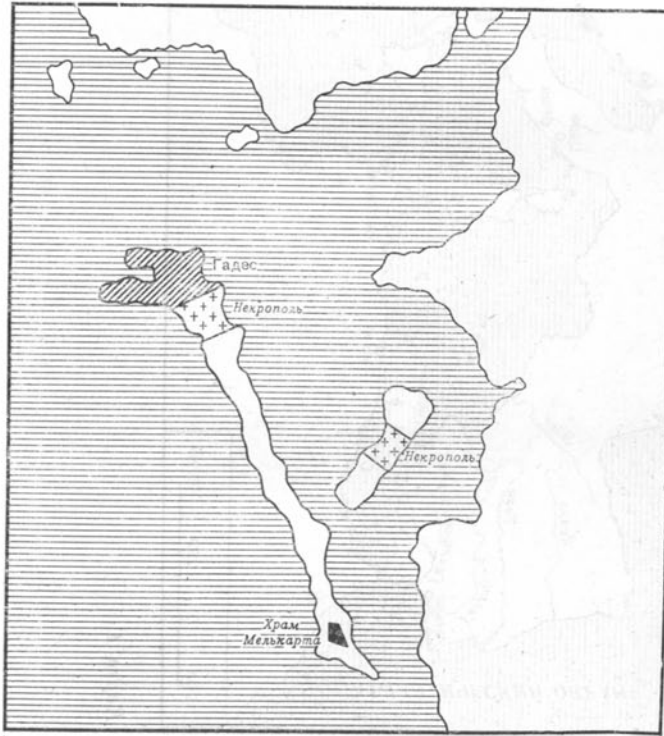

Карта 1

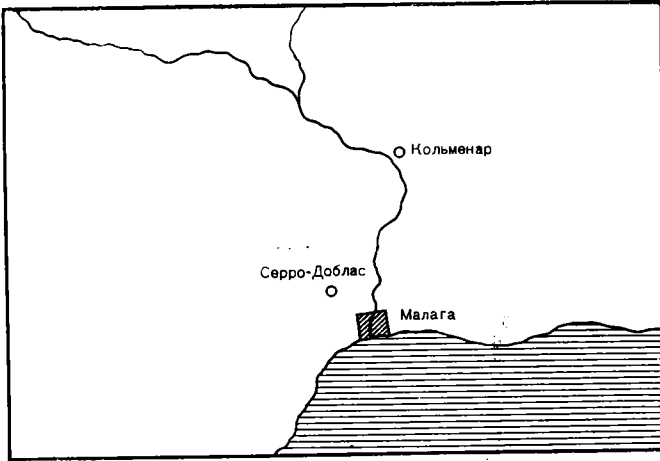

Карта 2

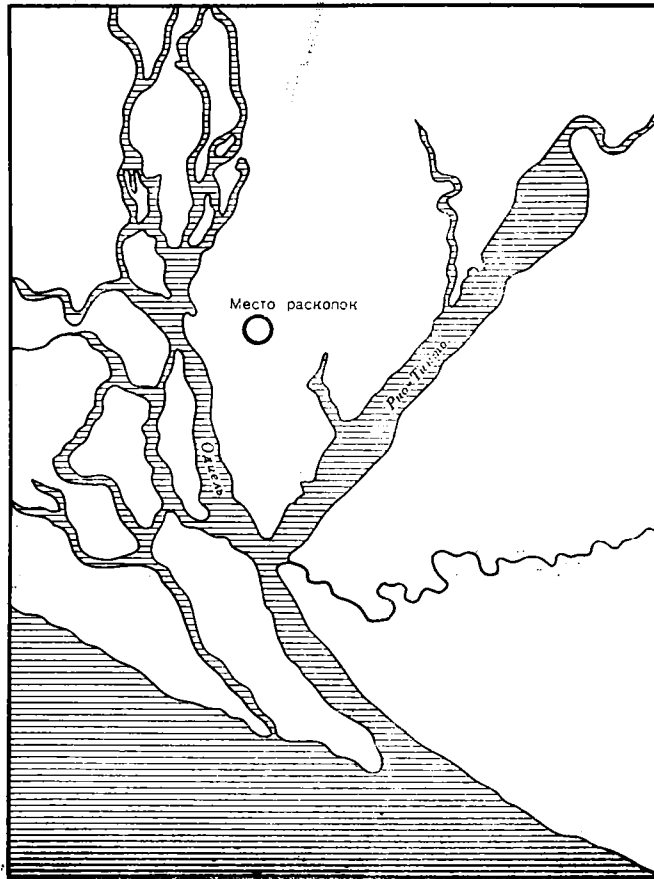

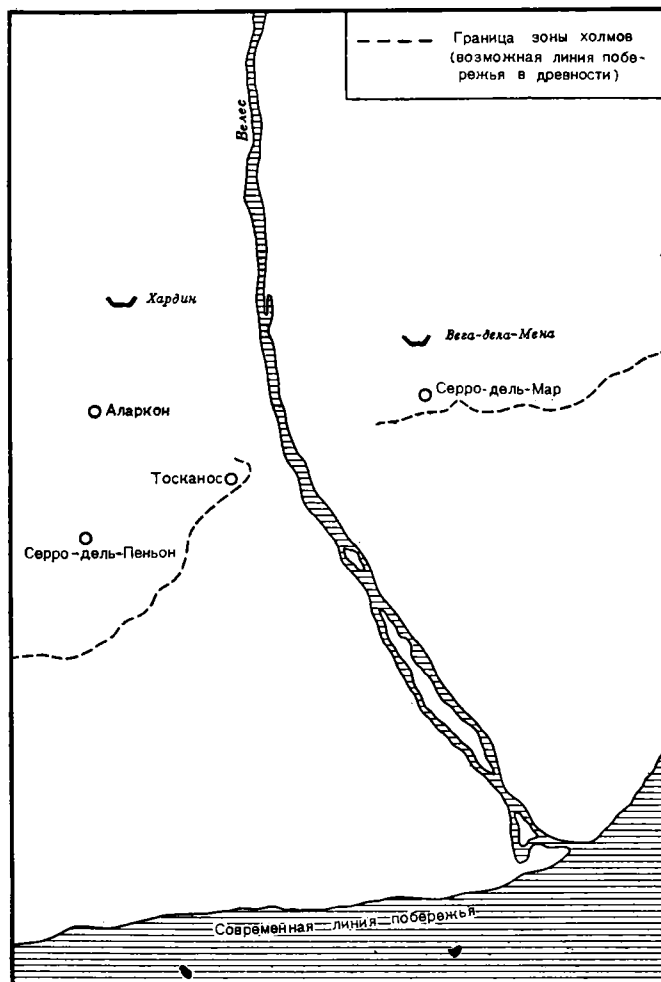
Карта 3

Карта 4

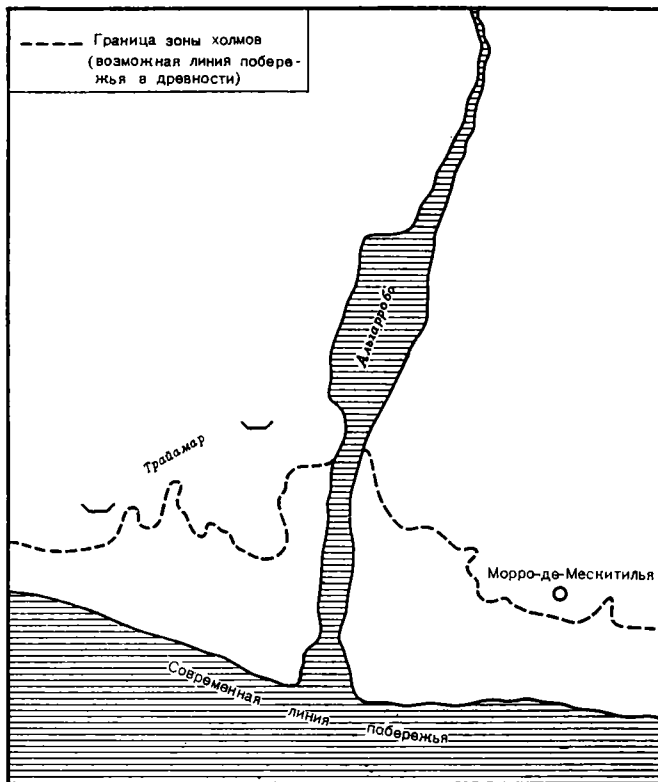

Карта 5

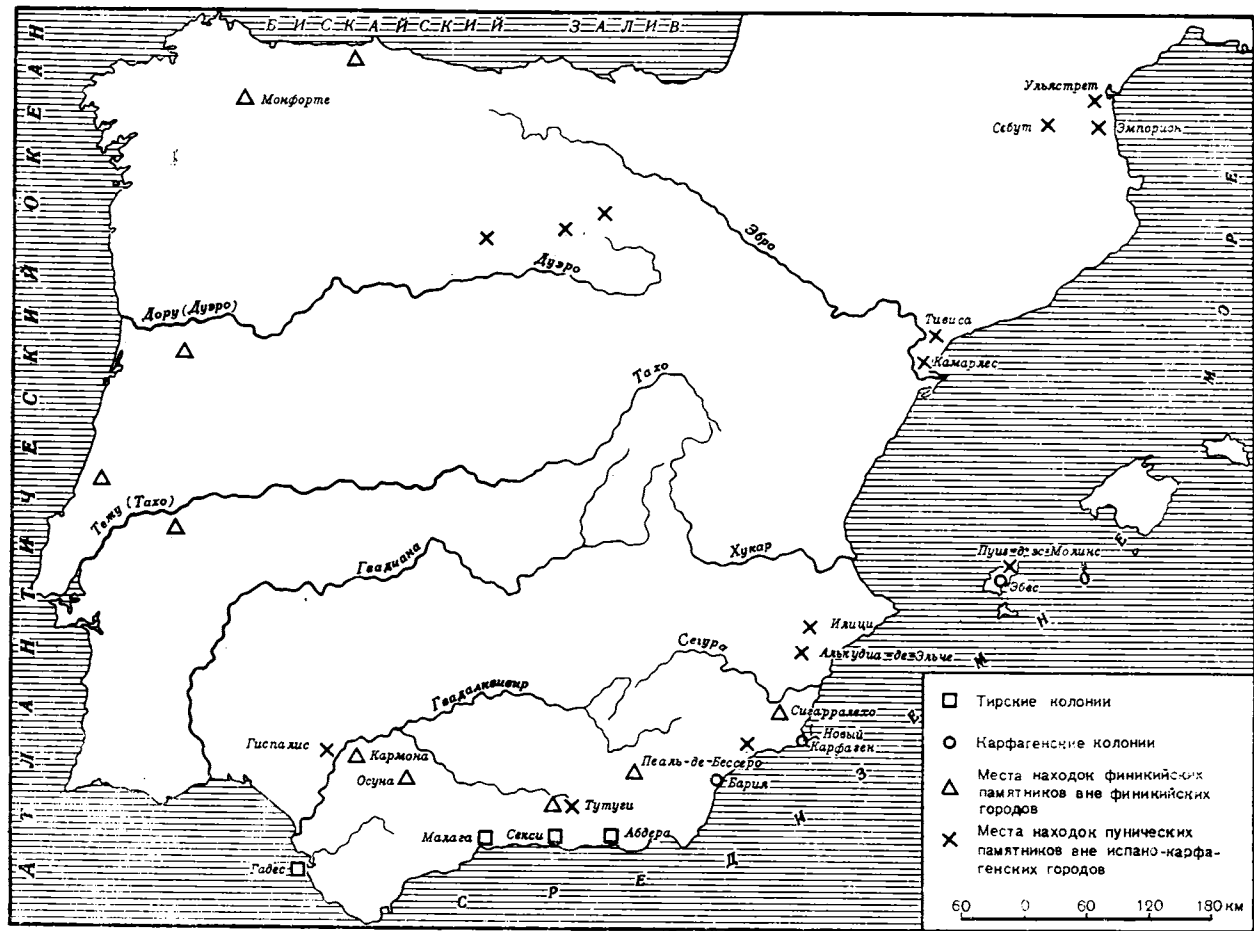

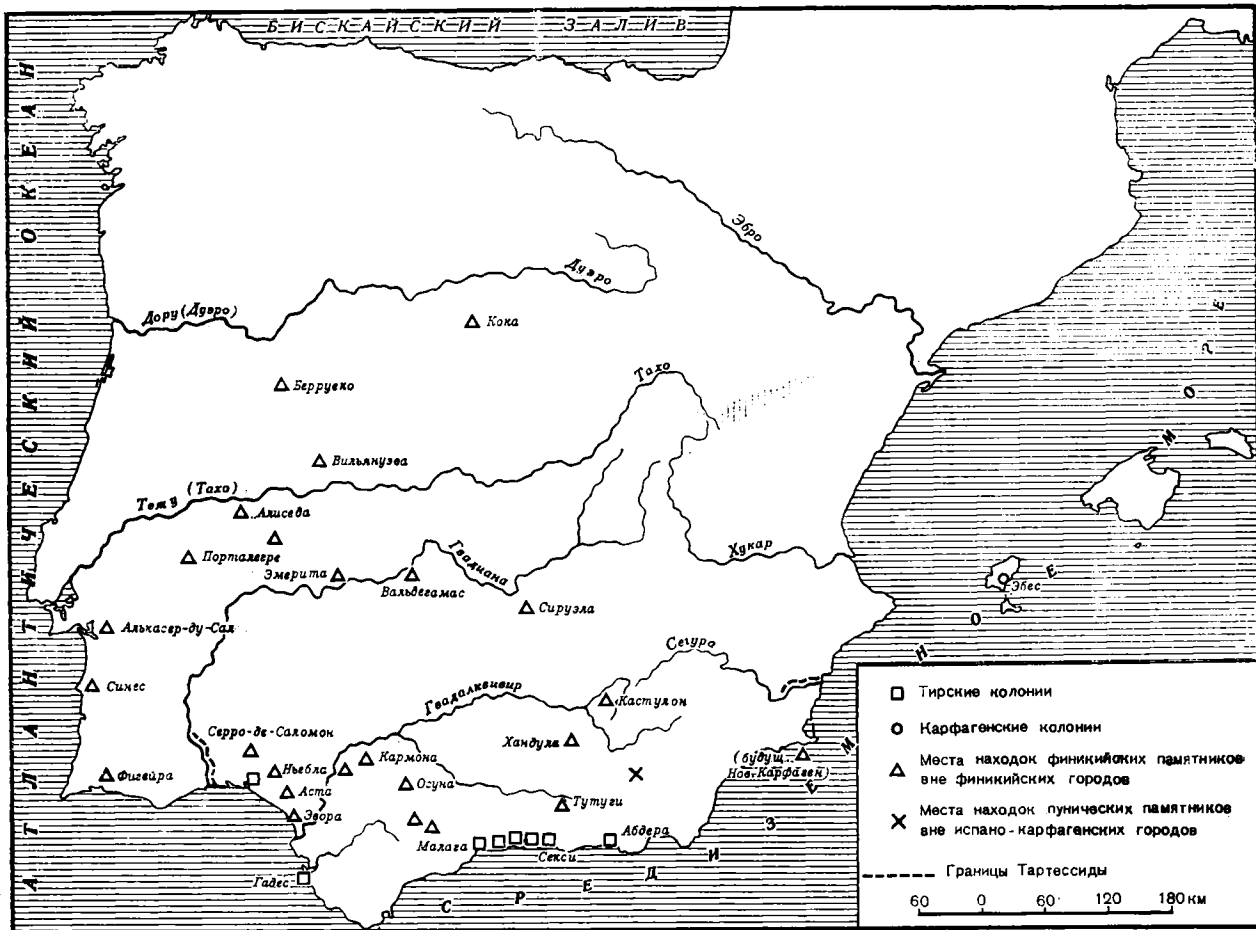
Карта 6

Карта 7

Карта 9

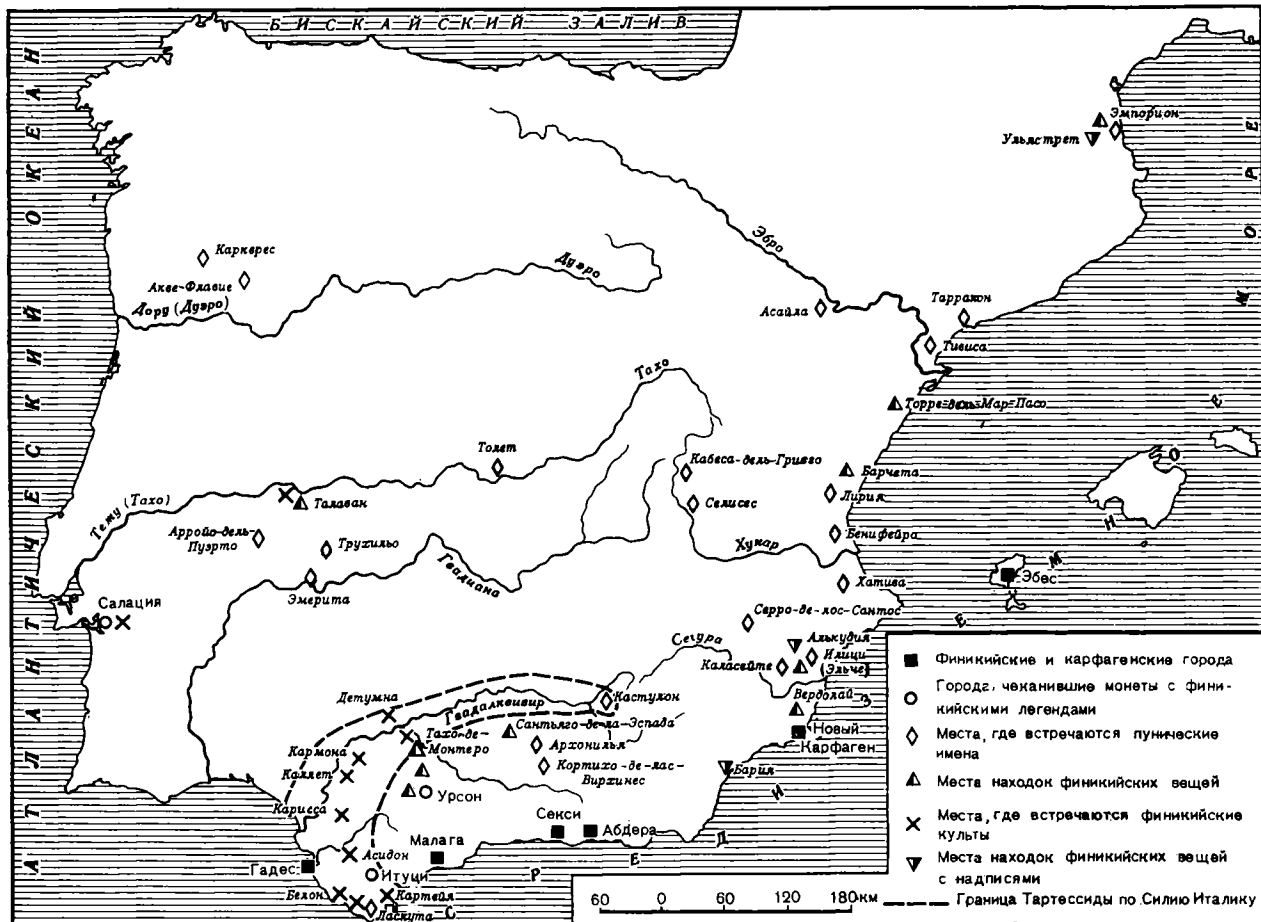

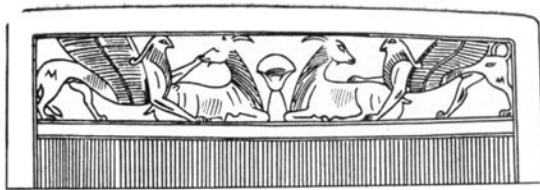
Рис. 1

Рис. 2

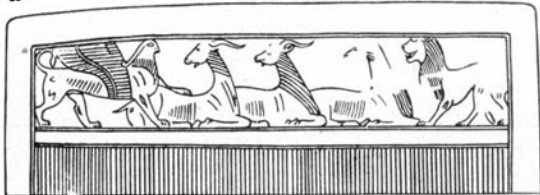

Рис. 3

Puc. 4a

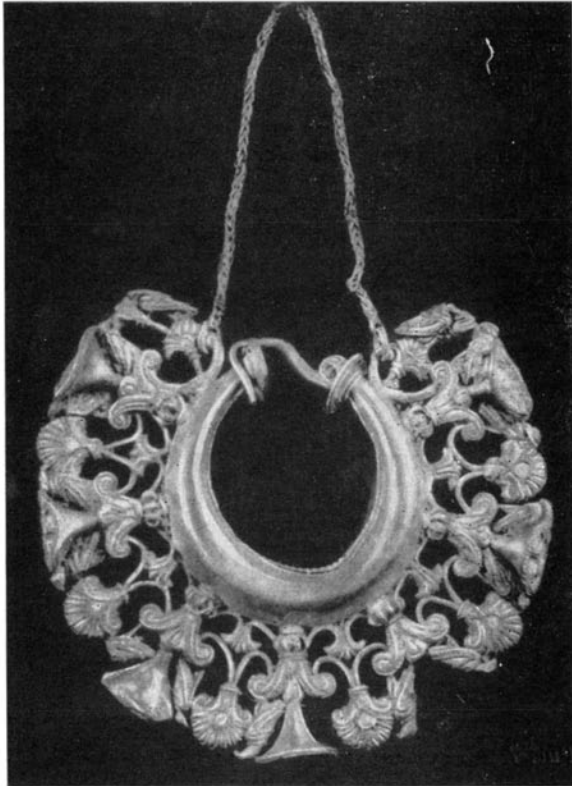
a

Puc. 4b

b

Puc. 5

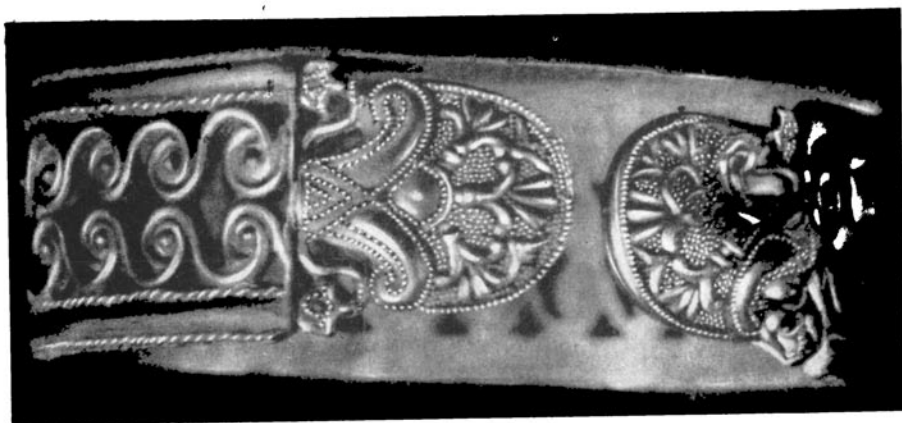

Рис. 6

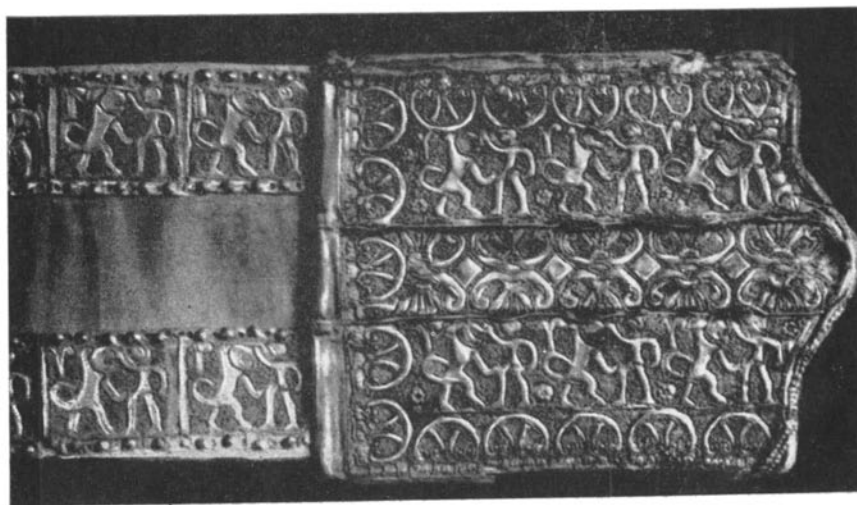

Рис. 7

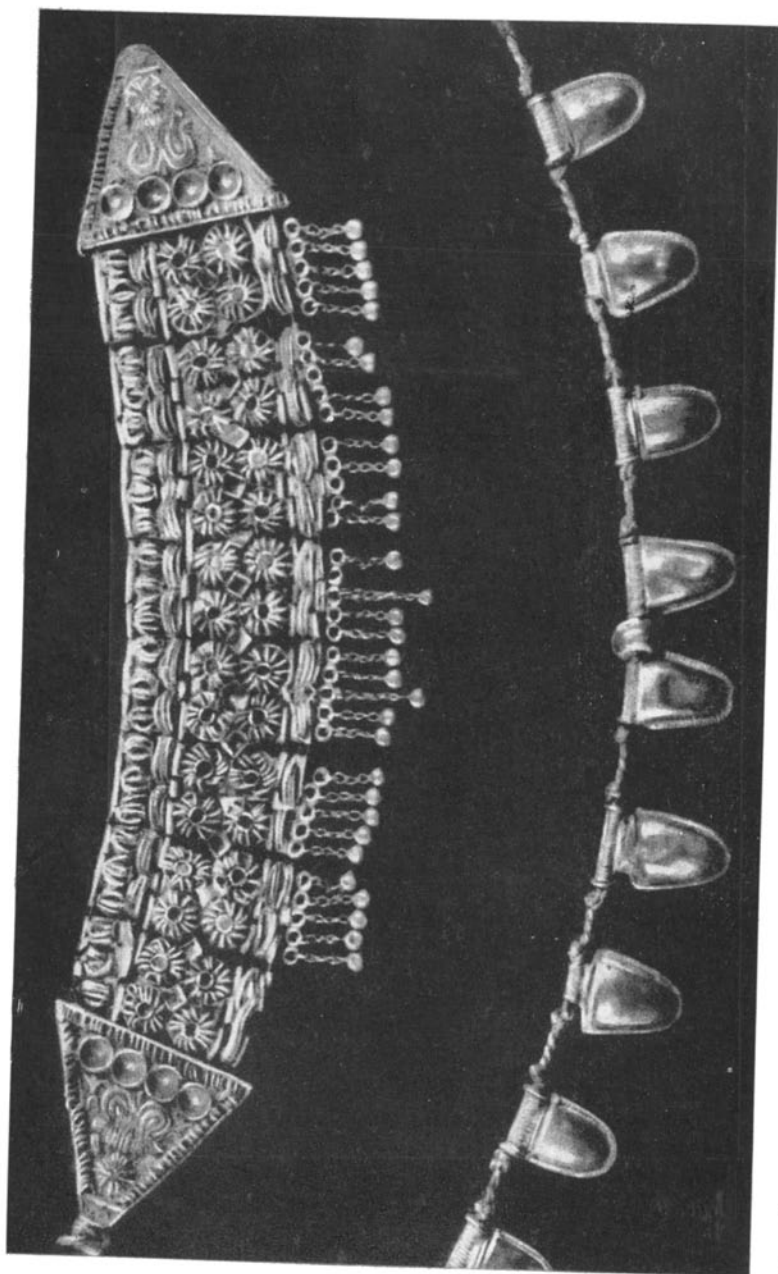

Рис. 8

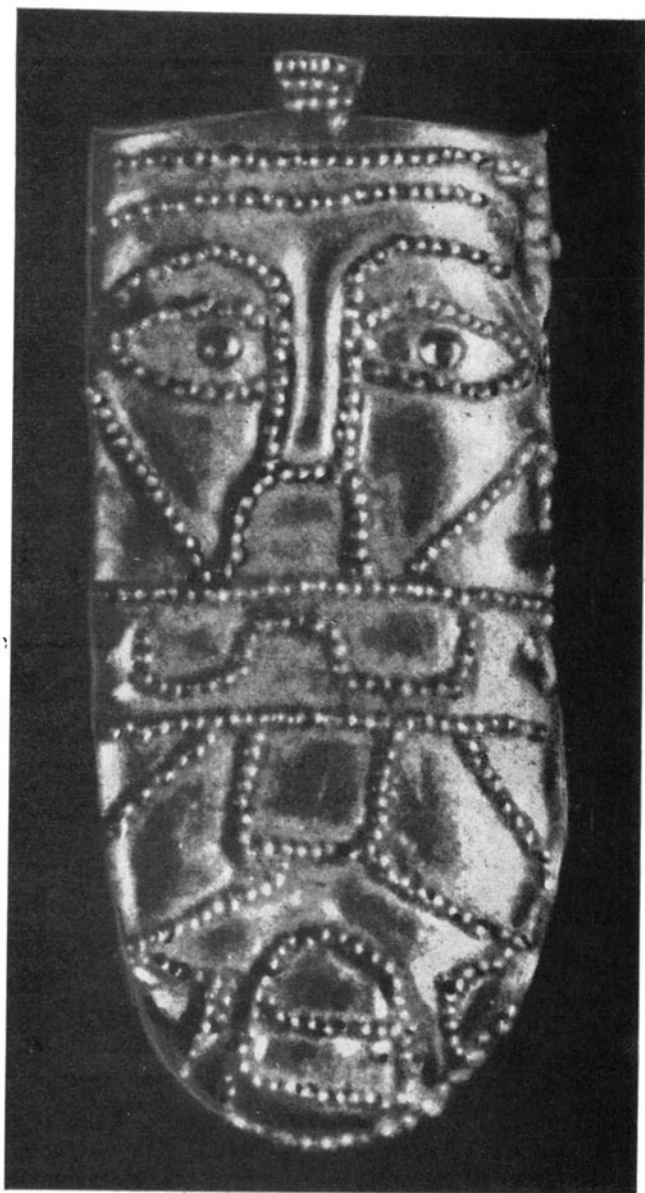
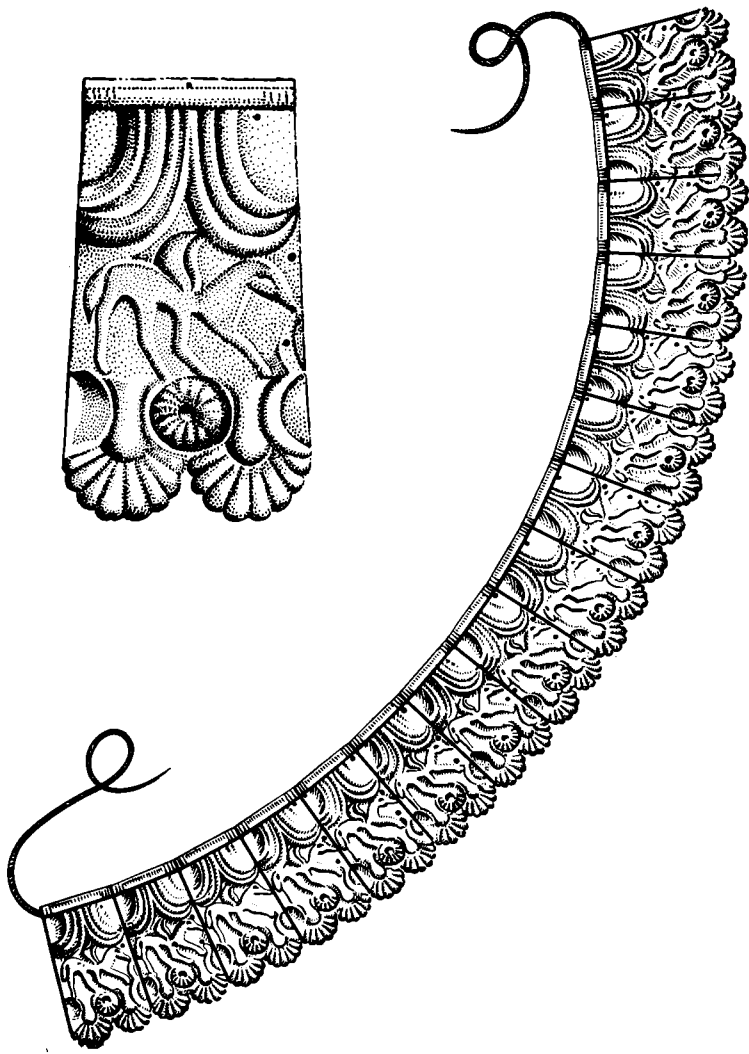
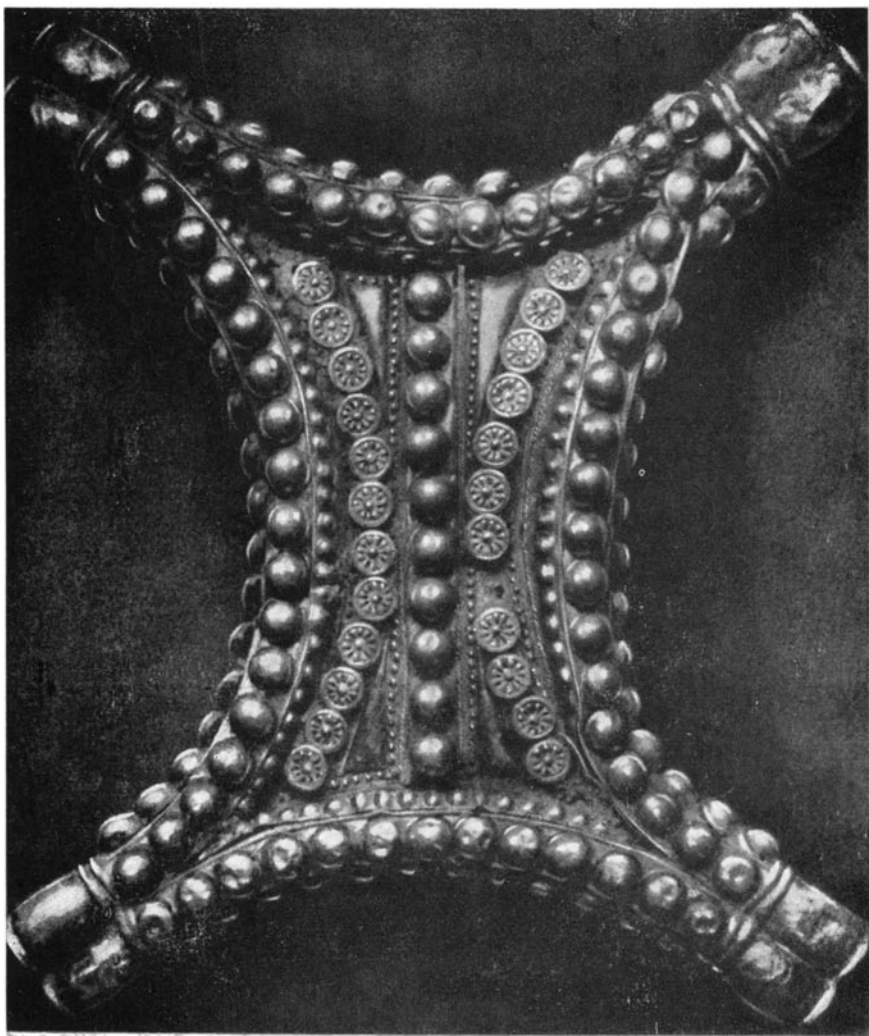

Рис. 9

Puc. 16

Рис. 11

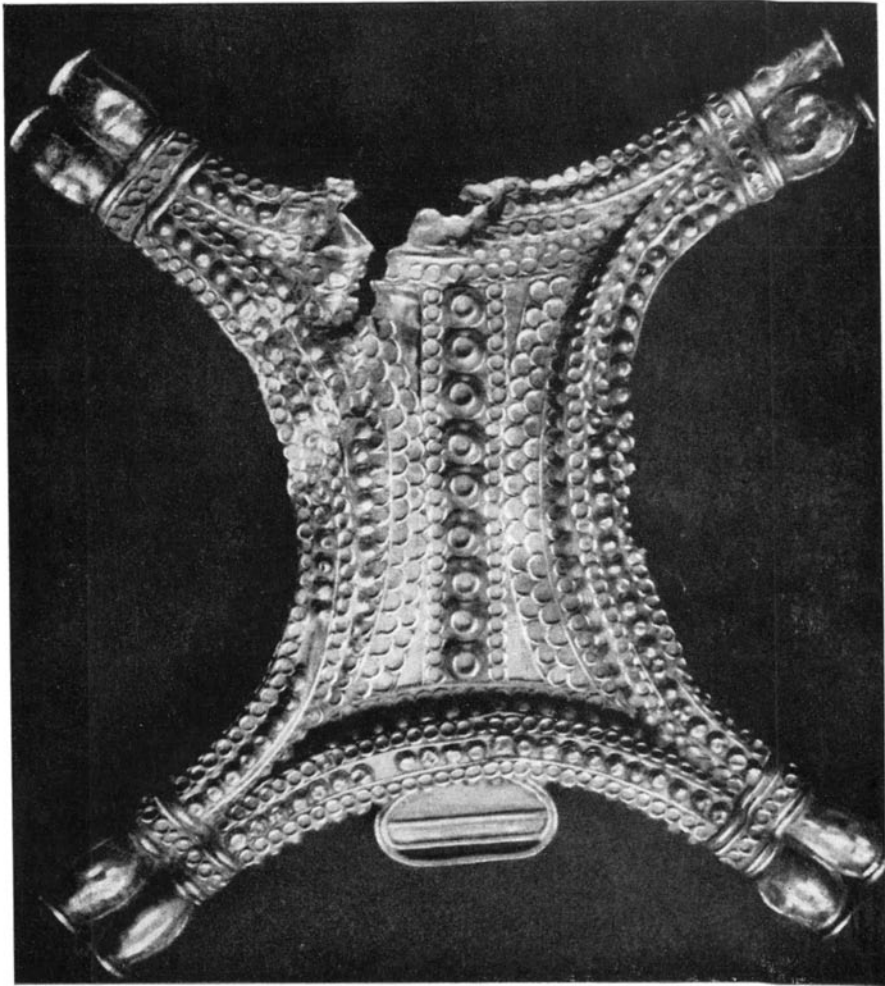

Рис. 12

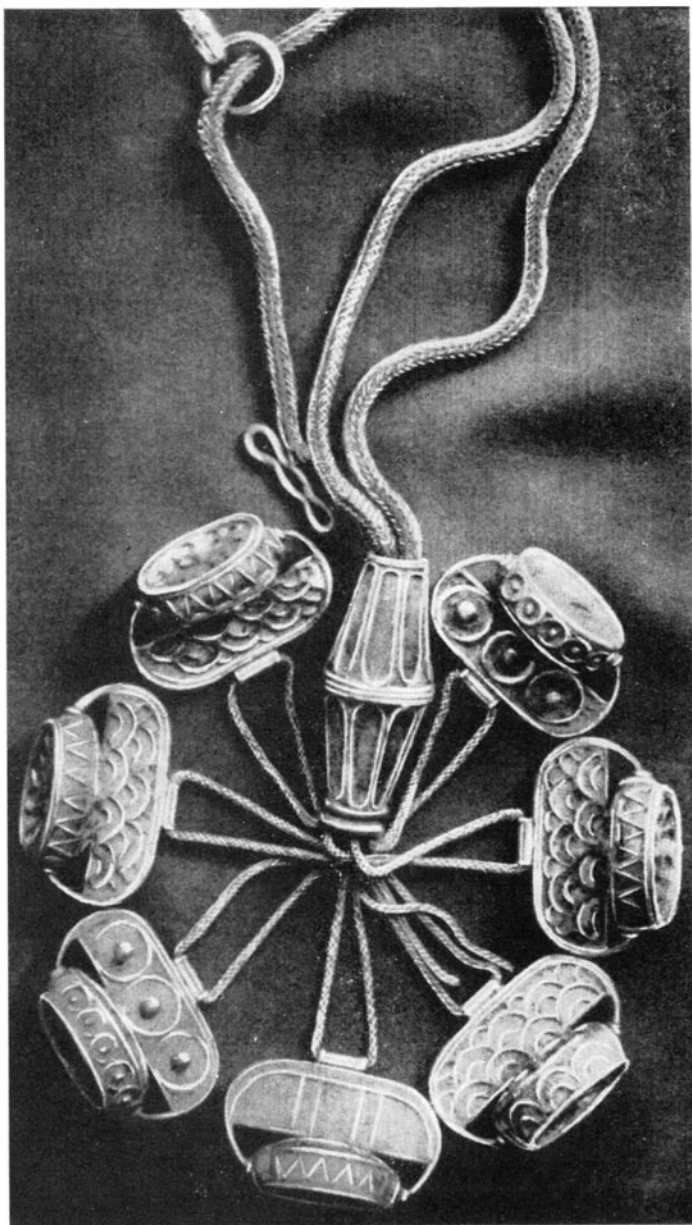

Рис. 13

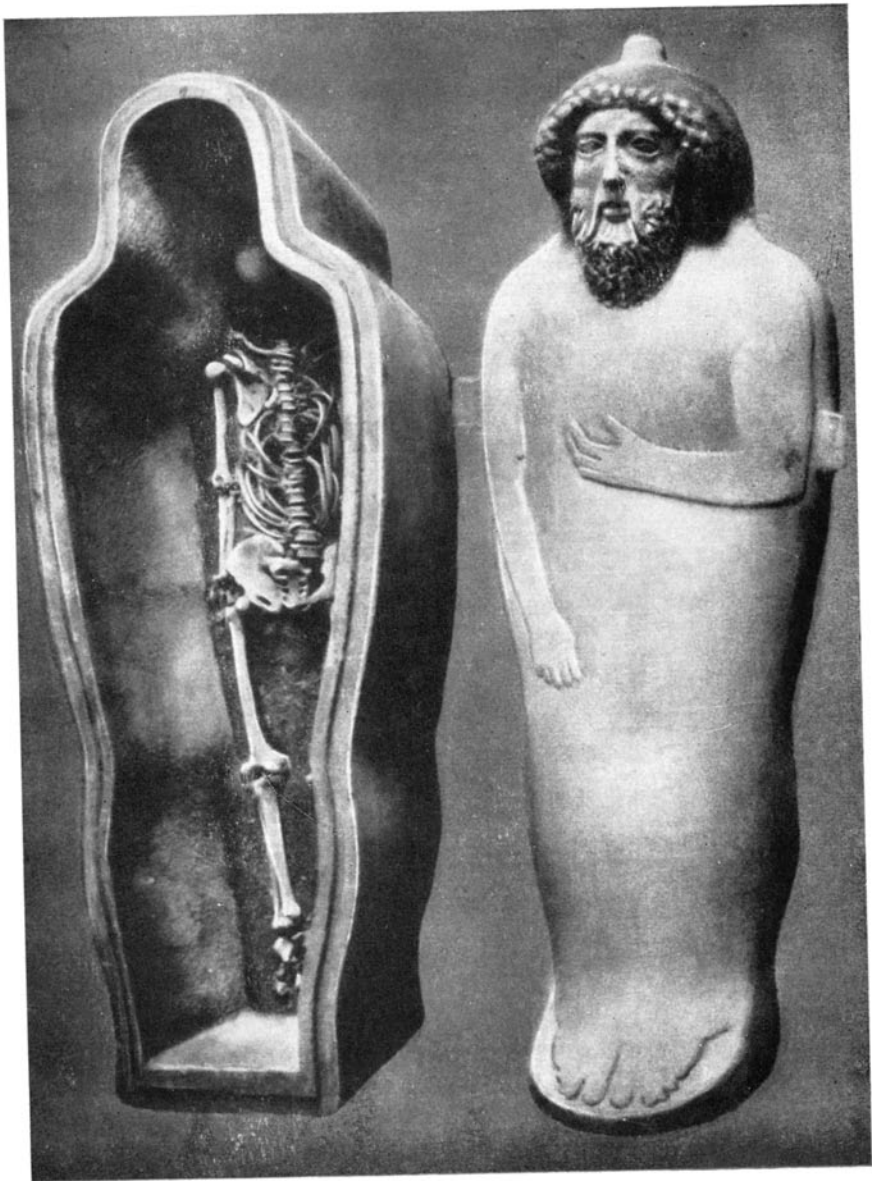
Puc. 15

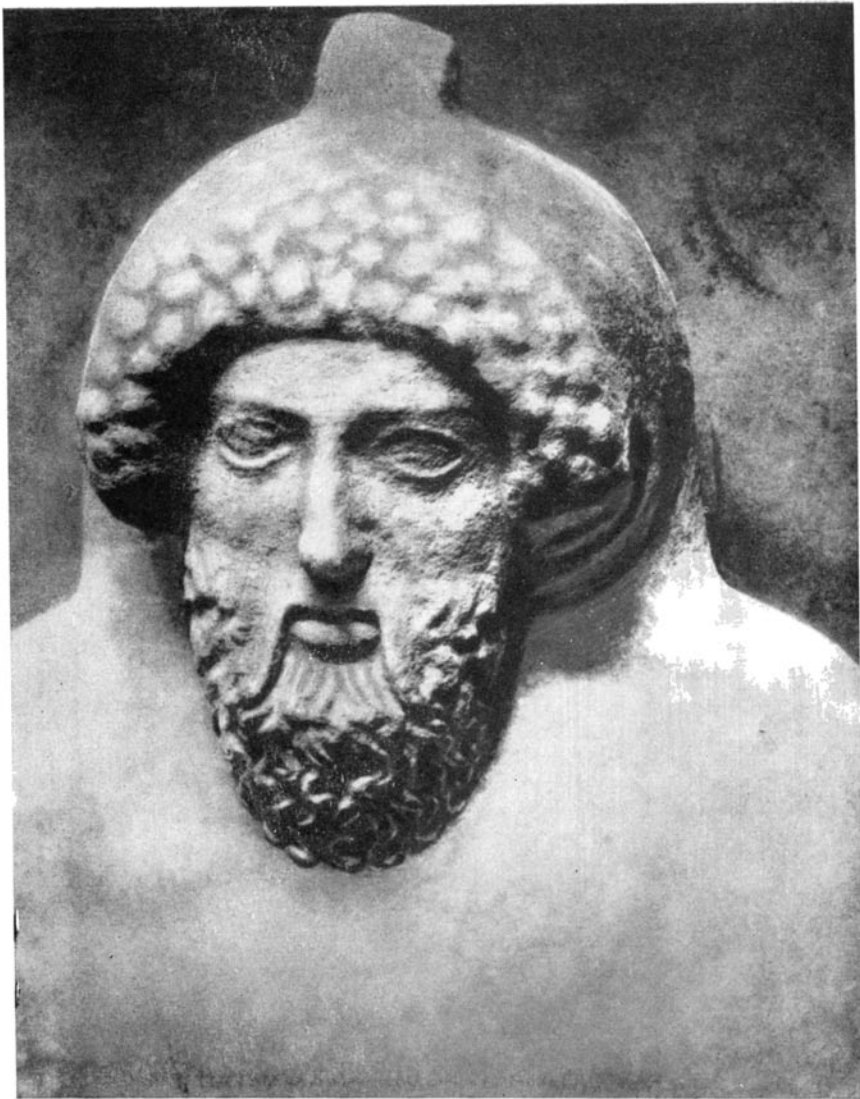
Puc. 14

Puc. 16

Puc. 17

Puc. 18

Puc. 19

Puc. 20

Puc. 21

Puc. 22

Puc. 23

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Финикийская колонизация в Испании	8
Глава II. Повседневная и хозяйственная жизнь	39
Глава III. Религия	66
Глава IV. Искусство и художественное ремесло	95
Глава V. Письменность	135
Глава VI. Финикийская цивилизация в Римской Испании	178
Глава VII. Знаменитые гадитане	206
Заключение	221
Список сокращений	224
Список использованной литературы	227
Список карт и иллюстраций	239
Указатель географических названий	241
Summary	245
Карты и иллюстрации	247

Юлий Беркович Циркин

ФИНИКИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ИСПАНИИ

Утверждено к печати Редакцией серии «Культура народов Востока»

Редактор Т. М. Швецова. Младший редактор Р. Г. Стороженко
Художник Э. Л. Эрман. Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор Э. С. Теплякова. Корректор Г. А. Дейгина

Сдано в набор 25.V 1976 г. Подписано к печати 28.X 1976 г. А-15101.
Формат 60×84/16 Бум. № 1. Печ. л. 16+1 п. л. на мел. бум. Усл. печ. л. 15,81.
Уч.-изд. л. 17,11. Тираж 4000 экз. Изд. № 3589. Зак. № 704. Цена 95 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

2-я типография издательства «Наука», Москва Г-99, Шубинский пер., 10

